

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

Adolf HITLER

1

Джон ТОЛАНД

John TOLAND

ПУЛИТЦЕРОВСКАЯ ПРЕМИЯ

In 8 Monaten

2¼ Millionen Volksgenossen in Arbeit u. Brot gebracht!

Den Klassenkampf und seine Parteien beseitigt!
Den Bolschewismus zerschlagen!
Die Kleinstaaterei überwunden!

Ein Reich der Ordnung und Sauberkeit aufgebaut!

Ein Volk –
Ein Reich –
Ein Führer!

Das sind die Leistungen der Regierung Hitler!

Hitler will
Gleichberechtigung und einen Frieden der Ehre!

Deutschlands Ehre ist Deine Ehre!
Deutschlands Schicksal ist auch Dein Schicksal!

Stim̄e mit Ja!

Wähle zum Reichstag
Adolf Hitler
und seine Getreuen!

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

Adolf HITLER

1

Джон ТОЛАНД

John TOLAND

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

ПОЧЕМУ МЫ РЕШИЛИ ИЗДАТЬ ЭТУ КНИГУ

Имя, обозначенное на обложке, слишком хорошо знакомо каждому из нас, чтобы по нему можно было скользнуть равнодушным взглядом. Оно стало проклятием для миллионов людей, которым довелось пережить самую кровавую войну двадцатого столетия, и приобрело устойчиво зловещий смысл в сознании тех, кому посчастливилось родиться после нее.

Войны не становятся достоянием истории, пока жива память об их жертвах. А сегодня живы еще многие участники и очевидцы тех событий полувековой давности, на которых черной тенью лежит имя Адольфа Гитлера. И для людей этого поколения фигура нацистского диктатора навсегда останется самой ненавистной в бесконечном ряду тиранов, воздвигнувших себе памятники из человеческих черепов. Навуходоносор, Нерон и Чингисхан, возможно, превосходили своей жестокостью этого вегетарианца и трезвенника, который рыдал у постели умирающей матери и проявлял трогательную любовь к животным. Но жертвы тиранов древности, как и они сами, стали для нас некоей

исторической абстракцией, чего никак не скажешь о Гитлере и тех, кто от него пострадал.

Именно это мешает нам понять бесстрастный объективизм американца Джона Толанда, составившего, пожалуй, самое полное и подробное жизнеописание нацистского диктатора. Вряд ли такой труд взял бы на себя кто-нибудь из наших соотечественников: ему было бы труднее проявить объективность по отношению к личности, которую мы привыкли воспринимать либо как патологического маньяка, либо как персонаж Чаплина и Кукрыниксов. И когда Джон Толанд приводит факты, которые не укладываются в наши привычные представления о Гитлере, начинает казаться, что автор книги симпатизирует своему герою, очеловечивая его эпизодами душевных терзаний юного Адольфа и пикантными подробностями интимной жизни фюрера.

На самом деле Джон Толанд пристрастен не более, чем патологоанатом, чья работа чужда таких понятий, как любовь и ненависть. Надо произвести вскрытие — и он делает это без каких-либо эмоций, попросту неуместных в подобных обстоятельствах. Объективизм в особой чести у американцев, и книга Джона Толанда, воссоздающая многомерный портрет нацистского диктатора, сразу после выхода стала бестселлером.

Впрочем, объективизм автора этой книги порою весьма своеобразен. Описание одного из крупнейших сражений второй мировой войны — битвы на Курской дуге—занимает у Джона Толанда гораздо меньше места, чем пространно изложенные обстоятельства покушения на Гитлера или эпизоды личной жизни фюрера. Читателя, привычно считающего, что главные события войны, неспроста называемой у нас Великой Отечественной, развертывались на советско-германском фронте, может удивить явно преувеличенное внимание автора этой книги к операциям союзных войск в Арденнах или в Северной Африке. С другой стороны, многое ли нам известно о ходе боевых действий на так называемых периферийных — разумеется, с на-

шей точки зрения,— участках войны? «Пристрастный» взгляд американца Джона Толанда на некоторые ее эпизоды поможет многим из нас устранить пробелы в понимании того, что же на самом деле происходило полвека назад на огромном пространстве от берегов Атлантики до Тихого океана и какой отпечаток на все эти события наложила личность нацистского диктатора.

Почему мы решили издать книгу Джона Толанда в переводе на русский язык? Этот вопрос неминуемо возникнет у многих читателей, для которых Адольф Гитлер был и остается одиозной фигурой, недостойной общественного внимания. Но нас интересует, может быть, не столько сама эта личность (хотя мы видим здесь Гитлера в довольно неожиданных ракурсах, и это по-своему интересно), сколько обстоятельства, сделавшие бывшего ефрейтора вождем нации.

Особенно полезно прочесть эту книгу тем, кто считает, что фашизм, как у нас до сих пор привычно называют гитлеровский режим, путая его с итальянским «собратом»,— сорняк, способный произрастать исключительно на чужой почве. То и дело проводя параллели между Гитлером и Сталиным, автор книги дает читателю понять, что фигуры двух диктаторов «не столь различны меж собой», как это хотелось представить им самим. Да и мы, сопоставляя происходившее в собственном Отечестве и в Германии задолго до начала войны, обнаруживаем пугающее сходство методов, с помощью которых оба вождя железной рукой пытались привести свои народы в «светлое завтра». Те же концлагеря для инакомыслящих, та же ложь в газетах, страсть к парадам, гигантомания в планах и статуях...

Мы должны наконец усвоить урок истории, который гласит: насилием не создать нового мира — оно постоянно рождает то же зло, ради уничтожения которого было применено. Это напоминание особенно ко времени сегодня, когда народ, уставший от столь же бесконечных, сколь и бесплодных реформ, испытывающий чувство национального унижения после того,

что произошло в последние годы, кажется, снова затосковал по «сильной руке».

Говорят, история повторяется. Почти точно такое же стечение обстоятельств когда-то привело к власти Гитлера, избранного канцлером Германии вполне законным путем. В глазах многих своих соотечественников нацистский фюрер вовсе не был той зловещей фигурой, какой мир увидел его позже. Немцы считали Гитлера спасителем нации, униженной поражением в первой мировой войне и «позорным» Версальским договором, который разоружил Германию и заставил ее возместить своим бывшим противникам причиненный ущерб. Джон Толанд утверждает: «Если бы Гитлер умер в 1937 году, в четвертую годовщину прихода к власти, он, несомненно, вошел бы в немецкую историю как один из ее величайших деятелей. По всей Европе у него были миллионы поклонников. Американская писательница Гертруда Стайн считала, что Гитлер заслуживает Нобелевской премии мира. Всемирно известный англичанин Джордж Бернард Шоу в своих журнальных и газетных статьях защищал Гитлера и других диктаторов; его речи о фашизме возмутили интеллигенцию и вызвали поток протестующих откликов».

Как видим, даже великие умы иногда ошибаются в оценке личности, способной ловко воспользоваться неустойчивой политической ситуацией, чтобы потом диктовать народу свою волю. Немцы до сих пор несут в своем национальном сознании тяжкое бремя вины за содеянное Адольфом Гитлером, которого они сами когда-то привели к власти. Послужит ли это уроком для других? Хотелось бы надеяться, что книга, которую вы держите в руках, не станет знаменем для отечественных национал-патриотов (именно так называли себя предшественники Гитлера), а поможет всем нам противостоять диктатуре в любой форме и под любой маской, какой бы привлекательной она ни казалась.

ОТ АВТОРА

Адольф Гитлер, вероятно, сильнее всех потряс двадцатый век. Очевидно, что ни один человек не погубил столько жизней и не вызвал к себе столь жгучей ненависти, как нацистский фюрер. Тем не менее он сумел также вызвать у многих восхищение и надежду, стать кумиром миллионов. Без малого пятьдесят лет, отделяющих нас от кончины Гитлера, почти не повлияли на взгляды его противников и поклонников. Сегодня мы имеем возможность увидеть других лидеров его эры — Рузвельта, Муссолини, Сталина — в ином, более объективном свете, однако образ Гитлера, по сути дела, не изменился. Для тех, кто оставался верным ему, он герой, павший мессия; для остальных же — все еще безумный политический и военный авантюрист, злостный убийца, которого невозможно оправдать и успехи которого были достигнуты преступными средствами.

Будучи одним из миллионов тех, кто так или иначе пострадал от Гитлера, я приложил все силы, чтобы усмирить собственные чувства и написать о нем так, будто он жил сто лет назад. Я беседовал со многими людьми, близко знавшими Гитлера,— как поклонниками, так и противниками нацистского диктатора. Большинство из них согласились говорить о пережитом свободно и подробно. Исчезла прежняя скованность, когда очевидцы боялись говорить о фюрере и его действиях из опасения, что их слова будут превратно истолкованы. Я имел более двухсот пятидесяти бесед с его адъютантами (Путткамером, Энгелем, Гюнше, Вюнше и Шульце), секретарями (Траудль Юнге и Гертой Кристиан), его шофером (Кемпкой), его врачами (Гизингом и Хассельбахом), любимыми воинами (Скорцени и Руделем), любимыми архитекторами (Шпеером и Гислером), его первым пресс-секретарем (Ханфштенглем), военачальниками (Манштейном, Мильхом, Мантейфелем и Варлимонтом), женщинами, вызывавшими

его восхищение (Лени Рифеншталь, Герди Троост и Хелен Ханфштенгль). Почти все эти беседы записаны на магнитные ленты, которые в настоящее время хранятся в Библиотеке конгресса США. Все, с кем я беседовал и чьи рассказы были включены в книгу, читая отрывки о себе, не только внесли поправки, но и дополнили работу весьма интересными замечаниями.

Для раскрытия тайны Гитлера были использованы новые документы, сообщения и исследования: досье управления контрразведки армии США, включающее беседу одного агента с сестрой Гитлера Паулой; неопубликованные документы из английских правительственных архивов; обнаруженная переписка между Герингом и Негрелли в 1924 — 1925 гг., которая в новом свете представляет отношения между немецкими нацистами и итальянскими фашистами; секретные речи Гиммлера, а также неопубликованные дневники, записи и мемуары, в том числе интереснейшие воспоминания Траудль Юнге, самой молодой из секретарей Гитлера.

У моей книги нет схемы, поскольку все выводы в ней делались лишь в процессе написания. Вероятно, самым важным является вывод о том, что Гитлер был намного более сложной и противоречивой личностью, чем я себе представлял.

«Самые великие святые,— заметил один герой Грэма Грина,— были людьми с более чем нормальной способностью творить зло, а самые грешные люди иногда оказывались близкими к святости». Лишенный рая, Гитлер выбрал ад, если он вообще видел разницу между тем и другим. Одержимый мечтой о нацистской Европе, он до конца своих дней оставался рыцарем свастики, деформированным архангелом, гибридом Прометея и Люцифера.

Джон Толанд

ПРОЛОГ. УДАР В СПИНУ

1

В середине октября 1918 года через Германию в направлении более безопасной восточной части империи медленно двигался санитарный поезд, вагоны которого были расписаны революционными лозунгами. Среди сотен раненых в поезде находились ослепленные жертвы недавней газовой атаки в Бельгии. Эта акция была предпринята ночью 13 октября после ожесточенного обстрела английской артиллерией, являясь одним из серии ударов, которые наносились по немецким войскам, отступавшим, но не разгромленным. 16-й Баварский резервный пехотный полк, на который обрушился главный удар, окопался на холмах и полях, испещренных воронками от взрывов снарядов. Солдаты, физически истощенные и морально подавленные страшными слухами о мятежах на фронте и усиливающимся натиском противника, сидели, укрывшись в окопах, в то время как английские снаряды разрывали землю вокруг них. Ветераны онемели от безразличия, новички оцепенели от ужаса.

Внезапно, перемежая взрывы артиллерийских снарядов, послышались глухие хлопки, и окопы заполнились облаком. «Газы!» — крикнул кто-то. Это было первое испытание ипритом. Одним запах показался сладковатым, другим — нестерпимо едким, но все почувствовали удушье. Солдаты лихорадочно натянули противогазы и прижались к стенкам окопов. Шло время. Дышать становилось все труднее — не хватало кислорода. Один новобранец, почти потерявший сознание, сорвал с себя противогаз, жадно глотнул отравленного воздуха, схватился за горло и тут же упал, умирая от удушья.

Только к рассвету газ начал рассеиваться, и артобстрел возобновился. Солдаты сбросили противогазы и глотнули утреннего воздуха. «Все еще воняло этой дрянью,— вспоми-

нал один,— и пахло порохом от снарядов, но для нас это был райский воздух». Однако передышка оказалась короткой. В этом жестоком и непредсказуемом бою, рассчитанном на доведение противника до сумасшествия, англичане снова начали газовую атаку. Не успевшие надеть свои грязные противогазы падали и умирали подобно тому новобранцу. Те же, кто остался в живых, ослепли, лишь один сохранил способность слабо видеть. Он предложил всем взяться за шинели друг друга и повел их в тыл. Так ковыляли они гуськом, полуслепой во главе слепых, пока не дошли до пункта первой помощи. Среди этих оставшихся в живых был двадцатидевятилетний ефрейтор по имени Адольф Гитлер.

Лежа в вагоне поезда, ослепший Гитлер находился на грани полного упадка сил. Как и у других, веки и лицо его распухли. Пострадавшие едва могли шевелить губами. Они с раздражением отвергали помощь сестер, не позволяли лечить глаза, отказывались от еды. Напрасно врач убеждал их, что скоро они станут видеть,— этих солдат слишком долго обманывали. Они хотели лишь спокойно лежать и стонать, а самое главное — избавиться от боли, пусть даже ценой собственной жизни.

Этот раненый и деморализованный ефрейтор, который через пятнадцать лет станет вождем рейха, еще не знал о масштабах поражения Германии. Четыре года назад, когда первое германское наступление сломило сопротивление бельгийцев, французов и англичан, полк Гитлера был впервые обескровлен в этом же районе. Всего за несколько дней немцы потеряли почти восемьдесят процентов личного состава. Но фанатичному Гитлеру эти потери не показались удручающими, они лишь свидетельствовали, по его мнению, о боевом духе германских войск. В письме своему квартирному хозяину в Мюнхене Гитлер сообщал: «Я с гордостью могу сказать, что наш полк с первого же дня сражался героически. Мы потеряли почти всех офицеров, и в нашей роте осталось лишь два сержанта. На четвертый день из 3600 солдат нашего полка осталось только 611».

В те первые дни многие немцы разделяли такое восторженное отношение к тевтонскому героизму. Но с течением времени боевые действия перешли в позиционную, окопную войну. Армии стояли друг перед другом, разделяемые узкой полоской опустошенной, обезображенной воронками ничейной земли. Схватки происходили, когда одна из сторон пы-

талась осуществить прорыв. Продвижение исчислялось километрами, а то и метрами, потери же — миллионами. Первоначальный энтузиазм таял. Падал моральный дух солдат, живших, подобно крысам, в землянках и окопах. На родине усиливались голод и обнищание, так как английская блокада перекрыла поток нужных немцам товаров. Когда же война перешагнула за второй, а потом и за третий год, все мысли солдат сфокусировались не на победе, а на выживании. Они со злостью говорили о глупости командования и бессмысленности продолжения войны. Гитлер был одним из немногих, кто с презрением отвергал эти пораженческие настроения. При всех своих неоднократных актах героизма он все еще оставался ефрейтором, но такое непризнание его не очень расстраивало. Гитлер обрушивался на своих товарищей, особенно новобранцев с их «тыловой отравой», и если кто-нибудь вступал с ним в спор, то, как вспоминал один сослуживец, «злился, засовывал руки в карманы и ходил взад-вперед, ругая пессимистов».

В конечном счете пессимисты, возможно, были не правы. К началу 1918 года немцы, оборонявшиеся почти четыре года, получили хорошие шансы для перехода в наступление. На Западном фронте тупиковое положение сохранялось, но на других Германия побеждала. Сербия, Румыния и, наконец, Россия были повержены (последняя как в результате революции, так и вследствие германского наступления). Мирный договор с советским правительством дал немцам Украину, «хлебную корзину» Европы. Более миллиона солдат, высвобожденных в результате краха сопротивления противника на Востоке, теперь устремились во Францию, чтобы изменить ход войны в пользу немцев и на Западном фронте.

Весной, нанеся четыре мощных удара, немцы вынудили отступить сначала англичан, потом французов. Англичане, «прижатые к стенке», получили приказ сражаться до последнего человека. Когда 15 июля около города Реймса началось заключительное крупное сражение, обе стороны понимали, что ставка велика — определяется исход войны. «Если наше наступление в районе Реймса будет успешным,— заявил главнокомандующий германскими вооруженными силами генерал Людендорф,— мы победим в войне». Командующий союзными войсками французский маршал Фош с этим согласился. «Если немецкое наступление под Реймсом удастся,— сказал он,— мы проиграем войну». На-

ступление провалилось. У немцев не осталось резервов. С другой стороны, союзники усилились не только благодаря свежим американским дивизиям, но и поставкам из Соединенных Штатов.

В германской армии росло число дезертиров. Повсюду слышались разговоры о мятежах и восстаниях. Когда английские войска в начале августа внезапно перешли в наступление у Амьена, немцы фактически не оказали сопротивления. Солдаты кайзера иногда массами сдавались одному пехотинцу. Отводимые с передовой кричали пополнениям, идущим на фронт: «Штрейкбрехеры!» Однако это еще не был конец. Немцы отступали, но фронт держался. На каждого дезертира приходились сотни солдат, готовых исполнить свой долг. Тем не менее внутри страны вера пошатнулась. Начались многочисленные забастовки, радикал-социалисты призывали сограждан к революции. Национал-патриоты вроде Гитлера считали, что лодыри, спекулянты, болтуны, изменники, евреи, не испытывающие ни любви, ни уважения к германскому отечеству, предали армию в самый ответственный момент. Потеряв терпение, Людендорф потребовал от гражданского правительства запросить перемирия.

Но даже в этот предсмертный час страстные души вроде Гитлера горели убеждением, что пока сопротивление продолжается, можно найти какое-то решение и даже добиться победы. Фронт не рухнул, отступление проходило организованно. И, по мнению национал-патриотов, «только эти засевшие в тылу спекулянты, симулянты, евреи привели страну к поражению».

2

Трагедия, свидетелем которой оказался Гитлер,— крушение власти, беспрекословно уважаемой им,— в конечном счете откроет дорогу к его ошеломляющей политической карьере. Мир, который знал Гитлер, управлялся элитой, потомками древних королевских домов. Государственные, дипломатические, военные посты — все они были заняты представителями древних родов, образованными аристократами. Все это изменила война. В окопах бойцы ели

из одного котла, независимо от происхождения. Поредевшие ряды благородных офицеров пополнялись выходцами из простонародья. Среди них выделялись личности, подобные Гитлеру, которые достигали власти, выплывая на волне массового движения против войны, стоившей таких жертв.

Когда поезд доставил Гитлера в госпиталь в померанском городке Пазевальк, полуослепший ефрейтор был слишком поглощен своей болью и отчаянием, чтобы стремиться к высоким целям, но через несколько недель лечения его зрение начало восстанавливаться. Воспаление глаз и век постепенно исчезло, и, как позже вспоминал Гитлер, «он начал различать предметы вокруг себя».

С возвратом способности видеть пришел конец депрессии и психическому расстройству, которые потребовали специального лечения у профессора Эдмунда Форстера, заведующего клиникой нервных заболеваний при Берлинском университете. Тогда об иприте было известно мало, и необъяснимое выздоровление Гитлера убедило доктора Форстера в правильности первоначально поставленного диагноза: причина слепоты — истерия. На самом же деле у пациента проявились обычные симптомы умеренного отравления ипритом: жжение, опухлость, депрессия... и выздоровление через несколько недель.

Восстановление зрения вернуло Гитлеру надежду и интерес к текущим событиям. Берлин тогда находился в состоянии фактической осады. Новый канцлер требовал от кайзера отречения от власти, чтобы стало возможным заключение перемирия. Гитлер слышал рассказы о восстаниях по всей Германии, но считал их слухами, пока в его палату в начале октября не явилась делегация красных германских моряков с целью обратить пациентов в революционную веру.

Отвращение Гитлера к большевизму усилилось из-за того, что трое из делегатов оказались евреями, причем ефрейтор был уверен, что никто из них не был на фронте. «Теперь они подняли красный флаг на истерзанной родине». Негодование сменилось потрясением. Гитлер не вставал с койки. «Я лежал, страдая от сильных болей, хотя и не высказывал этого, потому что считал отвратительным стонать в момент крушения отечества». Немного спустя, 9 ноября, в госпиталь пришел престарелый пастор и подтвердил новости о восстаниях. Революция захватила даже

Мюнхен. Пациенты собрались в небольшом зале, и пастор дрожащим голосом сообщил, что дом Гогенцоллернов пал и Германия стала республикой. Он воздал хвалу императорской династии, и у многих на глазах выступили слезы. Пастор заявил, что война проиграна и немцы должны уповать лишь на милость победителей. Для Гитлера это известие было ударом. «Я не мог больше сидеть ни единой минуты. Все перед глазами у меня потемнело, я ощупью добрался до палаты, бросился на кровать и укрылся с головой одеялом и подушкой».

Впервые за одиннадцать лет, прошедших после смерти матери, Гитлер заплакал. Он пережил страх навсегда остаться слепым, гибель многих боевых товарищей. «Но теперь я ничего не мог поделать. Только сейчас я увидел, как все личные страдания ничтожны по сравнению с несчастьем отечества». Отчаяние помогло принять решение. «Я долго колебался в жизни: заняться политикой либо стать архитектором? Теперь колебания кончились. В ту ночь я решил, что, если мое зрение восстановится, займусь политикой». По мнению врачей, для возвращения слепоты не было оснований, однако Гитлер был убежден, что ослеп навсегда. Доктор Форстер лишний раз убедился в правильности своего диагноза: пациент — «психопат с симптомами истерии».

Позорная капитуляция Германии 11 ноября 1918 года в Компьенском лесу потрясла Гитлера еще сильнее. Жизнь казалась невыносимой. Но в эту или следующую ночь случилось необъяснимое: по его словам, как Жанне д'Арк ему, Гитлеру, послышались таинственные голоса, призывающие его спасти Германию. И сразу «произошло чудо»: тьма рассеялась, он снова видел. Тогда он торжественно поклялся, что станет политиком и «посвятит всю свою энергию выполнению полученной им заповеди».

В эту ночь в темной палате тылового госпиталя в Пазевальке родилась самая темная сила двадцатого века. Не Гитлер пришел к политике — она сама пришла к Гитлеру.

Часть I. «Я — ПРОВИДЕЦ...»

Глава 1. ГЛУБОКИЕ КОРНИ (1889—1907 гг.)

1

Гитлер избегал разговоров о своих родителях, но в редкие минуты откровенности признавался близким ему людям, что плохо ладил с отцом, человеком с диктаторскими замашками. В то же время он глубоко чтил свою мать, спокойную, мягкую женщину, которая, судя по всему, оставила глубокий след в его памяти. Оба родителя происходили из сельского района Вальдфиртель в Австрии, северо-западнее Вены, недалеко от нынешней границы с Чехией. По свидетельству одного родственника, в их жилах текла моравская кровь. Фамилия Гитлер была необычной для австрийца. Вполне возможно, она имела происхождение от чешских Хидлар или Хидларчек. Разновидности этих фамилий были зарегистрированы в Вальдфиртеле в 1430 году. Постепенно они превратились в Хидлер, Хитлер и Гитлер. В 1560 году прямого предка Адольфа Гитлера со стороны матери звали Георг Хидлер. Его потомки записывали себя как Хюттлер и Гитлер.

Вальдфиртель был довольно красивой местностью. Холмы, поросшие лесом, перемежались полями, которые тщательно обрабатывались трудолюбивыми, бережливыми крестьянами. Отец Гитлера родился 7 июня 1837 года в деревне Штронес у незамужней 42-летней Марии Анны Шикльгрубер. Деревня была маленькой, без церкви, поэтому ребенка окрестили и зарегистрировали в Деллерсхайме под именем Алоиз Шикльгрубер как «незаконнорожденного». В графе

«отец» был прочерк, личность его так и не установили. Вероятно, это был кто-то из местных жителей. Существует версия, что дедушкой Гитлера являлся богатый еврей по фамилии Франкенбергер и что Мария Анна, будучи служанкой в этой еврейской семье в Граце, забеременела от сына хозяина.

Когда Алоизу было почти пять лет, на Марии женился Иоганн Георг Хидлер, работавший на фабрике в соседней деревне Шпиталь. Ребенок рос без особого присмотра. Пять лет спустя мать умерла, и отчим отказался от пасынка. Алоиз воспитывался а доме брата Хидлера — Иоганна Непомука. Этот крестьянский дом впоследствии сыграл определенную роль в жизни молодого Адольфа Гитлера, ибо здесь, в глухой деревушке, он несколько раз проводил летние каникулы.

Жизнь в Шпитале для Алоиза стала невыносимой, и в тринадцать лет он, как писал потом Адольф Гитлер в «Майн кампф», принял «отчаянное решение бежать с тремя гульденами в кармане в неизвестное будущее». Алоизу повезло: он попал в Вену, где устроился учеником сапожника, а пять лет спустя, стремясь подняться выше, завербовался в пограничную охрану. Алоиз был очень трудолюбив, сдал специальный экзамен и в 24-летнем возрасте стал инспектором. Карьера его на этом не завершилась: Алоиза назначили старшим таможенным инспектором в городок Браунау на реке Инн, у границы с Германией.

Успехами Алоиза очень гордился человек, который его воспитал,— Иоганн Непомук Хидлер: никто из Хидлеров так высоко не поднимался. Сына у Иоганна не было, и весной 1876 года Непомук исправил эту ошибку, официально усыновив Алоиза под фамилией Гитлер. Для этого он подобрал трех родственников-свидетелей, которые подтвердили у нотариуса, что брат Хидлера-Гитлера неоднократно в их присутствии говорил, будто он является отцом незаконнорожденного Алоиза и желает сделать его законным сыном и наследником. Остается лишь предполагать, почему фамилия Хидлер была изменена на Гитлер.

Неясно также, почему согласился на изменение фамилии сам Алоиз Шикльгрубер. В деревне поговаривали, что такое условие поставил старик-усыновитель, обещая изменить завещание в его пользу. И полгода спустя, когда Иоганн Непомук Хидлер умер, Алоиз получил в наследство его ферму стоимостью в 5000 флоринов. Следует отметить, что

решение взять фамилию Гитлер оказалось более дальновидным, чем мог предположить Алоиз. Трудно представить, как семьдесят миллионов немцев кричали бы, скандируя: «Хайль Шикльгрубер!»

На шпитальских девушек Алоиз, должно быть, производил потрясающее впечатление своим мундиром и военной выправкой. Да и сам он заглядывался на деревенских красавиц. У него уже была незаконнорожденная дочь. Брак Алоиза с дочерью инспектора имперской табачной монополии не стал препятствием для любовных похождений, тем более, что жена была старше его на четырнадцать лет и часто болела.

Особенно привлекала Алоиза внучка Иоганна Непомука Хидлера — шестнадцатилетняя Клара Пельцль, высокая и стройная, с темно-русыми волосами и приятными чертами лица. Была ли это любовь с первого взгляда или просто желание иметь домработницу при постоянно больной жене — неизвестно. Во всяком случае, Алоизу удалось убедить семью Клары отпустить ее с ним в Браунау. Девушка стала жить в доме Гитлеров, где Алоиз уже имел любовную связь с кухаркой Францискной Матцельсбергер, которую все звали Фанни.

Это переполнило чашу терпения фрау Гитлер, и она получила развод. Место хозяйки дома заняла Фанни, которая не без оснований увидела в Кларе соперницу и вынудила своего любовника переселить девушку в другой дом. Два года спустя, в 1882 году, Фанни произвела на свет мальчика, незаконнорожденного, как и его отец. Назвали ребенка именем отца.

В следующем году бывшая жена Алоиза умерла от чахотки, и он женился на Фанни. Брачная церемония оказалась чрезвычайно своевременной: через два месяца Франциска родила второго ребенка — дочь Ангелу. Но сделавшись законной женой, Фанни не стала счастливее: любовные приключения мужа продолжались. Кроме того, как и ее предшественница, Фанни начала страдать болезнью легких и была вынуждена уехать на природу, в соседнее село. Когда Алоиз остался с двумя малолетними детьми, он счел вполне логичным обратиться за помощью к прелестной племяннице. Клара снова обосновалась у него в доме, став, естественно, любовницей хозяина. Будущая мать Адольфа Гитлера была настолько доброй, что даже ухаживала за Фанни, часто приезжая к ней. Удивительно то, что закон-

ная жена Алоиза отнюдь не отвергала помощь любовницы своего мужа. Летом 1884 года Фанни умерла.

Новая хозяйка дома уже была беременна. Алоиз хотел жениться на Кларе: она могла заботиться о двух его детях, к тому же он действительно любил эту женщину. Но церковь запретила брак, так как формально отец Алоиза и дед Клары были братьями. Алоиз через пастора направил прошение в Рим и через месяц получил разрешение: по-видимому, святые отцы учли беременность Клары. Утром 7 января 1885 года Алоиз и его племянница поженились в присутствии двух детей — Алоиза-младшего и Ангелы, а также трех свидетелей: младшей сестры невесты Иоганны и двух коллег Алоиза по службе. Медового месяца не было. После скромного обеда Алоиз вернулся на службу.

Нужно сказать, что беспорядочная интимная жизнь Алоиза не отражалась на его работе. Он всегда был старательным и честным государственным служащим, за что его ценили и коллеги, и начальство.

Клара расцвела в своей новой роли. Она стала образцовой хранительницей семейного очага, преданной детям мужа, Алоизу и Ангеле, обращаясь с ними как со своими собственными отпрысками. Через четыре месяца после брачной церемонии Клара родила мальчика, а в последующие два года — девочку и еще мальчика. Но вскоре все трое умерли. Клара тяжело переживала эту трагедию. К счастью, она могла излить свои материнские чувства на Алоиза-младшего и Ангелу. Отношения же с мужем были напряженными. С самого начала Клара смотрела на Алоиза как на высшее существо. Путь от домработницы до любовницы и, наконец, до жены был для простой девушки из Шпиталя таким сложным, что она продолжала называть мужа «дядей».

Смерть троих детей, вероятно, повлияла на частоту ее беременностей, и четвертый ребенок родился только 20 апреля 1889 года. Он был на одну четверть Гитлером, одну четверть — Шикльгрубером, еще одну — Пельцлем, а последняя четверть его наследственности так и осталась под вопросом. В книге рождений он значился как Адольфус Гитлер. Позднее Клара утверждала, что Адольф был болезненным мальчиком и что она жила в вечном страхе потерять его. Однако их домработница помнила Адольфа как «очень здорового, живого ребенка, который очень хорошо развивался».

Во всяком случае, фрау Гитлер души не чаяла в своем сыне, одаривала его ласками и постоянным вниманием, чем в результате, вероятно, испортила его. Жизнь в Браунау протекала спокойно. Отец проводил большую часть времени со своими дружками и за любимым занятием — разведением пчел. Зато он вроде бы прекратил свои любовные похождения на стороне или, по крайней мере, стал более осторожным. Домашняя прислуга сохранила о нем хорошие воспоминания как о «строгом, но справедливом человеке», который обращался с ней уважительно. В то же время таможенный начальник Алоиза считал его несимпатичным человеком. «Он был очень строгой и педантичной, необщительной личностью, гордился своей формой и очень любил в ней фотографироваться».

Когда Адольфу было три года и четыре месяца, отец получил повышение по службе, и семья переехала в Пассау, город средней величины на германском берегу реки Инн. Жизнь в немецком городе и общение с немецкими детьми оставили глубокий след в жизни Адольфа. Например, баварский диалект навсегда остался его родным языком. Впоследствии Гитлер говорил, что эта речь напоминала ему «о днях детства».

Следующий ребенок у фрау Гитлер родился, когда Адольфу было уже почти пять лет. Сына назвали Эдмундом. Адольф освободился от постоянной опеки матери, а затем для него наступила почти полная свобода — отец получил назначение в Линц. Вероятно, из-за новорожденного семья осталась в Пассау, и пятилетний Адольф мог бесконечно играть с немецкими ребятами или часами бродить где хочется.

Такая свободная жизнь длилась год. Весной 1895 года семья воссоединилась в Хафельде, небольшой деревне в пятидесяти километрах к юго-западу от Линца. Жили Гитлеры в крестьянском доме с полем почти в два гектара. Такое богатство сделало их членами местного высшего общества. Месяц спустя шестилетний Адольф был разлучен с чрезмерно заботливой матерью — его отправили в начальную школу в местечке Фишлам, находящемся в нескольких километрах от дома. Строгие школьные порядки были вскоре усилены контролем отца, который после сорока лет службы ушел в отставку и занялся сельским хозяйством.

У Гитлеров был красивый дом, окруженный садом из фруктовых и ореховых деревьев. Рядом протекал чистый

ручей. Несмотря на новые ограничения, жизнь Адольфа в целом складывалась счастливо, если учесть, что и в друзьях у него не было недостатка.

Дорога в школу у Адольфа и Ангелы занимала больше часа. Обветшалое школьное здание было разделено на два класса — для мальчиков и для девочек. Дети Гитлера производили хорошее впечатление на учителя, который вспоминал об Адольфе как об «ученике с живым умом, послушном, но шаловливом». Оба содержали свои школьные сумки «в образцовом порядке».

«Именно в это время в моем сердце сформировались первые идеалы,— писал Гитлер в «Майн кампф» с обычными автобиографическими преувеличениями.— Игры на воздухе, долгие прогулки и особенно дружба со взрослыми мальчиками, что иногда расстраивало мою мать,— все это не давало сидеть дома». Даже в этом возрасте Адольф проявил ораторские способности и вскоре стал заводилой.

В последующие месяцы его положение в семье усложнилось. В отставке Алоизу было просто скучно и нудно, тем более, что способностей к ведению сельского хозяйства он не обнаружил. К тому же в начале 1896 года родился еще один ребенок— Паула. В доме с пятью детьми, с крикливым грудным ребенком Алоиз, вероятно, начал пить больше, чем обычно, стал очень нервным, главным объектом его раздражительности стал Алоиз-младший. Отец, требовавший слепого повиновения, не ладил с сыном. Позднее Алоиз-младший горько жаловался, что отец часто «бил его кнутом», хотя в Австрии в те дни битье детей было обычным явлением и считалось полезным для воспитания. Говорили, будто отец бил и Адольфа, хотя и не так часто. По свидетельству Алоиза-младшего, доставалось даже послушной Кларе, и это произвело неизгладимое впечатление на Адольфа.

Для молодого Алоиза жизнь в Хафельде стала сущим адом. Он был обижен не только на отца, но и на мачеху, которая, по его мнению, уделяла ему мало внимания, баловала родного сына Адольфа. Отсюда у Алоиза-младшего возникла глубокая неприязнь к сводному брату, очевидно, сохранившаяся на всю жизнь. «Высокомерный, вспыльчивый, он никого не слушал,— делился Алоиз воспоминаниями о брате в 1948 году.— Мачеха всегда принимала его сторону, ему все сходило с рук. У него не было друзей, он никого не любил и бывал просто бессердечным. Из-за любого пустяка он мог прийти в ярость».

Чувствуя себя отверженным, Алоиз-младший последовал примеру своего отца и в четырнадцатилетнем возрасте бежал из дому, от семьи, в которую никогда не возвращался, вплоть до смерти отца. Мстительный Алоиз-старший в ответ на это уменьшил наследство сына до самого минимума, предусмотренного законом. Теперь отец переключился на Адольфа, который стал главным объектом его придирок. Старший Гитлер давал мальчику различные поручения по хозяйству и постоянно распекал его за те или иные упущения. Через несколько месяцев неудачливый фермер продал обременительное хозяйство и переехал с семьей в городишко Ламбах. Освободившийся от крестьянских дел Адольф зажил более свободно. С учебой у него все было в порядке. В 1898 году он закончил класс с двенадцатью «единицами» — высшей отметкой в немецких школах. У Адольфа был неплохой голос, и он пел в церковном хоре в расположенном неподалеку монастыре, гербом которого, кстати, была свастика.

Гитлера привлекали красочные и торжественные церковные обряды, местный пастор стал его идолом, и Адольф стал подумывать о будущем священника, что почему-то вызывало положительную реакцию у его далеко не религиозного отца. Набожная Клара, разумеется, только приветствовала это намерение сына. Однако очень скоро интерес к религии у Адольфа пропал. Он начал баловаться курением.

Семья теперь жила в хорошей квартире на втором этаже просторного дома, соединенного с мельницей. Это было идеальное место для подвижного мальчика, который увлекался играми в ковбоев и индейцев. Супружеская пара, владевшая мельницей, считала Адольфа «немножко шумным». Он редко сидел дома, «всегда был там, где что-нибудь происходило», часто руководил мальчишескими ватагами, нападавшими на сады.

Ламбах оказался скучным для Алоиза, как и ферма, и в 1899 году он купил уютный дом в Леондинге — селении на окраине Линца, насчитывающем три тысячи жителей. Это было сравнительно цивилизованное место: совсем рядом находился Линц с театрами, оперой и внушительными правительственными зданиями.

После бегства Алоиза-младшего Адольф стал главным объектом отцовской муштры. Как вспоминала Паула Гитлер, он «провоцировал отца на проявление строгости и каждый день получал от него подзатыльники, но все попытки

отца укротить его и заставить полюбить профессию государственного служащего оказались напрасными. С другой стороны, мама часто его ласкала».

Адольф взбунтовался и решил бежать из дома. Каким-то образом отец узнал об этих планах и запер мальчика на замок. Ночью Адольф попытался протиснуться через оконную решетку, однако это ему не удалось. Тогда он снял с себя всю одежду и снова полез, но услышал шаги отца, спрыгнул с подоконника и прикрыл наготу скатертью со стола. На этот раз Алоиз не взял в руки кнут, а расхохотался и позвал Клару посмотреть на «мальчишку в тоге». Как потом Гитлер признавался фрау Ханфштенгль, эти насмешки обидели его сильнее, чем удары кнутом, и он «долго не мог забыть этот эпизод».

Много лет спустя Гитлер в минуту откровенности признался секретарше, как в одном приключенческом романе прочитал, что не выказывать боль — признак мужества. «И я тогда решил, что когда отец будет меня хлестать, я не издам ни звука. Несколько дней спустя я проверил свою выносливость на практике. Я молча считал удары прутом по своей задней части. Испуганная мама смотрела на все это с ужасом». С этого дня, утверждал Гитлер, отец его больше не трогал.

Уже в одиннадцатилетнем возрасте в Адольфе было нечто отличающее его от других. На фотографии того года он сидит среди одноклассников в центре среднего ряда, возвышаясь на несколько сантиметров над своими товарищами, с поднятым подбородком и сложенными на груди руками. Это уже свидетельствовало о его самоуверенности и в какой-то мере бунтарском характере. Учился Адольф успешно, более того, у него обнаружился талант к рисованию. Иногда на уроках он тайком делал наброски. Одноклассник Вайнбергер с интересом наблюдал, как Гитлер по памяти рисует замок Шаумбург.

На переменах и после школы Адольф оставался лидером. Поскольку ему довелось жить во многих местах, одноклассники уважительно считали его повидавшим виды человеком. В играх мальчика вдохновляли романы Фенимора Купера и его немецкого имитатора Карла Вея. Последний никогда не был в Америке, тем не менее его повествования о благородных индейцах и отважных ковбоях миллионами немецких и австрийских мальчишек воспринимались как евангелие. Адольф страстно вел товарищей в бой.

Огромное впечатление произвели на юного Гитлера старые иллюстрированные журналы времен франко-прусской войны 1870 года, которые как-то попали ему в руки. Подросток долго не мог оторваться от пожелтевших страниц, явивших ему свидетельства былого величия фатерланда и мощи германского оружия. «Вскоре эта историческая борьба стала моей величайшей внутренней сутью,— утверждал он в «Майн кампф», где временами истина искажалась в политических целях.— С этого времени я все больше интересовался всем, что было связано с войной и солдатской службой».

Англо-бурская война, разразившаяся годом ранее, усилила германский патриотизм Адольфа, а также дала ему новый материал для игр. Часами он водил в бой своих «буров» против несчастных мальчишек, вынужденных изображать англичан. Часто он так увлекался, что заставлял отца ждать целый час обещанного табака, который должен был купить в лавке. В результате он получал дома взбучку. Эти полные приключений дни, возможно, в какой-то степени определили будущие пристрастия Гитлера. «Леса и поля,— писал он позднее,— были полем боя, на котором решались конфликты, существующие в жизни».

Первый год нового века принес семье новое несчастье: от кори умер шестилетний Эдмунд. Четыре смерти стали слишком жестоким испытанием для бедной Клары. С уходом Алоиза-младшего остался лишь один сын для продолжения рода Гитлеров. В это время Адольф заканчивал начальную школу, и семейная трагедия усугубила конфликт между отцом и сыном. Алоиз хотел, чтобы мальчик следовал по его стопам, и пытался вдохновить его рассказами о жизни государственного служащего. Сын же мечтал стать художником, но пока держал в секрете этот революционный план и без возражений принял предложение отца о следующей ступени образования. Он имел право поступать либо в гимназию, которая готовила учеников для поступления в университет, либо в реальное училище, имевшее технический уклон. Практичный Алоиз выбрал реальное училище, и Адольф согласился, так как в нем преподавалось и рисование.

Ближайшее реальное училище находилось в Линце, и 17 сентября 1900 года Адольф впервые вышел из дому без сопровождения, закинув за спину зеленый рюкзак. Путь предстоял немалый, пять километров. Раскинувшийся на берегу

Дуная город произвел сильное впечатление на мальчика, выросшего в деревнях и маленьких городах. Любуясь знаменитым дворцом Кюрнберг, где, как утверждают, родилась «Песнь о Нибелунгах», великолепным лесом церковных шпилей, Адольф незаметно достиг центра города. Здесь, на узкой улице, и располагалась реальное училище — мрачное четырехэтажное здание.

Вначале на новом месте дела у Гитлера пошли не так, как прежде, — окружающая обстановка подавила его. Определенная группа учеников свысока смотрела на деревенских, к тому же здесь учителя уделяли своим питомцам гораздо меньше внимания. На фотографии 1900 года он снова стоит в верхнем ряду, но это уже далеко не тот надменный Адольф. Особенно плохо давались ему математика и естественная история. Критики объясняют это природной ленью, хотя, возможно, это было своеобразной формой мести отцу, хотя могло быть связано с эмоциональными проблемами или просто нежеланием изучать нелюбимые предметы.

В следующем году, однако, Адольф изменил тактику, и учеба пошла на лад. Будучи старше своих одноклассников, Гитлер снова стал лидером. «Нам всем он нравился и в классе, и вне класса,— вспоминал Йозеф Кеплингер.— Он обладал силой воли. В нем слились две крайности характера, сочетание которых крайне редко бывает у людей,— он был спокойным фанатиком».

После занятий мальчики под руководством Адольфа, который научился ловко бросать лассо, играли в ковбоев и индейцев. На переменах Гитлер воодушевленно рассказывал своей группе о бурской войне, демонстрируя при этом выполненные им же изображения храбрых буров. Он даже говорил о своем намерении вступить в их армию. Война пробудила в молодом Гитлере, да и во многих других мальчиках, чувство германского национализма. Бисмарк стал их кумиром. По какой-то причине у Адольфа эта черта проявилась ярче, чем у других. Вероятно, так выразился протест против отца, стойкого сторонника Габсбургов.

Учебный год Гитлер закончил успешно. Правда, в третьем классе он снова сдал, особенно по математике. Однако в конце рождественских каникул проблемы с учебой отошли на задний план: в семье случилась беда.

3 января 1903 года Алоиз пошел в пивную и, сидя за столом с друзьями, умер от кровоизлияния в легкие. Он был

похоронен два дня спустя на церковном кладбище, недалеко от дома Гитлеров.

2

По тогдашним меркам Алоиз оставил семье неплохое наследство. В последние месяцы его пенсия составляла 2420 крон — сумму, значительно превышавшую, например, жалованье директора начальной школы. Вдова стала получать половину этой пенсии, к тому же ей дали единовременное пособие в размере трехмесячной пенсии. Кроме того, каждому из детей причиталось 240 крон в год, которые выплачивались до 24 лет либо до начала самостоятельной работы.

После смерти Алоиза атмосфера в доме заметно разрядилась — авторитарные методы воспитания ушли в прошлое. Четырнадцатилетний Адольф был теперь единственным мужчиной в семье. Клара пыталась выполнять пожелания мужа в отношении мальчика, но только путем увещеваний. Это, конечно, не стало препятствием на пути к осуществлению мечты Адольфа. На вопрос, кем он хочет стать, Гитлер неизменно отвечал: «Великим художником».

Третий учебный год закончился для Адольфа неудачно — он провалился на математике. Фрау Гитлер была извещена, что ее сын будет оставлен на второй год, если не пересдаст экзамен осенью. Но мрачное настроение царило в семье недолго, поездка в Шпиталь на лето рассеяла печаль Гитлеров. Клара встретила понимание и сочувствие со стороны родственников — сестры и ее мужа Антона Шмидта, а Адольф, отлынивая от крестьянской работы, много времени проводил с детьми Шмидтов. Иногда, правда, он предпочитал оставаться дома, отдаваясь чтению и рисованию.

По возвращении в Леондинг жизнерадостная Ангела вышла замуж за налогового инспектора из Линца Лео Раубаля. Адольф отнесся к Лео неприязненно. Позднее он утверждал, что шурин слишком много пил и увлекался азартными играми. Но скорее всего мальчика обидело пренебрежительное отношение Лео к рисованию и искусству вообще.

Пересдав осенью экзамен, Адольф перешел в четвертый класс. Теперь самым трудным предметом для него оказался французский язык, изучение которого он впоследствии назвал «напрасной тратой времени». Преподаватель французского Хюмер вспоминал о Гитлере с двойственным чувством: «У него талант, но в узкой области. Ему не хватало самодисциплины, он был своенравным, высокомерным и вспыльчивым... Очень болезненно реагировал на советы и замечания, требуя в то же время от своих товарищей по классу беспрекословного подчинения ему как лидеру... К тому же Гитлер был ленив и неспособен к усидчивой работе. Но он обладал талантом к рисованию». Хюмер питал определенную симпатию к этому «худощавому бледнолицему юноше» и старался понять его. Однако упрямый Адольф при любой попытке проникнуть в его внутренний мир уходил в себя.

На скрытного юношу произвел впечатление преподаватель истории Леопольд Печ. Адольфа увлекали его лекции о древних тевтонах. «Даже сегодня,— писал Гитлер в «Майн кампф»,— я особенно тепло вспоминаю об этом седом человеке, который своими страстными рассказами заставлял нас забывать о настоящем, превращая сухие исторические факты в живую действительность. На его лекциях мы зажигались пламенем патриотизма, а иногда даже доходило до слез».

Другие же занятия чаще всего повергали Адольфа в скуку, и к весне 1904 года училище ему окончательно надоело. Гитлер не сдал французский язык. Осенью, правда, он прошел переэкзаменовку, но с условием, что в это училище больше не вернется. Последний, пятый класс, Адольф заканчивал уже в реальном училище в Штайре, в сорока километрах от Линца.

Новый город Адольфу не нравился, к тому же вид из окна комнаты был довольно мрачный. «Я часто практиковался в стрельбе по крысам из окна»,— вспоминал он. Гитлер больше времени уделял стрельбе по крысам, чтению и рисованию, нежели учебе. В результате первый семестр он закончил плохо, хотя по рисованию получил «хорошо», а по физкультуре — «отлично». Отметки по любимым предметам — истории и географии — были удовлетворительными, а математику и немецкий язык Адольф не сдал вовсе. Он прибегал к самым различным уловкам, лишь бы пропустить занятия. Например, однажды, обмотав вокруг шеи шарф,

притворился, будто потерял голос, и был отпущен домой.

В конце учебного года Гитлеру сообщили, что он сможет закончить училище, если пересдаст экзамены осенью. Адольф принес эту новость домой в жаркий июльский день 1905 года. Любящая мать радостно встретила его. За год ее сын очень изменился. Из мальчика он превратился в юношу с копной непослушных волос, пробивающимися усами и мечтательным выражением лица.

Вскоре Гитлеры уехали в Шпиталь. Здесь Адольф заболел легочной инфекцией. (Вообще вся их семья страдала заболеваниями дыхательных органов.) Но, несмотря на самочувствие Адольфа, лето после Штайра в целом прошло для них приятно.

Однако надо было возвращаться в Штайр. 16 сентября Адольф сдал экзамен и в ту же ночь с несколькими товарищами отметил это событие тайной пирушкой с вином, да так, что лишь позже вспомнил, как на рассвете его разбудила проходящая доярка — он лежал на дороге. Гитлер решил, что такого унижения больше не будет. Он был пьян в первый и последний раз в жизни.

Несмотря на достигнутый успех, Адольф не собирался сдавать последний экзамен для получения диплома. Сама мысль о продолжении учебы в высшем реальном училище или техническом институте была для него невыносима. Используя в качестве предлога болезнь легких, Адольф убедил мать в целесообразности прекратить учебу. Позднее критики утверждали, что в «Майн кампф» он лгал о своей болезни. Но Паула свидетельствовала, что брат действительно болел, даже кашлял кровью. Это подтвердили его друг детства и сосед.

Избавившись от учебы, шестнадцатилетний юноша стал сам себе хозяином. Он много читал, рисовал, ходил в музеи, оперный театр. Больше Адольф не искал друзей и не стремился к лидерству. Он одиноко бродил по улицам Линца, мечтая о будущем и стараясь избегать шумных компаний. Осенью 1905 года Гитлер познакомился с человеком, к которому сразу почувствовал расположение. Сын обойщика Август Кубичек тоже оказался мечтателем: он хотел стать знаменитым музыкантом. Кубичек играл на скрипке, трубе и тромбоне и учился в музыкальной школе.

Адольф и Густль (так его называл Гитлер) вместе ходили в оперу, часто гуляли по улицам. Однажды Кубичек отважился спросить приятеля, работает ли он. «Нет, конечно, —

резко ответил тот,— ишачить ради куска хлеба с маслом — это не для меня!»

Так как Гитлер не любил говорить о себе, их беседы в основном касались живописи и музыки. Но однажды Адольф вынул из кармана записную книжку и прочитал стихотворение, которое только что написал, затем показал новому другу несколько рисунков и признался, что хочет стать художником. Одержимость приятеля произвела впечатление на Кубичека, сделав его восторженным поклонником Гитлера.

Резкий и легковозбудимый, Адольф нередко распалялся и начинал жестикулировать, упиваясь своими тирадами. Различия в темпераменте юношей лишь укрепили их дружбу. Кубичек был терпеливым слушателем, и Гитлеру это очень нравилось. Кубичек, конечно, заметил, что Гитлер не принимает возражений, и, увлеченный больше формой речей своего друга, нежели их содержанием, терпеливо выслушивал их до конца.

Жили Гитлеры в скромной двухкомнатной квартире с кухней на третьем этаже. Клара и Паула спали в гостиной с большим портретом Алоиза. Гитлер занимал вторую, очень маленькую комнату. К каждому Рождеству он дарил матери билет в театр. Кларе он казался юным принцем со счастливым будущим, и она отвергала советы родственников подыскать сыну работу.

Весной 1906 года сбылась давняя мечта Адольфа: мать разрешила ему съездить в Вену — одну из европейских столиц искусства, музыки и архитектуры. Он остановился у своих крестных родителей Иоганна и Иоганны Принц, и целый месяц, очарованный, изучал город. Поездка в Вену укрепила его намерение посвятить свою жизнь живописи и архитектуре.

Как обычно, лето семья Гитлеров провела в Шпитале, и после возвращения в Линц Адольф продолжал рисовать и строить воздушные замки. В начале октября он начал брать уроки игры на фортепиано у учителя своего друга Густля. По этому случаю мать купила пианино — она никогда не жалела средств для любимого чада. Однажды Кубичек увидел Гитлера в неожиданно новом свете. Это произошло после того, как они сходили на оперу Вагнера «Риенци». История взлета и падения главного героя оперы произвела странное впечатление на Адольфа. Обычно после спектакля они делились впечатлениями, но на этот раз Гитлер молчал.

Потом он вдруг схватил Кубичека за руку, хриплым, взволнованным голосом заговорил словами Рненци и потащил его на вершину соседнего холма. Густлю он показался совсем другим человеком — человеком с «особым предназначением» в этом мире.

Вскоре после этого случая Гитлер захандрил, забросил уроки фортепиано. Возможно, это было вызвано ухудшением состояния здоровья матери — у фрау Гитлер обнаружили обширную опухоль в груди. Доктор Блох не сказал больной, что у нее рак, но на следующий день вызвал Адольфа и Паулу и сообщил, что их мать серьезно больна, единственная надежда, хоть она и невелика,— на операцию. Эдвард Блох был тронут реакцией Адольфа. «Его бледное лицо исказилось от горя, глаза наполнились слезами. Он спросил, есть ли у мамы шансы».

Семья решилась на операцию, и 17 января Клару положили в больницу, а на следующий день доктор Карл Урбан удалил ей одну грудь. Клара пролежала в больнице девятнадцать дней. Поскольку ей было трудно подниматься по лестнице на третий этаж, в конце весны семья переехала на другую квартиру в тихом районе Линца.

Вскоре у Адольфа появилась новая забота — он влюбился. До сих пор его отношения с девочками были довольно робкими. Как-то во время каникул в Шпитале юный Гитлер заигрывал в сарае с девушкой, которая доила корову. Когда же она проявила желание зайти дальше, Адольф выскочил из сарая, опрокинув ведро с парным молоком. На этот раз во время одной из прогулок Гитлер с Кубичеком обратили внимание на идущую навстречу девушку, высокую, стройную, светловолосую. Адольф взволнованно схватил друга за руку. «Ты должен знать,— решительно заявил романтически настроенный юноша,— я в нее влюблен». Девушку звали Штефани Янстен, она жила где-то поблизости. В ее честь Гитлер сочинил несколько стихотворений и зачитал их верному Густлю. Он сознался, что никогда не разговаривал со своей избранницей, но твердо верит, что в конечном счете «все станет ясно и без слов».

Гитлер считал, что они идеально подходят друг другу, так как способны общаться взглядами. «Такие вещи нельзя объяснить,— горячился он.— В ней есть то же, что и во мне». Кубичек советовал Адольфу просто подойти и представиться Штефани и ее матери, которая всегда была рядом. Гитлер отказался: ведь он еще не учится в академии

художеств. Кроме того, как человек, увлеченный нордической и германской мифологией, в которой женщины представлялись возвышенными существами, Адольф, вероятно, воспринимал все сексуальное в романтическом, рыцарском свете. Для юного Зигфрида не подходит обычное знакомство. Фантазия следовала за фантазией. Если ничего не удастся, он похитит ее, пока Кубичек отвлечет мать разговорами.

Штефани продолжала игнорировать присутствие Гитлера, и он вообразил, что девушка сердится на него. (На самом же деле она собиралась обручиться со знакомым лейтенантом и многие годы спустя с удивлением узнала, что Гитлер был ее преданным поклонником.) Адольф заявил Густлю, что больше не в силах это выносить. Он решил прыгнуть с моста в Дунай, но и Штефани должна была последовать за ним. Для этого Гитлер составил подробный план с участием Кубичека, которому отводилась роль очевидца этого трагического события.

Это был удобный выход для чувствительного мечтателя. Успех привел бы к женитьбе и концу художественной карьеры, неудача лишь обострила бы больную фантазию. Адольф увлекся архитектурой, занялся разработкой различных архитектурных проектов. Он мечтал переделать весь Линц, проектируя в уме новые здания и с увлечением описывая их Кубичеку. Так он «перестроил» ратушу, дворец, музей, железнодорожный вокзал, городской парк, «построил» новый отель, мост через Дунай и стометровую стальную башню.

Вскоре Гитлеру стало скучно в Линце, он жаждал посмотреть мир, особенно Вену. Адольф пытался убедить мать разрешить ему поступить в академию художеств. Возражали против этого родственники Клары, считая профессию художника непрестижной. Но Клара не могла сопротивляться воле сына, и в сентябре 1907 года Гитлер, получив свою долю наследства, около 700 крон, отправился в Вену, где ему предстояло сдать вступительные экзамены в академию.

Уехал — и долго ничего не писал, приводя мать в отчаяние. В Вене же произошло следующее. Адольф снял комнату в районе вокзала и уверенно пошел на экзамен по рисованию. Но решение экзаменационной комиссии его потрясло: «неудовлетворительно». На просьбы Гитлера прокомментировать столь жестокую оценку ректор ответил, что

его рисунки «не соответствуют требованиям живописи» и что у него «уклон в сторону архитектуры». Но поступить в архитектурное училище при академии Адольф не мог. Он впал в депрессию и бесцельно слонялся по улицам, часами читал в своей каморке, изредка посещал оперный театр.

А между тем Клара Гитлер умирала. Соседка послала Адольфу письмо, и он поспешил домой. 22 октября доктор Блох сказал Адольфу, что операция, очевидно, запоздала, что «уже выявлены метастазы в плевре» и требуется более серьезное хирургическое вмешательство. Лечение предстояло не только опасное — большие дозы йодоформа на открытой ране,— но и дорогостоящее. Деньги для Гитлера не имели значения. Он предложил сразу заплатить за йодоформ, а чуть позднее — за лечение.

Кубичек был поражен видом своего друга: смертельно бледное лицо, безжизненные глаза. Рассказав о семейной беде, Адольф обрушился на врачей. Как они смеют говорить, что маму нельзя вылечить? Они просто шарлатаны. Он остается дома, чтобы ухаживать за матерью, поскольку его сводная сестра Ангела ждет второго ребенка.

Лечение йодоформом было мучительным для Клары. Сын делал все, что мог, ухаживая за умирающей матерью. Он даже спал рядом с ней. Помогали также Паула, тетя Иоганна и соседка — жена почтальона. Днем Адольф даже готовил еду, и фрау Гитлер с гордостью говорила Кубичеку, что у нее хороший аппетит только благодаря сыну. Густль удивлялся изменениям в поведении друга: «Ни одного сердитого слова, никакой раздражительности». Адольф «жил только ради матери» и, став хозяином в доме, успевал также отчитать Паулу за плохие отметки в школе.

А фрау Гитлер страдала от невыносимых болей. «Она мужественно несла свое бремя,— вспоминал доктор Блох,— не ныла, не жаловалась. Но ее сын очень мучился. Когда он видел, что матери больно, его лицо искажалось от страдания». Вечером 20 декабря, когда пришел Кубичек, бедная женщина, опираясь на Адольфа, сидела в кровати. «Густль,— еле слышно проговорила Клара,— будь хорошим другом моему сыну, когда меня не станет. У него больше никого нет».

К полуночи стало ясно, что конец близок, но семья решила не беспокоить доктора Блоха. Помочь Кларе было уже невозможно. Ранним утром 21 декабря она тихо умерла. Ангела пошла за доктором, чтобы тот засвидетельствовал

смерть, Адольф же остался возле покойной. На листе бумаги он запечатлел лицо матери. Блох пытался успокоить Гитлера, сказав, что в этом случае «смерть явилась спасительницей», но Адольф не реагировал. «За всю практику, — вспоминал Блох, бывший неоднократно свидетелем сцен у смертного одра,— я никогда не видел более безутешного человека, чем Адольф Гитлер».

Глава 2. «ШКОЛА МОЕЙ ЖИЗНИ» (декабрь 1907 — май 1913 г.)

Утро 23 декабря 1907 года было сырым и туманным. Клару вынесли из дома в деревянном гробу, и катафалк направился в церковь. После короткой службы небольшая похоронная процессия — катафалк и две кареты — медленно проехала по мосту через Дунай к Леондингу. Как фрау Гитлер и желала, ее похоронили возле мужа. Члены семьи молча стояли у могилы.

Рождество для Гитлеров оказалось печальным. Семья нанесла визит доктору Блоху, чтобы оплатить расходы за лечение. Это была значительная сумма, составлявшая более десяти процентов состояния Клары, но ее нельзя было назвать чрезмерно высокой, поскольку она включала семьдесят семь визитов на дом и сорок семь курсов лечения. Деньги были уплачены с выражением глубокой признательности. Адольф горячо пожал врачу руку и сказал: «Я буду вечно вам благодарен». «Интересно, помнит ли он эту сцену,— писал Блох тридцать три года спустя в американском журнале «Колльерс».— Думаю, помнит, потому что мне оказывались почести, как ни одному другому еврею в Германии или Австрии».

Адольфа и Паулу пригласили провести день с Раубалями, но Гитлер отказался. Ему было неприятно иметь дело со своим шурином Лео, который постоянно высмеивал его мечту стать художником. Да и остальные родственники до-

пекали его советами. Адольф решил поехать в Вену. Он сумел убедить и Густля отправиться с ним — в Вене его друг имел больше шансов стать профессиональным музыкантом.

После уплаты денег за лечение и похороны от состояния бережливой Клары осталось по крайней мере три тысячи крон. Так как Ангела взяла на себя ответственность за одиннадцатилетнюю Паулу, она, вероятно, получила более двух третей этой суммы. Алоиз Гитлер-младший позднее рассказывал своему старшему сыну, что он убедил Адольфа передать свою часть наследства девочкам, поскольку Раубали жили довольно стесненно. По его словам, Адольф с готовностью уступил свою долю Ангеле, а Алоиз — Пауле. Если это так, то на карьеру в Вене у Адольфа осталось совсем немного: его сиротское пособие и остатки отцовского наследства.

Итак, Гитлер в середине февраля 1908 года попрощался с родственниками и отправился на вокзал в сопровождении Густля, который должен был ехать позднее. Через пять часов восемнадцатилетний Адольф Гитлер в третий раз приехал в Вену, остановившись в снятой им комнате. 18 февраля он отправил Кубичеку открытку:

«Дорогой друг! С нетерпением жду твоего приезда, встречу тебя как следует. Для начала остановишься у меня, а там посмотрим. Пианино можно взять напрокат за 50—60 флоринов. Передай привет своим уважаемым родителям. Приезжай скорее. Твой друг Адольф Гитлер».

Пять дней спустя Густль с чемоданом и сумкой, полной домашней снеди, приехал в Вену. Адольф встретил его очень тепло и привел в свою комнату на втором этаже. Повсюду на полу валялись рисунки. Адольф накрыл стол газетой и разложил свои скудные припасы — молоко, колбасу и хлеб. Густль отложил все это в сторону и, как волшебник, вынул из сумки жареную свинину, свежие домашние булочки, сыр, варенье и бутылку кофе. «Да,— воскликнул Адольф,— вот что значит иметь мать!» Так как комната была слишком маленькой для двоих и пианино, Адольф убедил хозяйку уступить им более просторную комнату. Друзья согласились платить двадцать крон в месяц, вдвое больше первоначальной квартплаты. Пианино заняло много места, и поскольку Адольф привык прохаживаться по комнате, пришлось переставить мебель, чтобы освободить место для его вышагиваний — не более трех метров туда и столько же обратно.

Через два дня Густль зарегистрировался в музыкальной академии и сдал вступительный экзамен. «Не думал, что у меня такой умный друг»,— заметил Гитлер. Но в последующие недели он не проявлял особого интереса к делам приятеля. Зато устроил сцену, когда к Густлю пришла сокурсница, красивая девушка. После ее ухода Гитлер произнес речь о «бессмысленности приема на учебу женщин». Кубичек вспоминал, что Адольф «раздражался по пустякам», все ему не нравилось, «жить с ним было трудно, он постоянно был в ссоре со всем миром, везде видел несправедливость, ненависть и вражду».

Причиной стала очередная неудача Гитлера при поступлении в академию художеств. Он обрушился на преподавателей, обзывая их «сборищем дураков, бюрократов из каменного века». «Всю эту академию надо взорвать!» — заключил взбешенный Адольф. Лицо его горело, глаза сверкали. Наконец он сообщил, что его не приняли. «И что теперь?» — озабоченно спросил Кубичек. «Да ничего»,— спокойно ответил Гитлер и, сев за стол, стал читать книгу.

Адольф вел спартанский образ жизни, экономя деньги. Целыми днями он питался лишь молоком и хлебом. Кубичек ничего не знал о финансовых делах друга. Адольф, очевидно, стыдился своей бедности и иногда сетовал на «эту собачью жизнь». Тем не менее каждую неделю молодые люди ходили в оперный театр.

Вагнер никогда не надоедал Гитлеру. По словам Кубичека, музыка Вагнера «переносила Адольфа в мистический мир, и это помогало ему сдерживать бурные проявления своего невыносимого характера». Например, оперу «Лоэнгрин» друзья слушали десять раз. Кубичек пытался приобщить друга к Верди, но тому понравилась только «Аида». Они также ходили на концерты — Кубичек как студент академии имел право на бесплатные билеты. Густль был удивлен, когда у Адольфа «начал развиваться вкус к симфонической музыке». Особенно ему нравились романтики — Вебер, Шуберт, Мендельсон и Шуман. Производили впечатление также Брукнер, Бетховен и Григ.

Молодой Гитлер проявил большой интерес к условиям жизни венских рабочих. Он осматривал дома, потом в своей комнате проектировал новые кварталы, описывая их Кубичеку. Однажды он исчез на три дня и вернулся, заявив другу, что «дома будут снесены», и всю ночь работал над проектами «образцовых рабочих кварталов». Адольф часто

просиживал за столом с керосиновой лампой до поздней ночи. Кубичеку он сказал, что пишет драму о борьбе в древней Баварии в связи с принятием христианства. Гитлер писал и другие драмы, используя сюжеты из германской мифологии и истории. Иногда он зачитывал Густлю отрывки из своих сочинений.

Произведения Адольфа требовали много декораций, и однажды Густль посоветовал другу написать что-нибудь попроще, например, комедию, на что Гитлер обиделся.

Как-то Кубичек застал его за пианино. «Хочу сочинить музыкальную драму»,— сообщил тот. Итак, Адольфу предстояло сочинить музыку, Густлю — написать ноты. Несколько дней спустя Гитлер сыграл на пианино увертюру. Густлю показалось, что это подражание Вагнеру. Гитлер продолжал работу, но через несколько недель забросил ее — наверное, иссякло вдохновение.

На Пасху Кубичек поехал домой, где задержался в связи с болезнью. Свой день рождения, 20 апреля, Гитлер встретил в полном одиночестве. Вернувшись наконец, Густль убедил друга почаще выезжать на природу. Была весна, друзья гуляли по Венскому лесу, катались на пароходе по Дунаю. Хотя в это время года молодые люди думали о любви, секс не играл большой роли в их жизни. Нередко встречные женщины бросали в их сторону недвусмысленные взгляды. Сначала Кубичек думал, что их внимание направлено на него, но вскоре убедился, что их интересует сдержанный Гитлер, который холодно игнорировал эти молчаливые приглашения. Кубичек и Гитлер сексом не занимались, но часами рассуждали о женщинах, любви и браке. Обычно Адольф доминировал в этих дискуссиях. Он заявлял, что должен хранить свое «пламя жизни», что до брака мужчина и женщина должны заботиться о чистоте тела и души, чтобы произвести здоровое потомство.

Но его занимала и темная сторона секса. Адольф часами разглагольствовал о «развратных обычаях», обрушивался на проституцию, осуждая не только проституток и их клиентов, но и общество в целом. Однажды после посещения театра он взял Густля за руку и предложил ему посмотреть на эту «клоаку разврата». Они двинулись по улице Шпиттельберггассе, где обитали жрицы любви.

Проходя мимо окраинных домишек, ярко освещенных изнутри, можно было увидеть развлекающихся там деву-

шек. Как вспоминал Кубичек, «они сидели полуголые, наводили красоту, причесывались, глядя в зеркало, ни на минуту не забывая о проходящих по улице мужчинах». Иногда какой-нибудь прохожий останавливался перед домом, перебрасывался парой слов с девушкой, и тогда свет выключался.

По возвращении домой Адольф произнес длинную тираду о разъедающей общество язве проституции.

Густль успешно закончил учебный год и принял участие в выпускном концерте. Были исполнены три его песни и две части струнного секстета. Адольф гордился успехами друга. В начале июля Кубичек собрался в Линц к родителям. Адольф о своих планах не распространялся. На вокзале они тепло попрощались, при этом Адольф несколько раз повторил, что теперь ему будет очень одиноко.

Друзья переписывались. Гитлер сообщал, что много работает и его мучают клопы, сетовал на бронхит и неустойчивую венскую погоду. В конце августа Адольф уехал в Шпиталь. Но эта поездка в родные места не принесла ему радости. Родственники раздражали его своими советами подыскать стоящую работу. Даже двенадцатилетняя Паула, глядя на взрослых, пыталась поучать старшего брата. Адольфу были свойственны родственные чувства, но ему не хватало взаимопонимания и общих интересов с родственниками. В результате он снова уехал в Вену и больше в Шпитале не появлялся.

В середине сентября Адольф сделал очередную попытку поступить в академию художеств. Но представленные им рисунки, плоды годового труда, были сразу же отвергнуты, Гитлер не был даже допущен к вступительным экзаменам. Этот удар усугубился проблемой выживания. Деньги иссякли, и в середине ноября Гитлер снял более дешевую комнату в шумном районе возле вокзала, даже не оставив записки для Кубичека, который вот-вот должен был вернуться. Когда тот приехал, хозяйка сообщила, что его друг выселился и не оставил адреса. Шли недели, но от Адольфа не поступало никаких известий.

Гитлер прекратил связь и с Кубичеком, и с родственниками, со всем, что напоминало ему о Линце и доме. Свое двадцатилетие Адольф встретил опять в одиночестве, погрузившись в мир своих грез. Соседи вспоминали о нем как о «вежливом, но необщительном» человеке. Правда, одна кассирша из ресторана, где Гитлер иногда обедал, хвалила его,

потому что «он был очень серьезным и спокойным, читал книги, не то что другие молодые люди».

К концу лета положение Адольфа еще более ухудшилось. Если не считать двадцати пяти крон сиротской пенсии в месяц, его ресурсы иссякли. Он переселился в крохотную комнатку и зарегистрировал в полиции изменение адреса, при этом поставил в графе «профессия»: «писатель». Но через месяц Гитлер покинул и это последнее прибежище, оказавшись на дне безысходной бедности. В полиции было лишь отмечено, что он выселился и не оставил адреса. В течение следующих трех месяцев Адольф бродяжничал, ночуя в парках и подъездах. Зима в 1909 году наступила рано, и уже в конце октября Гитлер был вынужден искать какое-то пристанище, находя его в различных ночлежках, содержащихся благотворительными организациями.

«Даже сейчас я содрогаюсь,— писал позднее Гитлер,— когда вспоминаю об этих жалких притонах, грязных и шумных... Это был самый печальный период в моей жизни». По утрам Адольф занимал очередь за миской супа, выдаваемого бродягам одной церковной организацией.

К концу осени он продал часть одежды, в том числе и черное зимнее пальто. Перед самым Рождеством Гитлер, дрожа от холода в своей легкой куртке, узнал о ночлежке для бездомных на окраине Вены, где за минимальную плату давали крышу над головой. Обитатели обязаны были благоустраивать территорию или помогать по хозяйству, а также соблюдать чистоту в комнатах.

В тот холодный декабрьский вечер Гитлер стоял в очереди с другими голодными бродягами, которым не терпелось попасть под заветную крышу. Когда дверь открылась, толпа бездомных заполнила вестибюль. Гитлер получил карточку на недельное проживание и койку в одной из громадных комнат. Для человека, привыкшего к уединению, это было страшным унижением. Адольфу пришлось вымыться в общем душе и сдать одежду на санобработку. Потом его группа строем, как в тюрьме, прошла в столовую, где каждый получил тарелку супа и кусок хлеба. Можно представить отчаяние гордого молодого человека, оказавшегося в заведении, где личность теряла всякую индивидуальность, превращаясь просто в частичку громадного стада.

Сосед по койке, здешний старожил по имени Райнхольд Ханиш, взял новичка под свою опеку и растолковал ему, что к чему. Когда-то Ханиш тоже мечтал стать художни-

ком, и на него произвело впечатление красноречие Гитлера. Тот в свою очередь проявил живой интерес к рассказам соседа, который побывал во многих уголках Германии и несколько лет провел в Берлине. Ханиш также объяснил новичку, как выжить зимой. Утром они уходили из приюта и получали порцию супа у церкви, потом где-нибудь грелись и к наступлению темноты возвращались в приют. Иногда им удавалось заработать несколько крейцеров на расчистке снега или переноске багажа на вокзале. Но Гитлер был слишком слаб для тяжелой физической работы. Однажды понадобились землекопы, и Адольф решил наняться. Ханиш посмотрел на него и сказал: «Забудь об этом. Ты просто не вылезешь из ямы».

Гитлер пытался попрошайничать, но у него для этого не хватало ни умения, ни нахальства. Ханиш не мог понять, почему такой образованный и талантливый человек стал бродягой, и как-то спросил у приятеля, чего он ждет. «Не знаю»,— безразличным тоном ответил тот. Адольф страшно похудел, одежда болталась на нем, как на вешалке. Ханиш уговаривал приятеля рисовать почтовые открытки. Гитлер отказывался — он так плохо одет, что никто не станет покупать их у него. Ханиш предложил свою помощь при условии, что выручка будет делиться пополам. Гитлер ответил, что у него нет никаких принадлежностей для рисования — он их распродал вместе с одеждой. «Но разве у тебя нет родственников?» — изумился Ханиш. Гитлер написал кому-то открытку, вероятно, тете Иоганне, с просьбой прислать до востребования немного денег. Через несколько дней он получил пятьдесят крон. Стоя в очереди в приют, довольный Адольф не мог удержаться от соблазна показать банкноту приятелю. Тот, как более опытный, посоветовал спрятать деньги подальше, иначе его могут ограбить или «взять взаймы».

Прежде всего необходимо было одеться потеплее, так как Гитлер постоянно кашлял. Он купил поношенное пальто за двенадцать крон. Ханиш настаивал, чтобы его приятель сразу же приступил к работе. Но тот не спешил, тем более, что в их казарме не было для этого условий. Адольф решил переселиться в другой приют, в центре города, где обитателям предоставлялись хотя и крохотные, но отдельные комнатушки.

В начале февраля 1910 года Гитлер отправился в это заведение. Ханиш его не сопровождал: он получил место сре-

ди обслуживающего персонала приюта, к тому же ему надоело быть нянькой при Гитлере. Действительно, условия в новом приюте оказались получше: за небольшую плату неплохо кормили. Можно было готовить и самому. Здесь были читальня, комната для игр, библиотека. Большинство жило в общих комнатах, но за дополнительную плату можно было получить маленькую каморку с окном. Соблюдалась идеальная чистота. Внутренний распорядок запрещал находиться в комнатах днем, играть позволялось только в шахматы, шашки и домино, за шум и скандалы виновные изгонялись немедленно. Употребление крепких спиртных напитков запрещалось (пиво и вино к таковым не относились).

В такое строгое заведение попал Гитлер. Он заплатил за проживание — полкроны в день, принял душ, прошел санобработку и получил каморку, где впервые за долгое время почувствовал себя личностью. Через неделю явился Ханиш: он по горло был сыт работой прислуги. «Опекун» снова взялся за Адольфа и сумел добиться для него места в одной из рабочих комнат. Вскоре Гитлер стал выпускать «продукцию» — рисовать почтовые открытки с видами Вены, а Ханиш продавал их в пивных, оставляя себе половину выручки. Через несколько недель плоды такого сотрудничества дали о себе знать. Правда, это был относительный заработок: Гитлер не мог себе позволить купить даже новую рубашку. А следует отметить, что в обносившейся одежде, длинноволосый и с бородой, он выглядел не лучшим образом.

Тепло и пища пробудили у Адольфа интерес к политике. В значительной мере благодаря ему рабочая комната превратилась в своеобразный форум. Здесь собиралась «интеллигенция» приюта — пятнадцать—двадцать человек, увлеченных литературой и искусством. Терпели и нескольких рабочих, «если они себя прилично вели». Адольф стал лидером группы, произнося речи о политической коррупции и других проблемах текущей жизни. Эти лекции иногда перерастали в острые дебаты. Если политическая дискуссия разгоралась в другом конце комнаты, Гитлер не мог удержаться — бросал работу и, размахивая кистью, вступал в спор. Ханиш, возвращаясь после очередной торговой операции, обычно успокаивал своего партнера и заставлял его браться за работу. Но в его отсутствие Адольф снова осуждал негодяев социал-демократов или восхвалял лидера антисемит-

ской христианско-социалистической партии Карла Люгера. «Когда он возбуждался,— вспоминал Ханиш,— он не мог сдерживаться — кричал, размахивал руками. Когда же был спокоен, то вел себя в общем достойно».

Адольф так увлекся политикой, что стал посещать заседания палаты депутатов. Он с интересом слушал дебаты, перераставшие иногда в крикливые споры и даже драки. По возвращении Гитлер продолжал свои разглагольствования о предательстве социал-демократов.

Ханиш не слышал, чтобы Гитлер обрушивался на евреев, и остался убежденным в том, что его друг, среди любимых актеров и певцов которого были и евреи,— не антисемит. Наоборот, Адольф выражал благодарность еврейским благотворительным организациям, услугами которых пользовался, а также высказывал слова восхищения по поводу сопротивления евреев преследованиям, которым они постоянно подвергались. Ханиш вспоминал лишь, как однажды Гитлера кто-то спросил, почему евреи остаются чужаками в приютившей их стране, и тот с раздражением ответил, что они принадлежат к «другой расе» и имеют «другой запах».

Двое из ближайших друзей Гитлера в приюте были евреями: одноглазый слесарь по кличке Робинзон, часто ему помогавший, и бывший торговец картинами из Венгрии Йозеф Нойман, который пожалел Адольфа и подарил ему вполне приличный холст.

Тем не менее в «Майн кампф» Гитлер утверждал, что в Вене он стал убежденным антисемитом, потому что евреи «хладнокровно, бесстыдно и расчетливо» руководили проституцией, контролировали мир искусства и, что возмущало его больше всего, «господствовали» в социал-демократической прессе. Вполне вероятно, что эти открытия пришли к Адольфу намного позже, а его ранние антисемитские предрассудки мало чем отличались от предубеждений средних венцев. Отдельные организованные группы прививали ненависть к евреям, и молодой Гитлер жадно читал бульварные листки, заполнявшие газетные киоски.

Позднее Гитлер говорил фрау Ханфштенгль, что его ненависть к евреям — «личное дело». Можно лишь гадать о подоплеке этого «личного дела». Возможно, это была подсознательная ненависть к доктору Блоху, хотя Гитлер через год после смерти матери послал ему теплое новогоднее поздравление, подписав в конце: «Всегда благодарный Вам Адольф Гитлер». Дело в том, что часто скорбящий сын

осознанно или подсознательно винит в смерти любимого родителя врача. Не исключено, что упомянутое «личное дело» касалось какого-нибудь торговца картинами, то ли деятеля академии художеств, то ли еще кого-то.

К весне 1910 года Гитлер так увлекся политикой, что это сказалось на его заработках. В ответ на упреки Ханиша он давал обещания исправиться, но как только партнер уходил, снова хватался за газеты или ввязывался в дискуссии. Наконец, по какой-то причине — возможно, ему надоели приставания Ханиша,— он исчез со своим еврейским другом Нойманом. Еще раньше они намеревались эмигрировать в Германию. Но туда они не попали, застряв в Вене, и через пять дней вернулись без единого крейцера в кармане. Гитлер с жаром принялся за работу. Но вскоре партнерство с Ханишем прервалось, и Адольф снова оказался один.

Осенью Гитлер предпринял очередную попытку поступить в академию художеств. С большим рулоном рисунков и акварелей он прошел в кабинет профессора Рихеля и попросил его содействия. Работы молодого человека не произвели на профессора должного впечатления, хотя он признал, что выполнены они со знанием законов композиции и с похвальной тщательностью прорисовки. Расстроенный Гитлер вернулся в приют и возобновил свою работу. Но без Ханиша Адольф не мог сбывать картины. Отчаянно нуждаясь в деньгах, он обратился за помощью к тете Иоганне, с которой расстался несколько лет назад в ссоре. Тетушка была при смерти и, вероятно, испытывала раскаяние по поводу плохого обращения с Адольфом. 1 декабря она взяла в банке все свои сбережения — весьма приличную сумму в 3800 крон — и значительную часть отдала племяннику.

Через несколько месяцев, в начале 1911 года, Иоганна умерла, не оставив завещания. Когда Ангела Раубаль узнала, что Адольфу досталась значительно большая доля тетушкиных денег, она подала иск в суд, требуя половины сиротского пособия сводного брата. Это было справедливо, поскольку Ангела, недавно овдовев, содержала не только своих детей, но и Паулу. Под таким давлением, а возможно, повинуясь укорам совести, Адольф вообще отказался от своего пособия, которое было основным источником его существования в последние несколько лет. Он приехал в Линц и, заявив, что ныне «способен себя содержать», отказался от своего сиротского пособия в пользу сестры Паулы. Это было соответствующим образом оформлено судом.

Адольф снова принялся за работу. Товарищи уважали его за талант, вежливость, готовность помочь. Но когда дело доходило до политики, Гитлер бросал кисть и ввязывался в спор, крича и жестикулируя.

У многих это вызывало раздражение, даже гнев, и однажды на кухне его крепко побили двое рабочих: он обозвал их «идиотами» за принадлежность к социал-демократической организации. Адольф заработал большую шишку на голове, ссадины на лице, ему намяли бока и ушибли руку.

Вскоре у Гитлера появился новый приятель — Йозеф Грайнер, молодой человек с богатым воображением. Они часами беседовали о политике, экономике, астрологии и оккультизме, о легковерии людей. Поводом для последней темы послужило рекламное объявление в газетах, на котором была изображена женщина с волосами до пола. В пояснительном тексте говорилось: «Я, Анна Чиллаг, с длинными, как у Лорелеи, волосами, вырастила эти красивые волосы с помощью особой помады, которую изобрела сама. Любая женщина, которая хочет иметь такие красивые волосы, должна написать мне и получить бесплатно чудесный совет».

Грайнер вспоминал, что Гитлера это взволновало. «Вот что значит реклама!— воскликнул он.— Главное — пропаганда, и люди поверят любой чепухе. Пропаганда заставит сомневающихся верить. Глупых людей — тьма тьмущая».

В последующие месяцы 1911-го и в 1912 году Гитлер в какой-то мере утихомирился. Он больше работал, меньше спорил. Качество его работ улучшилось. Акварель с изображением одной венской церкви, например, была такой точной, что могла быть принята за фотографию. Технически картины Гитлера были выполнены на довольно высоком уровне, особенно для человека без художественного образования. Но это касалось изображения строений. Когда же Адольф рисовал людей, лица у них получались невыразительными и диспропорциональными. Короче говоря, Гитлер был больше ремесленником, чем художником, больше архитектором, чем живописцем.

С тех пор он больше не хвастался своими успехами. Когда товарищи собирались вокруг очередной законченной картины и говорили комплименты, автор скромно отвечал, что он всего лишь дилетант и еще как следует не научился рисовать. Одному приятелю Адольф признался, что рисует лишь ради денег. С первыми финансовыми успехами пришло и желание выглядеть более благопристойно. Одежда у

Адольфа теперь была чистой, хотя и поношенной, он всегда был тщательно выбрит. Молодой человек стал таким респектабельным, что директор приюта иногда даже останавливался перекинуться с ним парой слов — такой чести обитатели приюта удостаивались редко.

Изменилось и поведение Гитлера, он стал более осмотрительным в спорах о политике. Получив ценный урок, «я научился меньше ораторствовать, больше слушать даже людей с примитивным мышлением»,— писал Адольф. Он понял, что нельзя влиять на людей, настраивая их против себя.

По воспоминаниям Ханиша, Гитлер завоевал репутацию интеллигента в рабочей комнате. «Он был дружелюбным и очаровательным человеком, который интересовался судьбой каждого товарища». Но при этом Адольф всегда соблюдал дистанцию. «Никто не позволял себе с ним фамильярничать. Но он не был гордым или высокомерным. Наоборот, он старался слыть добряком». Если кому-нибудь нужно было пятьдесят геллеров на ночлег, Адольф всегда вносил свою долю. Ханиш несколько раз видел, как он со шляпой по кругу собирал нужную сумму.

Во время обычных политических споров Гитлер продолжал работать, иногда вставляя пару слов. Но стоило комунибудь заговорить о «красных» или «иезуитах» или сделать замечание, задевающее его за живое, Адольф тут же вскакивал и начинал спорить, «не избегая вульгарных выражений». Потом он замолкал и, делая пренебрежительный жест, возвращался к работе, «как будто хотел сказать: жаль на вас тратить слова, все равно не поймете».

В каком-то смысле Гитлер примирился с Веной и ее дном. Но этот город интересовал его все меньше и меньше. Уже давно мысли Адольфа были устремлены к Германии, к «отечеству». Над его койкой в рамке висел стихотворный лозунг:

«Мы смотрим, свободные и открытые,
Мы смотрим постоянно,
Мы смотрим с радостью
На германское Отечество!
Хайль!»

Пять с половиной лет провел Гитлер в Вене, любя и ненавидя славную столицу Габсбургов. Это был период лишений и нищеты, «самый мерзкий период» его жизни. Но это было и время, которое сформировало его больше, чем ка-

кой-либо университет. Позднее Гитлер писал: «Это была самая тяжелая, но и самая совершенная школа моей жизни».

24 мая 1913 года, упаковав все свои вещи в одну небольшую потрепанную сумку, Адольф покинул приют. Ханиш вспоминал, что друзья с сожалением расставались с ним. «Мы потеряли хорошего товарища, который всех понимал и всем помогал как мог».

Покинув Вену, Гитлер направился в Мюнхен. «Я попал в этот город мальчиком, а покинул его мужчиной. Здесь были сформированы основы моей философии вообще и политическое мировоззрение в частности»,— позже написал он о годах, проведенных в австрийской столице.

Глава 3. «ИСПОЛНЕННЫЙ ЭНТУЗИАЗМА» (май 1913 — ноябрь 1918 г.)

1

С первого момента пребывания в столице Баварии все здесь производило на Гитлера благоприятное впечатление. Адольф смотрел как зачарованный на старинные здания и памятники. Он проникся глубокой любовью к Мюнхену. Истинно германский город!

После получасовой прогулки Гитлер обратил внимание на одно объявление: «Сдаются меблированные комнаты респектабельным мужчинам». В доме жил портной Попп с женой. Фрау Попп показала Адольфу комнату на третьем этаже с кроватью, диваном, столом и стулом. «Мы с ним быстро договорились,— вспоминала хозяйка.— Он сказал, что комната ему подходит, и заплатил задаток». В регистрационном бланке он записал: «Адольф Гитлер. Художник-архитектор из Вены». На следующее утро он купил мольберт и начал рисовать.

Гитлер приехал в Мюнхен, исполненный надежд. Он на-

меревался в течение трех лет изучать искусство и архитектуру, но действительность оказалась намного сложнее. Гитлеру не удалось поступить в местную академию художеств. Заработать в Мюнхене на жизнь художнику было даже труднее, чем в Вене. Коммерческий рынок картин оказался невелик, и Адольф вынужден был униженно предлагать картины на продажу в пивных или заходя в дома. Но он был убежден, что, несмотря на все препятствия, в конце концов достигнет цели, которую поставил перед собой.

В 1913 году Мюнхен со своими 600 тысячами жителей был после Парижа, пожалуй, самым оживленным культурным центром в Европе.

Богемный дух, приветствовавший даже самые необычайные и нелепые теории искусства и политики, существовал в Мюнхене с начала века и привлекал незаурядных личностей всего мира. Здесь провел больше года один политический экстремист под фамилией Майер — это был Владимир Ильич Ульянов, именуемый в подполье Лениным. В Мюнхене он писал трактаты, основанные на теориях Маркса.

Теперь Гитлер часто посещал кафе и рестораны богемного района Швабинг, наслаждаясь атмосферой свободной мысли. Его мятежная и независимая натура никому не мешала. Он был всего лишь одним из многих эксцентриков и всегда находил собеседника, готового выслушать его. Художественный стиль Адольфа не изменился — он оставался академическим без каких-либо элементов экспериментирования.

Вскоре у Гитлера проснулся интерес к марксизму, и он часами просиживал в библиотеках, изучая то, что называл «доктриной уничтожения». «Я погрузился в теоретическую литературу этого нового мира и потом сравнивал его с текущими событиями в политической, культурной и экономической областях. Впервые я попытался освоить эту всемирную чуму».

Возвращался Гитлер из библиотек с парой книг в одной руке и куском колбасы и хлеба в другой. Герр Попп заметил, что он больше не питается в ресторанах, и не раз приглашал его перекусить. Но тот всегда отказывался. Для фрау Попп Адольф был «очаровательным австрийцем», приятным молодым человеком, но каким-то «скрытным». «Нельзя было догадаться, о чем он думает». Часто Гитлер оставался дома, с утра до вечера уткнувшись в толстые книги. Когда хозяйка предлагала ему посидеть вечером на

кухне, он всегда под каким-нибудь предлогом отклонял предложения. Однажды она спросила его, что все эти книги имеют общего с рисованием. Адольф улыбнулся, взял ее за руку и сказал: «Дорогая фрау Попп! Все в жизни может пригодиться». После долгого сидения дома он уходил в пивную или кафе и без труда находил слушателей. Кто-нибудь обязательно возражал, и начинались шумные политические дебаты, в которых Гитлер оттачивал свои идеи и теории.

Зима принесла ему новые лишения, потому что уменьшился спрос на его картины. А 18 января 1914 года Гитлер получил предписание явиться для прохождения военной службы в Линц 20 января. В случае неявки Адольфу угрожали штраф и тюремное заключение. Он был в отчаянии. Еще три года назад в Вене он изъявил желание пойти на службу в армию, но ответа не получил. Гитлер отправился к австрийскому генеральному консулу, который с симпатией отнесся к молодому изможденному художнику в поношенной одежде и разрешил послать в Линц телеграмму с просьбой отсрочить призыв до начала февраля. Через день пришел ответ: «Явиться 20 января». Но 20 января уже наступило. Тронутый отчаянием и внешним видом призывника консул разрешил ему написать в Линц письмо с объяснением. Это была мольба о милосердии, полная грамматических ошибок. Законопослушный Гитлер описал свое тяжелое материальное положение и вообще свою полную лишений жизнь. Сжалившийся над ним консул приложил сопроводительную записку, в которой просил военные власти отнестись к молодому человеку по возможности снисходительно.

Власти Линца пошли навстречу и перенесли дату призыва на 5 февраля, а место явки — в близлежащий Зальцбург. Гитлер явился на призывной пункт, но был признан «слишком слабым, негодным для боевой и вспомогательной службы, неспособным носить оружие». Его истощенный вид, вероятно, стал достаточным основанием для такого определения. Адольф вернулся в свою каморку и засел за плакаты.

Но его жизнь художника и подающего надежды архитектора была прервана 28 июня 1914 года, когда в Сараево сербским студентом Гаврилой Принсипом был убит наследник австро-венгерского престола Франц Фердинанд. Неприязнь Гитлера ко всему славянскому, которая укоренилась еще в Вене, теперь переросла в ненависть. События развивались стремительно. Ровно через месяц Австро-Венг-

рия объявила войну Сербии. В ответ на это в России, пришедшей на помощь славянской стране, началась всеобщая мобилизация. 1 августа Германия объявила войну России.

Сообщение о войне с Россией было с энтузиазмом встречено громадной толпой на мюнхенской площади. В первых рядах стоял Адольф Гитлер, без шляпы, аккуратно одетый, с усиками. Никто не хотел войны больше, чем он. «Даже сегодня,— писал Гитлер в «Майн кампф»,— я не стыжусь признаться, что, исполненный энтузиазма, я упал на колени и от всего сердца воздал благодарность Богу за то, что он предоставил мне возможность жить в такое время». Для Гитлера это стало началом реализации его мечты о Великой Германии.

В стране началась военная лихорадка, вызванная больше эмоциями, чем логикой. Будучи в состоянии, близком к истерии, люди жаждали восстановления справедливости любой ценой. Война воспринималась ими как некое магическое освобождение. Для интеллигентов она была выходом из будничного состояния. Даже социалисты, которых Вильгельм недавно обозвал паразитами, грызущими имперский дуб, приняли приглашение кайзера присоединиться к патриотическому крестовому походу.

Приверженцы пангерманизма неистовствовали. «Мы должны собрать всех немцев в один рейх, в единый народ». Эти слова полностью отражали стремления Адольфа Гитлера. Он считал Гогенцоллернов наследниками средневековых тевтонских рыцарей, которые установили германское колониальное господство над славянскими землями на востоке, и поэтому был убежден, что Германия должна воевать за «свободу и будущее».

3 августа, в день объявления войны Франции, Гитлер послал петицию баварскому королю Людвигу III с просьбой зачислить его в армию. На следующий день патриотически настроенный молодой человек получил ответ, в котором сообщалось, что он принят как доброволец. 16 августа Гитлера приписали к 1-му Баварскому пехотному полку.

Тем самым были решены его две самые жгучие проблемы: во-первых, он не станет служить в австрийской армии, во-вторых, ему не придется зимовать в одиночку. Надев мундир, Гитлер опасался лишь того, что война закончится без его участия.

Несколько дней спустя его перевели во 2-й Баварский полк, и он вместе с другими солдатами начал осваивать азы

боевой и строевой подготовки. Через неделю Гитлера приписали к 16-му Баварскому резервному пехотному полку. Товарищ Адольфа Ганс Менд заметил, что когда тот получил винтовку, он «смотрел на нее с восторгом, как женщина на драгоценность».

2

1 октября Гитлер сообщил своим квартирным хозяевам, что его полк покидает Мюнхен. Он пожал руку герру Поппу и попросил его написать сестре, если он погибнет. Затем Адольф обнял хозяйку и двух ее детей. Фрау Попп расплакалась. Тогда Гитлер резко повернулся и выбежал из дома. На следующий день солдаты приняли присягу, по этому случаю им выдали двойные пайки, а на обед подали жареную свинину с картошкой.

На следующее утро полк выступил маршем в западном направлении, к Лехфельду, находящемуся на расстоянии около 60 километров от Мюнхена. С ранцами на спине солдаты шагали почти одиннадцать часов под проливным дождем. «Меня поместили в конюшне,— писал Гитлер фрау Попп.— Я весь промок и не могу уснуть». К полудню третьего дня они прибыли к месту назначения смертельно уставшими, но, стараясь не показать этого, гордо прошли в лагерь на виду у группы французских военнопленных.

Первые пять дней в лагере с интенсивной подготовкой и ночными маршами были для Адольфа самыми трудными. Только 20 октября Гитлер выкроил время написать фрау Попп и сообщить ей, что вечером они выступают на фронт. «Я ужасно счастлив,— признавался он в заключение.— После прибытия на место назначения сразу напишу и дам вам адрес. Надеюсь, мы скоро будем в Англии». В этот вечер новобранцев погрузили в эшелон, и Адольф Гитлер, архипатриот Германии, наконец получил возможность участвовать в битве за отечество.

Когда солдаты заполняли вагоны, лейтенант Фриц Видеман, профессиональный военный, будущий адъютант Гитлера (в 1935—1939 гг.), смотрел на них со смешанным чувством. Командиры были в основном из запаса, солдаты

получили далеко не лучшую подготовку. Не хватало пулеметов, не было касок. В атаку солдатам предстояло идти в фуражках. Но моральный дух был на высоте, слышались песни и смех. Все надеялись на победу к новому году.

Восемь дней спустя рота Гитлера была брошена в бой у Ипра. Когда в утреннем тумане новобранцы выступили на смену подразделению на переднем крае, на стоящий перед ними лес обрушилась английская и бельгийская артиллерия. Деревья падали, как соломинки. Солдаты поползли вперед. Но атака захлебнулась.

Бой длился четыре дня. Был убит командир полка, его заместитель, подполковник,— тяжело ранен. К середине ноября в 16-м полку осталось 39 офицеров и менее 700 солдат, тем не менее было приказано продолжать атаки.

Немецкое наступление и само сражение превратилось в позиционную, окопную войну. Для штаба и прикомандированных к нему солдат наступал сравнительно спокойный период — они расположились в глубине обороны, около деревни. Наконец у Гитлера появилась возможность рисовать. Он вынул свои художественные принадлежности и написал несколько акварелей.

А у лейтенанта Видемана и сержанта Аманна появилось время составить список представленных к наградам. Они рекомендовали Гитлера к награждению Железным крестом первой степени, но так как он считался «штабным», его фамилию поставили в конце списка.

Лишь по этой причине Гитлер получил крест второй степени. Но он был очень доволен и через два дня написал фрау Попп: «Это был самый счастливый день в моей жизни». Гитлер также получил звание ефрейтора и заслужил уважение товарищей.

Рядовой Ганс Менд после Мюнхена не видел Гитлера. Тогда Адольф казался слишком слабым даже для того, чтобы идти в полной боевой выкладке. Теперь же, с винтовкой в руках и каской на голове, он легко двигался, глаза его блестели — в общем, настоящий солдат с передовой. Другие посыльные уважали его за бесстрашие, но не могли понять, почему этот австриец так рискует жизнью. «Он какой-то странный,— сказал один из них Менду,— живет в своем собственном мире, но в целом хороший парень».

Несмотря на тирады о вреде курения и выпивки, сослуживцам «Ади» в целом нравился, потому что на него всегда можно было положиться. Он никогда не бросал раненого

товарища, не притворялся больным, если надо было выполнить опасное задание. Кроме того, в моменты затишья Адольф был интересным собеседником, не лишенным чувства юмора. Например, как-то раз один солдат подстрелил зайца и решил взять его с собой в отпуск, но уехал с пакетом, в который подложили кирпич,— кто-то подшутил над ним. Гитлер передал жертве шутки два рисунка: на одном солдат разворачивает дома кирпич, на другом — его товарищи едят зайца.

В отличие от многих других Гитлер почти не получал посылок из дома и, чтобы удовлетворить свой отменный аппетит, был вынужден покупать дополнительную еду у поваров, за что получил прозвище «обжора». В то же время он был слишком горд, чтобы участвовать в дележе посылок своих товарищей, и обычно резко отказывался от этого: «Я не могу отплатить тем же». Почти так же он отверг предложение лейтенанта Видемана выделить ему к Рождеству десять марок из фондов столовой.

Вскоре после рождественских праздников полк снова был послан на передовую. «Мы все еще на старых позициях и постреливаем во французов и англичан,— писал Адольф Поппам 22 января 1915 года.— С нетерпением ждем смены. Надеемся, что скоро будет наступление по всему фронту. Так вечно продолжаться не может».

Во время очередного затишья в окоп, где находился Гитлер, прыгнул белый терьер, вероятно, принадлежавший английскому солдату. Гитлер схватил собаку, которая сначала пыталась вырваться. «Пес не понимал ни слова по-немецки, но я терпеливо приручал его. Постепенно он привык ко мне». Гитлер дал собаке кличку Фуксль (Лисенок) и научил ее различным трюкам, например карабкаться по лестнице. Фуксль всегда был при хозяине, даже ночью спал возле него.

Когда Гитлера спрашивали, откуда он, тот обычно отвечал — из 16-го полка (но не из Австрии). После войны он собирался жить в Германии, но сначала надо победить. В этом вопросе Адольф был фанатиком, и если кто-нибудь говорил, что победы в этой войне не добьешься, он приходил в ярость и, шагая взад-вперед, кричал, что Германия добьется своего.

К концу лета 1915 года Гитлер стал незаменимым человеком для полкового штаба. Телефонные линии часто повреждались разрывами снарядов, и связь поддерживалась

только благодаря посыльным. «Мы очень скоро увидели, кто из посыльных самый надежный»,— вспоминал лейтенант Видеман. Гитлер пользовался уважением товарищей как за свою смекалку, так и за исключительную храбрость. Но было в нем нечто, отличающее его от других,— ярко выраженное служебное рвение. Одному коллеге-посыльному Гитлер как-то сказал: «Самое важное — это доставить донесение к месту назначения. Это существеннее, чем личная амбиция или интерес». Он всегда готов был выполнить любое поручение и часто делал это добровольно.

Однако постоянная беготня с приказами начала сказываться на Гитлере. Он еще больше исхудал. Когда перед рассветом возобновляла огонь английская артиллерия, Адольф вскакивал с койки, хватал винтовку и начинал расхаживать взад-вперед, пока все не просыпались. Он стал очень раздражительным. Когда кто-то жаловался на уменьшение мясных пайков, Гитлер резко отвечал, что французы в 1870 году ели крыс.

В начале 1916 года полк Гитлера был передислоцирован в южном направлении и принял участие в битве на Сомме. Началась она с атаки английских войск, такой кровопролитной, что в первый же день союзники потеряли почти 20 тысяч солдат. В районе Фромеля артиллерийским огнем в ночь на 14 июля была выведена из строя связь. Гитлер и еще один посыльный были направлены для доставки приказов. Совершая перебежки и спасаясь от огня в воронках от снарядов, они выполнили поручение, но товарищ Гитлера упал от истощения. Адольф приволок его обратно на себе.

Сражение продолжалось с большими потерями для обеих сторон три месяца. Союзники непрерывно атаковали, но это была бессмысленная бойня, ибо немецкая оборона устояла. Гитлер оставался живым и невредимым, но в конце концов и ему не повезло. В ночь на 7 октября в узком тоннеле, ведущем к полковому штабу, у выхода разорвался вражеский снаряд. Гитлер был ранен в бедро.

3

Адольфа эвакуировали в полевой госпиталь. Его первая рана не была серьезной, но в палате Гитлер пережил странный шок, когда услышал голос медсестры. «Услышать впервые за два года, как женщина говорит на родном языке»,— это было выше его сил, и он потерял сознание. Вскоре его отправили санитарным поездом в Германию. В военном госпитале неподалеку от Берлина фронтовики с передовой, отвыкшие спать на белых простынях, сначала даже не отваживались на них ложиться. Гитлер постепенно привык к комфорту, но ни в коем случае не к цинизму некоторых раненых. Когда он поправился, его отпустили на воскресенье в Берлин. Адольф увидел голод и крайние лишения, а также «сволочей, агитирующих за мир».

Из госпиталя Гитлера направили в резервный батальон в Мюнхене. Там, как он писал в «Майн кампф», он наконец нашел объяснение падению морального духа. Евреи!

Именно они в тылу плели заговор с целью добиться падения Германии. «Почти каждый писарь был еврей и почти каждый еврей — писарь. Я был изумлен, видя эту шайку вояк из определенных людей, и не мог не подумать о том, как их мало на фронте». Гитлер был убежден, что «еврейские финансы» захватили контроль над германской экономикой. «Паук начал медленно высасывать кровь из тела народа».

Гитлер не мог больше торчать в Мюнхене. Настроение солдат в запасном батальоне вызывало в нем отвращение. Никто не чтил фронтовиков. Эти новобранцы и представления не имели о его страданиях в окопах. Адольф рвался к своим и в январе 1917 года написал лейтенанту Видеману, что «снова годен для службы» и хочет «вернуться в свой старый полк, к старым товарищам». 1 марта Адольф опять прибыл в 16-й полк, где его тепло встретили и офицеры, и солдаты. А его собака Фуксль была просто вне себя от радости. Ротный повар приготовил в честь Гитлера праздничный ужин — картофельный рулет, хлеб, варенье и пирог. Наконец Гитлер был среди своих, дома. Он полночи бродил с фонарем в руке, закалывая штыком крыс, пока кто-то не запустил в него сапогом.

Вскоре полк был передислоцирован в район Арраса. Началась подготовка к весеннему наступлению. В свободное

время Гитлер рисовал. Он запечатлел несколько сцен из прошедших битв.

Несмотря на долгую и безупречную службу, Гитлер все еще оставался ефрейтором. Одной из причин, по словам Видемана, была его «недостаточная способность к руководству», другой — его небрежная выправка, сутулость, не всегда вычищенные сапоги, недостаточно четкий стук каблуков при приближении офицеров. Однако более существенная причина заключалась в том, что унтер-офицерских должностей среди посыльных не было. Если бы Адольфа повысили в звании, он бы перестал быть посыльным, следовательно, полк лишился бы своего лучшего посыльного.

В это лето полк вернулся на свое первое поле боя в Бельгии для участия в третьей битве за Ипр. Она была такой же кровавой, как и первая. В августе потрепанный полк был переведен на отдых в Эльзас. В дороге у Гитлера случилось два несчастья. Железнодорожник, очарованный проделками Фуксля, предложил за собаку двести марок, но Гитлер с негодованием отказался. Однако при разгрузке Фуксль исчез. «Я был в отчаянии,— говорил потом Гитлер.— Свинья, которая украла мою собаку, не понимает, что со мной сделала». Примерно в то же время другая «свинья» залезла в его рюкзак и украла кожаную сумку с акварелями и набросками. Обиженный и оскорбленный — сначала гражданской «штафиркой», потом трусливым новобранцем (фронтовики с передовой никогда не воровали у товарищей), Адольф забросил рисование.

До конца года полк не участвовал в активных боевых действиях. На Западном фронте в целом было спокойно, но эта зима оказалась самой тяжелой для солдат на передовой. Были урезаны нормы питания, и людям приходилось есть кошек и собак. Товарищи Гитлера вспоминали, что сам он предпочитал кошек (возможно, из-за Фуксля). Его любимым блюдом в то время стал кусок хлеба с медом или мармеладом. Однажды Адольф обнаружил большие ящики с сухарями и, изголодавшийся, начал систематически их воровать. Он делился добычей с товарищами, а иногда менял сухари на сахар.

Дома население тоже вынуждено было есть собак и кошек (последних называли «голубями крыш»). Из опилок и картофельной кожуры делали хлеб, молока почти не было. Страдали и союзники Германии. В Вене и Будапеште начались забастовки, вызванные не только голодом, но и требо-

ваниями заключить мир с новым, большевистским правительством России. Стачки распространились и на саму Германию. 28 января 1918 года там началась всеобщая забастовка рабочих.

На фронте сообщения о всеобщей забастовке были встречены по-разному. Одни устали от войны и жаждали мира. Многие же считали, что тыл их предает. К последним принадлежал и Гитлер. Он метал громы и молнии по адресу «саботажников и красных».

Наконец 3 марта 1918 года Берлин подписал в Брест-Литовске мирный договор с Советами. Условия, навязанные молодому большевистскому правительству, оказались настолько тяжелыми, что, по мнению германских левых, подлинной целью договора было удушение русской революции. Новость о капитуляции большевиков вдохновила солдат, подобных Гитлеру. Им казалось, что теперь победа близка как никогда. В течение следующих четырех месяцев полк Гитлера принимал участие во многих боях весеннего наступления Людендорфа, включая битвы на Сомме и Марне. Боевой дух Гитлера был чрезвычайно высок. Однажды при выполнении очередного задания он заметил в окопе что-то похожее на французскую каску. Адольф подполз поближе и увидел там четырех французских солдат. Гитлер, вытащив пистолет — к этому времени винтовки у посыльных были заменены на пистолеты,— начал выкрикивать по-немецки команды, будто при нем находилась рота солдат. Так один ефрейтор привел четырех военнопленных к командиру полка полковнику фон Тубойфу и получил от него благодарность. «Не было никаких обстоятельств или ситуаций,— вспоминал Тубойф,— которые помешали бы ему вызваться добровольцем на самые трудные и опасные задания. Он всегда был готов пожертвовать своей жизнью ради отечества». 4 августа Гитлер получил Железный крест первой степени. Награду ему вручил батальонный адъютант, старший лейтенант, и ко всему прочему еврей, Хуго Гутман.

К этому времени стало ясно, что великое наступление Людендорфа провалилось. Поражение на Западном фронте вызывало шок, особенно после исторических побед на Востоке. Последовало падение морального духа войск, даже среди старых фронтовиков. На вагонах появились написанные мелом лозунги типа «Мы воюем не за честь Германии, а за миллионеров».

Слыша о волнениях в тылу и об угрозе распада фронта, Гитлер еще больше горячился, когда говорили о «предательстве красных». Но его голос терялся в хоре протестов недавно прибывших солдат. Как вспоминал Шмидт, в такие моменты Гитлер «приходил в ярость и обрушивался на пацифистов и саботажников». Однажды он даже подрался с оппонентом. По словам Шмидта, «новички презирали его, но нам, старым солдатам, он очень нравился».

Четыре года окопной войны породили в Гитлере, как и во многих германских патриотах, лютую ненависть к тыловым пацифистам и симулянтам, которые «всаживают нож в спину». Адольфа и ему подобных охватила жажда мщения, и из всего этого проступала политика будущего. Гитлер был уже далеко не тот доброволец-мечтатель 1914 года. Четыре года в окопах развили в нем чувство товарищества и уверенности в себе. Сражаясь за Германию, Гитлер стал настоящим немцем, который гордился своим мужеством.

В начале сентября 16-й полк был снова переброшен во Фландрию. Накануне всем разрешили взять кратковременные отпуска. С сослуживцем по имени Арендт Гитлер съездил в Берлин, а также навестил родственников в Шпитале. Через несколько недель 16-й полк в третий раз занял позиции в районе Ипра. Утром 14 октября Гитлер ослеп от газов близ деревни Вервик. Его зрение восстановилось, но он снова потерял его 9 ноября, после того как узнал, что Германия собирается капитулировать. Несколько дней спустя он услышал «таинственные голоса».

4

Неизвестно, насколько была глубока неприязнь Гитлера к евреям в тот день, когда он отравился газом в Бельгии. Во всяком случае, ненависть ко всему еврейскому вскоре стала открытой и преобладающей идеей его жизни. Гитлер был лишь одним из миллионов немцев, возненавидевших в этот период евреев и красных (их почти всегда называли вместе), ибо в эти месяцы страна погрузилась в пучину инспирированных марксистами восстаний, поставивших под угрозу существование Германии.

Волнения начались, когда Гитлер страдал от последствий отравления ипритом. В тот день, когда его в санитарном поезде повезли на восток, новый германский канцлер принц Макс Баденский получил ноту от президента США Вудро Вильсона, в которой фактически содержалось требование отречения Вильгельма от престола, прежде чем Америка согласится на прекращение огня. Это ускорило распад германской военной машины, и в течение следующих двух недель не прекращались открытые народные выступления.

7 ноября вспыхнуло восстание в Мюнхене. Руководил им Курт Эйснер, низкорослый пожилой еврей. Он уже провел девять месяцев в тюрьме за антивоенную деятельность. К вечеру революционеры и присоединившиеся к ним солдаты захватили важнейшие объекты в Мюнхене, а король Людвиг III был вынужден бежать на машине, которая при выезде из города скатилась с дороги и застряла на картофельном поле. Этот трагикомический эпизод достойно завершил всевластие монархии в Баварии.

В этот вечер по городу разъезжали грузовики с повстанцами, размахивающими красными флагами. Люди Эйснера захватили железнодорожный вокзал и правительственные здания. Сопротивления им не оказывалось. Пока они устанавливали пулеметные точки в стратегически важных местах, полиция смотрела в другую сторону. На следующее утро мюнхенские бюргеры узнали, что Бавария стала республикой. Революция прошла по-немецки — без особого шума и особых потерь. Люди молча примирились со своей судьбой, правда, ворчали и ждали дальнейшего развития событий.

Пламя революции вспыхивало по всей Германии. К восставшим рабочим часто присоединялись солдаты и матросы. Наконец 9 ноября было объявлено об отречении кайзера от престола, и власть перешла в руки умеренных социалистов во главе с бывшим рабочим-кожевником Фридрихом Эбертом. Пришел конец Германской империи, провозглашенной 18 января 1871 года.

Сорок восемь лет назад Бисмарк добился воплощения своей мечты объединить Германию. За одну ночь рухнула основа, на которой покоилась безопасность юнкеров-землевладельцев Восточной Пруссии и крупных промышленников; за одну ночь фактически распалась политическая философия, на которой большинство немцев основывало свой консервативно-патриотический образ жизни.

За один день режим Гогенцоллернов пал, и во главе страны оказался человек из народа. Как это могло произойти? Сам Эберт чувствовал себя неуютно на новом посту. Он понимал, что его присутствие будет оскорблением для людей, воспитанных на имперских идеалах. Кроме того, он не был представителем радикального духа улицы. Действительно, кого он представлял?

Тем не менее Эберт принес мир разоренной стране в одиннадцать часов одиннадцатого числа одиннадцатого месяца года и тем самым невольно породил миф о «ноябрьских преступниках»: эти социалисты продали страну. Конечно, войну проиграли кайзер и генералы, но президент Вильсон отказался заключить с ними перемирие под тем предлогом, что он может это сделать только с демократическими элементами. Вынудив социалистов взять на себя вину за чужие ошибки, Вильсон дал Адольфу Гитлеру политическое оружие, которым ему предстояло воспользоваться с такой всеуничтожающей силой.

5

В конце ноября 1918 года Гитлер был выписан из госпиталя «годным к полевой службе», так как «больше не жаловался ни на что, кроме воспаления слизистой оболочки глаз». Позднее он признавался, что мог различать лишь самые крупные заголовки в газетах и боялся, что никогда не сможет читать. Гитлер получил приказ явиться в резервный батальон своего полка, расположенного в Мюнхене. По пути туда он, очевидно, проездом оказался в Берлине. Город находился в руках исполнительного комитета советов рабочих и солдатских депутатов, в который вошли также умеренные и левые социалисты. Этот конгломерат уже начал проводить социальные реформы, казавшиеся несколько месяцев назад невозможными.

Хотя Гитлер в целом одобрял реформы, он питал недоверие к проводящим их революционерам: исполнительный комитет, по его мнению, был орудием большевиков и предателем фронтовиков, его конечной целью являлась еще одна «красная революция».

Когда Гитлер прибыл в батальонные казармы близ Швабинга, он увидел, что там царит такой же бунтарский дух. Казармы подчинялись правительству Эйснера и управлялись советом солдатских депутатов. Дисциплины не было, помещения превратились в свинарник. Многие служили просто ради пайков и крыши над головой. Особенно возмущало Гитлера поведение членов совета. К счастью, он встретил старого товарища, который разделял его взгляды. Две недели спустя, когда стали набирать охранников для лагеря военнопленных, находившегося в ста километрах от Мюнхена, Гитлер и его приятель Шмидт вызвались добровольцами. Их группа, состоявшая в основном из «революционеров», прибыла на станцию, где их встретил офицер и приказал построиться. Приказ был воспринят как шутка: разве он не знает, что муштра отменена? На следующий день остались лишь те, кто воевал в окопах, в том числе Гитлер и Шмидт. Остальных вернули в Мюнхен.

6

На улицы революционного Берлина вышли приверженцы общества «Спартак». К ним присоединились революционные матросы. Это восстание не было таким бескровным, как в Мюнхене. К Рождеству столица оказалась на грани анархии. В ряде других городов сложилась аналогичная ситуация. Вскоре фактически по всей Германии структура армии и полиции начала рушиться.

И тут внезапно на сцену вышла новая сила — «Фрайкор» («Свободный корпус»), банда правых активистов из вооруженных сил, разделявших страсть Гитлера к защите Германии от красных. Корпус в основном состоял из офицеров и унтер-офицеров, которые прошли окопную войну и были преисполнены решимости спасти страну от большевизма.

В то время как формировалась эта тайная армия, спартаковцы, поддерживаемые многими берлинцами, старались захватить власть в городе. Берлин и в конечном счете вся Германия, вероятно, стали бы коммунистическими, если бы не «Фрайкор». В течение недели его отряды подтянулись к городу и, вступив в него, подавили центры сопротивления

красных. Лидеры «Спартака», в том числе небезызвестная Роза Люксембург, были пойманы и зверски убиты.

Через четыре дня после гибели «красной Розы» в новой республике состоялись всеобщие выборы. Результаты оказались неожиданными. Две правые, промонархические партии получили пятнадцать процентов мест в новом парламенте; сторонники республики — почти сорок процентов, как и умеренные социалисты Эберта. Левым же социалистам досталось всего лишь семь процентов. Таким образом, большинство избирателей отвергли революцию и социализацию.

Поскольку в Берлине обстановка продолжала оставаться напряженной, местом пребывания рейхстага был выбран Веймар, старинный университетский городок, издавна считавшийся культурным центром страны. Рейхстаг избрал Эберта президентом, и тот назначил свой кабинет министров. Самым сильным человеком в новом правительстве был министр обороны Носке. Это означало узаконение «Фрайкора» и продолжение борьбы против красных и революции.

Гитлер, уверовавший в свое призвание политического деятеля, готовился к возвращению в Мюнхен. Лагерь военнопленных, где он служил охранником, ликвидировался, и его вместе с сослуживцем Шмидтом направили в казармы 2-го полка в Швабингене. В Мюнхене к тому времени обосновался еще один ярый антисемит и антимарксист, приехавший из России,— Альфред Розенберг. Он был прибалтийским немцем и здесь нашел настоящую родину. Как и Гитлер, он был художником и архитектором, как и Гитлер, он был больше немцем, чем урожденные немцы. Кроме того, он жаждал борьбы против большевистского террора и распространения «еврейского» коммунизма.

В Мюнхене Розенберг познакомился с писателем и поэтом Дитрихом Экартом, который в своей еженедельной газете проповедовал прогерманские и антисемитские взгляды. Они быстро нашли общий язык, и вскоре газета Экарта стала печатать статьи Розенберга. Основная мысль этих статей сводилась к одному: евреи — главное мировое зло; сионисты организовали мировую войну и большевистскую революцию, а в настоящее время вместе с масонами замышляют заговор с целью установления мирового господства.

Многие баварцы считали Эйснера закоренелым больше-

виком и полагали, что его революцию финансировала Москва. Это было не так: в тот исторический день в ноябре революция обошлась Эйснеру всего в восемнадцать марок. Кроме того, он был прямой противоположностью жестоким и прагматичным русским большевикам. Он руководил Баварской Социалистической Республикой так, словно она представляла собой общий стол в его любимом кафе. Эйснер пытался установить не коммунизм и даже не социализм, а своеобразную радикальную демократию. Он был больше поэтом, чем политиком, мечтал о царстве красоты, просвещения и разума и имел больше общего с Шелли, нежели с Марксом. Он уже сходил со сцены, поскольку январские выборы привели к подавляющей победе центристских партий.

Рано утром 21 февраля, понимая, что его дело проиграно, Эйснер написал заявление об отставке и пошел вручать его ландтагу. Но по дороге его убил граф Антон Арко-Фаллей. Молодой кавалерийский офицер был обозлен тем, что его не приняли в антисемитскую организацию из-за еврейского происхождения матери. Убийство Эйснера привело к прямо противоположным результатам — он стал мучеником и пролетарским святым, революционное движение еще более усилилось. Было объявлено военное положение. Центральный комитет советов рабочих и солдатских депутатов назначил правительство из представителей социалистической партии во главе с бывшим учителем Адольфом Хофманом. Началась всеобщая забастовка.

Две недели спустя в Москве был созван Первый конгресс III Интернационала, на котором единодушно приняли резолюцию об учреждении Коммунистического Интернационала. На торжествах по этому поводу Ленин призвал рабочих всех стран бороться за прекращение интервенции против России, возобновление с ней дипломатических и торговых отношений и оказание молодому государству интернациональной помощи.

Берлин уже реагировал на призыв к мировой революции. Рабочие вышли на улицы и стали захватывать полицейские участки, а затем объявили всеобщую забастовку, оставив столицу без электричества и общественного транспорта. В ответ министр обороны Носке 5 марта ввел 30-тысячное войско «Фрайкора», которое 13 марта подавило сопротивление рабочих. Однако мятежный дух продолжал распространяться по стране.

Мюнхен тоже был на грани новой революции, которая подогревалась переворотом в Будапеште. 22 марта поступило сообщение, что в Венгрии вся полнота власти перешла к правительству социалистов и коммунистов. Была провозглашена Венгерская советская республика во главе с известным Белой Куном. Сам он был евреем, как и двадцать пять из тридцати двух комиссаров нового правительства. Победа Белы Куна вдохновила левых в Мюнхене. Вечером 4 апреля, несмотря на сильный снегопад, делегаты от советов собрались в пивной и приняли резолюцию: «Ликвидация партий, союз всего пролетариата, провозглашение советской республики и братство с российским и венгерским пролетариатом».

Это была «пивная революция», невинная версия кровавой действительности. Ее духовным лидером стал поэт Эрнст Толлер, платформа которого предусматривала развитие нового искусства, направленного на освобождение человеческого духа. Сформированный совет комиссаров был сборищем самых невероятных эксцентриков.

Конец наступил 13 апреля, когда бывший премьер-министр, социалист и учитель Хофман пытался захватить Мюнхен силой. Его путч не имел шансов на успех, несмотря на рвение солдат вроде Гитлера. К ночи бразды правления захватили профессиональные «красные» во главе с Ойгеном Левине, уроженцем Петербурга, сыном еврейского купца. Они были посланы в Мюнхен коммунистической партией для организации революции и, арестовав поэта Толлера, быстро сформировали настоящий совет. Но они нарушили строгие партийные инструкции избегать вооруженных столкновений, направив от имени Баварской республики значительные силы против поспешно собранной армии Хофмана.

Хофман вынужден был принять помощь от министра обороны Носке, который направил сюда войска «Фрайкора». На рассвете 1 мая фрайкоровцы вошли в Мюнхен с нескольких направлений и подавили очаги сопротивления красных. Жители их тепло приветствовали, в их честь была отслужена месса прямо на центральной площади.

В то время как в Москве на Красной площади Ленин хвастался успехами коммунизма («Освобожденный рабочий класс свободно и открыто отмечает свой праздник не только в Советской России, но и в Советской Венгрии и Советской Баварии»), фрайкоровцы прочесывали Мюнхен, по-

давляя сопротивление красных и арестовывая их лидеров. Затем они прошли парадом по центральной улице (причем у одной из бригад на касках красовалась свастика).

3 мая Мюнхен был очищен от «революционной заразы». «Фрайкор» потерял шестьдесят восемь человек. За это надо было отомстить. Началась кровавая резня. Схватили тридцать сотрудников католического общества святого Иосифа, обсуждавших в пивной планы предстоящей театральной постановки, и расстреляли как «опасных красных». Такая же судьба постигла сотни невинных людей. Фрайкоровцы спасли Мюнхен от железной пяты советской республики, но ее эксцессы бледнели перед лицом ответных мер «патриотов». Как писал французский военный атташе в Мюнхене, «потребуется целый том, чтобы описать зверства «белых». Организованному варварству была дана полная свобода. Это была неописуемая оргия убийств». В целом расстреляли более тысячи «красных». Валялось столько неопознанных трупов, что пришлось из-за опасности эпидемий хоронить их в общей могиле.

Вскоре после подавления «красного режима» в Мюнхене произошло событие, повлиявшее на весь ход мировой истории. 28 июня 1919 года под диктовку победителей-союзников был подписан Версальский мирный договор. Германское правительство без промедления ратифицировало его жесткие условия. Германия вынуждена была взять на себя всю ответственность за развязывание войны и оплатить гражданский ущерб, вызванный конфликтом. У рейха отобрали крупные территории: Эльзас и Лотарингия отошли к Франции, район Мальмеди — к Бельгии, большая часть Померании и Западной Пруссии — к Польше. Германия также потеряла все колонии. Данциг должен был получить статус «вольного города», а в Сааре, Шлезвиге и Восточной Пруссии предстояло провести плебисциты. Кроме того, союзники по крайней мере на пятнадцать лет собирались оккупировать Рейнскую область, а правый берег Рейна подлежал демилитаризации. Унижение усугублялось положением о запрете немцам иметь подводные лодки и военные самолеты, численность же армии уменьшалась до ста тысяч солдат.

Новая армия — рейхсвер — почти сразу приобрела силу, намного превышавшую ее численность. Чтобы не допустить проникновения большевистских идей в ее ряды, было организовано бюро по расследованию подрывной политической

деятельности в войсках. Начальник бюро капитан Майер подобрал работников, среди которых оказался и Гитлер. Он особенно подходил для такой задачи, хотя сначала Майер выбрал его за «образцовую» военную службу и, возможно, из чувства жалости. «Когда я с ним впервые встретился, он походил на бродячую собаку, ищущую хозяина». У Майера сложилось впечатление, будто Гитлер «готов связать свою судьбу с любым, кто проявит к нему доброту» и будто ему «совершенно безразличны германский народ и его судьба».

На самом деле именно в это время Гитлер входил в роль «спасителя отечества». Никогда раньше он не был так встревожен положением на своей новой родине. Незадолго до этого он прочитал расистскую брошюру — возможно, написанную Экартом, — подобную тем, которые попадались ему в Вене. То, что Гитлер видел на улицах Мюнхена, еще более усилило его ненависть к евреям. Везде они рвались к власти: сначала Эйснер, потом анархисты типа Толлера и, наконец, русские «красные» типа Левине. В Берлине — Роза Люксембург, в Будапеште — Бела Кун, в Москве — Троцкий, Зиновьев и другие. Еврейский заговор, по мнению Гитлера, стал осуществляться на практике.

Прежде чем приступить к работе в бюро, отобранные Майером люди прошли курс политической подготовки в Мюнхенском университете. В июле Гитлера вместе с другими направили для работы с возвращающимися немецкими военнопленными, среди которых были очень сильны левые настроения. Гитлер убеждал их, что всему виной «версальский позор», «ноябрьские преступники» и «всемирный еврейско-марксистский заговор». Один очевидец вспоминал: «Герр Гитлер — прирожденный народный трибун, своей фанатичностью и умением общаться с толпой он привлекает внимание слушателей и навязывает им ход своих мыслей».

В начале осени Гитлеру довелось присутствовать на собрании крошечной политической группы, называвшей себя Германской рабочей партией, основателем которой был рабочий-железнодорожник из Мюнхена Антон Дрекслер. Его программа представляла собой мешанину социализма, национализма и антисемитизма. Через несколько дней Гитлер снова пришел на собрание этой группы и принял участие в дискуссии. На Дрекслера он произвел большое впечатление. Лидер партии подошел к Гитлеру и вручил ему экземпляр своей брошюры. Тот, страдая от бессонницы, поздно

ночью изучил ее. Особенно запомнились ему фразы «национальный социализм» и «новый мировой порядок», а также предсказание, что новая политическая партия привлечет на свою сторону рабочих, служащих и средний класс.

Через некоторое время Гитлер узнал, что он принят в члены Германской рабочей партии, и получил приглашение на заседание комитета партии. Заседание пяти членов комитета состоялось в захудалом ресторане. Обсуждались текущие вопросы. Казначей сообщил, что средства партии составляют семь марок и пятьдесят пфеннигов. Гитлер был разочарован. У этой партии не оказалось ни программы, ни даже печати — одни лишь благие намерения. Он ушел, еще не решив, станет членом этой партии или нет.

Гитлер доложил о своих впечатлениях капитану Майеру, который в свою очередь передал информацию группе высокопоставленных офицеров и промышленников, еженедельно собиравшихся для обсуждения путей возрождения военной мощи Германии. Они пришли к выводу, что маленькая Германская рабочая партия могла бы стать началом нового движения, имеющего целью возрождение былого могущества Германской империи. По словам Майера, однажды к нему в кабинет пришел сам генерал Людендорф и предложил разрешить Гитлеру вступить в эту партию и развить ее.

Прыжок Гитлера в практическую политику сопровождался важным идеологическим событием, которое произошло тоже не без участия капитана Майера. Гитлер получил от него указание ответить на письмо коллеги по работе, который просил дать информацию о еврейской угрозе. Суть пространного ответа Гитлера сводилась к следующему: «Еврей влезает в демократию и сосет кровь масс, пресмыкается перед величием народа, но признает лишь наличие денег. Его деятельность приводит к туберкулезу нации». Антисемитская программа, делал он вывод, должна начаться с лишения евреев законным путем определенных привилегий на том основании, что они — чуждая раса. «Но конечной целью, несомненно, должно стать устранение евреев». Слово «устранение» можно было истолковать и как выселение из Германии, и как физическую ликвидацию.

Это был первый известный политический документ Гитлера, который позволил ему направить личную ненависть к евреям в русло четко сформулированной и широкомасштабной политической программы.

Часть II. «В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО»

Глава 4. РОЖДЕНИЕ ПАРТИИ (1919—1922 гг.)

Германская рабочая партия, эта малочисленная группа недовольных, дала Гитлеру платформу для осуществления собственных идей, дала ему мощный жизненный стимул. Первой его задачей было превратить этот в основном дискуссионный клуб в политическую организацию.

В партийной кассе обычно насчитывалось не больше пяти марок, лишь однажды эта сумма увеличилась втрое. Гитлер сумел убедить комитет привлекать новых членов путем проведения более крупных собраний. В казарме он собственноручно напечатал на машинке приглашения на первое публичное собрание, другие написал от руки. Вечером перед собранием комитетчики «ждали прихода масс». Прошел час, но их как было семеро, так и осталось.

В следующий раз приглашения были отпечатаны на ротаторе. Явилось еще несколько человек. Численность партии постепенно возрастала — с одиннадцати до тринадцати и, наконец, до тридцати четырех. Сумма, собранная на этих сходках, была потрачена на объявление в антисемитской газете «Мюнхенер беобахтер» о массовом собрании в пивной 16 октября 1919 года.

К семи вечера в накуренном зале собралось семьдесят человек. Как только Адольф Гитлер поднялся и начал говорить, аудитория «наэлектризовалась». Он должен был выступать двадцать минут, но ораторствовал полчаса. Отбросив сдержанность, Гитлер дал волю эмоциям, и когда под громкие аплодисменты иссяк поток упреков, угроз и обещаний, по его лицу струился пот. Он едва держался на ногах, но был воодушевлен успехом.

Это собрание стало поворотным пунктом не только в

карьере Гитлера, но и в деятельности Германской рабочей партии. Восторженные слушатели пожертвовали на ее нужды триста марок — теперь организация имела средства на рекламу и листовки. 13 ноября было проведено второе крупное собрание, на этот раз в другой пивной. Более 130 человек (в основном студенты, лавочники и офицеры) платили входную плату в пятьдесят пфеннигов (это было новинкой), чтобы послушать четырех ораторов, главным из которых считался Гитлер. Когда во время его выступления прозвучали враждебные выкрики, он кивнул своим людям с военной выправкой, и через несколько минут оппоненты «были спущены вниз по лестнице с разбитыми черепами». Это вмешательство вознесло Гитлера на новые риторические высоты, и он закончил речь призывом к борьбе: «Беды Германии должны быть устранены железом Германии! Это время придет!»

Гитлер снова увлек аудиторию. Говорил он просто и эмоционально, что выгодно отличало его от интеллектуалов, апеллировавших к разуму. Наблюдатель из полиции докладывал начальству, что Гитлер «выступал великолепно» и что он может стать «профессиональным пропагандистом и оратором».

Растущая популярность Гитлера беспокоила некоторых членов партии, которым не нравилась истерическая манера его выступлений. Кроме того, он менял лицо организации, привлекая армейских друзей с грубыми манерами, и появились опасения, что дело кончится крахом. Антон Дрекслер разделял эти опасения, но был настолько убежден, что Гитлер является надеждой партии, что добился назначения его ответственным за пропаганду.

Это повышение лишь усилило недовольство Гитлера организационными недостатками. Как можно работать без помещения и техники? Гитлер сам нашел подходящую комнату за небольшую арендную плату, добился за счет партийной казны и средств, выделяемых капитаном Майером, установки телефона, приобретения кое-какой мебели. Затем он потребовал нанять на полную ставку управляющего делами и нашел в казармах подходящую кандидатуру — «абсолютно честного» унтер-офицера, который принес и небольшую пишущую машинку.

В декабре Гитлер выступил за радикальную реформу организационной работы партии. Большинство членов комитета выступили против. В отличие от Гитлера они не пони-

мали, что пропаганда — не самоцель, а средство свержения правительства Веймарской республики. Снова Дрекслер поддержал Гитлера, и они часами обсуждали свои планы и программы. Их объединяла ненависть к евреям.

К концу года был составлен проект партийной программы из двадцати пунктов. Гитлер хотел зачитать его на публичном митинге. Члены комитета возражали как по ряду существенных вопросов, так и в отношении оглашения документа на митинге. Но Дрекслер поддержал Гитлера и на этот раз. Была назначена дата митинга — 24 февраля 1920 года.

По всему Мюнхену были расклеены красочно оформленные объявления и листовки, но ближе к назначенной дате Гитлер забеспокоился, как бы не пришлось выступать в пустом зале. Мероприятие должно было начаться в семь тридцать вечера в одной из крупнейших пивных города. Когда Гитлер вошел, зал был полон — собралось около двух тысяч человек. Его сердце «разрывалось от радости». Особенно он был доволен тем, что большую часть публики составляли коммунисты и левые социалисты, многих из которых он надеялся обратить в свою веру.

Митинг открыл опытный оратор по имени Дингфельдер. Он ругал евреев, цитировал Шекспира и Шиллера, но в общем выступление оказалось таким невыразительным, что даже коммунисты не проявили беспокойства. Потом поднялся Гитлер, выглядевший далеко не презентабельно в поношенном старомодном синем костюме. Начал он очень сдержанно, сделав исторический обзор последних десяти лет. Но когда Гитлер заговорил о революционных потрясениях, прокатившихся по Германии, в его голосе появились истерические нотки, он начал жестикулировать, глаза сверкали. Со всех концов зала послышались враждебные выкрики, застучали по столам пивные кружки. Тогда вмешались «блюстители порядка» с резиновыми дубинками и плетками. Возмутители спокойствия были выброшены на улицу, после чего Гитлер возобновил речь, игнорируя слабые возражения. Еще в венском приюте он привык к таким эксцессам, они его даже вдохновляли. Вскоре слушатели заразились духом оратора, и их аплодисменты стали заглушать недружелюбные выкрики.

Гитлер не привык выступать перед большими аудиториями — голос его то срывался на крик, то затихал. Но такая неопытность многим даже нравилась. Двадцатилетний сту-

дент-юрист Ганс Франк был поражен его искренностью. «Гитлер производил впечатление человека, честно говорящего о том, что он чувствует, и убежденного в своей правоте. После банальных фраз предыдущего оратора его слова производили взрывной эффект. Они были часто грубыми, но всегда выразительными. Даже те, кто пришел его освистывать, вынуждены были слушать... Он мог раскрыть суть вещей даже самому заскорузлому тугодуму».

Наконец Гитлер перешел к изложению двадцати пяти пунктов своей программы, предложив аудитории выразить свое отношение к каждому из них. Для патриотов — союз всех немцев в великом рейхе, колонии для излишка населения, равноправие Германии в ее отношениях с другими странами, аннулирование Версальского договора, создание народной армии и беспощадная борьба с преступностью. Для рабочих — борьба с нетрудовыми доходами, конфискация военных прибылей, экспроприация для общественных целей земли без компенсации ее бывшим владельцам и участие в распределении прибылей крупных промышленных предприятий. Для среднего класса — немедленное обобществление крупных универмагов и их передача в аренду за низкую плату мелким торговцам, общественные программы здравоохранения для престарелых. Для истинных немцев — обращение с евреями как с инородцами, лишение их права занимать государственные посты, депортация тех, кого государство не может кормить, и немедленное изгнание тех, кто иммигрировал в Германию после 2 августа 1914 года.

Изложив очередной пункт своей программы, Гитлер делал паузу. Большинство присутствующих встречало ее возгласами одобрения, но были и возражения — некоторые даже вскакивали на стулья и столы. Снова шли в ход дубинки и плетки, и к концу выступления продолжительностью в два с половиной часа каждое слово Гитлера получало почти единодушную поддержку. Когда оратор покинул трибуну, последовала бурная овация, и молодой Франк уже не сомневался, что «если кто и может решить судьбу Германии, то это Гитлер».

Пока толпа выходила из зала, Гитлер почувствовал, что наконец перед ним открылась дверь в будущее. «Когда закончился митинг, не я один думал, что теперь родился волк, призвание которого — ринуться на стадо обманщиков народа». Это новое призвание Гитлера полностью соответст-

вовало его имени Адольф, которое в переводе с древнегерманского языка означало «счастливый волк». С этого момента слово «волк» будет иметь для Гитлера особое значение — как прозвище среди близких друзей, как псевдоним и как название большинства его военных резиденций.

Мюнхенские газеты почти не заметили восхождения Гитлера, но митинг означал первый крупный шаг вперед для Германской рабочей партии. Она приобрела сто новых членов. Чтобы создать впечатление о большем количестве людей, первый партбилет начинался с цифры 501. Гитлер по алфавитному порядку получил билет № 555.

Он начал новую жизнь, общаясь со многими колоритными личностями, объединенными любовью ко всему немецкому и ненавистью к марксизму. Среди них был, например, врач из Мюнхена, приверженец теории звездного маятника, который, по его словам, давал ему силу обнаруживать присутствие еврея в любой группе людей. В ближайшем окружении Гитлера выделялся ротный командир, гомосексуалист Эрнст Рем, низенький и тучный, с коротко остриженными волосами и приятной улыбкой. Он был образцовым служакой, боевым товарищем, на которого всегда можно положиться. Рем представлял собой ходячий памятник войны: его лицо было обезображено глубокими шрамами. Будучи офицером в новом рейхсвере, он однажды заметил: «Так как я грешен и недостаточно развит, война и бурная жизнь нравятся мне больше, чем размеренное существование респектабельного бюргера». С момента первой встречи с Гитлером Рем был убежден, что именно этот ефрейтор должен возглавить Германскую рабочую партию. Рем уже изменил рабочий характер организации Дрекслера, пополнив ее множеством солдат. Именно они поддерживали порядок на бурных собраниях. Гитлера и Рема связывали узы совместно пролитой крови и страданий окопников, и хотя Рем недавно заменил капитана Майера в качестве начальника Гитлера, он настоял, чтобы его подчиненный обращался к нему на «ты», и другие офицеры следовали его примеру.

Сблизился Гитлер и с писателем Дитрихом Экартом. Они стали друзьями не только в политическом отношении, несмотря на разницу в возрасте (двадцать один год) и образовании (Экарт окончил университет).

Экарт, пьяница и наркоман, прирожденный революционер-романтик, был мастером полемики. Гитлеру нравилась

компания этого шумного интеллектуала, ставшего его ментором. Экарт подарил молодому другу плащ, исправлял его грамматические ошибки, водил в первоклассные рестораны и знакомил с влиятельными людьми. («Это человек, который однажды спасет Германию».) Оба часами говорили об искусстве, архитектуре и политике. Дружба с неистовым писателем заметно повлияла на Гитлера.

Через несколько недель после памятного февральского митинга Гитлер и Экарт собрались в Берлин, который недавно взяли под контроль фрайкоровцы, поставив у власти своего канцлера — мелкого правительственного чиновника по фамилии Капп. Гитлер и Экарт усмотрели в этом возможность для захвата власти и вызвались скоординировать такие же действия в Баварии. Отправились они на легком самолете. Это был первый полет Гитлера. Молодой пилот лейтенант Риттер фон Грайм, в будущем последний командующий люфтваффе, был мастером своего дела. Однако погода была неустойчивой, и Гитлера всю дорогу рвало. После приземления в Берлине он поклялся, что никогда больше не будет летать.

В столице Гитлер и Экарт встретились с обожаемым ими генералом Людендорфом, готовившимся бежать на юг, и с рядом представителей северных районов Германии, которые разделяли их взгляды,— в частности, с членами ультранационалистической организации ветеранов войны «Стальной шлем».

Гитлер вернулся в Мюнхен 31 марта. В тот же день он демобилизовался из армии, неясно только, как это произошло,— добровольно или по приказу. Адольф собрал свои вещи, получил пятьдесят марок демобилизационного пособия и перебрался на частную квартиру, снятую неподалеку от центра города. Комната была маленькая и очень холодная (ранее она использовалась хозяином под кладовку).

Очевидно, Гитлер выбрал это жилье не случайно: рядом находилась редакция газеты «Мюнхенер беобахтер», переименованной теперь в «Фелькишер беобахтер», но продолжавшей оставаться рупором антисемитских и антимарксистских сил. Гитлер публиковал в ней свои статьи. По-прежнему главными объектами его нападок были евреи и марксисты, хотя идейные вожди национал-патриотов в какой-то мере восхищались коммунистами за их преданность своим идеалам и стремились привлечь их на свою сторону.

В это время Гитлер познакомился с ярым антисемитом,

выходцем из Эстонии, архитектором Альфредом Розенбергом. Особое впечатление произвели на него статьи Розенберга, в которых тот писал, что большевизм — это лишь первый шаг на пути к захвату мира евреями. В доказательство приводился текст «Протоколов сионских мудрецов», которые якобы были протокольной записью двадцати четырех секретных заседаний сионистских руководителей в Базеле (Швейцария), посвященных обсуждению мер по установлению мирового господства сионистов. (Эта фальшивка была составлена в конце XIX века агентами царской охранки во Франции и впервые опубликована в России. В Германии она появилась в 1919 году в одном русском эмигрантском журнале.) Ознакомившись с «Протоколами», Гитлер еще более сблизился с Розенбергом.

13 августа 1920 года в одной из мюнхенских пивных он произнес двухчасовую речь на тему «Почему мы против евреев». Впервые Гитлер публично заявил, что еврейский заговор носит международный характер и что выступления евреев за равноправие всех народов и международную солидарность являются прикрытием заговора, направленного на лишение других народов отечества. Теперь в его глазах еврей стал разрушителем, грабителем, чумой, способной «погубить целые нации». Нет никакой разницы, утверждал Гитлер, между восточными и западными евреями, хорошими и плохими, богатыми и бедными, надо бороться против всей еврейской расы. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» он предложил заменить лозунгом «Антисемиты всех стран, соединяйтесь!». В заключение Гитлер туманно, но зловеще определил «полное» решение проблемы как «устранение евреев из среды нашего народа».

Он апеллировал не просто к расистам. Его призыв к активному антисемитизму находил отклик и у тех, кто мечтал о великом рейхе,— у респектабельных бюргеров, которые подписывались под словами президента Пангерманской лиги Генриха Класса, сказанными в 1913 году: «Еврейская раса — источник всех опасностей. Еврей и немец — это как огонь и вода. В свое время поднимется человек, который поведет нас на борьбу против еврейства. Мы ждем фюрера! Терпение, терпение — и он придет!»

Адольф Гитлер стремительно продвигался в области практической политики. Он расширил социальную базу своей партии, которая теперь стала называться Национал-социалистской рабочей партией Германии (НСДАП). Это

название, надеялся он, вдохновит людей, отпугнет робких и привлечет тех, кто хочет сражаться за свои идеалы.

Гитлер настаивал также на создании партийного флага, который смог бы конкурировать с красным коммунистическим знаменем. Рассматривались различные проекты. Наконец один зубной врач из Штарнберга предложил флаг сделать красным, а в его центре, в белом круге, поместить черную свастику. Свастика — санскритское слово, означающее «все есть все»,— в течение длительного времени была символом тевтонских рыцарей и использовалась в этом качестве некоторыми отрядами «Фрайкора». На протяжении многих веков не только у европейцев, но и у североамериканских индейских племен она олицетворяла колесо солнца (или цикл жизни). С этого времени и, возможно, навсегда свастика будет иметь иной, самый зловещий смысл.

В начале осени 1920 года Независимая социалистическая партия, разделившаяся на прокоммунистов и антикоммунистов, собралась на съезде в Галле для определения своего будущего курса по отношению к III Интернационалу. Из Москвы прибыл великолепный оратор, председатель исполкома Интернационала Григорий Зиновьев. Советы прислали его, чтобы привлечь социалистов на сторону крайних левых. Многочасовую речь Зиновьева на ломаном немецком языке восторженно восприняли прокоммунисты. Последовали бурные дебаты между правыми и левыми: 237 делегатов проголосовали за присоединение к III Интернационалу на условиях, выработанных Лениным, 156 — в знак протеста покинули зал. Большинство оставшихся перешли в лагерь коммунистов.

Один из делегатов, покинувших Галле,— Отто Штрассер — был возмущен и встревожен. Он слушал Зиновьева с растущим раздражением и озабоченностью. Речь советского оратора прозвучала «как мессианская доктрина». Москва, по его мнению, стремилась господствовать над Германией. Отто и его старший брат Грегор давно были преданы социалистической идее. Оба выступали за радикальные реформы, но не под диктовку иностранной державы. Они стремились к германскому социализму, и Отто считал, что найдет опору среди революционных независимых социалистов.

После Галле Отто Штрассер остался человеком без партии. Удрученный, он поехал к брату Грегору в Ландсхут посоветоваться. Грегор же, считая, что русские представляют большую опасность, еще ранее организовал по типу «Фрай-

кора» независимую армию с пехотой, артиллерийскими батареями и пулеметной ротой. Он сообщил брату, что ожидает прибытия двух важных гостей, чтобы обсудить эту проблему.

Как вспоминал Отто Штрассер, на следующее утро к аптеке его брата подъехала большая машина, из которой вышли два человека. Одного Отто узнал сразу: это был кумир всех националистов генерал Людендорф. За ним на почтительном расстоянии, «как батальонный ординарец», следовал бледнолицый молодой человек с усиками, в мешковатом синем костюме. Это был Гитлер. «Мы должны объединить все патриотические группы»,— заявил генерал.

Разъяснительную политическую работу он поручил герру Гитлеру, сам же взял на себя военное руководство этими группами. Людендорф предложил Грегору присоединиться к партии герра Гитлера.

После этого состоялась дискуссия. Отто не понравилось утверждение Гитлера, что главное — это власть, а программа не имеет особого значения. Они начали пререкаться по поводу капповского путча: Отто его осуждал, Гитлер — защищал. Вмешался Людендорф. Он сказал, что политика национал-патриотов не должна быть ни коммунистической, ни капиталистической. С этим согласились все, и совещание закончилось на дружественной ноте. Правда, старший Штрассер не сразу принял решение. Только к вечеру он сообщил брату, что готов объединить силы с Людендорфом и Гитлером, хотя последний не слишком ему понравился. Но он верит генералу, к тому же они с Гитлером — фронтовики, патриоты, противники марксизма, капитализма и еврейства.

Привлечение на свою сторону Грегора Штрассера было лишь одним из достижений Гитлера за последний год. Он не только изменил характер партии, но и увеличил число ее членов до трех тысяч. Партии Гитлер уделял все свое время: много ездил, выступал на собраниях, в частности, на международном конгрессе национал-социалистов в Зальцбурге.

Тем не менее успехи на трибуне не вскружили Гитлеру голову. Наоборот, он часто не был удовлетворен своими выступлениями и стремился их совершенствовать. С этой целью Гитлер посещал митинги оппонентов, учитывал их слабые и сильные стороны. Его не устраивал «стиль газетного фельетона или научного трактата», ему претило стремление иных либеральных ораторов избегать крепких

выражений. Свои митинги Гитлер старался сделать живыми и непринужденными, с бесплатным пивом, сосисками и даже, если это позволяли средства партии, концертами народной музыки. Выбрав психологически подходящий момент, Гитлер вставал и начинал свою речь спокойно, затем, чувствуя настроение аудитории, как актер, подстраивался под нее и накалял страсти, доводя публику до исступления.

Однако успех на митингах уже не удовлетворял Гитлера. Ему нужен был размах, для этого требовалась газета. Помог случай. Газета «Фелькишер беобахтер» оказалась на грани банкротства из-за больших расходов на выплату штрафов по делам о клевете. 18 декабря, собрав необходимые средства, в основном пожертвованные фрайкоровцами и антисемитами, нацистская партия сделала газету своим органом. Гитлер и его сподвижники готовились к следующему прыжку.

Месяц спустя, 22 января 1921 года, в Мюнхене состоялся первый всегерманский съезд нацистов. За год партия стала заметной силой в правом политическом движении Баварии, в значительной мере благодаря магнетической личности Гитлера. Его ораторские способности позволили превратить организацию из дискуссионного клуба в партию действия. Это не нравилось ее основателям, в том числе Дрекслеру. Их коробила привнесенная сторонниками Гитлера склонность к насилию, раздражали его тесные связи с банкирами и промышленниками, что, по их мнению, было недостойно подлинного социалиста.

Казалось бы, первый нацистский съезд Гитлер мог использовать для захвата единоличной власти в партии. Но он не сделал этого, считая, что подходящий момент еще не наступил. К тому же о растущих разногласиях в руководстве по вопросам политики и тактики не знали рядовые члены партии. Внешне она была единой, и все приложили усилия к тому, чтобы выступление Гитлера через двенадцать дней в цирке Кроне было успешным.

Эта зима оказалась очень суровой. Будучи на грани банкротства, Германия должна была заплатить по репарациям 134 миллиарда марок. Значительная часть населения была вынуждена жить в неотапливаемых квартирах, люди голодными ложились спать. Возмущение было настолько сильным, что все крупные политические партии рассматривали вопрос о проведении общей демонстрации протеста на центральной площади Мюнхена, однако отложили ее, опа-

саясь выступлений красных. Гитлер негодовал. Он решил организовать митинг в одиночку. Управляющий цирком был членом его партии, и они быстро договорились о проведении этого мероприятия вечером 3 февраля.

Цирк вмещал 6 тысяч человек. Когда Гитлер появился в зале, он был переполнен.

Через полчаса Гитлер убедился, что контакт с аудиторией установлен — его выступление (на тему «Будущее или гибель») часто прерывалось аплодисментами. Когда оратор закончил речь, публика устроила овацию и стихийно запела гимн «Германия превыше всего».

Реакция мюнхенской прессы на это представление была противоречивой: одни хвалили Гитлера, другие поносили. Но руганью в газетах он был даже доволен: значит, задел многих за живое. Гитлер стал любимцем многочисленных националистических групп Мюнхена. Его тайно поддерживали местные полицейские власти. Они делали все, чтобы не дать ходу жалобам о нарушении нацистами общественного порядка, а в случае стычек с оппонентами обычно брали под защиту сторонников Гитлера.

Более того, Гитлер и другие руководители партии получили своего рода официальное признание земельного правительства Баварии: их принял премьер-министр Риттер фон Кар. Этот дружеский прием показал, что отныне Гитлер — политическая сила. Для него это было особенно важно в период, когда разногласия со старой партийной гвардией дошли до предела. Противники Гитлера, недовольные его растущим авторитетом и стремлением установить единоличный контроль над партией, воспользовались его отъездом в Берлин для переговоров с правыми радикалами и заключили союз с группой социалистов из Аугсбурга. Узнав об этом по возвращении в Мюнхен, Гитлер сразу перешел в контратаку. 11 июля он заявил о выходе из партии, а три дня спустя изложил свою позицию в ультиматуме, доведенном до сведения всех ее членов. В нем Гитлер требовал назначить его главой партийного руководства с чрезвычайными полномочиями. «Я выдвигаю эти требования,— подчеркнул он,— не потому, что жажду власти, а потому, что последние события убедили меня в следующем: без железного руководства партия очень скоро перестанет быть тем, чем она должна быть — Национал-социалистской рабочей партией Германии».

Гитлер дал комитету восемь дней на обдумывание. Дрек-

слер был возмущен и ни за что не хотел идти на компромисс. Ситуация усугубилась распространением среди членов партии анонимной брошюры, озаглавленной «Адольф Гитлер — предатель?». В этой брошюре Гитлеру предъявлялись самые невероятные обвинения: якобы он называет себя «королем Мюнхена», тратит партийные деньги на женщин и является платным агентом евреев.

Восьмидневный срок заканчивался. Казалось, демарш Гитлера провалился. Но в последний момент Экарт убедил Дрекслера пойти на компромисс, и тот уговорил остальных членов комитета принять условия Гитлера, без которого, дескать, партия превратится в «аморфную организацию пигмеев». И комитет сдался, согласившись поддержать кандидатуру единоличного лидера.

29 июля на внеочередном съезде Гитлера избрали председателем партии. Став единоличным лидером, он издал распоряжение о создании военизированных формирований «самообороны» («штурмабтайлунген» (СА) — штурмовые отряды, штурмовики) и значительно расширил партийный аппарат. Теперь Гитлер готов был направить партию по новому, более радикальному пути. В последующие месяцы он инспирировал серию публичных провокаций. Эта кампания началась с внешне случайных актов — нападений на евреев на улице, незаконного поднятия флагов, распространения листовок, небольших потасовок. Но 14 сентября 1921 года произошел более серьезный эксцесс. В этот день в пивной собрались члены Баварской лиги, выступавшей против центристских положений Веймарской конституции. Когда ее руководитель, инженер Баллерштедт, собрался выступать, в зал вошел Гитлер, считавший лидера лиги своим «самым опасным оппонентом». Штурмовики в штатском, заранее рассаженные в разных местах зала, тут же вскочили, приветствуя своего лидера. К ним присоединились сотни других партийных активистов, которые также были подготовлены к провокации. Потом баварский левый, ставший одним из ближайших советников Гитлера,— Герман Эссер вскочил на стул и закричал, что в нынешнем бедственном положении Баварии повинны евреи. Послышались требования дать слово Гитлеру. Кто-то выключил свет в попытке предотвратить драку, но это лишь усугубило ситуацию. В темноте на сцену бросились штурмовики, которые избили Баллерштедта и столкнули его в зал.

При рассмотрении этого инцидента в полицейском ко-

миссариате Гитлер не выразил никакого сожаления. «Все было правильно,— упрямо заявлял он.— Мы добились своего. Баллерштедт не выступил». Но расследование на этом не закончилось. Гитлер и Эссер были извещены, что будут преданы суду за нарушение общественного порядка. Предстоящий суд еще больше распалил нацистов, которые устроили еще более крупную потасовку вечером 4 ноября во время выступления Гитлера в пивной. Когда он вошел в вестибюль, зал был переполнен. Женщин попросили занять места подальше от дверей. Это предупреждение не остановило фрау Магдалену Швайер, хозяйку овощной лавки напротив дома, где жил Гитлер: она была его страстной поклонницей.

В зале собралось очень много противников нацистов, особенно рабочих. Кроме того, партия Гитлера теперь не имела тайной поддержки баварского правительства, так как премьер-министр фон Кар вынужден был уйти в отставку, уступив место более умеренному правительству. Увидев, что социал-демократы пришли раньше и заняли большую часть зала, Гитлер велел закрыть двери. Он сказал своим телохранителям-штурмовикам, что у них есть шанс доказать свою преданность движению и что никто из красных не должен покинуть этот зал живым. В ответ молодчики трижды хором крикнули «хайль!».

Когда Гитлер направился к сцене, с мест, где сидели рабочие, послышались выкрики в его адрес. Эссер, вскочив на стол, призывал публику к порядку. Затем он спрыгнул, и его место занял Гитлер. Сначала раздался свист, но вскоре даже те, кто пришел его освистать, были увлечены эмоциональным выступлением оратора. Гитлер говорил в течение часа. Но его оппоненты просто дожидались подходящего момента. Выпивая кружку за кружкой, они прятали посуду под столами в расчете использовать ее как оружие.

Кто-то перебил Гитлера, и он ответил издевательской репликой. По залу прокатился угрожающий гул. На стул вскочил мужчина и крикнул: «Свобода!» В Гитлера полетела пивная кружка, потом еще несколько. «Женщины, все под столы!» — скомандовал кто-то. Фрау Швайер ничего не оставалось, как последовать этому совету. Позднее она вспоминала: «Ничего не было слышно, кроме крика, звона разбитых кружек и топота ног. Многие дрались, переворачивались тяжелые дубовые столы, трещали деревянные стулья, в зале шел настоящий бой». Из любопытства фрау

Швайер приподнялась и увидела, что Гитлер по-прежнему стоит на столе, пытаясь увернуться от летящих в него пивных кружек. Кучка штурмовиков дралась так свирепо, что через полчаса противник был оттеснен к лестнице. Зал выглядел так, будто в нем взорвалась бомба. Вдруг, перекрывая весь этот грохот, послышался голос Эссера: «Митинг продолжается! Слово главному оратору!»

Гитлер продолжил свое выступление, а его телохранители тем временем делали друг другу перевязки. Он закончил речь под громкие аплодисменты, после чего вбежал полицейский и крикнул: «Расходитесь по домам!»

Драка в пивной убедила Гитлера, что успех приходит к тому, кто не боится применять силу. Победа в тот вечер сделала ему и его партии скандальную рекламу, численность партии увеличилась, но в то же время усилились и требования положить конец подобным актам насилия. Новое баварское правительство жаждало обуздать Гитлера, но, видимо, посчитав спровоцированный им дебош недостаточным поводом для судебного преследования лидера нацистов, выдало ему разрешение на право ношения оружия.

Демонстрация силы нацистов была симптомом усиления националистических настроений в стране. Союзники в ультимативной форме потребовали от Германии выплаты по репарациям двух миллиардов марок ежегодно, а также двадцати пяти процентов стоимости германского экспорта. В противном случае они угрожали оккупировать Рур. Правительство согласилось выполнить эти требования, что привело в ярость националистов типа Гитлера. Они провели серию насильственных операций, включая убийство лидера «центристов» Матиаса Эрцбергера, который в их глазах был «преступником», заключившим перемирие с «врагами Германии».

К концу 1921 года нацисты нашли новый повод для того, чтобы в очередной раз «показать зубы». Лига Наций объявила, что Польша должна получить часть Верхней Силезии. В апреле 1922 года негодование сторонников Гитлера достигло предела: министр иностранных дел Вальтер Ратенау подписал в Рапалло договор с советским правительством. Нацисты не видели в этом никакой выгоды для достижения собственной цели — возрождения рейха. Они игнорировали тот факт, что выход Германии из политической изоляции был серьезным ударом по союзным державам, навязавшим побежденному рейху позорный Версальский договор.

Германия и Россия согласились возобновить дипломатические отношения и торговлю, а также отказаться от всех претензий друг к другу. Россия нуждалась в современной технологии. Ленин просил немцев помочь в реорганизации Красной Армии. Командующий рейхсвером генерал фон Сект с готовностью согласился, и военные обеих стран установили тесные контакты. Немецкие военные специалисты начали обучать русских, одновременно перенимая их опыт в применении специальных видов оружия.

Масштабы и значение этого сотрудничества не были осознаны критиками Ратенау. Хотя этот договор дал огромный стимул перевооружению Германии, те же немцы, которые мечтали о сильной армии, обзывали министра «красным» за сговор с Советами. Кроме того, Ратенау был богатым евреем. 4 июня он был зверски убит двумя бывшими членами «Фрайкора».

По иронии судьбы в тот же день Гитлер был посажен в тюрьму в Мюнхене за призывы к бунту. Он не очень обрадовался новости об убийстве Ратенау. Такие отдельные акты мести казались ему мелкими. Но это убийство дало Гитлеру урок по обеспечению мер безопасности: он после этого установил на машине прожектор, чтобы ослеплять водителя преследующей машины.

После убийства Ратенау веймарское правительство поспешно приняло закон о защите республики. Эта драконовская мера была вызвана необходимостью остановить терроризм правых. Закон резко осудили все баварские националистические группировки. В разгар кампании протеста Гитлер, просидевший в тюрьме пять недель, был выпущен на свободу и активно включился в борьбу. В день своего освобождения он произнес речь. Как всегда, главным объектом нападок стали евреи с их «коварными планами завоевания мира».

Они стремятся, утверждал Гитлер, сделать нацию беззащитной как перед оружием врагов Германии, так и в духовном отношении. Евреи приняли закон о защите республики, чтобы заткнуть рот тем, кто протестует против развала государства. Но национал-социалистов не заставят замолчать, и Гитлер призвал бороться против этого закона, не останавливаясь перед физическим насилием.

В последующие дни лидер нацистов продолжал выступать с резкими нападками на новый закон. 16 августа он был главным оратором на массовой демонстрации, органи-

зованной различными националистическими организациями Мюнхена. На площадь Гитлер вступил под звуки марша, исполняемого двумя духовыми оркестрами. За ним шли, выстроившись в шесть колонн, члены его партии со свастикой на нарукавных повязках и флагами в руках.

Гитлер поднялся на трибуну и начал говорить, сначала спокойно, затем все громче и вдохновеннее. Один из присутствующих, Карл Людеке, внимал оратору как загипнотизированный. Гитлер в его глазах из фанатика превратился в народного героя, нового Лютера.

Вечером Людеке слушал Гитлера еще раз и снова был в подобном состоянии. Позже его представили этому растрепанному и обливающемуся потом человеку. На плече у него висел небрежно сложенный, грязный плащ. Но для Людеке он был человеком сильной воли и мужества. На следующий день новоиспеченный нацист «отдал Гитлеру свою душу». Используя недовольство законом о защите республики и растущий раскол между Веймаром и Баварией, нацисты стали готовить очередной путч. Вдохновителем оказался малоизвестный чиновник Мюнхенского отдела здравоохранения Отто Питтингер, который замыслил свергнуть баварское правительство при поддержке нацистов и других националистических организаций и установить диктатуру бывшего премьер-министра фон Кара.

Новый приверженец Гитлера Карл Людеке получил задание передать инструкции возможным сообщникам в районе Берлина. Людеке разъезжал по Северной Германии, обрабатывая националистов, пока не узнал, что в самой Баварии ничего не вышло. Он вернулся в Мюнхен в конце сентября 1922 года и сразу направился к Питтингеру. «И это называется путч?» — укоризненно заявил Людеке. Главный же заговорщик ничего не ответил, сел в свой «мерседес» и отправился в отпуск в Альпы. Заговор выдохся. А Гитлер вынужден был на время уйти в подполье.

При встрече с Людеке он разразился гневной тирадой: «Я был готов, мои люди были готовы! Отныне я буду действовать один, если даже ни одна душа не последует за мной. К черту этих Питтингеров! Эти господа, эти графы и генералы — они ничего не сделают. А я сделаю. Один!»

Из позорного провала путча Питтингера Гитлер извлек урок: он должен действовать один — как фюрер. Людеке горячо его поддержал и высказал мысль, что партия должна перенять опыт Бенито Муссолини, готовящегося к захвату

власти в Италии. Его чернорубашечники недавно захватили Равенну и другие итальянские города. Людеке вызвался поехать в Италию в качестве представителя Гитлера и попробовать заручиться поддержкой Муссолини.

В Милане дуче любезно принял Людеке, хотя никогда и не слышал о Гитлере. Он согласился с мнением Гитлера о Версальском договоре и продиктованной им международной политике экономического удушения Германии, но ушел от ответа на вопрос о мерах против евреев. Больше всего поразила Людеке реакция Муссолини, когда он спросил дуче, прибегнет ли тот к силе, если итальянское правительство не уступит его требованиям. «Мы сами будем государством, потому что это наша воля»,— заявил Муссолини с уверенностью короля.

Людеке с восторгом докладывал Гитлеру, что Муссолини, вероятно, захватит власть в Италии в ближайшие месяцы. Он также подтвердил, что между фашизмом и национал-социализмом есть много общего.

Гитлера особенно заинтересовал рассказ Людеке о том, что Муссолини готов применить грубую силу в борьбе за власть: чернорубашечники вступают в большевизированные города, захватывают их, а армия сохраняет благожелательный нейтралитет, иногда даже оказывая им услуги.

Вдохновленный успехами Муссолини и уверенный в широкой поддержке всей Баварии, Гитлер решил устроить демонстрацию силы. Для этого он выбрал городок Кобург в двухстах пятидесяти километрах от Мюнхена. Группа патриотических организаций запланировала устроить там празднества по случаю «немецкого дня». Гитлер получил приглашение «приехать с группой товарищей». Он истолковал приглашение в самом широком смысле и 14 октября 1922 года выехал из Мюнхена на специальном поезде, прихватив с собой 600 штурмовиков и духовой оркестр.

В купе Гитлера царило веселье. С ним находилось семь человек — мозг и мускулы близкого окружения: бывший унтер-офицер Макс Аманн, борец-телохранитель Граф, торговец лошадьми и бывший вышибала в баре Кристиан Вебер, публицист и бывший коммунист Эссер, архитектор Розенберг, писатель Экарт и просто искушенный в жизни человек Людеке. Всю дорогу блистал остроумием и эрудицией Экарт.

В Нюрнберге в поезд подсели еще сотни две сторонников. Когда он остановился у платформы Кобургского вокзала,

Гитлер с мрачным видом вышел из вагона. Он выбрал Кобург как поле битвы из-за преобладания там социалистов и коммунистов. По примеру Муссолини он захватит их оплот. Жители Кобурга с удивлением и интересом смотрели на шумную группу, высыпавшую вслед за Гитлером на платформу. Духовой оркестр заиграл марш, штурмовики по-военному строем двинулись в город. Возглавляли шествие восемь дюжих баварцев в кожаных шортах, с альпенштоками на плече. За ними следовал ряд знаменосцев, держа красные флаги с черной свастикой в белом круге. Потом шел Гитлер со своей «семеркой» и, наконец, колонна штурмовиков, вооруженных резиновыми дубинками и ножами. Одни надели поношенные серые полевые мундиры, другие — свои лучшие костюмы, но у всех красовались нарукавные повязки со свастикой. Сам Гитлер был одет просто — в плаще, поношенной шляпе с опущенными полями и в сапогах.

Толпа местных жителей встретила незваных гостей выкриками: «Убийцы! Бандиты! Грабители! Преступники!» Нацисты, игнорируя протесты, шли вперед в сопровождении блюстителей порядка, которые собирались предоставить в их распоряжение пивную в центре города, но Гитлер потребовал разместить его людей в стрелковом тире. Под барабанный бой штурмовики повернули обратно через враждебную толпу к городской окраине. Когда в них полетели булыжники, Гитлер взмахнул рукой, и его свора с дубинками набросилась на бросавших камни. Толпа отступила, и штурмовики все тем же сомкнутым строем двинулись дальше.

На следующее утро, в воскресенье, левые призвали к массовой демонстрации, чтобы «выбросить нацистов». Ожидалось, что на центральной площади соберется десять тысяч демонстрантов. Такой поворот событий укрепил боевой дух Гитлера. Преисполненный решимости «разделаться с красным террором навсегда», он приказал отряду СА пройти маршем через площадь к зданию Кобургской крепости. В полдень штурмовики, число которых возросло почти до 1500, во главе с Гитлером вступили в центр города, но на площади собралось лишь несколько сотен демонстрантов. Вчера бюргеры смотрели на боевиков СА с молчаливым неодобрением — сегодня же из окон свисали сотни имперских флагов и вдоль улиц стояло множество людей, приветствовавших нацистов. Сегодня они были героями — они покон-

чили с господством красных на улицах города. «Это типично для психологии трусливого бюргера,— заметил Гитлер своим соратникам, шагающим рядом.— Трусы в момент опасности — хвастуны потом».

Кобург убедил Гитлера, что он со своими штурмовиками вполне может последовать примеру Муссолини. Через две недели последний подал еще один пример. 28 октября его чернорубашечники вступили в Рим и захватили власть в Италии. Четыре дня спустя, представляя фюрера в очередной пивной, Эссер торжественно объявил: «Гитлер — Муссолини Германии!»

Глава 5. «ТАКОЙ ЛОГИЧНЫЙ И ФАНАТИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК» (1922—1923 гг.)

1

К 1922 году в окружении Гитлера оказались люди, представлявшие самые различные социальные слои общества. Все они в той или иной мере разделяли его национализм и ненависть к марксизму. Особо в этом окружении выделялись два летчика: Герман Геринг, последний командир знаменитой эскадрильи «Летающий цирк Рихтгофена», и Рудольф Гесс, начинавший войну офицером пехоты в полку, где служил Гитлер, и закончивший ее в воздухе. Оба они были выходцами из состоятельных семей, но резко отличались друг от друга по внешности, характеру и темпераменту.

Геринг, жизнерадостный, склонный к театральности, общительный молодой человек, легко заводил друзей и почти всегда выделялся среди них. Его отец был окружным судьей, а впоследствии Бисмарк назначил его на пост имперского комиссара Юго-Западной Африки. Он дважды был женат и имел восемь детей. Герман, один из младших, к наукам тяги не испытывал и мечтал стать военным. Крест-

ный отец устроил его в Прусский королевский кадетский корпус. Геринг отличился на войне и после двадцатой воздушной победы был награжден высшим военным орденом. После перемирия он стал пилотом шведской авиалинии и тогда же вступил в любовную связь с Карин фон Концов, замужней женщиной, которая впоследствии стала его женой.

Геринг мог бы вести в Швеции вполне обеспеченную жизнь, но он жаждал вернуться в Германию и помочь соотечественникам «стереть позор Версаля». В Мюнхенском университете, куда Геринг по возвращении поступил, он стал изучать историю и политические науки, но тяготел больше к практической политике и даже сделал попытку сколотить собственную революционную партию из офицеров — ветеранов войны. Из этой затеи ничего не вышло: на одной дискуссии Геринг потерял самообладание и избил своего оппонента.

Весной 1922 года Геринг принял участие в митинге протеста против требований союзников о выдаче военных преступников. На нем выступали самые разные люди, но толпа начала требовать Гитлера. Геринг с Карин случайно оказались рядом с нацистским лидером, который заявил, что не желает выступать перед «этими буржуазными пиратами». Что-то в этом человеке, одетом в потертый плащ, произвело впечатление на Геринга, и он посетил собрание его партии. Геринг внимательно слушал Гитлера. Тезис о том, что болтовней ничего не добьешься, а действовать надо штыком, настолько понравился Герингу, что он решил: такая партия как раз для него.

Появление героя войны не осталось незамеченным нацистами. Сам Гитлер пригласил его на беседу. Внешность Геринга произвела на фюрера большое впечатление. Перед ним был идеальный ариец — голубоглазый, с правильными чертами лица и бело-розовой кожей. Они сразу же договорились, что Геринг будет заниматься военной подготовкой штурмовиков. Правда, Гитлера смущало то обстоятельство, что у Геринга было немало друзей среди евреев. Последнего же больше интересовала практическая деятельность, чем идеология,— именно этим и привлекала его партия Гитлера. Такой человек был очень нужен нацистам, поскольку Геринг имел тесные связи в офицерских и светских кругах.

По сравнению с Герингом Гесс казался совершенно бес-

цветным. Он родился в Александрии (Египет) в семье преуспевающего торговца. Отец убедил сына пойти по его стопам, хотя тот был больше склонен к наукам. Гесс поступил в высшую коммерческую школу в Швейцарии, но учебу прервала война. После войны он не смог заставить себя продолжать деловую карьеру и поступил, как и Геринг, в Мюнхенский университет, где изучал историю, экономику и геополитику. Гесс считал себя преданным «ноябрьскими преступниками» и вступил в националистическое «общество Туле». Будучи членом «Фрайкора», он участвовал в подавлении режима красных в Баварии.

Гесс тоже искал лидера и увидел свой идеал в Гитлере, с которым уже больше года работал как доверенное лицо и советник. Но его нельзя было отнести к фанатичным антисемитам. Гесса связывала тесная дружба с женатым на еврейке профессором геополитики Хаусхофером, проповедующим теорию «жизненного пространства» для Германии.

Гесс производил впечатление замкнутого и некоммуникабельного человека. Хотя он хорошо воевал и умел драться на улицах, он был далеко не кровожадным, предпочитая потасовкам книги и музыку. Но когда требовалось, за дело партии он мог ввязаться и в драку, что очень ценил Гитлер. Да и внешность Гесса — квадратное лицо, густые брови, тонкие губы, пронзительный взгляд — больше подошла бы человеку, способному затоптать самого близкого друга. Он редко улыбался, не пил и не курил. Гитлер считал его идеальным сподвижником, готовым пойти за ним до конца.

К числу фанатически преданных Гитлеру людей следовало бы отнести и Юлиуса Штрайхера.

Этот коренастый, лысый, примитивный тип с грубыми чертами лица и чрезмерным аппетитом как за столом, так и в постели, в антисемитизме превосходил самого фюрера. Он мог быть закадычным приятелем и жестоким скотом, слезливо-сентиментальным и совершенно бессердечным. Как и Гитлер, Штрайхер редко появлялся на публике без стека, но если первый носил его больше для проформы, второй частенько пускал в ход как оружие. Речь Штрайхера изобиловала садистскими сравнениями, и ему нравилось ругать своих личных противников, особенно евреев, самыми грязными словами.

Штрайхер был просто находкой для нацистов, и после учреждения нюрнбергского отделения партии в 1922 году он стал издавать газету «Штюрмер», которая по своей пло-

щадной ругани и истеричности побила все рекорды антисемитской пропаганды. Даже самого фюрера коробило порнографическое содержание этой газеты, сексуальные выходки Штрайхера и склонность его к внутрипартийным интригам. Тем не менее Гитлер высоко ценил его за кипучую энергию и фанатичную преданность.

Таково было ближайшее окружение Гитлера. Возглавляемое им движение ломало все социальные перегородки и привлекало самых разных людей — интеллектуалов, уличных драчунов, люмпенов, фанатиков, идеалистов, приниципиальных и беспринципных, простолюдинов и аристократов. В его партию шли негодяи и люди доброй воли, писатели и художники, чернорабочие и лавочники, зубные врачи и студенты, солдаты и священники. Он апеллировал к самым широким слоям общества и был настолько великодушным, что принимал и наркоманов, которым слыл Экарт, и гомосексуалистов, как капитан Рем,— всех, кто готов был бороться против «еврейского марксизма» и отдать жизнь за возрождение Германии.

«У меня самые счастливые воспоминания о тех днях,— говорил Гитлер девятнадцать лет спустя.— Сегодня, когда я встречаюсь с прежними друзьями, я становлюсь сентиментальным. Они действительно были трогательно преданы мне. Мелкие базарные торговцы подбегали ко мне и предлагали пару яиц герру Гитлеру. Я так люблю этих простых людей».

2

Осенью 1922 года деятельностью Адольфа Гитлера заинтересовались союзники. В Мюнхен по предложению американского посла был направлен помощник военного атташе в Берлине капитан Трумэн Смит. В его задачу входило выяснить, что собой представляет национал-социалистское движение. Он получил указание лично встретиться с Гитлером и дать всестороннюю оценку его личности — характера, способностей и слабостей.

Смит прибыл в Мюнхен 15 ноября. От Роберта Мэрфи, исполняющего обязанности американского консула, он

получил информацию о том, что нацисты расширяют свое влияние в массах и что их лидер — «чистой воды авантюрист», но «обладает сильным характером и хорошо использует все виды социального недовольства». По мнению Мэрфи, Гитлер был такой личностью, которая могла бы «возглавить германское националистическое движение».

Встреча посланца союзников и лидера нацистов состоялась «в убогой и мрачной комнатенке, напоминающей крошечную спальню многоквартирного нью-йоркского дома». Вот первые слова, которые Смит занес в свою записную книжку после беседы с Гитлером: «Потрясающий демагог. Я еще не встречал такого логичного и фанатичного человека. Его власть над толпой, похоже, очень велика».

Свое движение Гитлер охарактеризовал как «союз рабочих физического и умственного труда для борьбы с марксизмом». «Если мы хотим покончить с большевизмом,— подчеркнул он,— необходимо ограничить власть капитала» и ликвидировать парламентскую систему, «только диктатура может поставить Германию на ноги». По словам Гитлера, записывал далее Смит, «Америке и Англии лучше вести решающую борьбу между нашей цивилизацией и марксизмом на немецкой земле, а не на американской и английской. Если мы (Америка) не поможем германскому национализму, большевизм завоюет Германию. Тогда не будет репараций, а Россия и германский большевизм из инстинкта самосохранения нападут на западные нации».

В беседе Гитлер касался и других тем, но о евреях даже не упомянул, пока Смит сам не заговорил об антисемитизме нацистов. В ответ на это Гитлер ограничился коротким замечанием, что он «выступает только за лишение евреев гражданства и запрет занимать государственные посты».

Из этой убогой комнатенки Смит вышел человеком, глубоко убежденным в том, что Гитлер и его партия в самом ближайшем будущем станут важным фактором в германской политике. Он принял приглашение посетить пивную, где должен был выступать Гитлер. Но Смита неожиданно вызвали в Берлин, и он попросил своего приятеля Эрнста Ханфштенгля пойти вместо него.

Ханфштенгль принадлежал к известному в Мюнхене семейству, владевшему крупной издательской фирмой, выпускающей репродукции картин известных художников. В салоне Ханфштенглей бывали Сарасате, Рихард Штраус, Фритьоф Нансен, Марк Твен и другие знаменитости. Сам

он окончил Баварский университет, хорошо играл на рояле. Домашние и друзья прозвали его Путци (Коротышка) как бы в насмешку за почти двухметровый рост.

22 ноября Ханфштенгль появился в пивной, где должен был выступать Гитлер, и занял место за столом для прессы. Зал был набит самой разношерстной публикой. Медленно потягивали пиво из кружек бывшие офицеры, чиновники, лавочники, рабочие. Один из журналистов показал Ханфштенглю Гитлера, одетого в темный костюм и рубашку с накрахмаленным воротничком. После того как Дрекслер его представил, зал разразился аплодисментами. Гитлер стоял на сцене, как часовой, расставив ноги и заложив руки за спину, затем начал говорить. Обозревая события прошлых лет, он методично усиливал свои претензии к правительству, но без истерики и вульгарных выражений. Иногда в его речи проскальзывал легкий венский акцент. На Ханфштенгля, сидящего где-то метрах в четырех от оратора, особое впечатление произвели его голубые, ясные глаза. «В них светились честность, искренность, страдание и достоинство». Через десять минут Гитлер полностью завладел вниманием аудитории и, как хороший актер, стал жестикулировать, обрушиваясь на спекулянтов, нажившихся на войне. Женский выкрик «Браво!» потонул в буре аплодисментов.

Гитлер вытер пот со лба, отхлебнул из кружки, что не могло не понравиться любителям пива — мюнхенцам, и прололжил свою страстную речь. Когда раздавались оскорбительные выкрики, он поднимал правую руку, словно хватая на лету мяч, и давал короткий и ясный ответ. Всякая осторожность была отброшена, и Гитлер с яростью обрушился на своих главных врагов — евреев и красных. «Наш лозунг таков: если ты не немец, я размозжу тебе голову. Ибо мы убеждены, что без борьбы невозможно добиться победы. Наше оружие — идея, но если это необходимо, мы пустим в ход и кулаки».

Собравшиеся слушали его, затаив дыхание. Сидящая неподалеку от Ханфштенгля молодая женщина смотрела на Гитлера как зачарованная. Когда он закончил речь, публика ревела от восторга и стучала кружками по столам.

Ханфштенгль и сам испытал необычайное волнение. Подойдя к столу, за которым довольный Гитлер принимал поздравления, он передал вождю нацистов «наилучшие пожелания» от капитана Смита. Гитлер в свою очередь поин-

тересовался мнением Ханфштенгля о выступлении. «Я с вами согласен,— ответил тот.— Могу подписаться под девяноста пятью процентами всего, о чем вы говорили. А пять процентов мы могли бы обсудить». Эстету Ханфштенглю был неприятен откровенный антисемитизм собеседника, но сам Гитлер производил впечатление скромного, располагающего к себе человека, особенно когда он дружелюбно сказал: «Уверен, мы не станем ссориться из-за этих пяти процентов».

В эту ночь Ханфштенгль под впечатлением речи Гитлера долго не мог уснуть. В то время как известные консервативные политики и ораторы терпели провал за провалом, будучи не в состоянии установить контакт с простыми людьми, этот человек, добившийся всего собственными силами, с таким блеском излагал антикоммунистическую программу. И Ханфштенгль решил помогать ему.

Пространный и подробный отчет капитана Смита о поездке в Мюнхен был отправлен в государственный департамент США и сдан в архив. А в Германии нарастала тревога по поводу усиления влияния партии нацистов. В докладе министерства внутренних дел Баварии отмечалось, в частности, что гитлеровское движение, несомненно, является «опасным для правительства — не только для нынешнего, но и для любой политической системы. И если ему удастся осуществить свои замыслы по отношению к евреям, социал-демократам и банкирам, будет много крови и беспорядков».

Тогда же новым рейхсканцлером Вильгельмом Куно было получено еще одно тревожное предупреждение. Оно поступило из необычного источника — от болгарского консула в Мюнхене — и касалось откровенной беседы, которую консул имел с Гитлером. Последний заявил, что парламентское правительство в Германии скоро падет, так как парламентские лидеры не пользуются поддержкой народных масс. А это неизбежно приведет к диктатуре, либо правой, либо левой. Крупные города Северной Германии в значительной мере контролируются левыми, но в Баварии, вне всякого сомнения, победят нацисты. Каждую неделю в эту партию вступают тысячи людей. Три четверти личного состава тайной полиции Мюнхена составляют сторонники Гитлера, а среди городских полицейских их еще больше. Гитлер предсказал, что коммунисты установят контроль над Северной Германией. С ними в борьбу вступят баварцы,

а для спасения нации им потребуется «железный кулак», диктатор, «готовый в случае необходимости промаршировать через реки крови и горы трупов».

Опасно было оставлять без внимания этот страшный прогноз, особенно зловещее утверждение Гитлера, что его план по уничтожению большевизма и сопротивлению французской оккупации Рура встретит поддержку со стороны большинства патриотов Баварии. Патриоты были готовы действовать беспощадно по отношению к любому, кто разделяет доктрину левых.

3

Из-за неспособности Германии выплачивать репарации французские и бельгийские войска 11 января 1923 года вступили в Рур. Эта акция не только воспламенила националистический дух по всей Германии, но и привела к резкому обесценению марки. За две недели ее курс упал с 6750 до 50 000 за доллар (в день перемирия в 1918 году за доллар давали 7,45 марки). Когда веймарское правительство последний раз оплатило Гарантийной комиссии железнодорожные расходы по поездкам в Берлин, корзины с деньгами от банка до вокзала несли семеро дюжих парней. Теперь их потребовалось бы сорок девять.

Вторжение союзников в Рур, наряду с инфляцией и растущей безработицей, увеличило число приверженцев Гитлера. С презрением отвергая предложения о сотрудничестве с другими партиями, в том числе и с социалистами, он повсеместно организовывал демонстрации протеста. 27 января, в день основания нацистской партии, планировалось провести двенадцать митингов.

Начальнику баварской полиции, предупредившему Гитлера о запрете каких бы то ни было сборищ, тот вызывающе ответил, что полиция может стрелять, если хочет, но он, Гитлер, сам будет в первых рядах.

На следующий день, несмотря на снегопад, с помпой прошел парад 6000 штурмовиков, несших знамена со свастикой. Полиция вмешаться не рискнула, хотя и была готова к действиям. Беспорядков удалось избежать. Но не про-

изошло и путча. Тем не менее неподчинение Гитлера полицейским приказам подняло его популярность и подорвало престиж баварского правительства. В первом серьезном столкновении с властями лидер нацистов вышел победителем.

«Это выдающаяся личность,— писал американский писатель Денни Ладуэлл, побывавший на митинге, где выступал Гитлер.— Его речь была короткой и выразительной, его кулаки то сжимались, то разжимались. Он производил впечатление одержимого: горящие глаза, нервные руки, странные движения головы».

В те дни Гитлер по-прежнему не обращал никакого внимания на неустроенность своего быта. Он продолжал жить в том же убогом доме, хотя снимал теперь более просторную комнату, не такую холодную, как первая, но так же скудно обставленную. Ширина ее составляла всего три метра, и спинка кровати наполовину закрывала единственное узкое окно. Пол был покрыт дешевым, истертым линолеумом. На стенах хозяин убогого жилища развесил рисунки и иллюстрации, на полке разложил книги о мировой войне, по истории Германии, сочинение Клаузевица «О войне», биографии Фридриха Великого и Рихарда Вагнера, мемуары Свена Хедина. Здесь же лежали сборник древнегерманских сказаний, несколько романов, полупорнографические произведения Эдуарда Фукса (еврея), «История эротического искусства», иллюстрированная энциклопедия.

Хозяйка дома фрау Райхерт считала своего жильца нелюдимым, днями он не вступал с ней в разговоры. Но в целом она отзывалась о нем хорошо, потому что плату Гитлер вносил аккуратно, в срок, а иногда и заранее. Жил он по-спартански, не позволяя себе никаких излишеств, единственным его компаньоном был пес по кличке Вольф.

Позже Гитлер признавался, что в молодости любил одиночество, но после войны он его уже не выносил. Вторая, параллельная его жизнь проходила в кафе, салонах, кофейнях и пивных Мюнхена.

По понедельникам Гитлер встречался с близкими друзьями в кафе «Ноймайер». Здесь, за столиком для постоянных клиентов, обсуждались новые идеи, звучали шутки и смех.

Иногда по вечерам он навещал Дитриха Экарта, но чаще всего встречался со своим новым почитателем Ханфштенглем, который познакомил его с влиятельными в политике, искусстве и деловом мире людьми. Иногда Ханфштенгль

играл для него на пианино. Особенно Гитлер любил «Мейстерзингеров» Вагнера. Зная эту оперу наизусть, он часто насвистывал целые куски из нее. К Моцарту Гитлер был равнодушен, предпочитая Бетховена, Шумана, Шопена и некоторые вещи Рихарда Штрауса.

Постоянные визиты Гитлера в уютную квартиру Ханфштенглей вряд ли можно считать случайностью. Похоже, он увлекся женой друга Хелен, американкой немецкого происхождения, высокой красивой брюнеткой. К Ханфштенглям Гитлер являлся в своем лучшем костюме и относился к Хелен с огромным уважением, даже с подобострастием, как человек из низшего класса. В своих неопубликованных мемуарах, написанных десять лет спустя, фрау Ханфштенгль так описывает их первую встречу на улице в Мюнхене в начале 1923 года: «В то время он был худым, робким молодым человеком с голубыми глазами и каким-то отрешенными взглядом. Одет он был прескверно: дешевая белая рубашка, черный галстук, поношенный темно-синий костюм, к которому совершенно не подходил коричневый кожаный жилет. А потертый бежевый плащ, дешевые черные ботинки и старая серая мягкая шляпа просто вызывали жалость».

Хелен пригласила Гитлера на обед. «И с этого дня,— вспоминает она,— он был частым гостем, наслаждаясь уютной домашней атмосферой, играя с моим сыном и излагая свои планы по возрождению германского рейха. По-видимому, наш дом ему нравился больше всех, куда его приглашали, потому что здесь его не донимали заумными вопросами, не представляли другим гостям как «спасителя нации». Он мог спокойно сидеть в углу, читать или делать заметки». Хелен особенно трогало отношение Гитлера к ее двухлетнему сыну Эгону. Однажды малыш побежал встречать Гитлера и, ударившись головой о стул, заплакал. «Гитлер с серьезным видом начал колотить стул, ругая его за то, что он сделал больно «славному маленькому Эгону». Малышу это так понравилось, что теперь каждый раз, когда приходил Гитлер, он просил «дядю Дольфа» побить этот противный стул». «Очевидно, он любил детей или же был хорошим актером»,— так завершает жена Ханфштенгля рассказ об этом эпизоде.

К весне Гитлер окончательно освоился у Ханфштенглей. Он часами играл на полу с Эгоном, болтал с ним о всякой всячине. Друзья нередко совершали совместные прогулки и

однажды вечером попали на вторую серию кинофильма «Король Фридрих». Больше всего Гитлеру понравилась сцена, когда монарх грозится обезглавить кронпринца. «Так должно совершаться правосудие в Германии: либо оправдание, либо голова с плеч»,— заявил Гитлер.

Этот мгновенный переход от сентиментальности к жестокости поразил Ханфштенглей, и впоследствии личная жизнь Гитлера не раз становилась предметом обсуждения в их семье. Например, какие у него отношения с женщинами? Однажды в беседе с друзьями он сравнил с женщиной толпу, народ, свою аудиторию. «Любой, кто не понимает присущей массе, толпе женской психологии,— развивал далее свою мысль Гитлер,— никогда не достигнет нужного эффекта. Спросите себя: чего хочет женщина от мужчины? Ясности, решимости, силы, действия. Если поговорить с ней как следует, она с гордостью принесет себя в жертву». По поводу его утверждения «моя единственная невеста — это моя страна» Ханфштенгль шутливо заметил, что в таком случае стоит завести любовницу. «Политика — это женщина,— ответил Гитлер.— Будет любовь несчастной — и она откусит тебе голову».

Слухи о том, что сестра одного из шоферов Гитлера Енни Хауг была его любовницей, Хелен Ханфштенгль не принимала всерьез. «Путци,— говорила она,— я уверена, он бесполый».

Однако Эмиль Мориц, шофер и приятель Гитлера, с этим был не согласен. «Мы вместе бегали за бабами, я следовал за ним, как тень»,— вспоминал он. Приятели посещали художественные студии, чтобы полюбоваться нагими натурщицами. Гитлер с Морицом бродили по злачным местам и ночным улицам в поисках девочек. Эмиль нравился женщинам и выступал в роли сводника. По его словам, Гитлер тайком приводил найденную таким образом подругу в свою маленькую комнатку. «Он всегда преподносил своей даме цветы».

Партии Ханфштенгль посвящал все свое время и на правах друга пытался давать Гитлеру всевозможные советы, начиная с того, какие усы сейчас в моде, и кончая критикой его советника Розенберга за «топорную философию». Хотя Гитлер эти советы, как правило, отвергал, он без колебаний согласился взять у Ханфштенгля взаймы тысячу долларов. По тем временам это была громадная сумма, которая позволила Гитлеру купить два американских печатных станка

и превратить «Фелькишер беобахтер» из еженедельника в ежедневную газету. Редактором Гитлер сделал Розенберга.

4

Весна 1923 года была для нацистов очень бурной. Партия остро нуждалась в деньгах, и чтобы пополнить ее кассу, Гитлеру пришлось совершить ряд поездок по стране. В начале апреля он с Ханфштенглем и Морисом отправился на машине в Берлин. Они поехали через Саксонию, значительную часть которой контролировали коммунисты. Неподалеку от Лейпцига их остановил патруль красной милиции. Респектабельный Ханфштенгль предъявил свой швейцарский паспорт и по-немецки, но с американским акцентом объявил, что он иностранный бизнесмен, приехавший на Лейпцигскую ярмарку, а в машине с ним находятся его шофер и лакей. Уловка сработала. И хотя все закончилось благополучно, Гитлеру, как заметил Ханфштенгль, очень не понравилось, что его приняли за лакея.

В последний день поездки Гитлер вдруг заговорил о том, что «в следующей войне самой важной задачей будет захват Западной России с ее зерном и продовольствием». Это означало, что Розенберг и его друзья не теряют времени даром. Поняв это, Ханфштенгль заметил, что война с Россией будет безнадежной, причем придется считаться и с Америкой, с ее громадным промышленным потенциалом. «Если эти две страны окажутся на противоположной стороне, вы проиграете любую войну еще до ее начала». Гитлер только хмыкнул в ответ, но было очевидно, что этот аргумент он не принял всерьез.

По возвращении в Мюнхен Гитлер усилил пропагандистскую кампанию против оккупации Рура Францией, но при этом избрал главной целью своих нападок евреев. На них он возложил основную вину за захват Рура, за поражение в войне и инфляцию. Он утверждал, что «так называемый мировой пацифизм — это еврейская выдумка», что лидеры пролетариата — евреи, что масоны — орудие евреев и что евреи тайно замышляют установить мировое господство. По словам Гитлера, войну в действительности проиграли

Франция, Англия и Америка, а Германия в конечном счете победила, потому что она освобождается от евреев. Лидер нацистов искусно апеллировал к примитивным эмоциям и инстинктам. Его слушатели, уходя с митингов, деталей практически не помнили, но были убеждены в главном: для спасения Германии необходимо поддержать крестовый поход Гитлера против красных, что Францию надо выгнать из Рура, а евреев — и это самое важное — следует поставить на место.

За последний год Гитлер заметно развил свои ораторские способности. Его аргументы и жесты стали точнее, убедительнее, разнообразнее. Руками он владел, как дирижер оркестра, темп его речи приобрел большую музыкальность. Умело используя свой талант пародирования, он высмеивал воображаемого оппонента, припирая его к стенке контраргументами и вопросами, громил соперника и возвращался к первоначально высказанной мысли. Гитлер легко мог переключаться с одной темы на другую, не теряя внимания слушателей, поскольку обращался не к разуму, а к чувствам — негодованию, страху, любви, ненависти.

Кроме всего прочего, Гитлер обладал редким умением в ходе дискуссии вовлекать в нее слушателей. «Когда я говорю с людьми,— откровенничал он с Ханфштенглем,— особенно с теми, кто еще не вступил в партию или даже хочет из нее выйти, я всегда говорю так, будто от его или ее решения зависит судьба нации. Иными словами, обращаюсь к тщеславию и амбициям собеседника. Но как только мне это удается — остальное легко. У каждого человека, богатого или бедного, есть внутреннее чувство неудовлетворенности своим положением. В людях дремлет готовность пойти на какую-то последнюю жертву и даже авантюру, чтобы придать своей жизни новое направление. Например, на лотерейный билет они готовы истратить последние деньги. Я стремлюсь направить это чувство на политические цели. Ведь, по сути, любое политическое движение основывается на желании его сторонников, мужчин и женщин, изменить к лучшему свое положение, судьбы своих детей и внуков. Чем ниже стоят люди на социальной лестнице, тем сильнее их стремление быть причастными к великому делу. И если я смогу их убедить, что решается судьба Германии, они станут частью непреодолимого движения, охватывающего все классы».

Со временем нацистские митинги и демонстрации пре-

вратились в настоящие театрализованные представления. Неотразимое впечатление оказывали на публику развевающиеся знамена, военные марши штурмовиков, бравурная музыка.

Появились и новые приемы, например, когда штурмовики, приветствуя друг друга, стремительно выбрасывали вперед правую руку. Возможно, это приветствие Гитлер перенял у Цезаря, но он утверждал, что оно было немецким. По его словам, так приветствовали Лютера, чтобы показать свои мирные намерения. Как бы то ни было, этот жест, а также громкое «хайль!» заставляли верить, что человек, которого сейчас услышат собравшиеся, есть подлинный голос возрождающейся Германии.

13 апреля, в тот день, когда Гитлер обрушивал проклятия на Францию и евреев, он и командир «рабочей группы боевых организаций» правых радикалов предъявили премьер-министру Баварии ультиматум. Правительству предлагалось выступить за отмену закона о защите республики, а если Веймар откажется, не выполнять его.

Ответ Гитлер желал получить на следующий день, но он не поступил. Тогда радикальная военная группа решила 15 апреля провести «военные учения». 16-го премьер-министр, наконец, дал ответ: он лично против закона о защите республики, но поскольку это закон страны, он обязан его выполнять. В знак протеста Гитлер призвал к проведению массовой демонстрации правых 1 мая, что было чревато взрывом, поскольку этот день был не только рабочим и марксистским праздником, но и годовщиной освобождения Мюнхена от режима красных.

30 апреля силы радикальных правых начали стягиваться к военному полигону в нескольких километрах от вокзала. К рассвету собралась тысяча человек. В ожидании нападения левых были выставлены дозоры, но шли часы, а все было спокойно. К девяти утра прибыло подкрепление. Штурмовики, опираясь на винтовки, ждали, скучали и нервничали, а Гитлер расхаживал с каской в руке и раздраженно спрашивал: «Где же красные?» К полудню появился отряд солдат и полицейских, которые быстро окружили вооруженных демонстрантов. Среди солдат оказался растерянный капитан Рем. Он сообщил Гитлеру, что командующий частями рейхсвера в Баварии приказал немедленно сдать оружие, иначе будут серьезные неприятности.

Гитлер был разъярен, но решение о сдаче оружия при-

шлось принять. Если бы правые атаковали, произошло бы побоище. А это означало бы конец его, Гитлера, как политического лидера и, возможно, как человека. Нацисты сложили винтовки и вернулись в город. По пути они напали на колонну коммунистов, обратили своих противников в бегство и сожгли их флаги. Но эта маленькая победа была преходящей. К вечеру стало ясно, что первое выступление Гитлера потерпело провал. Правда, когда его вызвали на официальное разбирательство, он вел себя крайне агрессивно. Довольно скоро он оправился от поражения.

Однако большинство иностранных наблюдателей предсказывало, что это начало конца. Роберт Мэрфи докладывал своему правительству, что нацистское движение ныне находится «в упадке», что люди «устали от поджигательской агитации Гитлера, которая не приносит никаких результатов и не предлагает ничего конструктивного. Антисемитская кампания сделала многих его врагами, а хулиганские выходки молодых сподвижников настроили против него обывателей».

5

Но доклад Мэрфи лишь отражал точку зрения официальных властей Баварии, которые ошибочно истолковали затишье, наступившее после майских праздников, как отход масс от Гитлера и его движения. Эта инерция продолжалась, если не считать кратковременных волнений, вызванных казнью немецкого националиста Лео Шлагетера, который в знак протеста против французской оккупации Рура взорвал железнодорожное полотно возле Дуйсбурга. Французы судили его за диверсию и расстреляли 26 мая.

Когда Ханфштенгль, узнал, что ряд патриотических организаций планирует организовать демонстрацию протеста, он решил, что и Гитлер должен принять в ней участие. А тот в это время отдыхал в курортном городке Берхтесгаден у границы с Австрией. Он снимал комнату в пансионате на одном из склонов горной цепи Оберзальцберг.

Экарт, который в то время тоже был в Берхтесгадене, жаловался Ханфштенглю, что Гитлер странно себя ведет: рас-

хаживает со стеком перед женой хозяина пансионата, размахивает им и грозится навести порядок в Берлине, «искоренить роскошь, извращения, неравенство и еврейский материализм, изгнать из храма менял, как это сделал Иисус Христос». На следующий день, провожая Ханфштенгля на поезд, Гитлер выразил недовольство Экартом, назвав его «старым пессимистом и маразматиком».

Антон Дрекслер и его жена тоже осуждали воинственное поведение Гитлера в Берхтесгадене. Их озабоченность разделяли и другие члены партии, которые возражали против его дружбы с промышленниками, банкирами и аристократами, считая, что прочная база патриотического движения может быть создана только за счет опоры на рабочий класс.

Гитлер понимал, что в партии им недовольны, и в начале сентября предпринял попытку восстановить свой престиж с помощью очередного публичного выступления. Для этой цели были выбраны празднества в Нюрнберге по случаю «немецкого дня» — годовщины битвы при Седане. Сюда 1 и 2 сентября съехались до 100 тысяч националистов, организовавших массовые уличные шествия под нацистскими и баварскими флагами. Больше всего демонстрантов было от партии нацистов. На одном из таких митингов и выступил Гитлер. «Через несколько недель жребий будет брошен,— патетически заявлял он.— То, что рождается сегодня, будет более великим событием, чем мировая война. Оно произойдет на немецкой земле, но ради всего человечества».

2 сентября была образована «Германская боевая лига». Официально она считалась ассоциацией националистов, но фактически полностью контролировалась нацистской партией. В число ее военных руководителей входил Эрнст Рем. Программные цели «Боевой лиги» полностью отражали взгляды Гитлера: борьба против парламентаризма, международного капитала, пацифизма, марксизма и евреев.

Все это знаменовало публичное возвращение Гитлера к идеологии и практике революционного действия. И месяц спустя он был официально объявлен политическим лидером новой организации. Ее программа открыто призывала к захвату власти в Баварии. Гитлер публично заявил, что намерен действовать, чтобы упредить красных. «Задача нашего движения,— говорилось в его выступлении,— подготовиться к предстоящему краху прежнего режима так, чтобы после падения старого ствола уже стояла молодая ель».

При всем своем лояльном отношении к Гитлеру и его

партии баварское правительство тем не менее было встревожено его призывами к насилию и в конце сентября назначило генерального комиссара по поддержанию порядка, наделив его чрезвычайными полномочиями.

Им стал бывший премьер-министр фон Кар, пользующийся поддержкой ряда влиятельных националистических групп и католической церкви.

Первой мерой комиссара стал запрет на проведение четырнадцати нацистских митингов, запланированных на ближайшие дни. Некоторые из близких к Гитлеру товарищей по партии советовали ему отступить и отложить схватку, считая движение еще недостаточно сильным. Другие же, особенно рядовые, настаивали на немедленных действиях. И Гитлер выбрал последнее. Он метался по Мюнхену и его окрестностям в поисках союзников, давал интервью, наносил визиты влиятельным лицам — военным, политикам, промышленникам, убеждал членов партии, как верных ему, так и колеблющихся, обещаниями, угрозами и лестью.

«Когда он принимал решение, никто не мог заставить его это решение изменить,— вспоминала Хелен Ханфштенгль.— Мне случалось наблюдать, когда его последователи пытались заставить его сделать то, чего он не хотел. Его взгляд сразу же становился равнодушным, отсутствующим, будто он отключал свой мозг от любых идей, кроме собственных». В эту осень одержимость Гитлера обрела конкретный смысл: по примеру Муссолини он совершит марш на Берлин. Своими замыслами он делился не только с ближайшими соратниками, но и призывал все патриотические силы Баварии принять участие в этом марше. «У Гитлера были определенно наполеоновские и мессианские идеи,— вспоминал один из участников встречи Гитлера с поддерживающими правых военными.— Он заявил, что внутренний голос требует от него спасти Германию».

1

В один из последних дней сентября 1923 года Гитлер получил тревожное письмо от «старого и преданного члена партии», который сообщил ему о предсказании известного астролога фрау Элсбет Эбертин. В письме ее слова приводились полностью: «Человек, родившийся 20 апреля 1889 года, может подвергнуть себя личной опасности собственными чрезмерно неосторожными действиями и, вполне вероятно, вызовет неуправляемый кризис». Звезды показывают, что «этого человека следует принимать всерьез, ему предназначено сыграть роль вождя в будущих сражениях» и предначертано «пожертвовать собой ради немецкой нации».

Другой астролог, Вильгельм Вульф (годы спустя он будет советником Гиммлера по астрологическим вопросам), в конце лета тоже составил гороскоп Гитлера. Его предсказание также звучало зловеще: «Насильственные действия с катастрофическим результатом для данного лица произойдут 8—9 ноября 1923 года».

К подобным пророчествам многие относились серьезно. Однако Гитлер по поводу предсказания фрау Эбертин раздраженно заметил: «Какое отношение имеют ко мне бабы и звезды?»

Независимо от того, верил ли Гитлер в астрологию или нет, он был убежден, что ему предназначено судьбой в конечном счете добиться успеха. Это подтвердило событие, происшедшее по иронии судьбы в тот же день, когда он узнал о предсказании фрау Эбертин. Гитлер решил навестить 86-летнюю вдову любимого им композитора Вагнера, чтобы выразить ей свое уважение. Жена сына Вагнера англичанка Винифред была пылкой поклонницей Гитлера и тепло его встретила.

Гитлер робко, почти на цыпочках ходил по музыкальной комнате и библиотеке, но позднее, в саду, он убежденно, уверенным тоном говорил о своих планах на будущее. После его ухода фрау Вагнер сказала, что, по ее мнению, именно он будет спасителем Германии.

Беседа у Вагнеров, возможно, укрепила в Гитлере убеж-

дение, что он является избранником судьбы. Поэтому его не испугало случившееся неделю спустя с ним и Ханфштенглями дорожное происшествие. Они ехали в новой машине Гитлера через баварские холмы и внезапно попали в густой туман. Машина свалилась в кювет, но никто не пострадал. На обратном пути в Мюнхен все долго молчали, потом Гитлер повернулся к Хелен и сказал: «Я заметил, что вы даже не испугались. Я знал, что с нами ничего не случится. Это не единственное происшествие, из которого я выйду невредимым. Я пройду через все и добьюсь осуществления своих планов».

2

Судьба благоприятствовала Гитлеру и его партии — безудержный рост инфляции не прекращался. К началу октября одна довоенная марка равнялась уже более чем шести миллионам нынешних. Цена одного яйца увеличилась, например, в 30 миллионов раз. Многие местные органы власти и промышленные компании, чтобы покрыть расходы, начали печатать свои собственные «чрезвычайные деньги». Рейхсбанк не мог отказаться от приема этих денег и вынужден был оперировать ими, как своими собственными. Само печатание правительственных денег превратилось в фарс: бралась банкнота в тысячу марок, выпущенная в декабре, и на ней красной краской ставился штамп «миллиард марок», а на банкноте в 500 миллионов марок, введенной в обращение Баварским государственным банком несколькими неделями раньше, было напечатано «двадцать миллиардов марок». Эту бумажку формально можно было обменять на 800 долларов, но к тому моменту, когда ее владелец доходил до кассира, она уже обесценивалась в несколько раз. Людей охватила паника, и они стремились избавиться от денег немедленно. Если человек не успевал вовремя сесть в троллейбус, следующий к банку, его месячная зарплата уменьшалась на три четверти. Официант в Бадене рассказывал молодому репортеру Эрнесту Хемингуэю, что скопил денег на покупку ресторана, а сейчас их не хватит на четыре бутылки шампанского. «Германия обесценивает свои деньги,

чтобы надуть победителей, которые вынудили ее платить репарации,— с горечью говорил он.— Но я-то что от этого имею?»

На улицах немецких городов можно было наблюдать самые невероятные сцены. Женщина, оставившая у дома корзину денег и возвратившаяся за ней буквально через минуту, обнаружила, что корзина исчезла, а ее содержимое свалено тут же в канаву. Рабочий, получающий в неделю два миллиарда марок, мог купить на них только немного картофеля. И когда система распределения продовольствия окончательно рухнула, начались массовые набеги на картофельные поля — и это в стране, где уважение к закону считалось чуть ли не национальной чертой характера. Выиграли лишь иностранцы и спекулянты, за бесценок скупавшие драгоценности и недвижимость.

С января до середины октября в партию нацистов вступило почти 35 тысяч человек, и Гитлер был больше чем когда-либо убежден, что народ готов к решительным действиям. На митингах он выступал как никогда страстно, люди слушали его, затаив дыхание.

По свидетельству одного из очевидцев, Гитлер напоминал вертящегося в экстазе дервиша. Но он знал, как разжечь людей,— не аргументами, а фанатичностью, визгом и воплями, повторениями и каким-то заразительным ритмом. Это он хорошо научился делать, эффект получался волнующе примитивным и варварским.

Разгоревшиеся в Баварии страсти сделали задачу комиссара фон Кара при всех его диктаторских полномочиях практически невыполнимой. Он подвергался мощному давлению со стороны тех влиятельных баварских политиков, которые считали, что к Гитлеру и его партии надо относиться снисходительно. В целом среди населения Баварии преобладали националистические настроения. Даже те, кто не одобрял грубой тактики Гитлера, разделяли его мечту о сильной, омоложенной Германии. Из-за этого полицейские власти, по сути, ничего не делали, чтобы обуздать нацистов. Армейский командующий фон Лоссов просто-напросто не выполнял берлинские приказы и за это был смещен со своего поста. В отместку земельное правительство приняло на себя командование частями рейхсвера, находящимися в Баварии. Его поддержали военные, и это означало не что иное, как бунт.

Сам фон Кар подверг резкой критике федеральное пра-

вительство, оправдывая позицию баварцев.

Гитлер был доволен таким поворотом событий и все чаще задавался вопросом, а нельзя ли заставить фон Кара и фон Лоссова присоединиться к нему в походе на Берлин. По плану, предложенному Розенбергом, 4 ноября, в день памяти погибших на войне, штурмовики должны были похитить фон Кара и претендента на баварский престол кронпринца Руппрехта. Гитлер им сообщит, что берет власть в свои руки, чтобы не допустить к ней красных. В результате Кар и Руппрехт вынуждены будут пойти с нацистами. Узнав об этом плане, Ханфштенгль пришел в негодование, резонно указав, что правительство, конечно же, примет ответные меры. Он предупредил Гитлера, что рекомендации Розенберга и других прибалтийских заговорщиков могут погубить все движение. Гитлер наложил вето на план Розенберга, но уволить последнего отказался. «Нам надо прежде всего думать о марше на Берлин,— сказал он.— Решим эту задачу, тогда разберемся и с Розенбергом».

3

При всем сочувствии к идеям Гитлера баварских руководителей пугал его экстремизм. Они считали, что движение нужно либо направить в нужное русло, либо запретить. Их особенно возмутила речь Гитлера на митинге в цирке, где лидер нацистов громогласно заявил о своей готовности совершить марш на Берлин. «Для меня,— воскликнул он,— германская проблема будет решена только тогда, когда над Берлинским дворцом взовьется красный флаг с черно-белой свастикой! Мы считаем, что час настал, и как солдаты готовы исполнить свой долг. Мы пойдем вперед!»

Триумвират, фактически правивший Баварией,— три «фона»: фон Кар, фон Лоссов, командующий армией, и фон Зайсер, начальник полиции, — решил упредить Гитлера. Собравшись 6 ноября, они пришли к выводу, что веймарское правительство необходимо свергнуть, но делать это следует согласованно со всеми националистическими силами и после тщательной подготовки. Партия Гитлера должна подчиниться общей воле. А если она попытается устро-

ить путч, его следует подавить силой оружия.

По случайному совпадению на тот же день и Гитлер назначил оперативное совещание. Нацисты решили выступить 11 ноября, в пятую годовщину капитуляции Германии. Это нерабочий день. Многие военнослужащие и полицейские получат увольнительные, улицы будут сравнительно пусты, и штурмовики пройдут беспрепятственно. Предполагалось в первую очередь захватить во всех крупных городах Баварии вокзалы, телеграф, телефон, радиостанции, коммунальные службы, ратуши и полицейские участки, а также арестовать руководство всех коммунистических, социалистических и профсоюзных организаций. По численности силы нацистов в Мюнхене намного превосходили правительственные: 4000 против 2600 полицейских и солдат.

Но к вечеру 7 ноября в план пришлось внести изменения. Верные Гитлеру люди из полиции сообщили, что фон Кар принял решение о проведении вечером 8 ноября массовой «патриотической демонстрации». Как было официально объявлено, на митинге, который должен был состояться в крупнейшей пивной Мюнхена, население предполагалось ознакомить с правительственной программой. Имелось в виду пригласить к участию и Гитлера. Но фактически, и Гитлер сразу это понял, готовилась ловушка. Правительство хотело помешать ему и его партии объединить под своими знаменами все национал-патриотические силы. Возможно, триумвират собирается даже объявить о разрыве Баварии с Берлином и восстановлении монархии, что для Гитлера, твердо выступавшего за единство Германии, было неприемлемо.

Но он усмотрел в таком развитии событий вполне подходящий повод для начала выступления. Раз уж все баварские вожди соберутся на одной трибуне, почему бы не препроводить их в одну комнату и не убедить присоединиться к путчу? А если откажутся, их можно просто арестовать. Но доводить дело до этого Гитлер не собирался. Он хорошо знал, что без сотрудничества с триумвиратом добиться успеха будет невозможно. У него не было реального намерения взять на себя управление Баварией, целью Гитлера было поднять баварцев и бросить вызов Берлину. Программы на перспективу у него не было. Он полагался лишь на удачу и верил в свою судьбу.

Многие его соратники возражали против таких действий, и споры шли часами. Однако Гитлер был непреклонен, и на-

конец 8 ноября в три часа утра его предложение, хотя и без особого восторга, было принято: путч начнется сегодня вечером в пивной «Бюргербройкеллер».

Рассвет был холодным и ветреным. Холода в Баварии в том году наступили рано, и в горах южнее Мюнхена уже шел снег. А у Гитлера как назло разболелись зубы. Друзья советовали пойти к врачу, но он патетически заявил, что у него нет времени, ибо «сегодня произойдет революция, которая все изменит».

Из штаб-квартиры Гитлера письменно или по телефону полетели приказы командирам штурмовых отрядов привести людей в состояние боевой готовности. Но никаких объяснений не давалось, никакие детали не назывались. Поэтому многие так и не узнали об изменениях в плане. Ханфштенгль, например, где-то около полудня сидел в кабинете Розенберга и обсуждал с ним некоторые материалы вышедшего утром номера «Фелькишер беобахтер». Вдруг они услышали у двери топот и хриплый голос: «Где капитан Геринг?» В кабинет ворвался «бледный от возбуждения» Гитлер со стеком в руке.

«Поклянитесь, что никому этого не скажете,— взволнованно произнес он.— Час настал. Мы выступаем вечером!» Он попросил обоих взять пистолеты и назначил им встречу у пивной в семь вечера. Ханфштенгль поспешил домой, приказал жене отвезти сына за город, а сам стал обзванивать иностранных корреспондентов, предлагая им прийти на митинг.

После обеда Гитлер справился со своей нервозностью и довольно долго сидел в кафе со своим приятелем фотографом Генрихом Хофманом, беседуя об обычных житейских делах. Потом он предложил навестить Эссера, который был болен и лежал дома. Гитлер сообщил Эссеру о готовящемся выступлении и попросил друга поднять знамя со свастикой в пивном зале, где соберутся национал-патриоты, и объявить им о начале национал-социалистской революции.

К этому времени штурмовики уже облачились в свою форму — серые ветровки, серые лыжные шапочки, портупеи, нарукавные повязки со свастикой — и начали стягиваться к местам сбора.

К восьми часам Гитлер и его ближайшие помощники на двух машинах прибыли в «Бюргербройкеллер». В главном зале этой пивной, крупнейшем после цирка, могли разместиться за крепкими деревянными столами три тысячи че-

ловек. На случай беспорядков власти прислали сюда 125 полицейских и конный отряд. Среди публики также сновали агенты. При необходимости предполагалось вызвать подкрепление из воинских казарм, расположенных в полукилометре от пивной.

К тому моменту, когда красный «мерседес» Гитлера остановился у пивной, зал был уже переполнен и туда пускали только официальных лиц. Главный вход был заблокирован полицейскими, но Гитлер убедил их отойти и уступить место его штурмовикам, потом через боковую дверь, открытую Гессом, он прошел в зал. В это время выступал фон Кар, осуждая марксизм и ратуя за возрождение Германии. Говорил он монотонно, сухо, будто читал лекцию, а публика вежливо слушала, потягивая время от времени пиво.

Ханфштенгль, увидев Гитлера, принес три кружки пива, за которые заплатил три триллиона марок. Фюрер пригубил пиво, терпеливо ожидая прибытия отряда своих телохранителей. Их появление должно было послужить сигналом для штурмовиков, сидящих в грузовиках на улице. Как только парни в шлемах прошли в зал, вооруженные нацисты окружили здание. Ошеломленная полиция, уступая им в численности, бездействовала.

Капитан Геринг и его охранники, вооруженные пистолетами, вошли в здание. Личный телохранитель Гитлера, дождавшись их в вестибюле, поспешил к хозяину, чтобы сообщить ему об этом.

Фюрер поставил кружку, вытащил браунинг и под рев штурмовиков «Хайль Гитлер!» направился к сцене в сопровождении своих сообщников. К этому времени одна группа штурмовиков заблокировала выход, а другая втащила в зал и установила направленный на публику пулемет. Поднялся невообразимый шум, началась паника. Некоторые бросились к выходам, но их возвращали обратно, не жалея тумаков и пинков.

У сцены Гитлер вскочил на стул и, размахивая пистолетом, пытался установить тишину. Когда это не помогло, он выстрелил вверх. Все замерли. «Началась национальная революция! — кричал он.— Зал окружен!» Бледное лицо Гитлера лоснилось от пота. Одним в этот момент он показался ненормальным или пьяным, другим — просто комичным типом в плохо сшитом костюме. Но лидер нацистов был совершенно серьезен и приказал триумвирату следовать за ним в комнату рядом со сценой. Однако те даже не шевель-

нулись. Тогда Гитлер полез на сцену. Кар отступил назад, а навстречу Гитлеру выбежал адъютант Зайсера. Гитлер стукнул его по голове рукояткой пистолета, и тот понял, что сопротивление бессмысленно.

Фюрер заверил присутствующих, что через десять минут все будет урегулировано. На этот раз триумвират и два адъютанта послушно последовали за сцену вместе с Гитлером. «Извините меня за мои действия, но иногда выхода нет»,— сказал он, пытаясь справиться с волнением. Когда Зайсер обвинил его в нарушении обещания не прибегать к насилию, Гитлер ответил, что вынужден был сделать это ради блага Германии. Он сообщил, что новым премьер-министром Баварии будет бывший начальник полиции Пенер, а Людендорф возьмет на себя командование новой национальной армией, ядро которой составит «Боевая лига», и возглавит поход на Берлин. Нынешним руководителям земельного правительства после взятия власти партия собирается предложить более важные посты: Кар станет регентом Баварии, Лоссов — военным министром рейха, а Зайсер — министром внутренних дел.

«Тройка» на это никак не отреагировала. Тогда Гитлер выхватил пистолет и хриплым голосом предупредил: «Здесь пять патронов: четыре — для предателей, последний — для меня». Кар холодно ответил, что при таких обстоятельствах умирать или не умирать — значения не имеет, а его в настоящий момент больше интересует позиция генерала Людендорфа. Гитлер, казалось, не знал, что делать. Он схватил кружку с пивом, отхлебнул глоток и выбежал из комнаты. Публика бесновалась. Свист, оскорбительные выкрики звучали все громче. По примеру Гитлера Геринг тоже выстрелил вверх и прокричал, что выступление нацистской партии вовсе не направлено против Кара, рейхсвера и полиции. Когда это не помогло, он крикнул: «Чего вы так волнуетесь? У вас же есть пиво!»

Шум не смутил Гитлера. Он снова вышел на сцену и поднял пистолет. Выкрики не смолкали. Тогда он пригрозил поставить пулемет. В зале стало тише, и фюрер начал речь в своем обычном стиле, постепенно повышая голос и все более возбуждаясь от своих собственных слов. Изобразив дело так, что триумвират его в целом поддерживает, Гитлер сообщил о новых назначениях Кара, Людендорфа, Лоссова и Зайсера. «Задачей временного германского национального правительства будет организация похода на этот пороч-

ный Вавилон — Берлин и спасение немецкого народа!» — такими словами фюрер завершил свою речь.

Настроение толпы заметно изменилось. Враждебные выкрики прекратились, а возгласы одобрения зазвучали громче. «Здесь рядом Кар, Лоссов и Зайсер, они обдумывают решение. Могу ли я им сказать, что вы их поддерживаете?» — взывал Гитлер. «Да, да!» — ревела толпа. «В свободной Германии будет место и для автономной Баварии! — страстно вещал оратор.— Вот что я вам скажу: либо германская революция начнется сегодня ночью, либо мы все умрем к рассвету!» Обратив толпу в свою веру, Гитлер вернулся в комнату, чтобы проделать подобное с триумвиратом.

В это время к пивной в машине Гитлера мчался генерал Людендорф — человек, от позиции которого зависело все. При виде его толпа у входа в зал заревела «хайль!». Людендорф был озадачен: он не думал, что дело зашло так далеко. Гитлер поспешил навстречу и пожал ему руку. Генерал согласился уговорить триумвират, и это ему удалось.

Все вместе — нацисты и правительство — вышли на сцену. А когда Кар заявил, что он готов служить Баварии в качестве регента, зал разразился бурными аплодисментами. Сам Гитлер был в состоянии эйфории. «Я выполню клятву, которую дал себе пять лет назад, будучи слепым калекой, в военном госпитале: без устали бороться за свержение ноябрьских преступников, пока на сегодняшних руинах не поднимется сильная, великая, свободная Германия!» — с чувством заявил он и сошел со сцены, пожимая руки восторженным поклонникам и поклонницам. Забыты были оскорбительные выкрики. Люди стоя пели «Германия превыше всего», многие не могли сдержать слез. Но один из присутствующих сказал стоящему рядом полицейскому: «Здесь не хватает только психиатра».

4

На противоположном берегу Изара, в другой пивной — «Левенбройкеллер» — тоже царило приподнятое настроение. Здесь собралось более двух тысяч членов «Боевой лиги» и СА. В центре внимания был капитан Рем, призывав-

ший к «возмездию предателям немецкого народа». Потом на трибуну поднялся Эссер, который тянул время в ожидании сообщения из «Бюргербройкеллера». Наконец в девятом часу вечера оттуда позвонили и произнесли загадочную фразу: «Роды прошли благополучно».

Рем выбежал на сцену и, прервав Эссера, радостно заявил, что правительство Кара свергнуто и Адольф Гитлер объявил о начале национальной революции. Наступило всеобщее ликование, штурмовики обнимались, вскакивали на столы и стулья, оркестр заиграл гимн. Когда шум несколько стих, Рем приказал всем выйти, построиться и направиться к «Бюргербройкеллеру». Колонна выступила, но вскоре была остановлена мотоциклистом, доставившим послание Гитлера. Штурмовикам предписывалось повернуть к университету и занять штаб генерала фон Лоссова, кроме того, они должны были изъять из подвалов местного монастыря 3000 винтовок.

Сотни людей, высыпавших на улицы, приветствовали колонну марширующих под звуки духового оркестра нацистов, в первых рядах которых с имперским флагом в руках шагал молодой Генрих Гиммлер. Колонна остановилась у ворот штаба. Рем переговорил с дежурным офицером, который заявил, что уступает силе, и приказал открыть ворота. Вскоре везде были расставлены часовые, из окон торчали дула пулеметов, а вокруг здания натянута колючая проволока. Все, казалось, предусмотрел капитан Рем, но допустил единственную ошибку: оставил у коммутатора дежурного офицера, который не был сторонником нацистов.

А в пивной Гесс разбирался с «врагами народа», которых нацисты решили изолировать. Он стоял на стуле и объявлял фамилии должностных лиц и офицеров, а те, подобно провинившимся школьникам, выступали вперед. Лишь министр юстиции сорвался с места и попытался бежать, но был схвачен. Всех заложников во главе с премьер-министром Баварии Книллингом отправили под арест.

Первые успехи путчистов в значительной мере объяснялись пассивностью начальника городской полиции Фрика, который считал за лучшее выждать, посмотреть, как будут развиваться события, а для начала запретил какие бы то ни было действия против путчистов. Дело дошло до того, что ранее смещенный начальник полиции Пенер явился в полицейское управление, взял на себя бразды правления и устроил пресс-конференцию.

Гитлер торжествовал, узнав о захвате полицейского управления и армейского штаба, но когда поступило тревожное сообщение о том, что казармы саперов отказываются поддержать путчистов, он сам решил поехать туда и навести порядок. За себя он оставил в штаб-квартире Людендорфа. Лишь только машина Гитлера скрылась из виду, фон Лоссов объявил генералу, что должен вернуться в штаб и продолжать выполнять свои обязанности. Людендорф счел это разумным и разрешил коллеге уйти. За Лоссовом спокойно вышли Кар и Зайсер. Вскоре вернулся Гитлер, которому не удалось ничего добиться от саперов — перед ним даже не открыли ворота. Узнав, что триумвират отпущен, он пришел в ужас. Как Людендорф мог такое допустить? Ведь Лоссов теперь обязательно выступит против нацистов. Но генерал снисходительно взглянул на бывшего ефрейтора и изрек: «Немецкий офицер никогда не нарушит данное им слово».

Настроение у Гитлера улучшилось, когда около полуночи к пивной подошла колонна курсантов пехотного училища.

Поддержать путч их убедил лейтенант Росбах, ветеран «Фрайкора». Курсанты посадили под домашний арест своего начальника, а командиром выбрали Росбаха.

Поручив курсантам занять штаб комиссара Кара, лидеры путча поехали к Рему. На командном пункте капитана, расположившегося в кабинете генерала фон Лоссова, Гитлер предложил обсудить дальнейшие действия. Его тревожило то, что Кара, Лоссова и Зайсера нигде не удалось отыскать. Они бесследно исчезли. Но Людендорф успокоил путчистов, подтвердив еще раз, что все трое — порядочные люди и данного слова не нарушат.

А между тем Лоссов и Зайсер благополучно прибыли в казармы 19-го пехотного полка и решили сделать все для подавления путча. Лоссов даже позвонил в свой штаб и приказал офицеру, дежурившему у коммутатора, атаковать путчистов силами верных правительству войск, которые вскоре прибудут в Мюнхен по железной дороге. Офицер сразу же передал приказ по назначению. Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: в одной комнате путч планировался, а в другой, соседней, подавлялся. Лишь к полуночи кому-то из заговорщиков пришло в голову взять под свой контроль и коммутатор, но к этому времени все приказы Лоссова были уже переданы.

Несмотря на колонны штурмовиков, марш духовых оркестров и оживление на улицах, большинство мюнхенцев понятия не имело о том, что в городе произошел путч. Генрих Хофман, например, провел вечер в баре, не заметив ничего необычного, и только к полуночи узнал о выступлении нацистов, да и то лишь потому, что группы ликующей молодежи не давали жителям спать своими криками и песнями.

Для противников Гитлера ночь была ужасной. Их арестовывали дома и на улицах, а многих просто хватали из-за еврейских фамилий, вычитанных в телефонном справочнике. Штурмовики разгромили редакцию социалистической газеты «Мюнхенер пост».

В стане путчистов тоже нарастала тревога. Убедившись, что триумвират нарушил обещание, Рем приказал арестовать дежурного офицера и других военных, находившихся в тот момент в штабе.

Вновь захватить комиссара Кара путчистам также не удалось. Он появился у себя в штабе после бегства из пивной и убедился, что механизм для подавления мятежа уже запущен. Когда там появились курсанты пехотного училища, их встретили полицейские, выставив штыки. Никто не хотел начинать первым, опасаясь кровопролития. Начались долгие переговоры, которые ни к чему не привели. Лейтенант Росбах, потеряв терпение, приказал наконец открыть огонь. Но нежелание курсантов стрелять в своих оказалось сильнее приказа, и они отошли от здания. Фон Кар, воспользовавшись этим, незаметно перебрался в казармы 19-го полка, к Лоссову и Зайсеру.

Слабая надежда руководителей нацистов на то, что триумвират не предпримет против них никаких прямых действий, развеялась как дым после переданного многими радиостанциями Германии заявления фон Лоссова. Генерал резко осудил путчистов и подчеркнул, что выражение им поддержки было вырвано у «тройки» под угрозой оружия. Вслед за этим ведомством фон Кара была выпущена прокламация, в которой нацистская партия и другие правые организации объявлялись распущенными, а их лидеров требовали привлечь к ответственности.

Гитлер узнал о прокламации в 5 часов утра. Если он и был поражен, то виду не подал. Напротив, он произнес перед соратниками пространную речь, в которой заявил, что преисполнен решимости продолжать борьбу и умереть за правое дело. Новому начальнику городской полиции Пене-

ру был отдан приказ захватить штаб местной полиции и имеющееся там оружие.

Самоуверенный Пенер направился туда, взяв с собой лишь одного человека. В штабе их вежливо приняли и тут же приказали арестовать.

Оставив Рема удерживать здание армейского штаба, Гитлер, Людендорф и их свита отправились обратно в пивную. Фюрер все еще рассчитывал на успех. Сюда постепенно стали стягиваться и другие путчисты, свободные от обязанностей по охране занятых объектов. Было еще темно, шел мокрый снег. Рядовые участники заговора ощущали царившую вокруг напряженность, но подробностей не знали. Тем не менее они шагали по пустынным улицам, размахивая флагами, и пели «Штурмовую песню» Экарта: «Германия, пробудись! Разорви свои цепи!»

5

Наконец наступил холодный и промозглый рассвет. Рядовые путчисты, мрачные, небритые и неумытые, собрались в насквозь прокуренном «Бюргербройкеллере». Им подали завтрак. Они хмуро поглощали пищу. От прежней эйфории и восторгов не осталось и следа.

А руководители в это время заседали в комнате наверху. Людендорф невозмутимо, с каменным лицом, потягивал красное вино. Узнав, что Лоссов публично осудил новое правительство, он помрачнел и сказал: «Я никогда больше не буду верить слову немецкого офицера». Путч, который в полночь казался таким успешным, теперь шел на спад, и Гитлер решился на отчаянные меры. Он приказал подразделению «Боевой лиги» захватить полицейский штаб и освободить арестованного Пенера. Действуя так, словно надежда еще не угасла, он направил отряд штурмовиков в еврейскую типографскую фирму «Паркус» конфисковать запасы только что отпечатанных инфляционных денег. Штурмовики изъяли 14 605 триллионов марок. Братья Паркус, как это принято у педантичных немцев, потребовали расписку и получили ее.

Из провинции между тем прибывали на грузовиках все

новые и новые отряды путчистов. Усталые, промокшие, дрожащие от холода, они тем не менее были в бодром настроении, еще не представляя, что их ожидает. Самый крупный отряд привел из Ландсхута аптекарь Грегор Штрассер.

Геринг, находившийся в пивной, распорядился, чтобы невооруженным выдали винтовки. Их снова посадили в грузовики и развезли по местам.

К этому времени штурмовики из «Боевой лиги», которым Гитлер поручил захватить полицейский штаб, вернулись, не выполнив задания. Стрелять не осмелились ни та, ни другая сторона, и дело кончилось обычной перебранкой. Вслед за ними к штабу полиции отправился отряд личной охраны фюрера. Их попытка тоже не увенчалась успехом, зато им удалось арестовать городских советников, представителей марксистских организаций, которые отказались поднять над ратушей флаг со свастикой. Телохранители Гитлера затолкали коммунистов и социал-демократов в машины и доставили их к пивной. Над ратушей взвилось нацистское знамя. Неразберихи хватило с обеих сторон. В одних районах Мюнхена полицейские срывали плакаты путчистов и арестовывали мятежников, в других, наоборот, брали верх нацисты. В руках последних были мосты через Изар в центре города.

А в пивной спорили лидеры мятежа. Полковник Крибель, служивший во время войны в штабе Людендорфа, предложил отойти к австрийской границе, в Розенхайм. Крибеля горячо поддержал Геринг. В его родном городе, убеждал он собравшихся, все — за Гитлера, там можно перегруппироваться и получить подкрепление. Решающее слово было за Гитлером. Но его, прирожденного азартного игрока, перспектива партизанской войны не устраивала. Он хотел одним махом либо выиграть, либо проиграть, и наложил вето на план Крибеля.

Споры затянулись до позднего утра, а положение путчистов все ухудшалось. Войска и полиция окружили Рема и его людей, засевших в армейском штабе. Было ясно: действовать нужно немедленно. Если верить Людендорфу, это он подал идею пройти маршем по центру Мюнхена и спасти Рема. Гитлер развил идею генерала: марш должен стать демонстрацией силы национал-социалистов и превратиться во всеобщее восстание. Против населения триумвират не посмеет применить оружие. Людендорф даже сказал: «Ско-

рее небо упадет на землю, чем баварский рейхсвер повернет против меня». Гитлер тоже был уверен, что ни армия, ни полиция не будут стрелять в героя войны Людендорфа.

Отрядам у мостов были срочно переданы приказы, у пивной начали строиться штурмовики. Правда, не было оркестра, музыканты ушли: им не дали денег и не накормили их. В авангарде поставили нескольких стрелков и восемь знаменосцев. За ними следовали руководители: в центре — Гитлер с Людендорфом и Шойбнер-Рихтером и в той же шеренге — полковник Крибель, командир мюнхенских штурмовиков Граф и капитан Геринг в расстегнутой кожаной куртке, чтобы виден был его орден. За лидерами выстроились параллельно три колонны: сотня охраны Гитлера в касках, с карабинами и гранатами, и два отряда штурмовиков. За ними шли все остальные — бывшие военные в поношенных армейских мундирах, рабочие, студенты, лавочники и просто уголовники. Эту пеструю толпу как бы цементировали поставленные между рядами дисциплинированные курсанты пехотного училища. Все нацепили нарукавные повязки со свастикой. Многие были вооружены винтовками с примкнутыми штыками.

Колонна выступила почти в полдень. Через пятнадцать минут она подошла к мосту Людвига, который охраняло подразделение полиции. Начальник охраны вышел вперед и приказал нацистам остановиться, иначе по ним откроют огонь. По сигналу трубы путчисты, выставив штыки, окружили полицейских. Из колонны кричали: «Не стреляйте в своих товарищей!» Блюстители порядка заколебались и были смяты наступавшими, которые прошли через мост. На тротуарах стояли толпы зевак, слышались приветственные выкрики, а некоторые вливались в колонну. Зазвучала «Штурмовая песня».

Путчисты беспрепятственно прошли на площадь Мариенплац и по узкой улице Резиденцштрассе повернули направо, к армейскому штабу. В конце улицы стоял приготовившийся к бою отряд полиции. Его командир старший лейтенант фон Годин скомандовал: «Вторая рота, вперед!» Зеленые мундиры бросились к мятежникам, но остановились перед их штыками. Фон Годин винтовкой отбил два штыковых выпада. Но тут раздался выстрел, один из полицейских медленно опустился на землю. Прежде чем Годин отдал приказ, его люди открыли огонь.

Одним из первых упал Шойбнер-Рихтер — ему простре-

лили легкое, за ним Граф, заслонивший Гитлера от пуль. Падая, телохранитель схватил его и так резко повалил на землю, что вывихнул ему левую руку. На земле лежали уже восемнадцать убитых: четырнадцать нацистов и четверо полицейских, кстати, из числа сочувствующих партии Гитлера.

Только передние знали, что произошло. Толпа, напиравшая сзади, слышала лишь хлопки. Потом прошел слух, что Гитлер и Людендорф убиты. Началась паника, и путчисты бросились назад. А Людендорф продолжал шагать вперед, пока не попал в руки лейтенанта, который его арестовал и препроводил в участок.

Гитлер с трудом встал, прижимая поврежденную руку, и медленно пошел с поля боя в сопровождении командира медицинского отряда, молодого врача Вальтера Шульце. Они натолкнулись на ребенка, лежащего у бровки тротуара в луже крови. Гитлер хотел поднять его, но Шульце приказал заняться мальчиком своему шурину — студенту Шустеру. Наконец они добрались до старой машины Гитлера, нагруженной медикаментами. Фельдшер Франкель сел впереди с шофером, Гитлер и Шульце расположились сзади, Шустер с мальчиком стоял на ступеньке. Гитлер приказал ехать в «Бюргербройкеллер», но почти все выезды были заблокированы полицией. Везде слышалась стрельба. Мальчик пришел в сознание, и Шустер сошел с ним, сказав, что доставит его домой. Пробиться к пивной было невозможно, остался свободным только один путь: на юг, к Зальцбургу.

Герингу орден не помог: его ранили в бедро. А первую помощь ему, по иронии судьбы, оказали в доме жившего неподалеку еврея.

Разгромленные отряды путчистов метались по городу в поисках хоть какого-нибудь убежища.

Дело доходило до настоящих курьезов. Так, одна из групп соратников фюрера пыталась укрыться в пансионе благородных девиц. Им позволили спрятаться под кроватями и в шкафах. Несколько штурмовиков оказались в пекарне, а их оружие потом было найдено в мешках с мукой и под печами. Те, кто оставался в пивной, на командном пункте, были настолько деморализованы, что сдались полиции без сопротивления. Но когда победители путчистов гордо маршировали по улицам, уводя арестованных, толпа кричала им вслед: «Еврейские прихвостни! Предатели отечества! Кровавые собаки! Хайль Гитлер — долой Кара!»

Штурмовики из Ландсхута, воспользовавшись всеобщей неразберихой, благополучно прибыли на вокзал. Гессу тоже удалось без эксцессов выбраться из города. Он увез с собой премьер-министра фон Книллинга и других высокопоставленных заложников. По дороге, когда Гесс пошел позвонить в Мюнхен, чтобы узнать последние новости, заложники уговорили охрану отвезти их домой. Вернувшись, Гесс не нашел на месте ни пленников, ни машины.

Ханфштенгль в последнем марше нацистов не принимал участия. Он был дома, когда позвонила сестра и сказала, что в центре города слышна стрельба.

Выскочив на улицу, Ханфштенгль от знакомого штурмовика узнал, что все кончено, и поспешил вернуться домой, чтобы подготовиться к бегству. Там его уже ждали Аманн, Эссер, Экарт и Хофман. Они решили поодиночке пробираться в Австрию.

Сам Гитлер волею случая оказался на вилле Ханфштенгля в Уффаге. Он молча сидел в удалявшейся от Мюнхена машине, но потом сказал, что ранен в руку. Машину остановили, и Шульце с трудом стал снимать с Гитлера куртку, два свитера, галстук и рубашку. Он увидел, что ранения нет, а у пострадавшего просто вывихнута рука. Врач заявил, что в этих условиях ничего сделать нельзя и нужно скорее добраться до Австрии. Гитлер не согласился и, вспомнив, что неподалеку находится вилла его друзей, предложил отправиться туда пешком. Машину спрятали в лесу.

Их встретила Хелен и без лишних вопросов отвела трех изможденных мужчин в гостиную. Гитлер нервно заговорил, вспоминая убитых Людендорфа и Графа,— он сам видел, как тот и другой упали. Он сетовал на доверчивость генерала, ругал триумвират за предательство и поклялся, что будет бороться за свои идеалы «до последнего вздоха». Хелен предложила ему отдохнуть. Его ведь, наверное, ищут, и надо беречь силы. Шульце и фельдшер отвели Гитлера в спальню, где с трудом вправили ему руку. Хелен слышала, как он стонал от боли.

Ночь с 10 на 11 ноября была очень беспокойной. Гитлер, страдая от боли, до утра не сомкнул глаз. Он позвал Хелен и сказал ей, что фельдшер съездит в Мюнхен и попробует убедить Бехштайнов, почитателей нацистов из местной знати, помочь ему перебраться в Австрию.

Утро, казалось, тянулось бесконечно, все чувствовали се-

бя как на иголках, даже прислуга. Только трехлетний Эгон вел себя как обычно. К полудню вернулся Шульце с помощником, они осмотрели руку Гитлера и, убедившись, что все в порядке, сделали лишь перевязку.

После ухода врачей Гитлер успокоился и все утро провел с Хелен, убеждая ее, что с мужем ничего плохого не случилось. К обеду он вышел в халате хозяина — одеться не позволяла поврежденная рука. Постепенно нервы его начали сдавать. Почему нет до сих пор машины Бехштайнов? Его же в любой момент могут обнаружить! В начале шестого зазвонил телефон. Свекровь Хелен, жившая неподалеку, сообщила, что к ней нагрянули полицейские. Когда Хелен попыталась узнать подробности, ее прервал мужской голос, предупредивший о скором визите на виллу Ханфштенглей.

Она медленно поднялась к Гитлеру и сказала ему, что сейчас здесь будет полиция. Он на какой-то момент потерял самообладание и выхватил из комода револьвер, крикнув, что «все пропало». Хелен схватила его за руку и отобрала оружие. Фюрер не сопротивлялся. «Как можно так себя вести при первой же неудаче?— возмущенно говорила она.— Ведь в вас верит столько людей, а вы их бросаете!» Он бессильно опустился в кресло. Хелен сбежала вниз, спрятала револьвер в большом ящике с мукой и вернулась к Гитлеру, застывшему в позе отчаяния.

Она предложила Гитлеру написать указания своим сподвижникам, ведь они должны знать, что делать дальше, пока он будет находиться в тюрьме. Гитлер поблагодарил жену друга за напоминание о его долге и начал диктовать. Прежде всего он попросил Аманна держать под контролем деловые и финансовые операции, затем дал указание Розенбергу следить за газетой и замещать его в партии. Ханфштенглю рекомендовалось оказывать помощь газете, Эссеру и другим — продолжать прежнюю политическую линию. Записав указания, Хелен спрятала листки туда же, куда положила и револьвер.

Вскоре послышался шум подъехавших автомобилей и лай полицейских собак. Появились трое полицейских. Один из них, лейтенант, вежливо представился и извиняющимся тоном сообщил, что вынужден провести в доме обыск. Хелен повела их в гостиную. Там стоял Гитлер в пижаме и халате. Он уже взял себя в руки и стал гневно обличать правительство, с каждой фразой повышая голос. Полицейские недоуменно уставились на него. Закончив, он посоветовал

лейтенанту не терять времени и сообщил, что готов идти.

Было холодно, и Гитлер накинул плащ прямо на халат. Когда все стали спускаться вниз, в прихожую вбежал трехлетний сын Ханфштенглей Эгон и сердито крикнул полицейским: «Вы плохие, зачем уводите хорошего дядю Дольфа?» Гитлер был тронут, он погладил мальчика по голове, затем молча пожал руку Хелен, кивнул служанкам и зашагал к двери.

В 9.45 вечера Гитлера доставили в полицейское управление, где ему было предъявлено официальное обвинение, а затем отвезли в Ландсберг, небольшой городок в шестидесяти километрах от Мюнхена. Он всю дорогу молчал и задал лишь один-единственный вопрос о судьбе Людендорфа. Ему сказали, что генерал на свободе и представил дело так, будто был всего-навсего очевидцем выступления нацистов.

В ландсбергской тюрьме начальство готовилось к отражению возможной попытки путчистов освободить Гитлера. С минуты на минуту должно было прибыть армейское подразделение для охраны столь важного узника. Гитлера поместили в камеру № 7. Ее бывшего обитателя, убийцу Эйснера, перевели на другой этаж.

Теперь о Гитлере говорили и писали в прошедшем времени. Господствовало мнение, что его как политическую силу в Германии нельзя принимать всерьез. Но в Мюнхене среди нацистов уже распространялся подпольный приказ: «Закончился первый период национальной революции. Она очистила воздух. Наш высокочтимый Адольф Гитлер снова пролил кровь за германский народ. Он стал жертвой самого подлого предательства, которое когда-либо видел мир. Благодаря крови Гитлера и огню предателей против наших товарищей в Мюнхене патриотическая «Боевая лига» еще более сплотилась. Начинается второй этап национальной революции».

В молодости Гитлер не раз впадал в состояние депрессии. Он тяжело пережил неудачные попытки поступить в Венскую академию художеств и смерть матери. Позже судьба нанесла ему новые удары — капитулировала Германия, провалился путч нацистов в Мюнхене. И только человек необычайной воли мог подняться над всем этим, извлекая уроки из собственных ошибок. За последние несколько месяцев Гитлер-барабанщик уступил место Гитлеру-фюреру.

Часть III. РЕШИМОСТЬ ИДТИ ДО КОНЦА

Глава 7. В ЛАНДСБЕРГСКОЙ ТЮРЬМЕ (1923—1924 гг.)

1

Ландсберг мало изменился за последние пять столетий. Этот городок, в прошлом крепость против набегов швабов, уютно расположился в долине горной речки Лех. С двух сторон он был окаймлен крутыми лесистыми холмами. На одном из них высилась тюрьма, окруженная высокими каменными стенами. Она была разделена на две секции: для обычных уголовных преступников и для политических.

Заключенный из камеры № 7 во второй секции с первого дня отказался принимать пищу. Он замкнулся в себе и постоянно о чем-то думал. Не тюремная обстановка его угнетала. Каморка, которую он снимал прежде, была еще меньше и мрачнее камеры. А здесь из окна можно было видеть деревья и кусты. Заключенному не давала спать боль в руке. Но его мрачное настроение объяснялось не только этим. Страшнее боли его угнетало предательство — триумвирата, армии, самой судьбы. О путче в газетах писали пренебрежительно, издевательски, его называли «маленькой пивной революцией», «детской игрой в индейцев» и т.п., а самого Гитлера считали всего лишь «крикливым адъютантом Людендорфа», «пешкой в королевской игре». «Нью-Йорк таймс» поместила его политический некролог на первой полосе: «Мюнхенский путч положил конец Гитлеру и его национал-социалистским приспешникам». А насмешки Адольф Гитлер всегда воспринимал очень болезненно.

Навещавшие его соратники не узнавали прежнего вождя в этом худом, бледном, осунувшемся человеке. Почти две недели Гитлер ничего не ел. Тюремный врач предупредил Антона Дрекслера, что заключенный на грани истощения. Тот с трудом уговорил фюрера прекратить голодовку. Ведь без него, Гитлера, не переставал повторять Дрекслер, партия мертва. И Гитлер впервые за все это время с аппетитом съел чашку риса. Ханфштенгль, скрывавшийся в Австрии, позднее утверждал, что больше, чем остальные, повлияла на фюрера Хелен. Она писала Гитлеру, что предотвратила его самоубийство не для того, чтобы он погубил себя голодом и доставил этим несказанную радость своим врагам.

Письма Хелен Ханфштенгль и визит фрау Бехштайн сделали свое дело — Гитлер начал есть. Но категорически отказывался давать какие-либо показания и демонстративно молчал, когда в камере появлялись следователи. «Разговорить» Гитлера удалось в конце концов лишь Гансу Эхарду, который после неоднократных неудачных попыток отослал стенографа и предложил узнику побеседовать неофициально, подчеркнув, что выполняет свой долг. И фюрер заговорил, обрушивая на следователя поток информации о подготовке и проведении путча, о его мотивах, при этом он ораторствовал так, будто перед ним была огромная аудитория.

К началу декабря у Гитлера от депрессии не осталось и следа, что было засвидетельствовано посетившей его в тюрьме сводной сестрой Ангелой. «Его дух и тело снова крепки,— писала она брату Алоизу.— Физически он в хорошей форме, рука почти зажила. Просто трогательно, как верны ему друзья. До меня у него был один граф, который принес рождественский подарок от семьи Вагнеров». Через несколько дней Винифред Вагнер прислала ему книгу стихов, а в одной компании сказала: «Поверьте мне, звезда Гитлера еще взойдет, несмотря ни на что. Он достанет меч из германского дуба».

Его соратники не бездействовали, возрождая партию под новыми, невинными названиями: «Народный хоровой клуб», «Лига преданных германских женщин», «Германская стрелковая и туристическая лига». Старая «Боевая лига» тоже была воссоздана, теперь она именовалась «Фронтовым братством», а главой ее оставался капитан Рем, сидевший вместе с другими путчистами в мюнхенской тюрьме. Партия нацистов, формально распущенная, перешла к действиям в подполье. Но этому мешали внутренние распри.

Группа изгнанников, обосновавшаяся в Зальцбурге,— Эссер, Штрайхер, Аманн и Ханфштенгль — считали Розенберга, временно поставленного Гитлером во главе партии, самозванцем. Дрекслер вообще был против выработанного фюрером политического курса. Но тот был уверен в одном: Розенберг верен ему.

1 января 1924 года в Лондоне на встрече между новым комиссаром Германии по национальной валюте Яльмаром Шахтом и управляющим Английским банком Монтегю Норманом была решена судьба германской экономики. Шахт, с приходом которого были упразднены чрезвычайные деньги, начал с откровенного описания катастрофического финансового положения своей страны. Как только будет урегулирован рурский кризис, подчеркнул он, «нужно будет снова запустить германскую промышленность», а это возможно лишь при участии иностранного капитала. По мнению Шахта, для этих целей необходимо было открыть, помимо рейхсбанка, второй кредитный банк, «золотой», как он выразился, потому что обеспечением его деятельности должен был стать капитал в 200 миллионов золотых марок. Половину этой суммы Шахт предполагал собрать в самой Германии в виде иностранной валюты. «Вторую половину,— продолжал он,— я бы хотел взять взаймы в Английском банке». Пока Норман размышлял, Шахт не переставал убеждать собеседника: «Подумайте, господин управляющий, какие создадутся перспективы экономического сотрудничества между Британской империей и Германией. Если мы хотим добиться мира в Европе, мы должны освободиться от ограничений, налагаемых резолюциями разных конференций и декларациями конгрессов. В экономическом отношении европейские страны должны быть более тесно связаны друг с другом».

Через два дня Норман не только формально одобрил новый заем с чрезвычайно низким процентом (5 процентов), но и убедил крупнейших лондонских банкиров принимать счета, превышающие сумму этого займа, при условии, если они подтверждаются новым, «золотым» банком. Так «старый волшебник» Шахт, положив начало экономическому возрождению Германии, лишил партию Адольфа Гитлера одного из самых мощных видов политического оружия — развал экономики переставал быть предметом идейных спекуляций.

2

Тюремный врач Бринштайнер в заключении от 8 января указал, что Гитлер физически способен выдержать суд. Он отметил также, что у его пациента нет никаких симптомов, свидетельствующих об отклонениях от нормальной психики.

Из своего пребывания в тюрьме Гитлер извлек определенную пользу. В тиши камеры он тщательно проанализировал прошлое и признал ошибкой свою попытку насильственным путем, по примеру Муссолини, захватить власть. «Из провала выступления в Мюнхене,— писал он,— я извлек урок, что каждая страна должна развиваться в соответствии со своими национальными особенностями».

Теперь Гитлер пришел к убеждению, что его спасла сама судьба. «Нам, национал-социалистам, очень повезло, что путч потерпел крах»,— признавался он позднее. Насильственный захват власти по всей Германии, по его мнению, привел бы к «величайшим трудностям», поскольку партия еще не была соответствующим образом подготовлена к этому, а «кровавая жертва» четырнадцати товарищей сработала в конечном счете в пользу национал-социализма.

В тюрьме Гитлер много читал — все, что попадало ему под руку: Ницше, Маркса, других философов, мемуары Бисмарка, воспоминания о мировой войне. «Ландсберг был моим университетом за государственный счет»,— признавался он одному из своих ближайших сподвижников Гансу Франку, часами обсуждая с ним экономические проблемы.

О поразительных переменах в настроении Гитлера вспоминал и Ханфштенгль, который вернулся в Германию в январе 1924 года, после смерти Ленина. Гитлер вдохновенно говорил ему, что история повторяется, ссылаясь при этом на Фридриха Великого, который воспрянул духом после смерти русской императрицы Елизаветы. «Теперь снова засветило солнце»,— ликовал фюрер, полагая, что без своего вождя Советский Союз выдохнется, и вся структура коммунизма рухнет.

Случайно в Мюнхене оказалась та самая фрау Эбертин, которая предсказала провал путча. Новый прогноз гласил: поражение не подавит Гитлера, он возродится снова, как феникс; последние события дадут его движению «не только

внутреннюю, но и внешнюю силу, что в свою очередь подтолкнет маятник мировой истории».

В это утро «фанатик из Австрии», одетый в свой лучший костюм, с Железным крестом на груди, спокойно сидел в большом зале бывшего Мюнхенского пехотного училища, ожидая суда.

Хотя первой в списке стояла фамилия генерала Людендорфа, ни у кого не возникло сомнений, что центральной фигурой процесса будет Гитлер. Он первым давал показания и вовсе не выглядел обвиняемым, а выступал как обвинитель. Четко и ясно он разъяснил суду, что побудило его начать путч, как дальше разворачивались события. Сожалел Гитлер лишь об одном — о том, что не разделил участи погибших товарищей. Всю ответственность он взял на себя («другие господа только сотрудничали со мной») и решительно отверг обвинение в государственной измене. Какой же он преступник, если цель всей его жизни — вернуть Германии ее честь и достойное положение в мире? Эти слова явно произвели впечатление и на председателя суда, и на главного обвинителя, которые были ярыми националистами.

То же продолжалось и в последующие дни. Гитлер произносил многочасовые речи при явном попустительстве судьи. Иностранным корреспондентам было трудно поверить, что они попали на суд над путчистами, а не на их политический митинг. 11 и 14 марта, когда показания давали члены триумвирата, Гитлер задавал им вопросы в такой форме, словно обвиняемыми были они, а не он. Особенно досталось генералу фон Лоссову, которого лидер национал-социалистов подверг самым грубым оскорблениям.

«Я не могу вспоминать об этом чудовищном суде без чувства горечи и гнева,— писал один немецкий журналист.— Суд, который давал обвиняемому возможность произносить пространные пропагандистские речи; судья, который после первой речи Гитлера назвал его, я сам это слышал, «славным парнем»; председатель суда, который позволил подсудимому оскорблять высших руководителей государства...— все это выглядело как грубый, непристойный фарс».

Последнее слово Гитлера было сплавом обвинений, проповеди и грубой брани. Не амбициями он руководствовался, не в барабанщики националистического движения метил. «Я хотел,— заявил он,— уничтожить марксизм и наме-

рен добиться своего». Это здесь, на суде, прозвучали слова, раскрывающие сокровенные мечты вождя нацизма: «Человек, рожденный быть диктатором, не подчиняется чужой воле, он сам воля; его никто не подталкивает, он сам идет вперед, и ничего предосудительного в этом нет. Человек, которому предназначено вести за собой народ, не имеет права сказать: «Если вы хотите меня, я приду». Нет, его долг — явиться самому».

Гитлер заявил суду, что провал путча ничего не значит и национал-социализм — это будущее Германии. Он выразил твердую уверенность в том, что армия его поддержит: «Наступит час, когда массы, сегодня стоящие на улице под знаменами со свастикой, объединятся с теми, кто в них стрелял... Наступит час, когда армия окажется на нашей стороне — и офицеры, и солдаты».

1 апреля, в день вынесения приговора, зал суда уже с утра заполнили женщины с букетами цветов для Гитлера. Когда обвинитель приказал убрать цветы, самые восторженные поклонницы фюрера потребовали разрешить им посетить тюрьму, где содержится их кумир, и воспользоваться его ванной.

Чтение приговора длилось почти час. Гитлер выслушал его молча. Его, Пенера, Крибеля и Вебера приговорили к пяти годам тюрьмы с зачетом предварительного заключения. Людендорф, как и ожидалось, был оправдан.

Оказавшись вновь в камере № 7, Гитлер открыл свой кожаный портфель и достал толстую тетрадь. На обложке, в правом верхнем углу, он написал: «Мой девиз: когда кончается мир, взрывается земля, но отнюдь не вера в справедливое дело». Ниже он добавил:

«Суд над обыкновенной ограниченностью и личной злобой окончился, и сегодня начинается

Моя борьба (Майн кампф).

Ландсберг, 1 апреля 1924 г.».

В тюрьме Гитлеру предстояло провести четыре с половиной года. Многие в Германии и на Западе считали, что такое наказание за государственную измену и вооруженное восстание просто смехотворно. «Суд,— писала лондонская «Таймс»,— показал, что заговор против конституции государства в Баварии не считается серьезным преступлением».

3

На одном этаже с Гитлером оказались двое его сподвижников: полковник Крибель — в камере № 8 и доктор Вебер — в камере № 9. Хотя Гитлера раздражали решетки на окнах, жизнь в секции для политических была сносной. В шесть утра два ночных охранника кончали дежурство и открывали двери камер. Час спустя кухонные рабочие из уголовников приносили в столовую завтрак: кофе с хлебом или кашу. В восемь заключенным разрешалось выходить во двор, где они могли заниматься борьбой, боксом или гимнастикой.

Через полчаса все шли на прогулку в сад, огороженный шестиметровой стеной. В десять выдавались письма и посылки. Бекон, колбасу и ветчину из многочисленных передач от националистических организаций и поклонников Гитлер обычно отдавал уголовникам, условия содержания которых были заметно хуже. Себе он оставлял любимый им пирог с маком. В полдень подавался обед, обычно из одного блюда, затем все расходились по камерам. Гитлер в эти часы читал или делал записи в дневнике. В 16 часов приносили чай или кофе, а в 16.45 снова открывались двери в сад. Ужинали заключенные в 18 часов, причем любой из них мог купить в тюремной лавочке пол-литра пива или вина. Далее по распорядку им разрешалось час заниматься спортом и до отбоя проводить время в общей комнате. В 22 часа выключался свет.

Как вспоминал охранник Хемрих, Гитлер оказывал на своих товарищей огромное влияние, при нем никогда не бывало ссор. Обычно он был в «хорошем настроении», но очень нервничал при получении плохих известий. Ему не давали покоя внутрипартийные конфликты. В партии назревал раскол. Розенберг, Штрассер и их сторонники выступили в блоке с националистическими организациями на земельных выборах в Баварии, а затем и на выборах в рейхстаг.

На земельных выборах в апреле этот блок неожиданно оказался по числу полученных голосов на втором месте. Месяц спустя были избраны в рейхстаг 32 из 34 кандидатов националистов, в том числе Штрассер, Рем и Людендорф. Этому, вне всякого сомнения, способствовала широкая по-

пулярность Гитлера. Но были и более глубокие причины успеха правых партий: рост влияния национал-патриотов среди населения и недовольство мелких собственников и рабочих своим экономическим положением.

В эти месяцы усиленную кампанию против Гитлера развернули Дрекслер и его сторонники. Они обвиняли фюрера в диктаторских устремлениях, интригах, развале партии из-за путча. Со своей стороны Ханфштенгль, Аманн и Эссер считали причиной раздоров Розенберга. Озабоченный этими склоками Людеке посетил Гитлера в тюрьме. Тот ему сказал, что партия должна проводить новый курс. Ее будущее — не вооруженные мятежи, а избирательные урны, поскольку социально-политическая обстановка в стране коренным образом изменилась. Гитлер, казалось, не был всерьез озабочен сложившейся ситуацией и выразил уверенность в конечной победе партии.

Но раскол углублялся. И когда Людендорф со Штрассером выступили с предложением создать национал-социалистскую партию свободы, которая объединила бы все националистические организации, Гитлер пошел на решительный шаг. В печати в начале июля появилось сообщение, что он слагает с себя полномочия лидера национал-социалистского движения и просит товарищей по партии не посещать его в тюрьме, поскольку занят работой над книгой.

Кое-кто считал, что Гитлер использовал книгу как предлог, желая остаться в стороне от каких бы то ни было конфликтов. Известно, однако, что еще до ареста он вынашивал идею обобщить историю еврейства. Теперь он мог заняться этим вплотную, получив пусть вынужденный, но все-таки «отпуск», лишивший его возможности активно заниматься политикой. Начальник тюрьмы дал ему машинку, и Гитлер двумя пальцами печатал рукопись. Вскоре у него появился самоотверженный помощник — Рудольф Гесс, который по совету профессора Хаусхофера сдался властям. Он помогал своему фюреру формулировать идеи, писал под его диктовку, печатал. Бумагу, копирку, карандаши и чернила прислала Гитлеру Винифред Вагнер.

От первоначального замысла написать нечто похожее на исторический трактат он вскоре отказался. Поэтому в первую часть книги под условным названием «Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости» вошли автобиографические главы о детстве Гитлера, его пребыва-

нии в Вене, рассказы о «красной революции» и начале деятельности партии национал-социалистов в Мюнхене. Заодно книга изобиловала пространными рассуждениями по трем его любимым темам — о евреях, марксизме и расизме.

Примечательно, что за время пребывания в заключении Гитлер обратил в свою веру почти весь тюремный персонал. Начальник тюрьмы даже позволил не гасить свет в его камере до полуночи.

Все больше времени Гитлер отдавал книге, все реже общался со своими единомышленниками. От скуки они однажды устроили ему представление: измазали лица сажей, завернулись в простыни и ворвались в камеру № 7, размахивая кочергами и метлами. Пародируя мюнхенский суд, они объявили фюреру приговор. Его предлагалось отправить в турне по Германии на автомобиле. Гитлер приговор не оспаривал, нахохотался и вернулся к прерванной работе.

Ханфштенгль, посещая приятеля, заметил, что тот стал полнеть, и посоветовал ему заняться спортом. «Лидеру не подобает проигрывать,— ответил Гитлер.— А вес я сброшу, когда начну выступать». Из привезенных Ханфштенглем изданий по искусству Гитлеру особенно понравился номер сатирического журнала «Симплициссимус», в котором поместили карикатуру на него. Его изобразили в рыцарских доспехах, въезжающим на белом коне в Берлин. «Ничего, пусть смеются, все равно я туда попаду»,— заметил Гитлер.

4

Все лето Гитлер провел, интенсивно работая над книгой и над собой, ожидая досрочного освобождения, тем более, что некоторые из его друзей уже вышли на свободу. В докладной записке начальника тюрьмы Лейбольда, направленной 18 сентября в министерство юстиции Баварии, говорилось, что Гитлер за время заключения проявил себя только с положительной стороны, он «строго соблюдает режим, скромен и вежлив со всеми, в том числе и со служащими тюрьмы», «стал более спокойным, более зрелым, чем раньше, и не вынашивает враждебных замыслов против существующей власти». Однако управление земельной полиции,

опасаясь возможных волнений и беспорядков, высказалось против освобождения лидера нацистов, и министерство юстиции отклонило просьбу начальника тюрьмы.

Гитлер был очень этим расстроен, но скоро успокоился и возобновил работу над книгой. В день первой годовщины мюнхенского путча он обратился к соратникам, собравшимся в общей комнате, с пламенной речью, в которой всю ответственность за поражение брал на себя.

Осенью один из самых влиятельных единомышленников Гитлера Геринг отправился в Венецию в надежде получить заем от Бенито Муссолини. Он рассчитывал также добиться от вождя итальянских собратьев согласия на встречу с Гитлером, когда тот выйдет из тюрьмы. Взамен Геринг обещал поддержать претензии Италии на Южный Тироль, что, конечно же, вызвало бы недовольство в Германии, особенно в Баварии. Но фашисты, очевидно, сомневались в реальной силе провалившейся с таким треском партии. Несмотря на все красноречие Геринга и его заверения, что через несколько лет нацистская партия будет у власти и выплатит долг, ничего у него не получилось. Муссолини денег не дал.

Приближалось Рождество, а Гитлер все еще оставался в тюрьме. Но вот наконец 19 декабря верховный суд Баварии принял решение о его досрочном освобождении. Эту радостную весть принес в камеру № 7 сам начальник тюрьмы. Уже на следующее утро, тепло попрощавшись с охранниками и оставив друзьям все свои деньги (282 марки), Гитлер вышел на свободу.

Было пасмурно и сыро. У ворот его ждали издатель Мюллер и фотограф Хофман, приехавшие из Мюнхена на машине. На вопрос Хофмана, что он собирается делать, Гитлер ответил: «Начну все заново». За Ландсбергом их встретила группа нацистов на мотоциклах. Этот своеобразный почетный эскорт сопровождал машину Гитлера до Мюнхена. У дома, где он жил, собралась толпа его единомышленников и восторженных почитателей. Убогую каморку нельзя было узнать — кругом стояли цветы и лавровые венки. Соседи накрыли праздничный стол. Нет, не зря он больше года провел в тюрьме, он вышел оттуда другим человеком — закаленным в борьбе, готовым к ней, твердым в своих убеждениях.

Разногласия в партии Гитлера особо не волновали. Он вернулся в Мюнхен, преисполненный решимости действовать. Старые ошибки никогда не повторятся. Если раньше

он был номинальным вождем партии, основанной другими, то теперь станет подлинным ее фюрером, сам определит ее новый политический курс, программу и конечную цель.

Политическая ситуация в те дни складывалась не в пользу нацистов. Националистический блок потерял на очередных выборах более половины мест, а число поданных за него голосов сократилось с 1 918 300 до 907 300. Кроме того, все еще оставался в силе запрет на деятельность партии Гитлера. Значит, нужно привыкать работать в подполье. Но были и положительные моменты. Министр юстиции Баварии прекратил против него дело о депортации в Австрию, возможно, потому, что австрийцы отказались принять его. Тюрьма создала ему ореол мученика. Расистские настроения были очень сильны, несмотря на результаты декабрьских выборов. При всех склоках в партии он был уверен, что сумеет обеспечить верность всех фракций. Образ национального мученика Адольфа Гитлера станет олицетворением флага свободы и расовой чистоты.

Многое из обдуманного Гитлером в тюремной камере трудно воспринималось в атмосфере свободы, от которой он отвык. В первое время он испытывал также ощущение, будто охранник стоит сзади и заглядывает в разложенные на столе бумаги. Гитлер не раз ловил себя на мысли, что на те или иные действия нужно испросить разрешение. Поэтому он решил несколько недель прожить спокойно, а потом заняться «примирением враждующих братьев».

Накануне Рождества его пригласили к себе Ханфштенгли, переселившиеся в более просторный дом в престижном районе. Там же, кстати, жил тогда и Томас Манн. Сначала Гитлер не находил себе места, нервно озираясь вокруг, потом попросил Ханфштенгля сыграть что-нибудь из «Тристана и Изольды», и это успокоило его. После обеда Хелен, Гитлер и четырехлетний Эгон расселись в гостиной и слушали игру хозяина на рояле. Когда он заиграл военный марш, Гитлер поднялся и начал вышагивать по комнате из угла в угол, заложив руки за спину. Немного поиграв с Эгоном в войну, он наконец сел на любимого конька — разразился гневной тирадой против евреев. После тюрьмы его антисемитизм, по словам Ханфштенгля, стал приобретать более выраженный расистский характер: Гитлер был убежден, что еврейство — мировая чума и контролирует не только Уолл-стрит, но и всю Америку.

Перед уходом он выбрал момент и на несколько минут

остался наедине с Хелен. Она сидела на диване, когда Гитлер неожиданно опустился на колени и уткнулся головой в ее подол. «Если бы хоть кто-то у меня был и заботился обо мне!» — взволнованно бормотал он. «Послушайте, перестаньте, успокойтесь»,— уговаривала его растерянная Хелен. На вопрос, почему же он не женится, Гитлер мрачно ответил: «Я никогда не смогу жениться, потому что моя жизнь посвящена моей стране». «Было бы ужасно, если бы в эту минуту кто-нибудь вошел,— писала Хелен в опубликованных много лет спустя воспоминаниях.— Он попал по своей вине в такое унизительное положение. Так все и закончилось, я сделала вид, будто ничего особенного не произошло».

Глава 8. ТАЙНАЯ КНИГА ГИТЛЕРА (1925—1928 гг.)

1

Хофманы пригласили Гитлера встретить новый, 1925 год у них. Он вначале отказался, однако, уступив настойчивой просьбе фотографа, согласился прийти, «но только на полчаса». Празднество уже началось, и его появления все ждали с нетерпением, особенно те дамы, которые никогда не встречались с фюрером. Они пришли в восторг, увидев безупречно одетого, галантного человека, женщинам особенно понравились его аккуратно подстриженные усики.

Одна из хорошеньких девушек подвела Гитлера к елке и неожиданно поцеловала. «Я никогда не забуду выражения изумления и ужаса на лице Гитлера!— писал впоследствии Хофман.— Кокетка тоже сообразила, что допустила промах. Наступило неловкое молчание. Гитлер стоял рассерженный, закусив губу». Хофман попробовал превратить все в шутку: «Везет же вам с дамами, герр Гитлер». Но фюрер не был склонен шутить, он холодно попрощался и ушел.

В политику Гитлер не спешил возвращаться. Он выжидал, переосмысливая те политические и экономические изменения, которые произошли в стране и мире за год, пока он сидел в тюрьме.

Введение стабильной марки остановило распад экономики Германии. Со сменой правительства во Франции появились и надежды на мирное урегулирование спорных проблем, связанных с оккупацией Рура. Союзные державы пересмотрели условия выплаты Германией репараций, сделав их более справедливыми. Все это лишало Гитлера тех политических активов, которые он успешно использовал до путча.

Но социальная база нацизма практически оставалась прежней — средний класс, чье благосостояние окончательно подорвала инфляция, приравняв его по уровню жизни к рабочему классу. Мелкие торговцы, бюргеры и сельские хозяева — бауэры жили в состоянии постоянной неуверенности и страха. Многие во всех своих несчастьях винили красных и евреев, и антисемитизм нацистов отвечал их настроениям.

4 января 1925 года Гитлер сделал первый шаг навстречу своему политическому будущему: нанес визит новому премьер-министру Баварии Генриху Хельду. Он обещал Хельду сотрудничать с правительством в борьбе против красных, заверял, что отныне будет использовать только легальные средства, и произвел на премьера такое впечатление, что тот удовлетворенно заметил: «Дикий зверь укрощен. Можно ослабить цепь».

В первую очередь Гитлер решил положить конец внутрипартийным распрям, но намерен был сделать это по-своему. 26 февраля, через десять дней после отмены чрезвычайного положения, в киосках снова появилась «Фелькишер беобахтер». В этом номере, первом после снятия запрета на деятельность нацистской партии, была помещена пространная статья Гитлера под названием «Новое начало». В ней он призвал все здоровые силы партии «объединиться против общего врага — еврейского марксизма». Перед читателями предстал совершенно новый Адольф Гитлер, готовый ради единства партии на любые компромиссы. В то же время он ясно давал понять, что будет руководить партией так, как считает нужным.

27 февраля состоялось первое после тюрьмы публичное выступление Гитлера в той самой пивной «Бюргербройкел-

лер», где начинался путч. Начало митинга было намечено на восемь вечера, но уже сразу после обеда здесь выстроились огромные очереди. К шести часам, когда зал, вмещавший до четырех тысяч человек, был заполнен, полиция закрыла двери. В Мюнхен в тот день съехались национал-социалисты со всей страны, но Рем, Штрассер и Розенберг прийти не пожелали.

Когда Гитлер появился в проходе, его восторженно приветствовали почитатели, стуча по столам пивными кружками. В его искусно построенной речи даже самый пристрастный человек не нашел бы нападок на ту или иную фракцию. Людендорфа Гитлер назвал «самым верным и беззаветным другом» движения, призывая всех, кто «в глубине души остаются старыми национал-социалистами», сплотиться под знаменем со свастикой в борьбе против смертельных врагов Германии — марксистов и евреев. Знаменательным было его обращение к руководителям партии, сидящим за передними столами. Он не требовал от них верности и поддержки, не предлагал идти на компромиссы, а просто приказывал им принять участие в крестовом походе или убраться вон. «Движением руковожу один я,— заявил он.— Никто не должен выдвигать мне условия, пока я лично за все отвечаю».

Его страсть передалась аудитории. Отовсюду гремело «хайль!». Женщины рыдали, мужчины вскакивали на стулья и столы, вчерашние враги обнимались. «Когда говорил фюрер, все мои сомнения улетучились»,— заявил выступавший позже лидер германских националистов Рудольф Бутман. В этих словах Бутмана прозвучало официальное признание за Гитлером титула «фюрер». Раньше его называли так только единомышленники и друзья в своем кругу.

Возвращение Гитлера на политическую арену совпало по времени с выборами президента страны. 28 февраля им был избран семидесятивосьмилетний фельдмаршал фон Гинденбург, чьи симпатии были всецело на стороне правых. При нем участились правительственные кризисы, возникавшие зачастую, если так можно выразиться, по мелочам,— например, из-за предложения консерваторов выплатить компенсацию Гогенцоллернам. Когда оно, несмотря на сильное сопротивление социалистов, было принято, правые внесли очередной подобный законопроект — о компенсации всем лишенным собственности принцам императорско-

го дома. Его тоже одобрили, опять-таки вопреки возражениям социалистов. А бурное обсуждение вопроса о цветах государственного флага Германии заставило канцлера Ганса Лютера вообще уйти в отставку. Все это, безусловно, увеличивало шансы Гитлера на успех в его борьбе за власть. Но рост его популярности испугал баварское правительство. Фюрер вдохнул новую жизнь в партию слишком быстро и энергично, и полиция не нашла ничего иного, как наложить запрет на его выступления на пяти массовых митингах, намеченных на начало марта. Его обвинили в призывах к насилию, поскольку в «Бюргербройкеллере» он заявил, что будет «бороться против марксизма и еврейства не по меркам среднего класса, а пойдет, если потребуется, по трупам».

То же самое Гитлер повторил в полиции, куда явился выразить свой протест. Он заявил, что «возглавит германский народ в борьбе за свободу» и будет действовать в случае необходимости не мирными методами, а «путем силы». Это было уж слишком, и в ответ на демарш фюрера нацистов ему вообще запретили выступать публично по всей Баварии. Вскоре такие же запреты были введены почти во всех германских землях, и Гитлер был вынужден ограничиться эпизодическими выступлениями в частных домах своих богатых единомышленников. Один из очевидцев вспоминал: «Это было ужасно. Он кричал и размахивал руками, говорил, говорил, как пластинка, часами, пока сам не выдыхался».

Теперь все свое время Гитлер посвящал восстановлению партии. Он мчался с одного закрытого собрания на другое, восстанавливал нарушенные ранее связи, мирил оппонентов. Вскоре вся нацистская организация Мюнхена оказалась под его жестким контролем. В провинции эти задачи успешно решали преданные ему Эссер и Штрайхер. В Северной Германии обстановка была иной. Там Гитлер вынужден был передать судьбу партии Грегору и Отто Штрассерам. Если Грегор — хороший организатор и депутат рейхстага — обязался сохранять верность Гитлеру, то молодой талантливый журналист Отто вовсе не был уверен в том, что фюрера следует поддерживать. «Сколько же будет продолжаться этот медовый месяц с Гитлером?» — спрашивал он.

Гитлер воспринял вынужденное отстранение от публичных выступлений так же, как и тюремное заключение, и зря

времени не терял. Он поставил перед собой цель создать мощный аппарат, целиком преданный ему. Большую помощь фюреру оказали в этом два ничем не приметных, но способных бюрократа — Филипп Боулер и Франц Шварц. Первого Гитлер сделал исполнительным секретарем партии, второго — партийным казначеем. Передав педанту Боулеру и «скряге» Шварцу, обладавшему, как о нем говорили, способностями вычислительной машины, вопросы внутренней организации партии, Гитлер получил возможность сосредоточиться на стратегических проблемах, писать статьи, совершать поездки по Германии. На посту редактора «Фелькишер беобахтер» он восстановил Розенберга.

Попутно была решена и волновавшая Гитлера «личная» проблема — снята угроза его депортации в Австрию. Он написал письмо в муниципалитет Линца с просьбой аннулировать его австрийское гражданство и через три дня получил положительный ответ. И хотя лидер нацистов еще не был гражданином Германии, а следовательно, не мог участвовать в выборах или занимать государственный выборный пост, теперь он был уверен, что вопрос о его гражданстве — это всего лишь дело времени.

Много времени и сил ушло у Гитлера на ликвидацию конфликта с капитаном Ремом. Рем, пока фюрер был в тюрьме, объединил оставшихся на воле штурмовиков в новую военную организацию под названием «Фронтовое братство». 16 апреля Рем представил Гитлеру меморандум, в котором говорилось, что 30 тысяч ее членов «могут стать основой национальной политической организации», но при одном условии: «Фронтовое братство» должно подчиняться не партии, не Гитлеру, а ему, Рему. Только ему. Он, правда, клялся в личной преданности фюреру и напоминал об их давней дружбе.

Гитлер прекрасно понимал, какую опасность таит в себе зависимость от организации, которую не контролируешь сам. Решив сделать новый СА инструментом собственной политики, он потребовал, чтобы «Фронтовое братство» безоговорочно подчинилось ему. Взбешенный Рем, желая оказать давление на фюрера, пригрозил подать в отставку и потребовал от него письменного ответа. Но Гитлер молчал. Потеряв терпение, Рем 1 мая уже официально объявил о своей отставке и уходе из политики вообще. Храня молчание, Гитлер, таким образом, вынудил капитана остаться без партии и «Фронтового братства», а сам получил возмож-

ность реорганизовать СА так, как считал нужным. Рем был обижен до глубины души и жаловался близким друзьям на своеволие и самоуправство Гитлера, на его нежелание считаться с мнением других.

2

Этой весной Гитлеру удалось наконец осуществить свою давнюю мечту — приобрести машину, новый красный «мерседес», в котором он вместе с друзьями исколесил всю Баварию. Бывая часто в Берхтесгадене, он решил создать в этом горном селении свой вспомогательный штаб. В этом живописном уголке он всегда чувствовал прилив сил и творческого вдохновения и просто наслаждался жизнью, часами бродя по холмам в кожаных шортах. «Переодеваться в длинные брюки,— говорил он,— для меня всегда было пыткой. Даже при температуре минус десять я гулял в кожаных шортах. Мне они давали чудесное ощущение свободы».

Поселился Гитлер в горной местности Оберзальцберг, где занял небольшой домик на территории местного пансионата. Здесь, в сельской тиши, он закончил работу над первым томом своей книги. Его главным помощником по-прежнему оставался Гесс, которого фюрер сделал своим личным секретарем. Но ему активно помогали и другие, особенно Ханфштенгль, взявший на себя стилистическую правку. Гитлер тем не менее почти всегда отвергал его замечания. Ханфштенгль советовал ему расширить свой кругозор — побывать в Америке, Японии, Индии, Франции, Англии. «А что станет с движением в мое отсутствие?» — упирался Гитлер. Ведь достаточно ему было попасть на год в тюрьму, как партия практически распалась. На замечание Ханфштенгля о том, что он вернется с «новыми планами на будущее», Гитлер отреагировал с раздражением. «Странные у тебя мысли,— заявил он.— Чему я могу научиться у них? Зачем мне изучать чужой язык? Я слишком стар и занят». И даже влияние Хелен Ханфштенгль заметно пошло на убыль. Когда она предложила Гитлеру научить его танцевать вальс, он отказался, заявив, что для государственного

деятеля это неподобающее занятие. Ханфштенглю, который напомнил, что и Вашингтон, и Наполеон, и Фридрих Великий любили танцевать, Гитлер ответил довольно грубо, назвав танцы «глупой тратой времени». «А всякие там венские вальсы,— добавил он, — слишком женственны для настоящего мужчины. Эта дурость — не последний фактор в упадке их империи».

Нежелание принимать советы Хелен, возможно, было связано с тем, что она тогда, в рождественский вечер, его отвергла. Утешение фюрер находил в других женщинах. В Берхтесгадене, напротив дома, где жил Гитлер, был магазин, в котором работали две сестры — Анни и Митци. Если верить Морицу, Митци обратила на себя внимание Гитлера, когда он гулял со своей овчаркой. Дружба его Принца и собаки Митци привела к флирту между их хозяевами. Как-то Гитлер пригласил Митци на концерт, но Анна была против их встреч, ведь Гитлер был на двадцать лет старше ее шестнадцатилетней сестры. Тем не менее юная Митци и фюрер виделись довольно часто, и много лет спустя Митци утверждала, что ее поклонник флиртом не ограничился. Они стали любовниками. Девушка всерьез думала о замужестве, но Гитлер лишь пообещал снять в Мюнхене квартиру, где они смогут жить вместе.

Вдохновение иного рода Гитлер испытывал в обществе Винифред Вагнер, для которой был идеалом. В ее доме он играл роль некоей таинственной личности, спасающейся от врагов. Гитлер мог появиться на вилле Вагнеров даже среди ночи. Как вспоминал сын Винифред Фриделинд Вагнер, «как бы ни было поздно, он всегда заходил в детскую и рассказывал нам страшные истории о своих приключениях. Мы слушали, и у нас мороз проходил по коже, когда он доставал пистолет». Именно тогда Гитлер сказал детям, что мешки под глазами появились у него после отравления ядовитыми газами во время войны. У Вагнеров его называли Вольфом (Волком). Всем он нравился, даже собаке, которая обычно лаяла на посторонних. Дети его обожали. «Он притягивал нас своей гипнотической силой. Его жизнь казалась нам захватывающей, потому что была совершенно непохожа на нашу, она была какой-то сказочной».

18 июля в Мюнхене вышел первый том книги Гитлера. По предложению Аманна она получила название «Майн кампф» («Моя борьба»). Расходилась она, по тем временам, очень хорошо — к концу 1925 года было продано 10 тысяч

экземпляров. Недоброжелатели резко критиковали ее за помпезность, напыщенность, безобразный стиль, но не могли отрицать главного: в ней подробно, хотя и весьма субъективно прослеживалась эволюция взглядов молодого немца, формировавшихся на волне националистических настроений, охвативших в те годы Германию. Гитлер четко давал понять, что ненависть к евреям — это цель его жизни. В конце главы, описывающей его пребывание в госпитале, фюрер вызывающе заявлял: «Мы не можем торговаться с евреями, мы даем им жесткий выбор: или — или. И я решил стать политиком». А как политик он предполагал покончить с еврейским вопросом так называемым радикальным способом. «Поэтому я теперь убежден,— писал он,— что действую как проводник воли божьей, борясь с евреями. Я делаю работу Творца». Расисты в Германии восприняли «Майн кампф» как откровение, как призыв к действию.

3

Гитлер, конечно же, рисковал, наделяя Грегора Штрассера всеми полномочиями на ведение партийных дел в Северной Германии: чем успешнее тот работал, тем опаснее становился как политический соперник. Грегор, как и фюрер, был ярым антисемитом, но отнюдь не реакционером. Его политическую философию можно было свести к «окопному социализму» военного времени, основанному на принципе, что руководство пролетариями должно исходить от военных. Он был типичным левым национал-социалистом, снискал особую популярность в среде революционно настроенных членов партии. Общительный, жизнерадостный, обладающий редким даром привлекать к себе людей, Штрассер к концу лета добился таких успехов, каких Гитлер не ожидал. Число партийных организаций в северных землях значительно возросло. Этому в немалой степени способствовал авторитет Штрассера среди рабочих и полная свобода от авторитарного контроля мюнхенских вождей.

В начале сентября «юг» открыто выступил против «севера» на партийной конференции в Хагене. Ее участники на-

шно полагали, что им удастся убедить фюрера возглавить революционное крыло национал-социализма и отстранить от руководства партией реакционных мюнхенских советников. Делегаты одобрили предложенную Штрассером программу. Было принято решение шире развернуть революционную пропаганду и с этой целью подготовить серию статей, разъясняющих программные установки партии, в том числе и в области экономики, причем последние весьма походили на большевистские. Редактором пропагандистских материалов был назначен способный молодой человек, новый секретарь Штрассера, сменивший на этом посту догматичного Гиммлера. Йозефу Геббельсу было тогда 29 лет. Рост его едва превышал полтора метра, весил он 50 килограммов и к тому же хромал: в детстве он перенес паралич. Но за этой невзрачной внешностью скрывался весьма плодовитый писатель и прекрасный оратор, чей мягкий баритон, выразительные руки, горящие темные глаза неотразимо действовали на аудиторию.

Геббельс родился в семье католиков с берегов Рейна, но его взгляды и мировоззрение формировали не семья и церковь, а скорее университетская среда. Он учился в Мюнхене, куда после перемирия устремились сотни разочарованных солдат. На военную службу Йозефа не взяли из-за хромоты, но в университете его идеалом стал ветеран войны Рихард Флисгес, высокий красавец, пацифист и анархист. Флисгес познакомил молодого Геббельса с творчеством Достоевского, эмоциональная мистика которого произвела на него колоссальное впечатление.

Вскоре Геббельс перевелся в Гейдельбергский университет и закончил его в 1921 году, получив степень доктора философии. В последующие несколько лет он написал автобиографический роман под названием «Михаэль», несколько пьес и много лирических стихотворений. Чтобы добыть средства к существованию, он работал в банке, на кельнской фондовой бирже, репетитором, бухгалтером. Он порвал с Флисгесом, и новым его увлечением стал национал-социализм, а новым кумиром — Гитлер. В то же время Геббельс сблизился с Грегором Штрассером, ибо во многих отношениях он все еще оставался революционером и упорно стремился обратить коммунистов в национал-социализм. Геббельс пытался выработать теорию, которая стала бы «мостом слева направо для соединения всех, кто готов идти на жертвы». Как и Грегор Штрассер, он считал, что партия

должна отстаивать дело рабочих в целом и профсоюзов в частности. Это было одним из главных различий в позициях Гитлера и Геббельса, который рассчитывал убедить фюрера в том, что единственное различие между коммунистами и нацистами — это приверженность красных к интернационализму.

Наконец 4 ноября они встретились в Брауншвейге. И когда фюрер пожал Геббельсу руку, тот пришел в состояние экстаза. «Он как старый друг,— писал Геббельс в дневнике.— И эти большие голубые глаза. Как звезды. Он рад меня видеть». Эта личная встреча была, по сути, началом глубокого преклонения Геббельса перед Гитлером. После второй встречи в Плацене несколько недель спустя Геббельс напишет о ней еще восторженнее: «Огромная радость! Он встречает меня как старого друга. И заботится обо мне. Как я его люблю!»

Это, однако, не помешало Геббельсу буквально через день принять участие в конференции гауляйтеров северных земель, которая открыто выступила против партийного центра. Ему поручили помочь Штрассеру составить новую партийную программу. Проект предусматривал государственное владение землей, раздел крупных сельскохозяйственных имений между безземельными крестьянами и национализацию промышленных корпораций. Он был представлен гауляйтерам на конференции в Ганновере, проходившей 24—25 января 1926 года. Заседания были бурными. Представитель Гитлера — Готтфрид Федер — выступил против этого документа, за что Геббельс назвал его «слугой капитала». Подавляющим большинством голосов конференция приняла эту программу.

Сообщение Федера о «фронде севера» побудило Гитлера принять меры. 14 февраля он вызвал всех партийных лидеров в Бамберг. Северяне здесь чувствовали себя неуютно. Их к тому же было намного меньше, чем южан. Гитлер поднялся на трибуну и сразу расставил все точки над «i». Он заявил, что парламентских дебатов и разговоров о демократии в партии больше не будет. Раскольников он не потерпит. Каждый гауляйтер, каждый член партии должен поклясться в верности ему, фюреру. И только ему. Но Гитлер ни единого слова критики не высказал в адрес Штрассера и Геббельса. Возможно, он интуитивно почувствовал, что оба «фрондера» в действительности ему верны, а хотят лишь одного — оградить его от таких, как Штрайхер и Эссер.

Всем своим поведением Гитлер как бы старался подчеркнуть: он приехал в Бамберг не для унижения северян, а для наставления их на путь истинный. В качестве альтернативы фюрер предложил свою концепцию. Первоначальная программа партии, сказал он, «была основой нашей веры, нашей идеологии. Трогать ее было бы изменой тем, кто погиб за нашу идею», т.е. четко дал понять, что национал-социализм — это религия, а он, Гитлер,— ее Христос.

Такой неожиданный поворот застал северян врасплох. Геббельс приехал в Бамберг, уверенный в том, что Гитлера можно повернуть влево. Но фюрер даже не коснулся спорных вопросов, а просто поставил партийных функционеров перед выбором: отвергнуть его или принять как фюрера. А отвергнуть — означало бы конец партии. Штрассер выступил на редкость кратко и сумбурно. Он был побежден. А Геббельс молчал и только записал в дневнике: «Душа болит!»

Вскоре после встречи в Бамберге Гитлер отправился в поездку по стране добывать средства для партии. В последний день февраля он выступил в «Национальном клубе-1919». В Гамбурге клуб был частным, и говорить ему разрешили. Речь фюрера была на удивление сдержанной, он знал, к кому обращается, — не к радикалам, а к солидным гражданам. Спокойно объясняя, что Германия проиграла войну из-за красных, которые и сейчас продолжают доминировать в политической жизни, он вскоре увлек аудиторию, но не эмоциями, а логикой, апелляцией не к расизму, а к патриотизму во имя процветания страны. Страстные нотки зазвучали в голосе Гитлера лишь тогда, когда он заговорил о марксизме. «В борьбе одна сторона должна уступить: либо марксизм будет упразднен, либо нас упразднят»,— заявил он, призывая к развертыванию массового движения против красных, и пообещал уничтожить марксистскую заразу, выкорчевать ее с корнем.

Понимая, что полный контроль над партией, несмотря на Бамберг, еще не установлен, Гитлер приступил к обработке главных лидеров оппозиции — Грегора Штрассера и Геббельса. К началу марта первый капитулировал и разослал сторонникам письмо, отзывая свою программу. Геббельса же Гитлер в начале апреля пригласил в Мюнхен. В итоге в дневнике молодого оппозиционера появилась следующая запись: «По всем пунктам он меня убедил. Необыкновенный человек. Я склоняюсь перед ним, величайшим политиче-

ским гением!» Геббельсу были прощены все прошлые ошибки, и он получил пост второго гауляйтера Рура.

«Обработав» Штрассера и его секретаря, Гитлер снова отправился на север, чтобы окончательно закрепить победу над левым крылом партии. 1 мая он выступил на закрытом собрании в городской ратуше Шверина. К этому времени он достиг значительных успехов в ораторском искусстве благодаря урокам знаменитого астролога и провидца Эрика Яна Хануссена. Когда они впервые встретились в Берлине, Хануссен спросил фюрера: «Если вы серьезно хотите заниматься политикой, герр Гитлер, почему же вы не учитесь искусству выступать?» Хануссен научил вождя нацистов умело пользоваться так называемым языком жестов, чтобы подчеркнуть значимость произносимых слов. В последующие несколько лет они неоднократно встречались, и Гитлер всегда прислушивался к советам астролога. Но это продолжалось лишь до конца 1932 года, когда Хануссен составил гороскоп Гитлера и тем самым подписал себе смертный приговор.

4

К концу весны 1926 года Гитлер установил над партией полный контроль. Его детище — мюнхенская организация — уже безоговорочно была признана ядром национал-социалистского движения. 22 мая на общем партийном собрании в «Бюргербройкеллере» фюрер получил полномочия подбирать и увольнять гауляйтеров и других руководящих деятелей. По его настоянию было принято решение о том, что первоначальная партийная программа из двадцати пяти пунктов не подлежит никаким изменениям. Теперь Гитлер один ведал идеологией партии.

В начале июля состоялся съезд партии в Веймаре. Выбор пал на этот город потому, что Тюрингия была одной из немногих земель, где Гитлеру разрешалось выступать публично. «Глубокая и мистическая речь. Почти как евангелие,— так отозвался о его выступлении на съезде Геббельс.— Мы вместе с ним с содроганием прошли по краю жизненной пропасти. Я благодарю провидение за то,

что оно послало нам этого человека!»

Официально утверждалось, что в нацистской партии состоит 40 тысяч человек, но многие считали эту цифру сильно завышенной. Впрочем, Гитлера в тот момент цифры мало волновали. Да, его партия была одной из самых малочисленных в стране. Но она являлась настоящим железным кулаком, его железным кулаком.

Для того, чтобы установить действенный контроль над всеми местными организациями, Гитлер решил использовать Йозефа Геббельса. Он пригласил гауляйтера Рура к себе в Берхтесгаден, где намеревался закончить работу над вторым томом «Майн кампф».

Вот что писал о нем очарованный обращением фюрера Геббельс: «Он как ребенок — добрый, хороший, милый. Как кот — хитрый, умный, живой. Как лев — ревущий, великий, гигантский. Друг, человек. Эти дни указали мне дорогу! Засияла звезда, осветившая мне путь! Я принадлежу ему до конца. Мои последние сомнения исчезли. Германия будет жить. Хайль Гитлер!»

Через несколько месяцев Геббельс получил назначение в Берлин. Его ликованию не было конца, но выигрывал от этого, конечно же, Гитлер. Фюреру удалось заключить мир с Грегором Штрассером. Последнему даже позволили занять подобающее место в партийной иерархии. Но организаторский талант и энергия Штрассера по-прежнему представляли угрозу для единоличной власти Гитлера. Посылая Геббельса в Берлин, где Штрассер тоже имел свою штаб-квартиру, Гитлер делал бывших соратников соперниками.

Для Геббельса с приездом в Берлин начиналась новая жизнь — как политическая, так, впрочем, и личная: он порвал с девушкой, с которой был помолвлен. Могла ли восходящая звезда национал-социалистского движения спать с полуеврейкой и тем более жениться на ней?

Официально к концу года в партии насчитывалось уже почти 50 тысяч человек. В ее секретариат входили: Гесс — секретарь, Шварц — казначей и Боулер — генеральный секретарь. Если первоначально штат секретариата состоял из двадцати пяти сотрудников, то теперь в нем были отделы внешней политики, труда, промышленности, сельского хозяйства, экономики, внутренних дел, юстиции, науки и прессы. Это было государство в государстве. При нем создавались также различные сопутствующие организации: «Гитлеровская молодежь» («Гитлерюгенд»), лиги

женщин, учителей, юристов и врачей.

Важнейшим орудием партии были СА. На съезде в Веймаре в их состав вошли еще восемь новых подразделений. Фюрер осуществлял прямой контроль и над местными отрядами штурмовиков. Во главе их он поставил «прирожденного организатора» — Франца Пфеффера фон Золомона. Официальной формой штурмовиков стали коричневые рубашки с коричневым галстуком. Кстати, цвет был выбран чисто случайно: удалось по дешевым оптовым ценам закупить крупную партию именно таких рубашек, первоначально предназначавшихся для немецких войск в Восточной Африке.

Конец 1926 года ознаменовался также выходом в свет второго тома «Майн кампф» с подзаголовком «Национал-социалистское движение». В основу книги была положена история нацистской партии со дня мюнхенского путча. История здесь в какой-то мере заменила Гитлеру автобиографию. Кстати, со времен Макиавелли такие прагматичные инструкции о том, как должен действовать политик, появлялись крайне редко. По сути, Гитлер разъяснял рядовым нацистам, какой должна быть пропаганда на уровне улицы. Его анализ психологии толпы свидетельствовал о том, что он читал работы Фрейда по групповой психологии. «Группа крайне доверчива,— писал Фрейд,— и поддается влиянию; она не имеет критической способности, и невероятного для нее не существует. Чувства группы всегда очень простые и очень преувеличенные, поэтому она не знает ни сомнений, ни нерешительности». По иронии судьбы именно венский еврей подсказал Гитлеру очень важную мысль: оратор, желающий влиять на толпу, «должен преувеличивать и повторять одно и то же снова и снова». У Фрейда фюрер вычитал, что масса «нетерпима, но послушна авторитету. Она требует от своих героев силы и даже насилия. Она хочет, чтобы ею управляли и ее подавляли, и боится своих господ». Гитлеру удалось соединить теорию соотечественника, а точнее, то, что он из нее взял, со своими идеями и создать идеологическую основу для прихода нацистов к власти.

Книга явилась свидетельством того, что Гитлер самым решительным образом изменил внешнеполитическую ориентацию. Придя с войны, он считал главным врагом Германии Францию и в 1920 году даже рассматривал возможность союза с Советской Россией. Теперь, шесть лет спустя, в предпоследней главе второго тома он признавал это

ошибкой и полностью отвергал реваншистскую войну. Национал-социалистская политика должна быть изменена, писал Гитлер, причем таким образом, чтобы «обеспечить для германского народа землю и место, на которые он имеет право». Чуть дальше он выразился еще яснее: «Мы возобновляем то, что прервали шесть столетий назад. Мы останавливаем бесконечное немецкое движение на юг и запад и обращаем свои взоры к землям на востоке», т.е. главным образом к России, которая, по его утверждению, «подпала под иго евреев». И судьба выбрала Германию, чтобы отвоевать у евреев эту захваченную ими громадную территорию.

Сегодня, говорилось в «Майн кампф», «безжалостный еврей борется за господство над нациями. Ни одна нация не может отбросить его руку от своего горла, кроме как мечом». Но он, Гитлер, мечом устранит еврейскую угрозу, уничтожит марксизм, поставит на колени Францию, Россию, другие народы и утвердит германский идеал.

Но Гитлеру принадлежит и такая фраза, сказанная им позднее в беседе с Франком: «Я уверен в одном — если бы в 1924 году я знал, что стану канцлером, то не написал бы этой книги». Тогда же он признавал, что «Майн кампф» — это просто сборник передовиц для «Фелькишер беобахтер».

Несколько месяцев спустя был отменен запрет на публичные выступления Гитлера в Баварии. Это произошло 5 марта 1927 года. А через четыре дня он уже произносил речь перед огромной ревущей толпой в городском цирке Мюнхена. Публика, приветствуя фюрера, кричала «Хайль Гитлер!», выбрасывая вперед руку в нацистском приветствии.

В течение двух с половиной часов Гитлер говорил о кризисе в Германии, о том, что в этом хаосе только евреи получают выгоду. Это было впечатляющее представление в стиле Хануссена, примечательное не тем, что сказал фюрер, а как он это сказал.

Внешне казалось, что теперь Гитлер в своих выступлениях следует «социалистической» линии Грегора Штрассера. В нападках на капитализм и разложившуюся буржуазию он даже пользовался, и, кстати, успешно, терминологией левых. Но основную работу по вовлечению пролетариев в национал-социалистское движение он оставил человеку более квалифицированному.

Перед Геббельсом, посланным фюрером в Берлин, стояла, казалось, непосильная задача. «То, что называлось

партией в Берлине в те дни, — писал он позднее,— не поддается описанию. Это было разношерстное сборище нескольких сот человек с национал-социалистскими идеями». Их собрания часто заканчивались базарной бранью, а нередко и дракой.

Помимо того, что нацисты были разобщены, не ладили друг с другом, на улицах им противостояли намного превосходящие их по численности коммунисты и социал-демократы. Партийный комитет размещался в «грязном подвале» и был обременен долгами. Геббельс начал с того, что перевел комитет в более приличное помещение, установил строгий порядок работы, под личным контролем провел ревизию финансов. К февралю 1927 года берлинская организация расплатилась с долгами и даже приобрела подержанный автомобиль.

Геббельс решил, что пришло время расширить социальную базу партии. Он руководствовался принципом: «Тот, кто завоюет улицу, может завоевать и массы, а тот, кто завоевал массы, тем самым завоевал и государство».

Изменился характер и стиль его речей и статей, они стали предельно четкими, сжатыми, их язык и образы были близки и понятны берлинцам.

Свои речи Геббельс репетировал перед большим зеркалом, тщательно отрабатывая жесты. Перед каждым собранием он обязательно интересовался составом аудитории. «Какую пластинку мне надо ставить — национальную, социальную или сентиментальную? У меня в портфеле все они есть».

Будучи великолепным актером и блестящим импровизатором, Геббельс в своих выступлениях искусно переходил от юмора к сентиментальности, а если было необходимо, и к ругани, умышленно провоцируя возмущение красных. «Вызвать шум — это одно из самых эффективных средств пропаганды»,— не раз повторял он. Для него пропаганда была настоящим искусством, и, по мнению многих, он был мастером своего дела. Идеи национал-социализма Геббельс преподносил в американском стиле, так, словно рекламировал лучшее в мире мыло.

В рабочем районе Веддинг 11 февраля 1927 года он устроил хитро задуманную провокацию: пригласил симпатизирующих нацистам люмпенов на массовый митинг в зал, где обычно собирались коммунисты. Это было открытое объявление войны красным. Заблаговременно по всему

району были расклеены плакаты, сообщавшие о том, что «конец буржуазного государства близок». Когда один из рабочих-коммунистов попытался уточнить повестку дня, штурмовики вытолкали его из зала. Это привело к потасовке. Около сотни человек были избиты — 83 красных и с десяток нацистов. Рассказы и сообщения о побоище попали, естественно, на страницы газет. В результате многие берлинцы, никогда не слышавшие даже имени Гитлера, получили довольно подробную информацию о новой политической силе в своем городе. Печать о нацистах отзывалась пренебрежительно, но в последующие несколько дней в их комитет поступило 2600 заявлений о приеме в нацистскую партию, причем 500 человек желали непременно вступить и в СА.

С каждым митингом аудитория расширялась, и когда в Берлин приехал Гитлер, послушать его собралось уже более 5000 человек. Он сознательно выбрал днем своего выступления 1 мая и начал его почти как Ленин: «Мы — социалисты, мы враги современной капиталистической системы эксплуатации слабых с характерной для нее несправедливой оплатой труда, позорной оценкой человека по богатству и собственности, а не по способностям и заслугам, и мы преисполнены решимости уничтожить эту систему». Затем пошли в ход знакомые рассуждения о жизненном пространстве, о том, что шестьдесят два миллиона немцев владеют территорией лишь в 450 тысяч квадратных километров. «Это нелепая цифра,— кричал Гитлер,— если взглянуть на другие страны в сегодняшнем мире». По его мнению, есть лишь два выхода: либо сократить население, «изгнав лучший человеческий материал из Германии», либо «привести территорию в соответствие с численностью проживающего на ней населения, если даже для этого потребуется война. Это естественный путь, начертанный провидением»,— патетически закончил фюрер.

Геббельс надеялся, что красные снова поднимут шум, но все прошло мирно. Крупные газеты и словом не обмолвились о выступлении лидера нацистов. Тогда Геббельс, стремясь привлечь внимание общественности к своей партии, организовал три дня спустя еще один митинг в зале ассоциации ветеранов войны. Он подготовил провокационный антисемитский плакат: «Люди в беде! Кто спасет нас? Якоб Гольдшмидт?» Тысячи таких плакатов были расклеены по всему Берлину. Сам Гольдшмидт, крупнейший германский

банкир, тоже был приглашен, но послал вместо себя личного секретаря.

Геббельс был в ударе, развлекая публику остротами. «Я приветствую вас, рабочие Берлина! — начал он.— И приветствую также молодую даму, секретаря Якоба Гольдшмидта. Пожалуйста, не затрудняйте себя записью моей речи. Ваш хозяин прочтет ее во всех завтрашних газетах». Когда он презрительно заговорил о «еврейских газетах» и «печатной синагоге», человек, похожий на священника, стал возмущенно спорить с ним. Но тут Геббельс дал знак штурмовикам. Бедного священника так избили, что он попал в больницу. Газеты назвали жертву «седовласым и респектабельным» пастором реформистской церкви, хотя он на самом деле был всего-навсего отлученным от нее алкоголиком, а впоследствии стал активным членом нацистской партии. Тем не менее под давлением общественности полицейский комиссар Берлина объявил национал-социалистов вне закона, а их публичные выступления были запрещены по всей Пруссии.

Этот запрет был для Геббельса неприятным сюрпризом, и он сделал все, чтобы снять остроту ситуации. Он начал воссоздавать партийные организации под такими невинными названиями, как «Тихое озеро», «Чудо-желудь» и «Туристы-1927».

Проблема Берлина, усугубляемая резкой враждой между Геббельсом и Штрассером, заставила нацистских лидеров взглянуть более трезво на организационно-партийную работу. На совещании нацистских руководителей в Мюнхене, состоявшемся в конце июля, отмечалось, что темпы роста численности партии оказались гораздо ниже ожидаемых. Но Гитлер, казалось, не замечал этого. Создавалось впечатление, что его мало заботили трудности партии. Он снова и снова обрушивался на евреев, подчеркивая, что будущее Германии заключается в завоевании территорий на востоке, снова и снова проповедовал псевдодарвинистскую теорию — слабый покоряется сильному.

Но впервые Гитлер связал концепцию овладения «жизненным пространством» с антисемитизмом на третьем съезде партии в Нюрнберге, который состоялся в августе 1927 года. На нем присутствовало около 20 тысяч членов партии. Мало кто понял тогда зловещий смысл такого соединения, поскольку свои идеи фюрер излагал довольно туманно. Подчеркнув, что только сила может стать основой захвата

новых территорий, он назвал «трех чудовищ», которые лишили Германию этой силы, — интернационализм, демократия и пацифизм. Но разве эти «три чудовища» не созданы евреями?

Жил Гитлер все в той же маленькой комнатке в доме на Тирштрассе, и хотя его принимали как спасителя нации в лучших домах Германии, его образ жизни оставался монашеским.

По словам соседей, он нередко отдавал бедным то рубашки, то носки и другие вещи из своего скудного гардероба. Здесь он встречался со своими почитателями, не делая различий между богатыми и бедными, умело завоевывая их симпатии, очаровывая простотой и непринужденностью.

Речи Гитлера тоже стали образцом политического искусства. Их он заранее в деталях обдумывал, составлял тезисы, записывал ключевые фразы, зная точно, чего хочет и как добиться желаемого эффекта. Много сил он отдавал тому, чтобы его поняли и поддержали люди различных политических направлений. Нередко даже те, кто был настроен против нацистов, самого Гитлера считали разумным человеком. Он научился апеллировать к нуждам среднего немца и ничем не напоминал теперь того фанатика-нациста, который возглавил мюнхенский путч. Перед толпой он представал человеком, заботящимся лишь о благе отечества. «Основные ценности и цели» Гитлера были понятны и приемлемы. Его слушатели не могли знать, что за «разумными» словами вождя нацистов скрывалась одна из самых радикальных программ в истории человечества, которая перекроит карту Европы и в той или иной мере заденет жизнь большинства людей на земле.

5

К концу 1927 года Гитлер показал себя тонким психологом, умеющим установить контакт и с одним человеком, и с несколькими тысячами. Кроме того, он понял то, чего не понимали его советники: прежде чем начать всеобщую кампанию за расширение своего движения, необходимо иметь такие лозунги, которые могли бы сплотить всех — от рабо-

чих до бюргеров и работать на перспективу, на будущее. Это новое видение мира придет к Гитлеру через год, а новый объединительный лозунг возникнет чуть позже, когда на мир обрушится экономический кризис.

Весной 1928 года был отменен запрет на деятельность нацистов в Берлине, за которым последовал взрыв политической энергии у Геббельса в связи с предстоящими выборами в рейхстаг. Хотя апеллировал он в основном к рабочим, главным в его предвыборной борьбе был призыв к нацистам и социалистам похоронить свои разногласия. «Между социализмом и нацизмом нет противоречий,— убеждал Геббельс,— они дополняют друг друга. Если они обращены друг против друга, они разрушительны; вместе они революционны и прогрессивны».

Парламентские выборы 20 мая стали личным триумфом Геббельса, его избрали в рейхстаг. Но партия в целом их проиграла: всего, кроме Геббельса, в высший орган власти попали лишь одиннадцать депутатов. Итого за два года нацисты потеряли 100 тысяч голосов и два места в парламенте. Особой вины Гитлера здесь не было. Главная причина заключалась в другом — в растущей экономической стабильности, в отсутствии лозунга текущего момента. Крики о позоре Версальского договора и о «ноябрьских преступниках» больше не срабатывали, и настроение у нацистской элиты, собравшейся в Мюнхене обсудить итоги провала на выборах, было более чем мрачное.

После полуночи появился Гитлер. Он удивил своих соратников философской, никак не связанной с выборами речью. Старые политики ожидали от проигравшего лидера обычных замечаний. Но Гитлер остановился главным образом на достижениях двух партий рабочего класса — социал-демократической и коммунистической. Он не преуменьшал их победу, не истолковывал ее как поражение своей партии, а скорее был даже доволен тем, что две «вражеские» партии нанесли поражение умеренным средним и правым партиям. В отличие от своих друзей фюрер считал, что впереди у нацистов — яркое политическое будущее.

После выборов Гитлер вернулся в Берхтесгаден, источник своего вдохновения. Наконец он имел собственный дом в горной местности Оберзальцберг. Это был обычный деревенский дом в баварском стиле, окруженный деревьями, с валунами на крыше, чтобы в бурю ее не сдуло. Ему повезло в том, что хозяйка, вдова промышленника, была членом

партии и сдала дом фюреру в аренду всего лишь за сто марок в месяц. Гитлер сразу же сообщил эту новость сводной сестре Ангеле, живущей в Вене, и попросил ее взять на себя обязанности хозяйки дома. Ангела приехала с двумя дочерьми — Фридль и Ангелой-Марией, которую домашние звали Гели. К этой живой девушке со светло-русыми волосами окружение Гитлера относилось по-разному. Ильза Прель, жена Гесса, вспоминала впоследствии: «Не то чтобы она была очень красивой, но в ней было то самое знаменитое венское очарование». Ханфштенглю, наоборот, она не нравилась. Он считал Гели «пустоголовой бабенкой с грубыми повадками служанки, без мозгов и характера», хотя Хелен и не соглашалась с ним, называя Гели «приятной, довольно серьезной девушкой», совсем не кокетливой. А фотограф Хофман охарактеризовал ее как «прелестную молодую женщину, которая своими беззаботными и естественными манерами очаровывала всех». С другой стороны, дочь Хофмана Генриетта считала племянницу фюрера «неотесанной, вызывающей и немного сварливой». В то же время Генриетта была убеждена, что «неотразимо очаровательная» Гели была единственной настоящей любовью Гитлера: «Если Гели хотела идти купаться, для Гитлера это было более важным делом, чем самое важное совещание. Мы брали еду и ехали на озеро». Но даже Гели не могла убедить дядю окунуться. Ни один политик, утверждал он, не может позволить сфотографировать себя в плавках.

Их разница в годах — девятнадцать лет — была примерно такой же, как и между Гитлером и Митци Райтер, бывшим объектом его увлечения. По ее собственным словам, в припадке ревности Митци пыталась год назад покончить с собой. Она едва не удушила себя, привязав один конец веревки к двери, а другой обмотав вокруг шеи, но муж сестры освободил девушку, когда та потеряла сознание.

В этой платонической любовной связи с Гели (большинство близких к Гитлеру людей считают, что физической близости между ними не было) ревнивым партнером был фюрер.

По воспоминаниям фрау Гесс, Гели однажды нарисовала костюм, который хотела бы сшить к следующему карнавалу, и показала дяде. «Уж лучше тебе пойти голой, чем в таком безобразном виде»,— вознегодовал он и набросал свой эскиз. Девушка так разозлилась, что схватила свой рисунок и выбежала из комнаты, хлопнув дверью. Расстроенный

вконец Гитлер уже через полчаса отправился ее искать.

Неудачи в любви отступали на второй план перед задуманной Гитлером новой книгой. Его интуиция, аморфная на первый взгляд, имела свою собственную четкую систему: за последние четыре года, как видно из речей и частных бесед фюрера, он методично продирался сквозь дебри своего сознания в поисках идеи.

С первых же слов, которые фюрер продиктовал Максу Аманну, становилось ясно, что задумал он нечто значительное. Главной темой книги было развитие тезиса Дарвина о праве сильного. Именно последнее, считал Гитлер, и является основой связи между самосохранением и жизненным пространством, ограничение которого становится побудительной силой в борьбе за существование. А в жесточайшей борьбе за существование и заключается суть эволюции как таковой. Это, по Гитлеру, ведет к вечной борьбе между нациями, победить в ней может лишь такой народ, который сохраняет в строгой чистоте свои расовые, этнические и кровные ценности. Но как только снижаются стандарты и чистая кровь смешивается с «низшей», приближается конец. «И тогда,— продолжает фюрер,— на сцену вступает еврей. Этот мастер международного отравления и расового вырождения не успокоится до тех пор, пока полностью не разложит такой народ и не искоренит его». Здесь Гитлер уже не только четко определил свою терминологию, но и связал расовые, этнические и кровные ценности с ненавистью к евреям. Он свел все нити своих политических и личных убеждений в последовательное — пусть искаженное и параноидальное — мировосприятие. «Я не ставлю задачей вступать в дискуссию по еврейскому вопросу как таковому,— говорится в заключении к книге.— У евреев есть особые, характерные черты, отличающие их от всех других народов мира; они не являются религиозной общиной со своим собственным государством, имеющим границы; они скорее люди-паразиты, а не производители». Эта мысль у Гитлера повторялась и раньше, но здесь он придает ей новый поворот: «Как и у всех людей на земле, у евреев тоже в качестве главной тенденции во всех их действиях выступает мания самосохранения как движущая сила». Но конечные цели у них, подчеркивает вождь нацистов, совершенно другие и, впадая в истерику, как в былые времена, формулирует эти цели: «Лишение наций своего лица, превращение других народов в ублюдков, понижение расового уровня

высших народов, а также установление господства их расовой мешанины посредством искоренения народной интеллигенции и замены ее своими людьми». Именно эта цель, по утверждению Гитлера, делает евреев угрозой человечеству. Отсюда борьба его, Гитлера, против евреев служит благу не только Германии, но и всего мира.

По всей вероятности, на этот раз Гитлер сжег за собой все мосты и окончательно сформулировал суть своего мировоззрения. Теперь он ставил двойную задачу: завоевать жизненное пространство на востоке и уничтожить евреев. То, что раньше казалось двумя отдельными, хотя и параллельными путями, слилось воедино. Словно он месяцами смотрел на две вершины Оберзальцберга, на которые хотел взойти, и только теперь осознал, что к обеим ведет одна и та же тропа. Он увидел свет. Мартин Лютер и другие антисемиты до Гитлера просто говорили об устранении евреев, но фюрер надеялся практически осуществить их мечту — стать великим истребителем евреев.

Рукопись, ставшую известной как «Секретная книга Гитлера», он запретил тогда публиковать, и она увидела свет тридцать два года спустя. Возможно, фюрер опасался, что в философском плане книга окажется слишком трудной для его рядовых почитателей и слишком откровенной для более искушенных. Возможно, Гитлеру не хотелось раскрывать раньше времени планы массового уничтожения неарийцев, ведь о его стремлении к геноциду говорят многие страницы этого сочинения. Он называет евреев «мастерами международного отравления и расовой коррупции», извергателями «злостного пацифистского поноса, отравляющего ум», пишет о потоке «бацилл болезни», ныне кишащих в России, называет перенаселенные рабочие кварталы в Германии «нарывами на теле нации», а также «очагами кровосмешения, вырождения и расового разложения, что ведет к образованию центров гнойной инфекции, в которых процветают и губят все живое международные еврейские расистские личинки».

Эта параноидальная одержимость имеет, безусловно, и личные корни. Опасение, что его отец, возможно, был частично евреем (можно предположить, что поэтому Гитлер и не хотел иметь детей); отчаяние, гнев и чувство вины в связи с мучительной смертью матери, которую лечил врач-еврей,— все это сказалось на содержании «Секретной книги Гитлера». Возможно, не является случайным совпадением и

тот факт, что вскоре после завершения работы над ней фюрер посетил психиатра Альфреда Швенингера, своего коллегу по партии, чтобы тот помог ему избавиться от страха заболеть раком. Письменных свидетельств о каком-либо лечении не обнаружено, но известно, что страх перед болезнью преследовал Гитлера до последнего дня его жизни.

Глава 9. СМЕРТЬ В СЕМЬЕ (1928—1931 гг.)

1

Летом 1928 года в попытках привлечь на свою сторону рабочих, голосовавших за левых, Геббельс опубликовал в созданной им газете «Ангриф» («Атака») три статьи, по стилю очень напоминающие коммунистические. Он подчеркивал, что в капиталистическом государстве рабочий — «не человеческое существо, не производитель и не творец. Его превратили в машину, в число, в робота без чувства или цели». И только национал-социализм, утверждал соратник Гитлера, вернет рабочим утраченное достоинство и сделает их жизнь осмысленной. Геббельсу удалось за очень короткий период оттеснить на задний план Грегора Штрассера, чем Гитлер был очень доволен — последний политический соперник на севере выбывал из игры. В награду фюрер назначил Геббельса ответственным за пропаганду в партии.

Гитлер, отразив попытку Штрассера изменить направление национал-социализма, простил раскаявшегося оппонента и назначил его ответственным за реорганизацию партии. Благодаря усилиям его и Геббельса к концу года численность партии возросла до 100 тысяч.

Для закрепления своих достижений в северных землях Гитлер 16 ноября 1928 года приехал в Берлин и выступил на большом митинге во Дворце спорта. Опасаясь возможных попыток красных сорвать это мероприятие, фюрер привел с собой весь отряд личной охраны. Он состоял из специально

подобранных молодых людей, в чьи обязанности входило защищать вождя любой ценой, даже ценой жизни. Эти парни называли себя «шутцштаффель» (охранный отряд) или сокращенно СС.

Многие из собравшихся на митинг 10 тысяч человек никогда не слышали Гитлера, и его первые слова особого впечатления не произвели. К тому же почему-то испортились микрофоны, и оратора было почти не слышно. В зале поднялся шум. Тогда Гитлер сам выключил микрофон и заговорил как можно громче. Смолкли даже красные, его стали слушать внимательно. А говорил Гитлер о вырождении нации, упадке культуры, подавлении личности. В конце концов не выдержало горло, и оратор был вынужден покинуть трибуну. Ничего существенно нового фюрер не сказал, но его личное обаяние оказало прямо-таки магнетическое воздействие на публику. «Перед волшебным воздействием его слов,— заметил позже Геббельс,— все сопротивление рушится. Можно быть либо его другом, либо его врагом. Секрет его силы — в его фанатичной вере в движение, а с ним — в Германию».

Месяц спустя на встрече Гитлера со студентами Берлинского университета подобное явление наблюдал американский журналист Луис Локнер: «Мое первое впечатление о нем было как о великом артисте. Я уходил со встречи и думал, каким образом человек с небезупречной дикцией мог так подействовать на молодых интеллектуалов,— человек, который кричал, бушевал, топал ногами».

Одним из таких молодых интеллектуалов оказался Альберт Шпеер, преподаватель технологического института. На встречу он пришел по просьбе своих студентов, без особого желания, и ожидал увидеть Гитлера в военной форме со свастикой на рукаве. Но оказалось, что лидер нацистов «был в приличном костюме и выглядел вполне респектабельно. Все в нем было скромно». Особенно поразило Шпеера то, что говорил он как-то нерешительно и робко, будто читал лекцию по истории. «Для меня во всем этом было что-то симпатичное и противоречило тому, что пытались изобразить его оппоненты,— истеричный демагог, визжащий и жестикулирующий фанатик в мундире». Постепенно робость исчезла, Гитлер говорил с гипнотической убедительностью, и Шпеера увлекла волна энтузиазма, который он ощущал почти физически,— «она сводила на нет любой скептицизм, любые оговорки».

2

Четко поставленная организационная работа в сочетании с личными качествами Гитлера как вождя партии стала приносить свои плоды. Ширилась социальная база нацизма, на что обратил внимание очередной съезд партии национал-социалистов, состоявшийся в 1929 году в Нюрнберге. Съезд сделал упор на работу в средних слоях населения. На руководящие партийные должности стали принимать выпускников университетов и других представителей буржуазии. Оставив рабочих Геббельсу и Штрассеру, Гитлер взял на себя ветеранов войны и деловых людей, понимая, что без них никогда не придет к власти. В этих целях он вступил в блок с националистическим объединением ветеранов «Стальной шлем» и правой Германской национальной народной партией, возглавляемой магнатом кино и прессы Альфредом Гугенбергом. Этот блок был образован правыми для борьбы против американского, более либерального плана выплаты репараций (план Юнга).

Такой союз мог оказаться для Гитлера опасным, оттолкнув от партии многих приверженцев слева. Но Гитлер был убежден, что сможет удержать обе стороны, и это позволит ему добиться успеха на предстоящем плебисците по плану Юнга.

К этому времени нацисты уже широко пользовались финансовой поддержкой крупных промышленников. На их деньги было куплено для штаб-квартиры партии трехэтажное здание в Мюнхене.

Сам Гитлер в начале сентября переселился в просторную девятикомнатную квартиру в одном из фешенебельных районов Мюнхена. Для присмотра за квартирой он пригласил фрау Райхерт и ее мать, фрау Дахс.

Сестру Ангелу Гитлер оставил в Берхтесгадене вести дом, ставший его собственностью, а Гели, которой уже исполнился 21 год, было разрешено жить в новой квартире дяди Адольфа.

Девушка училась на медицинских курсах в Мюнхене. Чувства Гитлера к племяннице за эти годы не изменились. Дядя стал уже открыто, хотя и весьма осторожно ухаживать за юной родственницей. Их иногда видели вместе в театре или в ресторане. По словам Ханфштенгля, Гитлер был

очарован Гели и, как влюбленный подросток, не сводил с нее преданных собачьих глаз. Она таскала дядю Адольфа по магазинам, хотя он признавался Хофману, что ненавидит это занятие.

В то же время Гитлер оставался строгим дядей, не позволяя племяннице бывать с друзьями в театрах и ресторанах. Даже когда Гели убедила покровителя отпустить ее на бал, он выдвинул довольно жесткие условия: сопровождать Гели будут его помощники — Аманн и Хофман, и они же доставят ее домой в 11 часов вечера. Хофман попытался вступиться за девушку, говоря, что она огорчена такой строгостью, но фюрер серьезно ответил другу: «Я люблю Гели и мог бы на ней жениться, но хочу остаться холостяком». То, что Гели считала ограничением, по его мнению, было продиктовано здравым смыслом. «Я не хочу, чтобы она попала в руки какого-нибудь авантюриста или прохвоста»,— закончил он разговор.

Но Гели не была единственной женщиной в жизни Гитлера в тот период. Тогда же он стал встречаться и с Евой Браун, своей будущей верной спутницей до конца жизни.

Познакомились они в начале октября 1929 года. Ева, 17-летняя дочь школьного учителя из Мюнхена, красивая и живая блондинка, устроилась продавщицей в фотомагазин Хофмана. Подобно Гели, она предпочитала джаз опере и американские музыкальные комедии — серьезным немецким драмам. По воспоминаниям школьной учительницы фрау фон Хайденабер, Ева считалась в классе возмутительницей спокойствия, она была умной, сообразительной, быстро схватывала суть любого вопроса.

Однажды Ева задержалась после работы, чтобы привести в порядок папки со снимками, и стояла на лестнице, раскладывая их на верхней полке. «В тот момент,— рассказывала она позже сестре,— пришел хозяин и с ним мужчина со смешными усиками, в светлом плаще и с большой шляпой в руке. Оба они устроились в другом конце комнаты, напротив меня». Заметив, что незнакомец рассматривает ее ноги, девушка смутилась. «В тот день,— вспоминала она,— я укоротила юбку и чувствовала себя неловко, так как не была уверена, что подшила ее ровно». Когда она спустилась, Хофман представил ей мужчину: «Герр Вольф. А это наша прелестная маленькая фройляйн Ева». Несколько минут спустя они втроем уже сидели за пивом и сосисками. «Я была голодна и сразу проглотила сосиску, пригубив ради

приличия пива. Пожилой господин говорил мне комплименты. Мы беседовали о музыке, о театре. Я помню, как он все время пожирал меня глазами. Потом, поскольку было уже поздно, я собралась идти домой. Я отказалась от его предложения подвезти меня на «мерседесе». Ты только подумай, что бы сказал папа!» Но прежде чем Ева ушла, Хофман отвел ее в сторону и спросил: «Ты разве не догадалась, кто этот господин? Это же Гитлер! Адольф Гитлер!» — «Неужели?» — удивилась девушка.

С тех пор Гитлер часто заходил в магазин с цветами и конфетами для «прелестной сирены у Хофмана». Изредка он водил девушку в кино или в какой-нибудь малолюдный ресторанчик, но к концу года он стал приходить все реже и реже. Причиной была, видимо, нехитрая ложь «прелестной сирены»: Ева однажды сообщила коллегам, что она любовница Гитлера и что он скоро женится на ней. Узнав об этом, Хофман, уверенный в том, что девушка никогда не была в квартире Гитлера, вызвал ее в кабинет и сделал серьезное внушение. Ева расплакалась и призналась, что все наврала. Фотограф пригрозил ей увольнением, если подобное повторится.

3

Состоявшийся в конце 1929 года плебисцит по плану Юнга завершился победой канцлера Штреземана с его либеральной программой, хотя сам он скоропостижно скончался еще до подсчета голосов. Непрочному блоку Гитлера с национальной народной партией Гугенберга требовалось набрать 21 миллион голосов, чтобы провалить этот план, но собрали они менее шести. Хотя это было сокрушительным ударом для Гугенберга, Гитлер ловко обратил поражение в своего рода победу. Не имея привычки отстаивать проигранное дело, он тем не менее с яростью обрушился на Гугенберга и разорвал союз так же внезапно, как и заключил его. Он исподволь, но уверенно собирал силы, готовя партию к предстоящим парламентским выборам, хотя тогда мало кто принимал нацистов всерьез. В своих мемуарах бывший английский посол в Берлине лорд д'Абернон писал,

что начиная с 1924 года Гитлер «уходит в небытие». Такого же мнения придерживался историк Арнольд Тойнби.

А Гитлер работал на победу, считая ее возможной, если удастся привлечь на свою сторону как можно больше рабочих. Для этого требовался какой-нибудь эффектный пропагандистский трюк. Возможность представилась в начале 1930 года в связи с гибелью в Берлине студента-юриста Хорста Весселя. Хорст, сын проповедника, восстал против буржуазной среды и пошел в штурмовики, отличившись в уличных стычках с красными. Он написал стихотворение «Высоко поднимите флаг!», посвященное памяти товарищей, которые «пали от рук Рот-Фронта и реакции». Оно было напечатано в газете «Ангриф» и позднее положено на музыку. Вессель в то время влюбился в бывшую проститутку по имени Эрна и поселился у нее. Решив избавиться от парочки, хозяйка дома попросила помощи у коммунистов. И вот однажды группа красных ворвалась в комнату любовников. Их лидер, который в свое время тоже был с Эрной в интимных отношениях, якобы крикнул: «Получи за это!»— и выстрелил в Весселя. Пытаясь извлечь из этой истории политический капитал, коммунисты поспешили объявить Весселя сутенером, каковым он никогда не был. Геббельс со своей стороны не замедлил сделать из погибшего своего рода Иисуса рабочего класса, каковым он тем более не являлся.

Пока Вессель умирал в больнице, Геббельс сумел превратить эту частную стычку в грандиозный политический митинг во Дворце спорта, который закончился исполнением песни Хорста: «Реют знамена, гремят барабаны, радуются трубы, и из миллионов глоток звучит гимн германской революции: «Высоко поднимите флаг!» Когда 23 февраля Вессель скончался, Геббельс решил завершить пропагандистскую кампанию грандиозными похоронами с выступлением Гитлера. Но у фюрера были серьезные возражения против такой показухи. Его поддержал и Геринг, который вернулся из Швеции, пройдя там курс лечения от наркомании и только что победив на выборах в рейхстаг. Геринг считал ситуацию в Берлине более чем напряженной и не был уверен в том, что можно обеспечить безопасность фюрера. «В конце концов, нас в рейхстаге всего двенадцать,— заявил он,— и у нас просто мало сил, чтобы сделать на этом политический капитал. Если Гитлер приедет в Берлин, это будет красной тряпкой для коммунистических быков, и по-

следствия могут быть катастрофическими».

Гитлер сказался больным, и похороны прошли без него. Геринг был прав. То тут, то там вспыхивали драки, которые затевали красные, нападая на участников похорон. Даже в тот момент, когда Геббельс стоял у могилы, в него из-за ограды полетели камни. Но ответственному за пропаганду именно это и было нужно. «Когда гроб опускался в холодную землю,— писал он,— за воротами раздавались гнусные выкрики недочеловеков. Усопший, все еще оставаясь с нами, поднял усталую руку и указал ею вдаль: вперед, невзирая на могилы! В конце дороги лежит Германия!»

Читая эти патетические строки, невозможно представить себе, каковы же были подлинные отношения между красными и нацистами. Хотя они сражались друг с другом изо дня в день, их связывало своеобразное чувство товарищества. И нередко бывало так, что враги мгновенно объединялись, если в их потасовки в барах и пивных вмешивалась полиция. И те, и другие были одержимы идеей, считая, что цель оправдывает средства. И те, и другие с одинаковым презрением относились ко всяким парламентским процедурам. А минувшей весной в день Первого мая они шли рядом по улицам Берлина, требуя «свободы, работы и хлеба». И тех, и других объединяла общая ненависть к полицейскому комиссару — еврею Бернхарду Вайсу; и те, и другие считали полицию смертельным врагом всех революционеров.

Два месяца спустя достоянием гласности стал конфликт между Гитлером и Отто Штрассером. После отъезда брата в Мюнхен Отто стал ведущим обозревателем трех основанных Грегором газет. Несмотря на нацистскую символику, эти газеты стали рупором для выражения крамольных взглядов Отто, часто противоположных позиции Гитлера. В апреле, когда Отто поддержал забастовку рабочих-металлистов в Саксонии, промышленники потребовали, чтобы Гитлер публично отмежевался от Штрассера, если он хочет и дальше получать субсидии.

Угрозы из Мюнхена не возымели действия, и тогда Гитлер приехал в Берлин, надеясь лично повлиять на Отто. Они встречались дважды. В течение почти семи часов Гитлер льстил, обещал и угрожал мятежному журналисту, но разногласия остались. Не уступил ни один, и Отто отказался от соблазнительного предложения возглавить партийную пропаганду, хотя порвал с партией не сразу, надеясь, что

Гитлер отойдет от «линии Розенберга».

Кроме того, публичная ссора могла бы повредить партии на предстоящих земельных выборах в Саксонии.

Очевидно, Гитлер счел себя оскорбленным, когда молодой Штрассер выступил против него так откровенно и резко. Однако первое время он не предпринял против своего оппонента никаких открытых мер. Но втайне он действовал: в конце июня Геббельс получил от фюрера прямое указание очистить партию от таких, как Отто и его сторонники. «Пока я руковожу партией,— писал он,— она не будет дискуссионным клубом для безродных литераторов и салонных большевиков. Она останется тем, чем является сегодня,— дисциплинированной организацией, созданной не для глупых доктринеров или политических перелетных птиц, а для борьбы за будущее Германии, в которой будут уничтожены классовые различия и новый германский народ сам решит свою судьбу!» Приказ Гитлера был выполнен в течение нескольких недель. А на призыв Штрассера к социалистам о выходе из нацистской партии откликнулись только двадцать четыре человека. Даже брат Грегор отмежевался от него.

Газеты преподнесли раскол в нацистской партии как сенсацию, но на самой партии это почти не отразилось. Гитлер в этой фракционной борьбе между «севером» и «югом» играл роль великодушного арбитра, который всеми силами стремился к компромиссу. Грегор Штрассер получил высокий пост в руководстве партии, а историю с Отто фюрер преподнес так, будто младший Штрассер был сам виноват в своем исключении. Теперь, наконец, внутрипартийная борьба закончилась, и Гитлер мог сосредоточить всю свою энергию на парламентских выборах в сентябре 1930 года.

4

В предвыборной борьбе Гитлер блестяще использовал подарок судьбы — мировой экономический кризис. В Германии к концу лета 1930 года было уже почти три миллиона безработных, а экономическая политика канцлера Брюнинга еще ухудшила положение. Обращения Гитлера к рабо-

чим в эти месяцы вполне могли соперничать с коммунистическими. «Рабочая Германия! Пробудись! Разорви свои цепи!» — взывал «Ангриф» Геббельса. Бауэрам, которым грозило разорение от падения мировых цен на сельскохозяйственные продукты, Гитлер предложил налоговые льготы и импортные пошлины; среднему классу, не имевшему профсоюзов для защиты своих интересов,— надежду и самоуважение; молодым идеалистам — справедливый новый порядок.

Последняя группа по численности была невелика, но именно оттуда выходили самые преданные и активные его соратники. Они зачарованно внимали его обещаниям установить национальную гармонию и социальную справедливость.

К фюреру шли интеллигенты, представители социальной элиты, аристократы. Весной младший сын кайзера Август Вильгельм радостно сообщал дорогому боевому товарищу Гитлеру, что его приняли в национал-социалистскую партию.

Фюрер в 1930 году приглашал к участию в крестовом походе за возрождение Германии всех немцев независимо от их социальной принадлежности; единственное, что от них требовалось,— это без колебаний следовать за Гитлером в его борьбе против евреев и красных, за жизненное пространство на благо и во славу Германии.

«Вот что мы думали и чувствовали своим сердцем,— писал один старый член партии. — Гитлер, ты наш. Ты говоришь как человек, прошедший фронт и постигший сердцем все наши беды».

Будучи прирожденным политиком, Гитлер постоянно был в гуще масс — пожимал людям руки, целовал детей, кланялся женщинам. Обедал он чаще с рабочими и бюргерами, чем с сановными друзьями, а его простота в обхождении производила впечатление и на клерка, и на лавочника, и на чернорабочего.

Гитлер никогда не забывал уроков ландсбергской тюрьмы: главное — это завоевать массы. Снова и снова он обрушивался на финансовых воротил, красных, марксистов и «систему», которая приносит безработицу, снижает цены на продукцию земледельцев и разоряет средний класс. Он не натравливал класс на класс, а объединял, заставляя немцев испытывать неведомое им доселе чувство — чувство национального единства.

Никогда ранее Германия не подвергалась такой пропагандистской обработке. Геббельс организовал шесть тысяч собраний — в крупных залах, под тентами, на открытом воздухе. Устраивались грандиозные шествия с факелами, города и деревни обклеивались листовками с большими красными буквами. Нацистская машина пропаганды печатала миллионы экземпляров газет, которые часто раздавались бесплатно.

Утром в день выборов Геббельс дал партийным активистам циничный, но практичный совет по ведению кампании: «Делайте это шутя, делайте это серьезно! Ваше обращение с согражданами должно быть таким, к какому они привыкли. Поощряйте их гнев и ярость, направляйте их на должный путь». По всей стране в этот день перед избирательными участками выстроились длинные очереди. В урны было опущено рекордное число бюллетеней — 35 миллионов, на четыре миллиона больше, чем в 1928 году.

Гитлер появился в штабе по выборам сразу после полуночи. Его встретил взволнованный агитатор Адольф Мюллер: «Думаю, мы победили. Мы сможем получить шестьдесят шесть мест!» Гитлер ответил, что если немецкий народ проявит благоразумие, цифра будет больше: «Себе я сказал: если бы это была сотня!» Но на этот раз национал-социалисты получили 107 мест.

В это никак не могли поверить политические соперники Гитлера. Прежде чем объявить окончательный результат, счетчики считали и пересчитывали бюллетени в поисках ошибок, но их не было: нацисты собрали 6 371 000 голосов, более 18 процентов от общего количества. За два года партия Гитлера стала второй после социал-демократов крупнейшей партией рейха. Поспешив объявить Гитлера политическим трупом, социалисты совершили колоссальную ошибку, сосредоточив свои нападки на коммунистах.

Коммунисты тоже получили существенный прирост в 1 326 000 голосов, а социал-демократы потеряли около 60 тысяч. Это означало, что социальную базу нацизма составляют представители среднего класса. Особенно поразительным был рост сторонников Гитлера среди крестьян и лиц с доходами ниже средних в сельских и протестантских районах северных регионов страны, их было много и среди католиков. Начиная с «пивного путча», Гитлер делал ставку на людей разочарованных и отчаявшихся. Теперь он привлек на свою сторону тех, кто ожидал от него улучшения жизни.

13 октября, в день первого заседания нового состава рейхстага, в зал торжественным маршем вошли 107 нацистских депутатов в коричневых рубашках. При поименном представлении они громко отвечали: «Здесь. Хайль Гитлер!» Тони Зендер, депутат от социал-демократической партии, вспоминал: «И это элита арийской расы! Наглая, крикливая банда в мундирах! Я внимательно всматривался в их лица и все больше приходил в ужас: такая масса людей с физиономиями преступников и дегенератов. Какое унижение находиться в одном зале с этой шайкой!»

Речь депутата Грегора Штрассера в рейхстаге внешне выглядела вполне благонамеренной: «Мы будем работать в старой системе, пока еще существует демократия. Мы поддерживаем демократическую Веймарскую республику, пока это нам подходит». Но то, что происходило за стенами рейхстага, бросало зловещую тень на будущее. Сотни штурмовиков рыскали по улицам и били окна еврейских магазинов и кафе.

5

Победа на сентябрьских выборах сделала Гитлера знаменитостью в международном масштабе. Но, как водится, широкая известность доставила лидеру нацистов и немало неприятностей. Это было связано с родственниками фюрера, живущими в Англии. Сбежавший в свое время из дому сводный брат Гитлера, Алоиз-младший, поселился в Дублине и женился на ирландке Бриджит Элизабет Даулинг. Их жизнь не складывалась. Алоиз постоянно менял работу, переезжая из города в город. Он был и официантом, и владельцем ресторанчика в Ливерпуле, и продавцом бритвенных принадлежностей. Ссоры в семье участились после рождения сына Уильяма Патрика. Когда ребенку было три года, Алоиз и Бриджит разошлись, и брат Гитлера вернулся в Германию.

Когда Бриджит и Уильяму Патрику стало известно, какой популярностью пользуется их немецкий родственник, они решили на этом подзаработать, дав серию интервью американским газетам. Тем более, что Алоиз в течение мно-

гих лет не оказывал жене и сыну никакой помощи. И вот в начале октября в американской прессе начали появляться беседы с Уильямом Патриком и его фотографии. Пояснительный текст под одним из снимков гласил: «Это... молодой лондонский конторский служащий Уильям Патрик Гитлер — племянник Адольфа Гитлера, нового политического лидера Германии. Он родился в Ливерпуле и почти ничего не может рассказать о жизни и деятельности своего дяди». Тогда Уильям Патрик обратился к отцу с просьбой сообщить ему как можно больше фактов из биографии именитого родственника. Ответ пришел не от Алоиза, а от Адольфа Гитлера. Он потребовал, чтобы племянник с матерью немедленно прибыли в Мюнхен. К письму были приложены билеты. Как вспоминает Уильям Патрик, дядя был вне себя от гнева. На семейном совете, где присутствовали также Ангела и Алоиз, он заявил, что не позволит никому из родственников сесть себе на шею и, более того, зарабатывать популярность и деньги, пользуясь его известностью. Все это, по мнению Гитлера, наносило серьезный ущерб его политической репутации.

Девять лет спустя в интервью газете «Франс суар» Уильям Патрик приводил гневные, почти бессвязные слова Гитлера, сказанные на той мюнхенской встрече. «Эти люди,— кричал фюрер,— не должны знать, кто я. Они не должны знать, откуда я и из какой семьи. Даже в своей книге я ни слова не сказал об этом, ни слова. Проводятся какие-то расследования, посылаются шпионы раскапывать наше прошлое». Лондонским Гитлерам было предложено по возвращении в Англию немедленно сообщить газетчикам о том, что произошла ошибка и лидер нацистской партии Адольф Гитлер вовсе не их родственник.

После отъезда племянника Гитлер поручил юристу Гансу Франку самым тщательным образом расследовать все обстоятельства, связанные с происхождением его отца — Алоиза Гитлера-старшего, поскольку известные намеки «наглого шантажиста» Уильяма Патрика сделали свое дело: пресса заинтересовалась, не является ли сам фюрер в некоторой степени евреем. Расследование велось в строжайшей тайне, и результаты его не содержали ничего утешительного для Гитлера. Отец его был «незаконнорожденным сыном поварихи по имени Шикльгрубер», которая работала тогда в семье еврея по фамилии Франкенбергер. Более того, глава семейства выплачивал поварихе родительское пособие на

ребенка в течение четырнадцати лет, начиная с момента его рождения. Между Франкенбергерами и поварихой (бабушкой Гитлера) велась длительная переписка, «общая тенденция которой заключалась, по мнению Франка, в не выраженном прямо общем понимании заинтересованных лиц, что ребенок женщины Шикльгрубер был зачат в обстоятельствах, налагающих на Франкенбергеров определенные обязательства». Франк в своих выводах не исключал возможности того, что Алоиз Гитлер являлся наполовину евреем, поскольку отцом его мог быть девятнадцатилетний сын Франкенбергера.

Гитлер был потрясен полученными от юриста сведениями и сразу же попытался дать им свое объяснение. Он утверждал, что бабушка попросту шантажировала Франкенбергеров выдумкой об отцовстве и что ему об этом стало известно от самой бабушки и собственного отца. На правду это было мало похоже, поскольку «повариха Шикльгрубер» умерла за сорок лет до рождения внука Адольфа. По воспоминаниям близких к Гитлеру людей, знавших его с 1917 года, «всю свою жизнь он страдал от болезненных сомнений, есть в нем еврейская кровь или нет».

Личные неприятности особо не отразились на популярности фюрера. Неожиданно даже для него самого стала бестселлером «Майн кампф». Уже в 1930 году было продано свыше 54 тысяч экземпляров этой книги, что давало автору приличный доход. Кроме того, 1 января был открыт «Коричневый дом» — новая резиденция партии. Кабинет Гитлера, отделанный в красно-коричневых тонах, располагался на втором этаже. В нем стоял бюст Муссолини, на стене висел портрет Фридриха Великого и картина с изображением первого боя полка, где служил Гитлер в начале войны. Впрочем, как вспоминал Франк, Гитлер там бывал редко. Чаще его можно было найти внизу, в буфете, где он сидел в углу за «фюрерским» столом, под портретом Дитриха Экарта. Но и там ему не сиделось. Спокойная жизнь «Коричневого дома» была не для него. В течение дня фюрера можно было встретить и на собрании, и на митинге, и на встрече с крупными промышленниками и финансистами.

Предметом особого беспокойства для Гитлера с некоторых пор стали СА. Штурмовики всегда гордились своей решительностью и указания фюрера о необходимости действовать только в рамках закона всерьез не принимали. Кроме того, среди них было много идеалистов и социалистов,

чья революционная настроенность почти ничем не отличалась от коммунистической. У Гитлера с самого начала возникли трения с лидерами штурмовиков, которые стремились сделать из СА военное подразделение партии. По мнению же Гитлера и других высших партийных чиновников, основная задача штурмовых отрядов заключалась в том, чтобы обеспечить порядок и дисциплину на митингах, собраниях, встречах, а кроме того, взять на себя защиту партии от любых насильственных действий со стороны политических противников. Подобные требования вынудили уйти в отставку признанных лидеров СА — капитана Рема, а затем и Пфеффера фон Золомона.

Но недовольство своих шефов разделяли и многие рядовые штурмовики. Например, в Берлине коричневорубашечники отказались выполнять функции простых охранников на партийных митингах, и после того, как их требования, прежде всего материальные, были отвергнуты Геббельсом, один из штурмовиков потерял контроль над собой и обстрелял местную штаб-квартиру партии. Потребовалось личное вмешательство Гитлера, чтобы прекратить бунт. Фюрер появился перед штурмовиками в сопровождении вооруженных эсэсовцев и, подобно снисходительному отцу, просил, обещал и призывал к примирению, сводя все дело к личным отношениям. Успокоив штурмовиков обещанием, что отныне командовать СА будет он сам, Гитлер вернулся к предвыборной борьбе.

Конечно, у фюрера не было ни времени, ни желания всерьез взвалить на себя такую обузу, и в начале января 1931 года новым начальником штаба СА был вновь назначен Рем, незадолго до того возвратившийся из Боливии, куда он отправился в добровольную ссылку после ссоры с Гитлером. Капитану была обещана относительная свобода действий в перестройке внутренней структуры этой организации, которая насчитывала к тому времени 60 тысяч человек.

Но берлинские штурмовики не успокаивались. Во-первых, не были удовлетворены их основные претензии, во-вторых, их руководитель капитан Вальтер Штеннес был возмущен действиями Гитлера, который, по его мнению, слишком часто менял свои решения, что приводило к неразберихе и недоразумениям. Последней каплей был приказ Гитлера от 20 февраля 1931 года, в котором СА и СС предписывалось прекратить столкновения с красными и ев-

реями на улицах, и последовавшее за ним заявление о том, что партия будет неукоснительно выполнять постановление правительства о необходимости получать предварительное согласие полиции на проведение митингов и других публичных акций. Разгневанный Штеннес осудил капитуляцию перед властями и 31 марта созвал секретное совещание лидеров СА, на котором было решено выступить против Гитлера. Фюрер, пытаясь решить дело миром, вызвал Штеннеса в Мюнхен, где ему предлагался новый пост. Тот приехать отказался. Тогда Гитлер приказал СС навести порядок, и за двадцать четыре часа «мини-путч» был подавлен.

4 апреля «Ангриф» и «Фелькишер беобахтер» опубликовали статьи Гитлера с осуждением «путча» Штеннеса. Фюрер подтвердил, что социализм всегда был важной частью программы национал-социалистов, но подверг критике пробравшихся в нее «шутов салонного большевизма и салонного социализма». Он утверждал, что Штеннес был одним из этих «шутов» и пытался «протащить в СА коммунистические по своей сути взгляды». Увольнение Штеннеса и горстки его последователей не вызвало открытых протестов. Кстати, эта история показала и двуличие Геббельса, который, публично одобряя распоряжения фюрера, втайне подталкивал штурмовиков к активным действиям на улицах. Но ловкий «пропагандист» вышел сухим из воды.

Чтобы избежать в дальнейшем подобных эксцессов, Гитлер поставил во главе берлинского СА преданного ему лидера эсэсовцев Генриха Гиммлера.

Летом 1931 года серьезно осложнилась личная жизнь Гитлера. Ему стало известно об интимной связи любимой племянницы Гели Раубаль с его шофером Морицем и о тайном их обручении. Узнав об этом, Гитлер рассвирепел и немедленно уволил Морица.

Близкие к фюреру люди по-разному трактовали его отношения с хорошенькой племянницей. Экономка Гитлера Анни Винтер считала, что он относился к Гели как отец. Но девушка, по ее мнению, «была легкомысленной, пыталась соблазнить любого, в том числе Гитлера, а он просто хотел ее защитить». Как бы там ни было, но Гели в определенном смысле стала узницей в просторной квартире дяди. Он никуда не позволял ей выходить одной, и даже на уроки пения ее кто-нибудь всегда сопровождал. Гели часто жаловалась, что такой контроль со стороны именитого родственника не дает ей возможности жить собственной жизнью и встре-

чаться с молодыми людьми ее возраста.

Однажды вечером Ханфштенгли встретили Гитлера с Гели в театре и зашли с ними в ресторан поужинать. Ханфштенгль заметил, что Гели было скучно, она оглядывалась на другие столы, чувствовалось, что ей все надоело. Хелен тоже считала, что девушка тяготится своими отношениями с дядей. Но, по мнению фрау Винтер, инициатива исходила не от Гитлера, а от самой Гели. «Она, естественно, хотела стать фрау Гитлер, он ведь был свободен, но Гели флиртовала со всеми и была несерьезной девушкой».

Несомненно, популярность дяди производила впечатление на Гели. Каждый раз, когда они появлялись в ресторане, их столик сразу же окружали восторженные поклонники и особенно поклонницы, которые целовали фюреру руки и просили дать автограф. В то же время было очевидно, что чувства Гитлера к племяннице были отнюдь не родственными. Как утверждал Мориц, «он любил ее, но это была странная любовь, которая не отваживалась до конца проявить себя».

Были и такие, кто утверждал, что Гитлер и Гели были настоящими любовниками. Отто Штрассер в своем нашумевшем разоблачении утверждал даже, что у них была половая связь в извращенной форме. Но этому мало кто верил даже среди недругов Гитлера. Он, безусловно, глубоко любил племянницу, но маловероятно, что между ними была половая близость. Фюрер был слишком сдержанным, чтобы позволить себе открыто ухаживать за женщиной, и слишком осторожным, чтобы губить свою политическую карьеру, поселив любовницу в своей квартире, тем более, что она была дочерью его сводной сестры.

Осенью 1931 года Гели увлеклась молодым художником из Вены. Разумеется, Гитлер вскоре узнал об их связи и устроил племяннице очередной скандал, вынудив ее порвать с возлюбленным. Обозленная Гели через несколько дней уехала в Берхтесгаден к матери. Гитлер потребовал немедленного ее возвращения в Мюнхен. Гели вынуждена была подчиниться. 17 сентября между ними произошла крупная ссора — девушка была возмущена тем, что дядя запрещает ей съездить в Вену, а сам уезжает в Нюрнберг на какое-то очередное совещание.

Страсти достигли своего накала за обедом, когда Гели выскочила из-за стола и заперлась в своей комнате. Но услышав, что дядя спускается вниз встретить прибывшего за

ним Хофмана, она вышла попрощаться.

Гитлер подошел к ней, погладил ее по щеке и что-то тихо прошептал. Позднее Гели, вновь уходя к себе, сказала экономке: «Честное слово, у меня с дядей ничего нет и не было».

«Мерседес» Гитлера мчался по улицам Мюнхена, фюрер сидел молча. Но вдруг он повернулся к Хофману и сказал: «Не знаю почему, но у меня какие-то странные предчувствия». Хофман, желая отвлечь его от мрачных мыслей, стал объяснять это влиянием сезонных альпийских ветров. Гитлер промолчал.

Тем временем в квартире Гитлера происходило следующее. Гели, роясь в карманах куртки дяди, нашла письмо, написанное на листке голубой бумаги. Позднее Анни Винтер заметила, что девушка гневно его разорвала и выбросила в мусорную корзину. Любопытная экономка сложила клочки и прочитала: «Дорогой герр Гитлер. Спасибо еще раз за чудесное приглашение в театр. Это был памятный вечер. Я очень Вам благодарна за доброту и считаю часы до нашей следующей встречи. Ваша Ева». Письмо было от Евы Браун, с которой Гитлер несколько месяцев назад возобновил тайную связь.

Гели заперлась в комнате, приказав не беспокоить ее. Но подавленное настроение девушки не насторожило фрау Винтер, которая, как обычно, вечером ушла домой. Фрау Райхерт с матерью легли спать. Ночью они услышали какой-то глухой хлопок, но не придали этому значения: они тоже привыкли к выходкам капризной девицы.

Но утром кухарка встревожилась, когда Гели не вышла из комнаты, а ее дверь оказалась запертой. Она позвонила Аманну и Шварцу, которые вызвали слесаря. Гели лежала на полу, рядом валялся пистолет. Она выстрелила себе в сердце.

В то утро Гитлер и Хофман выехали из Нюрнберга в Гамбург. Когда «мерседес» уже был на городской окраине, Гитлер заметил, что их преследует какая-то машина. Опасаясь покушения, он уже хотел приказать шоферу увеличить скорость, но увидел, что в поравнявшемся с ними такси рядом с водителем сидит посыльный из отеля и жестами просит остановиться. Посыльный сообщил, что из Мюнхена звонит Гесс и требует немедленного разговора с фюрером. Гитлер приказал повернуть обратно. Вбежав в вестибюль, он бросился к телефону. Дверь в кабину осталась открытой,

и Хофман слышал разговор. После короткой паузы Гитлер воскликнул: «О Боже, это ужасно!», а потом истерически завизжал: «Гесс, ответь мне — она еще жива, да или нет?» Но Гесс, вероятно, уже положил трубку.

«Горе Гитлера было невообразимым,— вспоминал Хофман.— На предельной скорости мы мчались в Мюнхен. В зеркало я мог наблюдать лицо фюрера. Он сидел, стиснув зубы, глядя вперед невидящими глазами». Когда они прибыли, тело Гели уже вынесли. Поскольку была суббота, то сообщения о ее смерти появились в газетах только в понедельник. А по городу поползли слухи, что фюрер сам разделался с племянницей. Убитый горем Гитлер сказал своему адвокату Франку, что эта клеветническая кампания убьет его, что он уйдет из политики и больше никогда не появится на людях. Хофман увез его в загородный дом одного из знакомых, где никто в то время не жил. Новый шофер Юлиус Шрек спрятал пистолет фюрера, опасаясь, что тот может застрелиться.

Как только Гитлер оказался в отведенной ему комнате, он со сцепленными за спиной руками начал шагать взад-вперед. Так продолжалось всю ночь. На рассвете Хофман постучал в дверь. Ответа не было. Он вошел. Гитлер продолжал шагать, уставившись в одну точку.

От еды, несмотря на уговоры, Гитлер отказывался в течение двух суток. За это время он один-единственный раз подошел к телефону узнать, какие меры принял Франк для прекращения клеветнической кампании в прессе.

Наконец пришло сообщение, что Гели похоронена в Вене. Хотя Гитлеру из-за его нацистских взглядов въезд в Австрию был запрещен, вечером того же дня «мерседес» фюрера пересек границу. Все обошлось. Не доезжая до Вены, Гитлер с Хофманом пересели в другую машину, чтобы не привлекать внимания, и поехали прямо на кладбище. На мраморной плите были высечены слова: «Здесь покоится наше любимое дитя Гели. Она была для нас лучом солнца. Родилась 4 июня 1908 г., умерла 18 сентября 1931 г. Семья Раубаль». На могилу легли цветы.

На кладбище Гитлера встретил лидер австрийских нацистов Альфред Фрауэнфельд. У него приезжие позавтракали. И здесь Гитлер впервые заговорил, но не о случившейся трагедии, а о будущем Германии. В словах о том, что он придет к власти не позднее чем в 1933 году, звучала жесткая уверенность. Сев в машину, он долго и пристально

всматривался вдаль и, наконец, словно думая вслух, произнес: «Итак, борьба начинается, и мы победим».

Через несколько дней фюрер отправился в обычную поездку на очередное совещание. За завтраком в гостинице он неожиданно отказался есть ветчину. «Это то же самое, что есть труп!» — сказал он Герингу. Теперь уже ничто в мире не заставит его снова есть мясо. По словам фрау Гесс, отныне Гитлер действительно перестал употреблять мясо, если не считать запеченной в тесте печенки.

Тот, кто пришел на его выступление, увидел перед собой прежнего фюрера — блестящего оратора, искусного психолога, великолепно владеющего аудиторией. Тяжелую депрессию он переживал дважды — в госпитале, будучи слепым, и в ландсбергской тюрьме. Но, похоже, такого рода состояние было для Гитлера своеобразной формой душевного возрождения, ибо каждый раз он выходил из глубин отчаяния с новой энергией и целеустремленностью. Это было его третье воскрешение.

Часть IV.
«КОРИЧНЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Глава 10. «ЭТО ПОЧТИ КАК СОН»
(1931 г.— 30 января 1933 г.)

1

Осенью 1931 года реорганизация нацистской партии была, по сути, закончена. Это отметил сам Гитлер в речи на совещании партийных руководителей северных земель. «Движение сегодня,— подчеркнул он,— настолько объединено, что гауляйтеры и политические лидеры инстинктивно принимают правильные решения». В результате чистки из

партии были изгнаны «все ленивые, прогнившие, бесполезные элементы».

Теперь можно было все силы и энергию бросить на борьбу за политическую власть в Германии.

13 октября 1931 года один из ближайших советников Гинденбурга генерал Курт фон Шляйхер организовал встречу Гитлера с президентом. Гитлер явно чувствовал себя неловко в присутствии фельдмаршала, обладавшего почти двухметровым ростом и громовым голосом. Многословие Гитлера раздражало Гинденбурга, и позднее он якобы жаловался Шляйхеру, что Гитлер — странный тип и самое большее, на что он может рассчитывать,— это пост министра по делам почты. Шляйхер относился к Гитлеру несколько иначе: на него произвели впечатление не только успехи фюрера и его партии на выборах, но и их националистическая программа. Он считал Гитлера «интересным человеком с исключительными ораторскими способностями», которого, однако, «надо все время держать за фалды», ибо он «витает в облаках». Шляйхер, фамилия которого в переводе означает «интриган», был блестящим импровизатором, но из-за своей экспансивности он нередко попадал в сложные ситуации.

Через несколько месяцев Гитлер вновь получил от советников Гинденбурга приглашение прибыть в Берлин. Близились новые президентские выборы, и сторонники престарелого фельдмаршала рассчитывали привлечь Гитлера и его партию на свою сторону. Но фюрер отказался, ибо такой альянс, как он заявил, означал бы поддержку политики канцлера Брюнинга. Борьба за власть вступала в новую фазу. Гитлер был уже готов рискнуть всем своим политическим будущим и всерьез подумывал о выдвижении своей кандидатуры на пост президента.

Геббельс тогда записал в своем дневнике: «Шахматная игра за власть начинается». Он призывал Гитлера рискнуть, считая главной задачей собрать достаточно денег на ведение избирательной кампании. Необходимые средства помог раздобыть сам Гитлер, выступив 17 января перед самыми влиятельными членами «Промышленного клуба» Дюссельдорфа, центра германской черной металлургии. Организовать эту встречу помог фюреру Фриц Тиссен.

К этому времени экономическая программа Гитлера была радикальнейшим образом переработана. Теперь во главу угла он ставил свободу предпринимательства и ликвидацию

профсоюзов как таковых. Решение проблемы занятости населения Гитлер предлагал связать с разработкой широкой программы общественных работ и технического перевооружения производства. Его слушали с напряженным вниманием, ведь он говорил о вещах, имеющих прямое отношение к сидящим в зале отеля «Парк» промышленным магнатам и финансовым воротилам. На благодатную почву упали его слова о распространении коммунистической заразы. Если большевизм не остановить, говорил фюрер, он «изменит мир так, как когда-то христианство... Ленина через триста лет будут рассматривать не только как революционера 1917 года, но и как основателя доктрины нового мира и будут чтить, возможно, так же, как и Будду». Миллионы безработных и обездоленных немцев, доведенных кризисом до последней степени отчаяния, предупреждал Гитлер, уже смотрят на коммунизм как на спасение. Сегодня это самая насущная проблема Германии, и она может быть решена не экономическими декретами, а политической властью. Лишь национал-социалистская партия желает и готова «остановить красный прилив».

Речь Гитлера была органическим сочетанием эмоций и логики. Воображение слушателей он потрясал, разворачивая перед ними ужасные картины прихода красных к власти, на разум воздействовал, апеллируя к их кровному интересу: сохранить систему, упрочить власть капитала способен лишь диктатор, который в конечном счете восстановит положение Германии как ведущей мировой державы. В итоге на текущий счет нацистской партии поступили значительные суммы.

2

В середине февраля Гинденбург официально объявил о выдвижении своей кандидатуры на пост президента страны. Это вынуждало Гитлера принять окончательное решение. Но фюрер колебался. «Я знаю, что приду к власти,— сказал он Франку.— Я вижу себя канцлером и стану им. Но не президентом, и знаю, что никогда им не стану». Но Геббельс все-таки убедил Гитлера включиться в предвыборную

борьбу. Когда решение было принято, к Гитлеру вернулись его прежняя энергия и решительность. Прежде всего он официально сделался гражданином Германии благодаря помощи нацистского министра внутренних дел земли Брауншвейг, который назначил его земельным советником. На следующий день, 27 февраля, Гитлер объявил о выдвижении своей кандидатуры. До выборов оставалось пятнадцать дней.

Экономический кризис и раздиравшие страну политические распри уже превратили ее практически в поле битвы. «Берлин тогда был в состоянии гражданской войны,— вспоминал американский журналист Кристофер Ишервуд.— Ненависть выплескивалась внезапно, без предупреждения, из ниоткуда: она царила на углах улиц, в ресторанах, кино, танцевальных залах, бассейнах; она взрывалась в полночь, за завтраком, посреди дня. Вытаскивались ножи, удары наносились кастетами, пивными кружками, стульями или набитыми свинцом дубинками; пули скользили по афишам на рекламных столбах, отскакивали от железных крыш уборных».

Жертвы кризиса бросались на более удачливых. Обанкротившиеся лавочники проклинали универмаги, миллионы безработных завидовали работающим и ненавидели хозяев; тысячи выпускников университетов, оказавшись не у дел, обращали свою ненависть на систему. Кризис поразил все социальные слои. Крестьяне, обремененные налогами и разоряемые низкими ценами на свою продукцию, презирали горожан, а массы безработных служащих завидовали крестьянам. Безработные разбивали лагеря на окраинах крупных городов. Нищие призраками стояли на каждом углу. К началу предвыборной кампании в стране насчитывалось шесть миллионов безработных, к тому же еще миллионы людей работали неполный рабочий день.

Надежду на спасение эти обездоленные видели в Гитлере. Их мало волновали слухи о его сделках с промышленниками, поскольку этот человек никогда не шел на компромисс с веймарским правительством и оставался решительным противником Версальского договора и красной угрозы. Его лозунг был предельно прост: «Свободы, работы и хлеба!» Когда Гинденбург обратился к населению Германии с призывом: «Я всегда верил в вас, будьте верны мне», Геббельс ответил ему плакатом: «Чтите Гинденбурга, голосуйте за Гитлера».

Мало оставалось стен на улицах, на которых не красовались бы яркие нацистские плакаты, с самолетов сбрасывались листовки, 50 тысяч пластинок с пропагандистскими текстами были посланы по почте тем, кто имел патефоны, на площадях по вечерам показывались документальные фильмы о публичных выступлениях Гитлера и Геббельса. Однако главная роль отводилась так называемому речевому марафону. Гитлер и Геббельс ежедневно выступали по два-три раза.

Между тем в лагере сторонников Гинденбурга царила неразбериха. Ходили самые невероятные слухи о причастности сына и двух дочерей фельдмаршала к социал-демократическому движению. Команда президента тратила гораздо больше времени на опровержение подобных слухов, чем на критику политики Гитлера. Гинденбург выступил перед избирателями всего один раз, за три дня до выборов. Фельдмаршал заявил, что согласился баллотироваться на второй срок лишь потому, что многие немцы, придерживающиеся различных политических ориентаций, призывали его остаться на своем посту.

Тем не менее состоявшиеся 13 марта выборы показали, что за Гинденбурга было отдано на семь миллионов голосов больше, чем за Гитлера. Ему не хватило лишь 350 тысяч, чтобы получить необходимое большинство. Предстоял второй тур.

Подпортила Гитлеру реноме публикация компрометирующей нацистов дискуссии между Ремом и врачом-психиатром в социал-демократической газете «Мюнхенер пост». В письмах корреспонденты увлеченно обсуждали две интересующие их проблемы — гомосексуализм и астрологию. Когда Ганс Франк после изучения фактов отказался возбудить дело о клевете против газеты, Рем, хотя и изворачивался, все же признал, что он «двуполый».

Первой реакцией Гитлера после ознакомления с документами был гнев. Наконец он успокоился. «Это ужасный удар,— сказал он Франку.— Это что-то нечеловеческое, скотское, даже хуже — животные таких вещей не делают».

Однако скандал с Ремом в целом не отвлек Гитлера от главного дела — активного участия в предвыборной кампании, которая перед вторым туром длилась всего лишь неделю.

Но иногда и он сдавал. Как вспоминал гауляйтер Гамбурга Альберт Кребс, однажды за завтраком Гитлер вдруг

заговорил о вегетарианской диете и о своем здоровье, из чего Кребс (по-немецки — «рак») сделал вывод, что фюрер «страшно боится за свое здоровье». А Гитлер подробно перечислял симптомы рака и наконец заявил, что времени у него почти не осталось, «Если бы у меня было время, — мрачно сказал он,— я бы не стал кандидатом. Старик (Гинденбург) долго не протянет. Но и я не могу потерять даже года. Я должен прийти к власти как можно скорее, чтобы успеть завершить начатое. Я должен, должен!» Внезапно Гитлер оборвал разговор и взял себя в руки. Человек снова стал фюрером.

3

10 апреля стало ясно, что победу одержал Гинденбург. Он получил 53 процента голосов избирателей. А буквально через несколько дней после выборов канцлер Брюнинг принял декрет о запрещении СА и СС, что вызвало бурю протестов со стороны всех правых сил. Этим решил воспользоваться амбициозный генерал фон Шляйхер, мечтавший о создании такого правительства правых, в которое могли бы войти и нацисты при условии, что не получат над ним полного контроля. В конце концов, ефрейтор Гитлер и его люди — это, по словам Шляйхера, «просто малые дети, которых надо было водить за ручку».

В мае он тайно встретился с Гитлером и обещал отменить запрет на СА и СС, если фюрер прекратит нападки на новое правительство. Возглавить его Шляйхер предложил богатому аристократу Францу фон Папену, бывшему офицеру генерального штаба и депутату прусского ландтага. Папен такого не ожидал, но не успел он опомниться, как его привели к Гинденбургу. Папен пытался протестовать, заявляя, что не подходит для такого высокого поста, но фельдмаршалу удалось его убедить: «Вы были солдатом,— сказал он,— и выполняли свой долг на войне. Когда отечество требует, Пруссия знает лишь один ответ — подчиниться приказу».

Гитлер отдыхал в Мекленбурге, когда позвонил Геббельс и сообщил, что его после обеда хочет видеть Гинденбург.

Фюрер поспешил обратно в Берлин, где президент уведомил его о назначении Папена (благодаря Шляйхеру это не было новостью для фюрера) и поинтересовался, поддержит ли его Гитлер. Ответом было «да», и встреча на этом закончилась.

Как и многие другие военные, Шляйхер был убежден, что сможет использовать Гитлера в своих целях. Но, как часто бывает, он перехитрил самого себя. Вскоре генерал узнал, что обещание Гитлера о поддержке нового правительства было весьма проблематичным. До роспуска рейхстага и отмены репрессивных мер против национал-социалистов об этом не могло быть и речи. Папен выполнял требования фюрера, но тот вместо обещанной поддержки санкционировал возобновление уличных столкновений с красными. По всей Германии прокатилась новая волна насилия. За один только июль погибло 86 человек, в том числе 30 красных и 38 нацистов.

Папен на основании статьи 48 конституции Германии заявил, что возлагает на себя чрезвычайные полномочия и в связи с этим назначает себя рейхскомиссаром Пруссии, поскольку прусское правительство не в состоянии справиться с красными. Такой поворот событий означал конец парламентского правления сначала в Пруссии, а в дальнейшем и в других германских землях.

4

На последний день июля были назначены выборы в рейхстаг. Снова Гитлера видели в самых разных городах страны. Для быстроты передвижения он использовал самолет, соглашаясь летать только с известным ему пилотом Гансом Бауром. Он также взял второго шофера, Эриха Кемпку. Кемпка обычно встречал самолет Гитлера в западной части Германии, а Шрек — на востоке. Гитлер обращался с Кемпкой и Бауром как с членами семьи.

Однажды во время отдыха в Веймаре после напряженной недели Гитлер пригласил Баура на прогулку по парку возле отеля и целый час говорил с ним о войне, в которой тот участвовал в качестве летчика-истребителя. Остальная свита

следовала сзади. Затем Гитлер повернулся и попросил гауляйтера Заукеля съездить в город и привезти к послеобеденному кофе пятнадцать молодых женщин, присутствие которых оживило бы их чисто мужское общество. В ресторане отеля фюрер толкнул сидящего справа Баура в бок: «Посмотрите, Ганс, какая вон там красотка!» Летчик пожалел шефа, который вынужден был любоваться женщинами на расстоянии, и прямо сказал ему об этом. «Вы правы, Баур,— ответил с улыбкой Гитлер.— Если вы сходите налево, ни один петух не закукарекает, но мне этого делать нельзя. Женщины не могут заткнуть себе рот. Поэтому мне они нравятся все, а не одна».

Наконец прибыли пятнадцать приглашенных дам. Все они были так очарованы Гитлером, что перестали обращать внимание на своих партнеров. Смущенный, он предложил всем поехать в кафе художников. Веселая компания уселась в машины, причем фюрер оказался единственным мужчиной, который не держал на коленях партнершу. В кафе почти все дамы опять окружили Гитлера. Не зная, как от них отделаться, он попросил Ханфштенгля сыграть на пианино, но вскоре извинился и ушел, сославшись на то, что ему надо подготовиться к выступлению.

За две недели Гитлер побывал в пятидесяти городах. Его появление везде вызывало бурный энтузиазм. В Штральзунде десятитысячная толпа ждала его под дождем шесть часов, пока Баур искал место для посадки. Страну поразил экономический паралич, и это было одной из причин того, что люди слушали Гитлера как загипнотизированные. На одном из таких митингов в Мюнхене побывал одиннадцатилетний Эгон Ханфштенгль. Как он впоследствии вспоминал, «массу поглотила волна бешеной эйфории. Среди публики были богатые и бедные, интеллигенты и рабочие. Поначалу они чувствовали себя неловко рядом друг с другом, но вскоре все кричали и бурно аплодировали уже как единое целое». Эгон тогда заметил необычную пару — профессора и уборщицу, которые, уходя с митинга, взволнованно разговаривали, «фактически братались. Такова была сила Адольфа Гитлера».

Во время избирательной кампании Гитлер сознательно не давал воли своему патологическому антисемитизму.

Ненависть фюрера к евреям была общеизвестной, но многие избиратели не склонны были придавать этому сколько-нибудь важное значение. Большинство немцев со-

глашалось с тем, что среди юристов, врачей, артистов, владельцев больших магазинов было уж слишком много евреев. Кстати, некоторые из немецких евреев сами неприязненно относились к притоку единоверцев с Востока после войны. Пришельцы приносили с собой привычки и обычаи еврейского гетто. Два известных банкира даже предложили новому министру труда Фридриху Зирупу остановить иммиграцию этих восточных голодранцев, так как их присутствие усиливало местный антисемитизм. Постоянно живущие в Германии евреи считали себя прежде всего немцами. Они настолько интегрировались в германскую экономику, что были готовы не обращать особого внимания на национальные предрассудки. В конце концов, даже в просвещенной Америке и Англии евреи не допускались в лучшие клубы и отели. Терпимое отношение к национал-социализму проявляли и единоверцы немецких евреев в других странах. Палестинские евреи заявили, например, что национал-социалистское движение спасет Германию.

В день выборов, 31 июля, в специальном выпуске одной из венских газет под заголовком «Хайль Шикльгрубер!» были опубликованы документальные материалы о том, что отец Гитлера был незаконнорожденным. Однако это не повлияло на исход выборов. Нацисты получили 13 732 779 голосов, на полмиллиона больше, чем их ближайшие соперники — социал-демократы и коммунисты, вместе взятые. Это составило 37,3 процента от общего количества проголосовавших. И Гитлер предложил своей партии выдвинуть его кандидатуру на пост канцлера.

Против этого выступил Геринг. Возражал и Георг Штрассер, так как это противоречило его линии на установление власти коалиции правых партий. Но Гитлер настаивал на своем. В Берлин был направлен посыльный, сообщивший Шляйхеру о требованиях Гитлера. Генерал не принял их всерьез, поскольку был уверен, что Гинденбург не решится удостоить такой чести бывшего ефрейтора. Он пригласил Гитлера на встречу, которая состоялась 5 августа под Берлином. Фюрер потребовал для себя не только поста канцлера, но и принятия закона, дающего ему право на чрезвычайные полномочия, а фактически — на установление диктатуры. Шляйхер уступил, и у Гитлера сложилось впечатление, что Гинденбурга также удастся уговорить.

Воодушевленный, он вернулся в Оберзальцберг, но Геббельс не разделял его эйфории: он сомневался, что власть

можно получить так легко. Геббельс был за решительные действия, а не за сомнительные компромиссы, и его мнение разделяли рядовые нацисты. «Партия готова захватить власть,— записал он в дневнике 8 августа.— Штурмовики в боевом состоянии». К 10 августа, когда Гинденбург вернулся в Берлин с загородной виллы, столица была уже в полуосадном положении. Папен соглашался уйти в отставку, но Гинденбург и думать не хотел о назначении Гитлера канцлером. Этот австрийский выскочка, по мнению фельдмаршала, уже нарушил обещания, данные Шляйхеру; кроме того, у ефрейтора не было никакого опыта работы в правительстве. Президент даже отказался пригласить Гитлера на встречу.

На следующее утро, 13 августа, фюрер прибыл в берлинский отель «Кайзерхоф», превращенный в его штаб. В вестибюле постоянно звонил телефон, а двери в отель почти не закрывались. В номере, превращенном в секретариат, беспрерывно стучали машинки, корреспонденты осаждали пресс-секретаря Отто Дитриха и ответственного за связи с иностранной прессой Ханфштенгля.

В полдень Гитлер встретился со Шляйхером, который сообщил, что Гинденбург может предложить ему лишь пост заместителя канцлера. Взбешенный фюрер упрекнул генерала в нарушении данного им обещания и ушел. Затем он явился к Папену и обрушился на правительство с критикой за нерешительность в борьбе со старой системой. Канцлер оторопел, но все же сообщил Гитлеру о позиции фельдмаршала: «Президент не готов предложить вам пост канцлера, так как считает, что не знает вас в достаточной степени». Гитлера это не удовлетворило. Он всего себя посвятил борьбе с марксистскими партиями, но справиться с ними можно лишь в том случае, если он, Гитлер, возьмет бразды правления в свои руки. Разве король Италии не предложил Муссолини пост вице-канцлера после его похода на Рим?

Выйдя от канцлера, мрачный и злой Гитлер сразу отправился к Геббельсу и у него на квартире остался ждать известий от Гинденбурга. Наконец в три часа дня позвонил заместитель Папена. Гитлера интересовал ответ только на один вопрос: назначает ли его Гинденбург канцлером? Встреча была короткой и официальной. Президент твердо решил не назначать Гитлера на такой высокий пост. Он призвал фюрера поддержать Папена, апеллируя к его патриотизму, и предложил нацистам войти в правительство.

Гитлер вежливо ответил, что об этом и речи не может быть и он, как лидер крупнейшей партии страны, настаивает на новом правительстве под своим руководством.

«Нет!» — воскликнул Гинденбург. Он несет ответственность перед Богом, совестью и отечеством и не может доверить формирование правительства одной партии. Гитлер выразил сожаление, что другого выхода не видит. «Значит, вы уходите в оппозицию?» — спросил президент. «У меня нет выбора»,— ответил фюрер.

Словно в оправдание Гинденбург посетовал на недавние столкновения между нацистами и полицией. Такие инциденты, сказал он, укрепляют его в убеждении, что в национал-социалистской партии немало неконтролируемых элементов. Он, однако, готов включить Гитлера в коалиционное правительство и посоветовал ему «помнить об ответственности и долге перед отечеством», пригрозив самым решительным образом остановить террор и насилие со стороны СА.

Гитлер вышел от Гинденбурга вне себя от гнева. Он выразил Папену свое возмущение и предупредил, что все это может привести к падению президента.

В квартиру Геббельса фюрер вернулся, по словам Ханфштенгля, «белый как полотно». Он был подавлен и долго молчал. Но потом вдруг встрепенулся и начал размышлять, что, возможно, и стоит согласиться пойти в заместители к Папену — ведь тот тоже воевал. «Пусть живет с женой во дворце, если это льстит его самолюбию, а реальную власть оставит мне».

На следующий день в газетах было опубликовано правительственное сообщение о том, что Гитлер потребовал полной власти. Без сомнения, оно было подготовлено заранее, еще до беседы с Гинденбургом. Сообщение привело Гитлера в ярость. Он считал, что военные и политиканы его «надули», отнеслись к нему с высокомерием и презрением, что его, победителя, не пустили дальше передней в коридорах власти.

По всему городу сновали штурмовики, требуя перехода к открытым действиям. Но Гитлер взял себя в руки, вызвал командиров СА и сумел их убедить, что время для захвата власти еще не пришло и путч сейчас был бы катастрофой. Всем штурмовикам был дан двухнедельный отпуск. Вечером фюрер уехал в свой Оберзальцберг. В машине он долго молчал, потом заговорил, словно втолковывая что-то само-

му себе: «Посмотрим. Может, это и к лучшему. Мы завершим начатое».

5

На виллу Гитлера приехал друг Папена Иоахим фон Риббентроп с целью уладить разногласия между фюрером и канцлером. Фюреру понадобился лишь час беседы, чтобы сделать Риббентропа своим горячим приверженцем. После этого визита он вступил в национал-социалистскую партию, убежденный в том, что только Гитлер может спасти Германию от коммунизма.

На открытии сессии нового рейхстага депутаты-нацисты вели себя корректно, оппонентов слушали молча и шли на компромиссы при выборах должностных лиц парламента. В награду партия центра поддержала кандидатуру Геринга на пост председателя рейхстага.

Казалось, благодаря Гитлеру в страну вернулась политическая стабильность. Но через неделю он резко изменил курс, очевидно, под влиянием эмоций, и приказал своим депутатам не возражать против предложения коммунистов поставить на голосование вопрос о недоверии кабинету Папена.

То заседание рейхстага превратилось в состязание, кто кого перекричит. Когда Папен, на минуту выскочивший к Гинденбургу, чтобы получить его подпись под документом о роспуске рейхстага, попытался взять слово, председательствующий Геринг сделал вид, что не замечает его. Не обращая внимания на бумагу, которую рассерженный Папен бросил ему на стол, Геринг поставил вопрос о недоверии на голосование. Удар оказался сокрушительным для Папена: 512 против 42.

Фюрер был воодушевлен этим успехом и начал подготовку к новым выборам, отправившись по стране с серией выступлений. Он сумел прямо-таки околдовать своего противника, сына последнего императора Австро-Венгрии Отто фон Габсбурга, который слышал Гитлера на митинге в Берлине. «У него какой-то магнетический дар»,— отметил этот аристократ.

Но в целом кампания проходила относительно вяло, поскольку денежные средства партии были на исходе. К тому же Германия просто устала от бесконечных выборов. Даже Геббельсу уже не удавалось всколыхнуть массы, и посещаемость митингов явно пошла на убыль.

В самый разгар кампании у Гитлера возникли серьезные личные проблемы. Ева Браун, его теперешняя любовница, попыталась, как и Гели Раубаль, покончить жизнь самоубийством. Она страстно влюбилась в фюрера, но он был так занят выборами, что на Еву у него почти не оставалось времени. Иногда он посылал ей короткие письма, но постепенно писал все реже. Вдобавок одна «доброжелательница» показала Еве фотографии, где ее кумир был снят в окружении красивых женщин.

И вот 1 ноября 1932 года в первом часу ночи Ева написала прощальное письмо Гитлеру и выстрелила в себя. Но прежде чем потерять сознание, она успела позвонить хирургу Плате.

Гитлер прервал предвыборную кампанию и с букетом цветов поспешил в частную клинику, куда поместили его любовницу. «Не кажется ли вам,— допытывался он у врача,— что фройляйн Браун покушалась на свою жизнь, чтобы привлечь мое внимание к ней?» Доктор заверил его, что девушка чувствовала себя совершенно одинокой, покинутой и всерьез хотела покончить со всем этим. Когда доктор ушел, Гитлер сказал Хофману: «Ты слышал? Девушка сделала это из любви ко мне. Но я же не давал ей никакого повода». Он в волнении начал шагать взад и вперед, потом пробормотал: «Наверное, мне надо позаботиться о ней». Хофман возразил, что никто не может поставить случай с Евой ему в вину. «А кто, по-твоему, этому поверит?— спросил Гитлер.— К тому же нет никаких гарантий, что она не повторит своей попытки».

Этот инцидент отвлек Гитлера от избирательной кампании, которая явно шла на убыль, а два дня спустя он столкнулся еще с одной щекотливой проблемой. Геббельс по собственной инициативе поддержал организованную коммунистами забастовку берлинских транспортных рабочих, требовавших увеличения заработной платы. Это был не первый случай, когда две партии, цели которых во многом совпадали, выступали вместе.

В течение нескольких дней коммунисты и нацисты вместе стояли в пикетах, забрасывали камнями штрейкбрехе-

ров, ломали трамвайные рельсы и строили баррикады.

Гитлер не мог публично осудить действия своего экспансивного соратника, но в штаб-квартире гневно обрушился на него, крича, что братание с красными оттолкнет от национал-социалистов избирателей из среднего класса. Забастовку он распорядился немедленно прекратить. «Вся пресса взбесилась против нас, называет это большевизмом,— писал Геббельс в дневнике,— но у нас не было выбора. Если бы мы отмежевались от этой забастовки, наши позиции в среде рабочего класса были бы ослаблены».

«Партизанская» акция Геббельса привела к тому, что нацисты 6 ноября потеряли более двух миллионов голосов и тридцать четыре места в рейхстаге. Теперь даже блок с партией центра не давал Гитлеру большинства, и стратегия прихода к власти парламентским путем зашла в тупик.

Ходили упорные слухи, что Гитлер снова угрожал покончить с собой, и очень возможно, что в припадке отчаяния он действительно говорил об этом. Но депрессия миновала, и фюрер вышел из нее с новой энергией.

6

Неудача Гитлера на выборах была слабым утешением для Папена, потому что в рейхстаге он также не имел поддержки большинства. Поэтому, преодолев личную неприязнь, он направил фюреру письмо, предлагая встретиться для обсуждения вопросов о сотрудничестве. Но память об августовских днях для Гитлера была слишком горькой, и он отказался от встречи.

Получив такой щелчок по носу, Папен 17 ноября сообщил Гинденбургу, что договориться с другими партиями и сформировать коалицию он не может, и попросил об отставке. Президент ее принял. Таким образом, снова встал вопрос о назначении на пост канцлера Гитлера, но престарелый фельдмаршал не мог преодолеть своей антипатии к нему. В беседе с Гугенбергом, тоже не выносившим Гитлера, президент назвал вождя нацистов бывшим маляром и добавил, что маляра «нельзя сажать в кресло Бисмарка».

Но Гитлера, обратившегося к фельдмаршалу с просьбой

о встрече, он все-таки принял. Беседа началась с того, что президент упрекнул гостя за недостойное поведение молодых нацистов в Восточной Пруссии. «Недавно в Танненберге,— обиженно заявил он,— эти мальчишки кричали у моего дома: «Пробудись, пробудись!» Но я не спал!» Гитлер терпеливо объяснил старцу, что молодежь не его имела в виду, а Германию. Он категорически отказался участвовать в коалиционном правительстве, если президент не назначит его канцлером. Тогда Гинденбург задал фюреру каверзный вопрос: зачем было нужно партии нацистов поддерживать организованную коммунистами забастовку? Гитлер ответил фельдмаршалу совершенно откровенно: «Если бы я сдержал своих людей, эта забастовка все равно бы состоялась, а я бы потерял поддержку рабочих, что не отвечало бы интересам Германии». Президент призвал фюрера войти в правительство, но отказался назначить его канцлером. Встреча снова оказалась безрезультатной.

Между тем в адрес Гинденбурга стали поступать многочисленные петиции от самых различных групп населения с просьбой назначить Гитлера рейхсканцлером, но президент был непреклонен. Тупиковая ситуация в коридорах власти сильно обеспокоила влиятельные промышленные круги. Финансируя избирательную кампанию национал-социалистов, они были уверены, что приход этой партии к власти позволит промышленникам подчинить своему влиянию экономическую политику правительства. Гитлер, например, заверил руководителей концерна «И.Г. Фарбен индустри», что его правительство поддержит производство синтетического бензина, а в конфиденциальной беседе с представителями деловых кругов обещал упразднить профсоюзы и распустить все политические партии. В конце ноября тридцать девять самых влиятельных промышленников и финансистов Германии, таких как Яльмар Шахт, бывший канцлер Куно, Крупп, Симменс, Тиссен, Бош, Верман, Феглер и другие, направили письмо Гинденбургу с просьбой назначить канцлером Гитлера. Эти прагматичные люди, делая ставку на нацистов, были уверены в том, что социализм Гитлера — всего-навсего уловка и что он, придя к власти, станет послушным орудием крупного капитала.

Гинденбург, которому никак не удавалось сформировать кабинет, пользующийся в рейхстаге поддержкой большинства, 1 декабря вызвал Папена и Шляйхера, чтобы обсудить создавшееся положение. Папен, не желая терять власть,

предложил сохранить существующее правительство, а рейхстаг временно распустить, что, правда, было бы нарушением действующей конституции. Порядок канцлер предложил навести с помощью армии. Шляйхер, министр обороны, возразил: «Штыками можно многое сделать, но долго сидеть на них нельзя». Он предложил другой выход: Папен уходит, канцлером назначается он, Шляйхер, который сможет договориться о поддержке со стороны части нацистских депутатов, предложив посты в кабинете Грегору Штрассеру и двум-трем его сторонникам. Папен был возмущен таким вероломством и резко критиковал предложение Шляйхера, утверждая, что пропасть между правительством и парламентом еще более увеличится. Гинденбург, питавший к Папену слабость, прекратил обсуждение, объявив о своем решении: переговоры о сформировании правительства поручалось провести канцлеру.

Решение президента было объявлено кабинету министров на следующий день. Шляйхер по-прежнему выступал против, заявляя, что попытка поставить Папена во главе нового правительства ввергнет страну в хаос. Он предупредил членов кабинета о реальной возможности нового нацистского путча и подчеркнул, что армия не может его предотвратить, так как, по мнению генерального штаба, сторонников Гитлера в полиции и армии более чем достаточно. Никто ему не возразил, и Папен поспешил к Гинденбургу сообщить об итогах заседания. С тяжелым сердцем и со слезами на глазах фельдмаршал был вынужден расстаться со своим любимцем и поручить формирование нового правительства Шляйхеру.

2 декабря 1932 года Курт фон Шляйхер стал первым с 1890 года генералом, занявшим пост рейхсканцлера. Он сразу же пригласил к себе Грегора Штрассера и предложил ему пост вице-канцлера и премьер-министра Пруссии. Штрассер отнесся к этому положительно, но предупредил, что должен согласовать свое назначение с фюрером. Но добраться до Гитлера, пробиться через его окружение было непросто. Кстати, Штрассер и не скрывал своей неприязни к его приближенным. В беседе с Франком Геринга он называл «жестоким эгоистом, для которого главное — занимать высокий пост и которому плевать на Германию». Геббельса Штрассер именовал «хромоногим и двуличным дьяволом», а Рема — «свиньей».

Сведения о предложениях Шляйхера через окружение

Папена попали к Ханфштенглю, а от него — к Гитлеру. Фюрер, которого против Штрассера усиленно настраивал Геббельс, воспринял поступок Грегора как предательство. После бурного совещания в «Кайзерхофе» Гитлер, которого поддержали Геринг и Геббельс, открыто обвинил Штрассера в измене. Возмущенный и обиженный Грегор заявил, что он был всего-навсего посыльным, и ушел, хлопнув дверью.

8 декабря он послал Гитлеру письмо, в котором сообщил, что уходит со всех постов в партии, поскольку фюрер больше ему не доверяет. В «Кайзерхофе» это послание, по словам Геббельса, было воспринято как «взрыв бомбы». Гитлер был в таком шоке, что не мог сразу принять решение. Позвонить Штрассеру, который ждал этого, ему не пришло в голову. Когда ответа не последовало, Грегор упаковал чемодан, поехал на вокзал и отправился поездом в Мюнхен.

На следующее утро газеты вышли с сенсационными заголовками об отставке Штрассера. Возмущению Гитлера не было предела. По его словам, свое сообщение Грегор отправил не куда-нибудь, а в «еврейские газеты». Фюрер даже заплакал, крича, что бывший друг всадил ему нож в спину за пять минут до полной победы.

Тем не менее, ухватившись за предложение вызвать Штрассера и уладить конфликт, Гитлер послал шофера Шрека найти его «в любом месте». Но в это время Грегор уже был в своей мюнхенской квартире и спешно готовился выехать в Италию. Другу, который к нему зашел, Штрассер сказал: «Я человек, обреченный на смерть». Он посоветовал другу больше не приходить к нему и добавил на прощание: «Что бы ни случилось, попомни мои слова: отныне Германия в руках австрийца, этого прирожденного лжеца, бывшего офицера, извращенца и хромоногого. И скажу тебе: последний — хуже их всех. Это сатана в человечьем обличье».

Тем временем собравшиеся у Геринга в рейхстаге руководители партии и гауляйтеры приняли заявление об осуждении Штрассера. Гитлер, запинаясь, сказал, что потрясен его предательством. Присутствующие устроили фюреру овацию и заверили его в своей верности до конца, что бы ни случилось.

Пока Гитлер восстанавливал контроль над партией, ее рядовые члены были практически деморализованы. Их политическое будущее становилось все более неопределенным. «Трудно вести СА и партийный аппарат ясным кур-

сом,— гласит запись в дневнике Геббельса от 15 декабря.— Сижу здесь совсем один и тревожусь о многих вещах. Прошлое удручающе, а будущее туманно. Ужасное одиночество гнетет меня безнадежностью. Исчезли все возможности и надежды».

Не лучшим было и душевное состояние Гитлера. Тем более, что близились рождественские праздники, которые всегда напоминали ему о невозвратимой потере — смерти матери. С тех пор он не выносил даже вида нарядно украшенной елки. «Я потерял всякую надежду,— писал он в эти дни фрау Вагнер, благодаря ее за подарок.— И как только пойму, что все потеряно, Вы знаете, что я сделаю... Я не могу принять поражение, всегда буду верен своему слову и кончу жизнь пулей».

Противники уже праздновали его политический закат. А Гитлер снова обратился за помощью к Хануссену. Знаменитый астролог составил гороскоп фюрера, предупредив его, что, несмотря на благоприятное расположение планет, на его пути к власти есть серьезные препятствия. Устранить их можно, но при помощи единственного средства — в полнолуние отыскать корень мандрагоры в том селении, где Гитлер родился. Хануссен сам вызвался выполнить эту странную миссию, и, по свидетельствам очевидцев, возвратился на виллу в Оберзальцберге в первый день нового 1933 года. С соблюдением соответствующего ритуала астролог преподнес фюреру найденный им корень и стихотворное предсказание о том, что его восхождение к власти начнется 30 января.

Если Гитлер и придавал какое-либо значение этому предсказанию, над которым, кстати, потешались его недруги, то он был не первым европейцем, серьезно относившимся к подобным вещам. Например, астролог Луи Горик назвал папе Льву X, когда тот еще был кардиналом, дату восхождения на папский престол; не ошибся в сроках Нострадамус, предсказав смерть короля Генриха I; Пьер Леклерк якобы убедил Наполеона в том, что он будет императором.

Состояние Гитлера постепенно улучшалось. С четой Гессов и Евой Браун он побывал на премьере оперы Вагнера «Мейстерзингеры». После спектакля все отправились к Ханфштенглям на чашку кофе. «Гитлер был в самом благодушном настроении,— вспоминал об этом вечере Ханфштенгль.— Мы словно вернулись в двадцатые годы». Перед уходом фюрер расписался в книге гостей и поставил дату.

«Этот год,— заявил он,— принадлежит нам. Я это вам гарантирую письменно».

7

Между тем положение Шляйхера в рейхстаге становилось все более шатким, и к 20 января он восстановил против себя почти все политические силы Германии. Этим воспользовался Папен, который всегда был желанным гостем в доме Гинденбургов. Он высказал президенту идею о блоке консервативных партий и сам предложил все-таки сделать Гитлера канцлером, пока политика будет определяться им, Папеном. Но этому препятствовал даже не сам фельдмаршал, а его сын Оскар, который питал к Гитлеру острую неприязнь, определявшуюся скорее чувством снобизма, чем идеологическими расхождениями с нацистским лидером. Папену удалось добиться лишь согласия Оскара на встречу с Гитлером 22 января.

Эта встреча на вилле Риббентропа, проходившая в атмосфере строгой секретности, началась натянуто и чопорно. Среди присутствующих были Папен, Геринг, Фрик и помощник президента Мейснер. Оскар Гинденбург и Гитлер уединились на час. По словам первого, говорил в основном Гитлер и только о том, что именно ему суждено спасти Германию от красных.

Гинденбург и Мейснер ушли первыми. Оскар всю дорогу, пока они добирались до города на такси, молчал и только на прощание сказал Мейснеру: «Ничего не поделаешь, придется включить нацистов в правительство». По мнению Мейснера, Гитлеру тогда удалось произвести на сына фельдмаршала благоприятное впечатление, хотя возможна и другая версия. Гитлер мог, например, пригрозить Оскару публичным скандалом, связанным с так называемым фондом юнкеров, который был создан шесть лет назад в помощь разорявшейся земельной знати. Средствами из этого фонда широко пользовался сам фельдмаршал, взяв из него 620 тысяч марок. Не желая платить налог на наследство, Гинденбург передал свое имение сыну в дар, не заплатив даже сбор за оформление сделки. Это давало все основания

для привлечения президента к суду. И даже если бы его оправдали, восстановить свою репутацию ему бы уже не удалось.

На следующий день состоялось объяснение президента с возмущенным Шляйхером, узнавшим о сговоре за его спиной. Угрожая военным путчем, канцлер-генерал требовал распустить рейхстаг и отложить выборы. Гинденбург, которому он порядком надоел, отказался выполнять требования Шляйхера, и тот подал в отставку. Позднее к фельдмаршалу явились Папен, Оскар и Мейснер, вновь предложившие кандидатуру Гитлера. «Ну что же, придется выполнить неприятную обязанность и назначить этого Гитлера канцлером»,— недовольно проворчал старик.

Итак, предсказание Хануссена сбылось. Человек, не получивший даже среднего образования, несколько раз провалившийся на вступительных экзаменах в академию художеств, венский уличный бродяжка 30 января 1933 года стал канцлером Германии.

Это событие немцы восприняли со смешанным чувством: либералов охватил панический ужас, средние слои вздохнули с облегчением — прекратилась наконец парламентская чехарда, озлобленные патриоты и расисты ликовали.

Для берлинских штурмовиков с приходом к власти их фюрера начиналась новая жизнь. Многие годы они страдали от бедности, могли погибнуть или получить тяжелые увечья в уличных потасовках. Теперь же их мечты начинали обретать реальные черты. Но большинство из них узнали о факельном шествии, которое должно было состояться вечером, только из газет.

Все штурмовики и эсэсовцы вышли в форме. Те, кто по привычке ожидал стычек с полицией, с удивлением увидели улыбки на лицах своих старых врагов. Построившись в колонны, штурмовики с горящими факелами начали свой путь от Тиргартена и вышли на Вильгельмштрассе, распевая «Хорст Вессель» и другие боевые песни. Они лихо приветствовали Гинденбурга, стоявшего у окна президентского дворца, и восторженным ревом встретили Гитлера, наблюдавшего за шествием из правительственной резиденции.

Даже Гитлер был потрясен масштабами этого впечатляющего зрелища. Он повернулся к Геббельсу и взволнованно спросил: «Как это ты сумел всего за несколько часов зажечь тысячи факелов?» Маленький доктор улыбался, он сделал больше — взял под свой контроль радиостанции. И теперь

вся Германия слушала репортажи о празднествах в Берлине.

Много лет спустя нацистский военный преступник Ганс Франк, ожидая приговора Международного трибунала, заседавшего в Нюрнберге, так вспоминал о том значительном для национал-социалистов событии: «Бог знает: наши сердца в этот день были чисты. И если бы кто-нибудь тогда рассказал о грядущих событиях, этому бы не поверили, а я — тем более. Это был день славы и счастья». По лицам участников текли слезы. «Все думали, что жизнь станет лучше,— вспоминал один штурмовик, участник путча Штеннеса.— Не думаю, что Германия когда-нибудь найдет другого такого человека, который смог бы вдохновить стольких людей, как Гитлер в тот момент».

«До сих пор у меня сохранилось какое-то сверхъестественное чувство, возникшее в ту ночь,— писала Мелита Машман, которую родители еще ребенком взяли на шествие.— Оглушительный грохот шагов, скромное великолепие красно-черных флагов, их мигающий отсвет на лицах, агрессивные и в то же время сентиментальные песни...» Для большинства же иностранных наблюдателей это была зловещая ночь. «Огненная река текла под окнами французского посольства,— отмечал тогдашний посол Франции в Берлине Франсуа-Понсэ,— и оттуда я с тяжелым сердцем и дурными предчувствиями наблюдал ее светящийся поток».

Поздно вечером, ужиная с Гессом, Герингом, Геббельсом, Ремом и Франком, возбужденный Гитлер все говорил и говорил. «За границей меня сегодня называют антихристом,— жаловался он.— Но если я и «анти», то только антиленинист». По словам Франка, Гитлер рассчитывал сделать Гинденбурга своим сторонником. «Старику очень понравилось, — рассказывал он,— когда я сегодня пообещал служить ему в качестве канцлера, как и в свои солдатские дни, когда он был моим героем». О коммунизме он бросил лишь одну короткую фразу: «Этот вечер знаменует конец так называемого красного Берлина. Люди становятся красными лишь тогда, когда у них нет другого пути».

В эту ночь экзальтированный Геббельс отметил в дневнике: «Это почти как сон, как сказка. Родился новый рейх. Четырнадцать лет работы увенчались победой. Немецкая революция началась!»

Мало кто из немцев в тот вечер осознавал это, и, возможно, никто не вспомнил пророческие слова поэта-еврея Ген-

риха Гейне, написанные почти столетие назад: «Германский гром поистине германский; он ударяет с опозданием. Но он грянет, и когда он обрушится, то обрушится, как никогда прежде в истории. Этот час придет... Будет исполнена драма, по сравнению с которой французская революция покажется невинной идиллией... Не сомневайтесь, этот час придет».

Глава 11. БЕСПЕЧНЫЙ ЧАС (1933 г. — июнь 1934 г.)

> Ни нацию, ни народ не прощают за беспечный час, в который первый же появившийся авантюрист может сбить их с ног и завладеть ими.
>
> *Карл Маркс*

1

Утром следующего дня фрау Геббельс пришла к Гитлеру с цветами. Фюрер стоял у окна своего номера в «Кайзерхофе». Услышав шаги, он медленно повернулся и почти театральным жестом принял букет. «Это первые цветы, а вы первая женщина, поздравившая меня»,— торжественно произнес он. Помолчав, он добавил: «Теперь мир должен понять, почему я не мог быть вице-канцлером. И как этого не могли уразуметь члены моей партии!»

Он называл происходящее с ним судьбой, очередным шагом на давно намеченном пути. Но те, кто поставил его у власти, считали его всего-навсего марионеткой в их собственных руках. Например, Папен в своем кругу хвастался: «Мы Гитлера наняли служить нам. За два месяца мы так загоним его в угол, что он запищит».

Юнкеры во главе с Папеном полагали, что им наконец удалось восстановить свою авторитарную власть, но Гитлер

вовсе не собирался плясать под их дудку и сразу же стал закладывать основы диктатуры. Список вопросов и требований, представленный партией центра, он не стал даже рассматривать и предложил провести новые выборы, поскольку переговоры с этой партией ни к чему не привели. Позже через Папена он убедил Гинденбурга распустить рейхстаг.

Мало кто осознал смысл этих первых шагов нового канцлера. Либерально-буржуазные газеты не предвидели каких-либо существенных изменений. Даже социал-демократы не были встревожены, так как считали, что Гитлеру никогда не удастся собрать две трети депутатских голосов, чтобы получить возможность изменить Веймарскую конституцию. Так же спокойно отнеслось к назначению Гитлера большинство авторитетных газет США и Англии.

А между тем канцлер-нацист прятал свои радикальные намерения в потоке вдохновляющих, но весьма консервативных сентенций. В обращении к избирателям по радио 1 февраля Гитлер дал ясно понять, что желает прежде всего возвращения к ценностям прошлого. Он даже не вспомнил о своих планах в отношении евреев и вообще не сказал ничего такого, что могло бы обидеть или встревожить так называемого среднего немца.

Президент рейхсбанка Яльмар Шахт в беседе с американским поверенным в делах в Берлине заверил собеседника, что нацисты «не сделают никаких попыток осуществить свои хорошо известные демагогические замыслы» и что, следовательно, «весь деловой мир относится к новому режиму с большой симпатией».

Конечно, Шахт немного преувеличивал, но Гитлер никогда не стал бы канцлером без поддержки промышленников и военных. Офицерский корпус в своем большинстве разделял мнение адмирала флота Карла Деница, который считал приход Гитлера к власти проблемой выбора между ним и красными.

В этом военные, как и промышленники, руководствовались своими корпоративными интересами, и Гитлер знал это. Его мнение о генералах было невысоким. «До того, как я стал канцлером,— признавал он годы спустя,— я считал, что генеральный штаб — это пес, которого надо крепко держать за ошейник». Его опыт сотрудничества с генералами вряд ли можно было назвать удачным. Лоссов предал его в Мюнхене, а Шляйхер пытался помешать ему стать канцлером. Но теперь Гитлер стремился договориться с во-

енными и заручиться их поддержкой.

Первый шаг в этом направлении он как канцлер сделал вечером 4 февраля, приняв приглашение генерала фон Хаммерштайна на обед. Сам генерал не скрывал своего презрения к нацистам, но обед был организован новым министром обороны генералом фон Бломбергом, который должен был представить фюрера руководителям вооруженных сил. Затем Гитлеру предстояло выступить перед военной элитой, и он поначалу чувствовал себя очень неловко. Но умный и ловкий политик блестяще вышел из такого трудного положения, сделав вывод, что безработица и депрессия в стране будут расти, пока Германия не восстановит свое прежнее положение в мире.

Такой поворот заставил собравшихся вслушаться в то, что говорит Гитлер,— о величии Германии мечтали все военные. Первым условием возрождения Германии, по мнению нового канцлера, должно было стать перевооружение армии. И как только отечество восстановит свою мощь, начнется «завоевание земель на Востоке и их тотальная германизация». Чтобы рассеять некоторые возникшие по этому поводу опасения, Гитлер обещал, что генералитету не придется беспокоиться ни о внутренней, ни о внешней политике. Армия никогда не будет использоваться как инструмент внутренней политики, и цель ее на ближайшие годы — максимально повысить свою обороноспособность. Еще Гитлер добавил, что армия будет «единственным носителем оружия, и ее структура останется неизменной».

Реакция военных на откровения нового канцлера не была однозначной. Но факт остается фактом: Гитлеру удалось приобрести и новых сторонников. Те, кто надеялся превратить новое правительство в военную диктатуру и расценивал это как первый шаг на пути к восстановлению монархии, были готовы поддержать национал-социалистские устремления, а многие сомневающиеся не хотели открыто идти против нацистов из уважения к фельдмаршалу фон Гинденбургу.

Используя предусмотренные конституцией чрезвычайные полномочия, Гитлер в первую очередь протолкнул через рейхстаг декрет о «защите германского народа», согласно которому он получил право контролировать политические собрания и прессу. Ни Папен, ни другие его коллеги по кабинету не выступили против этой меры, дающей Гитлеру возможность парализовать деятельность неугодных партий

и контролировать общественное мнение. Вскоре последовал следующий чрезвычайный декрет — об изменении политического режима в Пруссии. И опять никто не возражал, даже Папен, который был прусским премьер-министром. Второй шаг к диктатуре также был сделан.

В Германии формировалась новая элита. Председателем городского совета Гамбурга стал продавец галантереи — один из сотен тех, кому принадлежность к партии нацистов обеспечила соответствующий пост. Никогда раньше так много представителей среднего класса, людей со скромным достатком, не пробивалось в высокую политику. Это были ветераны движения, преданность которых теперь приносила Гитлеру дивиденды.

Возможно, ни один другой германский канцлер не был так хорошо подготовлен для взятия на себя руководства, как Гитлер, считавший себя фюрером. Этого нельзя было сказать о партии. Она держалась его магнетизмом и мечтой о власти и постах. Но новой элите удалось тем не менее совершить национал-социалистскую революцию и на местном уровне, пользуясь беспечностью консерваторов и неразберихой у либералов и левых.

Пока рядовые нацисты неуклюже организовывали власть в деревнях, городках и землях, фюрер устанавливал жесткий контроль над своими оппонентами. Вначале многие принимали его неуверенность на заседаниях, неловкость в общении с незнакомыми за слабость. Но вскоре он подчинил себе тех, кто его недооценивал. «На заседаниях кабинета,— вспоминал министр финансов граф Лутц Шверин фон Крозиг, получивший университетское образование в Англии,— нельзя было не выразить восхищения качествами, позволяющими этому человеку искусно руководить всеми дискуссиями,— его безупречной памятью, дающей возможность с точностью отвечать на любые вопросы; ясностью его ума, благодаря которому он мог свести самый сложный вопрос к простой — иногда даже слишком простой — формуле; искусством делать выводы и, наконец, умением подойти к хорошо известной проблеме с новой точки зрения».

Теперь Гитлер носил костюмы и пальто хорошего покроя и качества, улыбался, держался с достоинством,— словом, был воплощением уверенности в себе.

7*

2

Несмотря на первые успехи новой власти, судьба «коричневой революции» в первые месяцы все еще была под вопросом. Введение чрезвычайного положения в Пруссии вызывало серьезную тревогу в других германских землях. К середине февраля Геринг решительно очистил прусскую полицию от людей, на которых не мог полагаться. Полицейским предписывалось избегать любых враждебных проявлений по отношению к СА и «Стальному шлему». Зато против «враждебных государству организаций» полиция получала право применять любые средства, включая огнестрельное оружие. Фактически в Пруссии была объявлена война коммунистам и им сочувствующим.

Семь сравнительно небольших земель уже оказались, как и Пруссия, под политическим контролем нацистов, но крупные, включая колыбель национал-социализма Баварию, отказывались склониться перед правительством Гитлера. Этот бунт сопровождался коммунистической кампанией с призывом сопротивления нацистам. 21 февраля Союз красных фронтовиков (Рот-Фронт) призвал «молодых пролетариев» разоружать штурмовиков и эсэсовцев. «Каждый товарищ — командир будущей Красной Армии! Это наша клятва красноармейцам Советского Союза. Наша борьба не может быть остановлена пулеметами, пистолетами или тюрьмой. Мы хозяева будущего!» Несколько дней спустя официальный орган компартии «Красный моряк» открыто призвал к действию: «Рабочие, на баррикады! Вперед, к победе! Заряжайте винтовки! Готовьте гранаты!»

Возможно, эти революционные обращения были пустыми словами, но Геринг воспринял их всерьез, и 24 февраля штурмовики разгромили дом Карла Либкнехта в Берлине. В официальном же сообщении говорилось, что полиция обнаружила планы коммунистического восстания. Вечером 26 февраля Хануссен в присутствии многих влиятельных жителей столицы утверждал, что видит дым, затем из пламени появляется орел, а потом вырисовываются контуры огромного здания, охваченного огнем.

Когда Хануссен произносил эти слова, поджигатель, двадцатичетырехлетний уроженец Голландии Маринус ван дер Люббе уже готовился к действиям, решив на самом де-

ле поджечь рейхстаг — и не только рейхстаг, но и другие дома — в знак протеста против власти капитала. Этот сильный, но туповатый молодой человек, разочаровавшись в компартии четыре года назад, вышел из нее и вступил в организацию «Международные коммунисты», выступавшую против политики Москвы. Участие в демонстрациях социал-демократов и коммунистов убедило ван дер Люббе в том, что немецкие рабочие начнут революцию только тогда, когда какое-нибудь из ряда вон выходящее событие заставит их взяться за оружие.

В полдень 27 февраля ван дер Люббе купил в магазине четыре канистры керосина и пешком направился к рейхстагу. Обследуя здание, он установил, что лучше всего попасть в него через западный вход, которым, по его наблюдениям, практически не пользовались.

В десятом часу вечера идущий домой студент-геолог услышал звон разбитого стекла в здании рейхстага и увидел силуэт человека с каким-то горящим предметом в руке. Он побежал к стоящему на углу полицейскому. Тот обнаружил разбитое окно и пламя в глубине, но какое-то время в изумлении наблюдал за происходящим и лишь через несколько минут вызвал пожарных. Первые машины прибыли около десяти вечера, но к этому времени зал заседаний был в огне.

Больного Ханфштенгля, который находился в своей берлинской квартире, как раз напротив рейхстага, подняли с постели крики экономки. Он выглянул из окна и тотчас же позвонил на квартиру Геббельса, где только что началась вечеринка в честь фюрера. Геббельс поначалу решил, что это шутка. «Если ты так думаешь, спустись сюда и сам посмотри»,— ответил Ханфштенгль и повесил трубку. Через минуту зазвонил телефон, это был Геббельс. «Я только что говорил с фюрером, он хочет знать, что на самом деле происходит. И хватит этих твоих шуток». Ханфштенгль вспылил. Сообщив, что рейхстаг в огне и пожарные машины уже приехали, он снова лег в постель.

Когда Гитлер увидел зарево над Тиргартеном, он воскликнул: «Это коммунисты!» Они с Геббельсом вскочили в машину и помчались к рейхстагу. Геринг был уже там. «Спасайте гобелены!» — командовал он.

Казалось, пожар лишил Гитлера дара речи. Зайдя в апартаменты председателя рейхстага, он перегнулся через перила и отрешенно смотрел на причиненные огнем разрушения. К этому времени в сизом от дыма вестибюле собрались

члены кабинета, обер-бургомистр Берлина, начальник полиции, английский посол и начальник политической полиции министерства внутренних дел Пруссии Рудольф Дильс, который сообщил Гитлеру и Герингу, что арестован поджигатель, голландский подданный ван дер Люббе.

Геринг начал исступленно выкрикивать: «Это начало коммунистического восстания! Нельзя терять ни минуты!..» Его перебил Гитлер: «Теперь мы им покажем! Мы сметем всех со своего пути!»

Дильсу наконец удалось вклиниться в разговор, и он сказал Гитлеру, что поджигатель отрицает какие-либо связи с коммунистической партией и клянется, что поджигал он один. Дильс добавил, что признание звучит вполне правдоподобно и похоже, что пожар — дело рук одного сумасшедшего. «Это хитрый и хорошо подготовленный заговор»,— презрительно перебил Дильса Гитлер.

Около одиннадцати вечера Гитлер отправился в редакцию «Фелькишер беобахтер», чтобы проверить, как газета собирается освещать пожар. К его неудовольствию, там оказались лишь наборщики, а позже приплелся сонный заместитель редактора. Тогда Гитлер вызвал Геббельса, и вдвоем они работали до рассвета над материалом, возлагающим всю вину на красных, которые «устроили заговор с целью совершить государственный переворот».

Тем временем Геринг распекал чиновника, которому было поручено составить официальное сообщение. Взглянув на проект, в котором упоминался лишь один поджигатель, Геринг воскликнул: «Что за чепуха! Может, такое полицейское донесение и заслуживает внимания, но не это мне надо!» Схватив карандаш, он внес в текст поправки, в частности, изменил цифру — пятьдесят литров горючего на 500. Когда чиновник возразил, что один человек не в состоянии столько поднять, Геринг ответил: «Ничего невозможного нет. Почему мы должны упоминать об этом человеке? Не один был, а десять или даже двадцать! Вы еще не поняли, что происходит? Для коммунистов это сигнал к выступлению!» Рядом с фамилией ван дер Люббе рукой Геринга были вписаны еще две, они принадлежали депутатам рейхстага от компартии. Смущенный чиновник, получив препарированный таким образом текст, попросил Геринга подписать его. Тот поставил инициалы, но сделал это очень неохотно. К этому времени полицейские радиопередатчики уже передавали приказы об арестах коммунистов — депу-

татов рейхстага, ландтагов и городских советов. Предписывалось также задерживать функционеров компартии, а левые газеты — закрыть.

Утром следующего дня Гитлер предложил кабинету немедленно принять чрезвычайные меры по защите страны от красных. С этого дня временно приостанавливалось действие тех статей конституции, в которых шла речь о гражданских правах и свободах, министру внутренних дел давалось право временно отстранять от власти земельные правительства, если они не могут обеспечить порядка.

Поскольку ни один член кабинета возразить не осмелился, Гитлер и Папен передали документ на подпись Гинденбургу. Тот утвердил его.

Было ли принятие чрезвычайных мер заранее спланированной нацистами акцией? Возможно, и нет. Внешне они не выглядели столь уж зловещими, поскольку нацисты в правительстве были в меньшинстве. Да и решение принималось в такой спешке, что осознать его грядущие последствия министры просто не успевали. У Гитлера пожар, очевидно, вызвал обыкновенную истерику, и, похоже, он действительно боялся «красной революции». И не паника была причиной его истерической активности, а скорее фанатичная вера в свою историческую миссию. Поджог рейхстага, в сущности, был для Гитлера подтверждением того, что он многие годы говорил о красных и евреях.

Но так или иначе, декрет о чрезвычайных мерах стал новой, очень важной вехой на пути Гитлера к тоталитарной власти. Штурмовики и эсэсовцы, именовавшиеся теперь вспомогательными силами полиции, врывались в дома коммунистов, рыскали по клубам и пивным, где обычно собирались красные, бросали их в грузовики и везли в тюрьму. Полиция в те дни арестовала более трех тысяч коммунистов и социал-демократов. Все нацистские средства массовой информации приступили к активной идеологической обработке населения.

Уже на следующий после поджога день по немецкому радио выступил Геринг с разоблачениями «заговора красных».

В Германии его объяснениям верили многие, но мир не так легко было обмануть. В Европе и США весьма скептически отнеслись к версии нацистов. Больше того, широко распространенным было мнение, что поджог устроили сами нацисты, чтобы найти предлог для расправы над коммунистами. Гитлер в интервью английскому корреспонденту

Сефтону Делмеру, данному 2 марта, с негодованием отвергал это обвинение, доказывая, что мир должен быть благодарен национал-социалистам за их решительные действия против общего врага — красных.

В это мало кто поверил, особенно после того, как мир узнал, что дворец Геринга и рейхстаг соединены туннелем. Усилившиеся протесты мировой общественности против вероломства нацистов заставили Гитлера устроить суд над ван дер Люббе и его мнимыми сообщниками, несмотря на объективный доклад полиции, считавшей «вне всякого сомнения», что преступление совершил фанатик-одиночка. Со стороны фюрера это был серьезный просчет, поскольку вскоре стало ясно, что суд затянется на многие месяцы и даст его противникам в стране и за рубежом доказательства, начисто опровергающие нацистскую версию.

3

Тем не менее пожар сделал свое дело. Близились выборы, и нацисты умело этим воспользовались, играя на страхе обывателей перед новыми социальными потрясениями. Гитлер поступил предусмотрительно, не объявляя компартию до выборов вне закона, иначе все голоса рабочих были бы отданы социал-демократам.

Экстремистские выступления мужланов типа Геринга и Геббельса, как выразился министр финансов Пруссии, их волновали мало.

Средства на ведение избирательной кампании нацисты получили от промышленной элиты Германии. Ее устраивала позиция национал-социалистов, которую выразил Геринг в просьбе о финансовой поддержке. «Жертва, которую придется принести, не обременит вас,— заявил он,— если учесть, что предстоящие выборы будут последними в ближайшие десять лет, а вероятнее всего — и в последующие сто лет». Обещание покончить с демократией вполне отвечало интересам крупного капитала. Поэтому слова банкира Шахта: «А теперь, господа, деньги на стол», сказанные им на совещании с коллегами, были восприняты надлежащим образом. Промышленники пошептались, и престарелый

Крупп заявил, что он дает один миллион марок (примерно 250 тысяч долларов), представитель «И.Г. Фарбен» выложил 400 тысяч. В целом сумма пожертвований составила три миллиона марок.

Благодаря этому предвыборная кампания приобрела небывалый размах. Пропагандистские материалы печатались невиданными до сих пор тиражами, не умолкали громкоговорители на улицах и площадях, повсюду на собраниях и митингах звучали речи, в которых обещания немецкому народу перемежались с угрозами в адрес красных. И если раньше нацистские газеты изображали Гинденбурга выжившим из ума стариком, то теперь Гитлер называл престарелого фельдмаршала героем и прикрывался его именем как щитом, демонстрируя единство позиций кабинета и президента, а следовательно, и законность их совместных действий.

В своих выступлениях Гитлер резко критиковал своих противников за то, что ни один из них не предложил четкой позитивной программы по выходу из кризиса, но и сам таковой не выдвигал. Он лишь просил дать ему всю полноту власти на четыре года, и тогда Германия увидит, на что он способен. Он был надеждой молодых идеалистов, близок по духу патриотам. Уставшие от нестабильности, запуганные нацистской пропагандой, немцы видели в перспективе «красную» или «коричневую» Германию, и вторая казалась им предпочтительней. Многие общественные деятели изменили свое мнение о Гитлере, считая, что он стал вполне умеренным. В поддержку нового правительства выступил даже Еврейский национальный союз. И тем не менее нацисты собрали лишь 43,9 процента голосов, и только блок с двумя национал-патриотическими партиями дал Гитлеру незначительное большинство в рейхстаге. Но для него и этого оказалось достаточно, чтобы заявить, что он имеет право говорить от имени всего народа. Результатом было установление контроля над теми германскими землями, где еще сохранились свои правительства. Первой на очереди была Бавария.

Проведя мобилизацию СА, гауляйтер Адольф Вагнер и капитан Рем 9 марта явились в резиденцию премьер-министра Хельда и потребовали назначить комиссаром Баварии генерала Риттера фон Эппа,— того самого, который в 1919 году помогал уничтожить Баварскую советскую республику. Хельд направил телеграмму протеста в Берлин, но отту-

да пришел лаконичный ответ, что Эпп назначен комиссаром. Так было покончено с парламентаризмом в Баварии, а вскоре и в остальных землях. По этому случаю Гитлер прибыл в Мюнхен, где ему был оказан восторженный прием. А когда фюрера спросили, как теперь надлежит поступить с Эхардом, его обвинителем на процессе 1924 года, Гитлер ответил: «Он был суров, но объективен и вежлив. Оставьте его в министерстве юстиции».

Многие иностранные наблюдатели считали, что Гитлер уже тогда установил полный контроль над всей Германией. Но это было не совсем так: он укреплял свою власть постепенно и с согласия народа. «Власть,— говорил фюрер Франку,— лишь трамплин, шаг к следующему шагу». Действовал он скорее исподволь, его главной целью было примирение на всех уровнях немецкого общества.

Из уважения как к Гогенцоллернам, так и к Гинденбургу, Гитлер предложил провести первую сессию нового рейхстага в Потсдаме. Этот древний город, который так любил Фридрих Вильгельм I и где был похоронен сам Фридрих Великий, считался носителем прусских военных традиций.

День был солнечный, весенний. Над башнями Потсдама реяли имперские и нацистские флаги, на площадях строились в колонны солдаты и штурмовики, члены организации «Стальной шлем». Под колокольный звон мчалась по дороге к маленькой церкви колонна автомобилей с высокопоставленными гостями.

Когда в церкви появился величественный Гинденбург в серой полевой шинели, публика поднялась, приветствуя его. Высоко держа фельдмаршальский жезл, он, опираясь на трость, медленно проследовал вперед. У императорской ложи он отдал честь семье кайзера, стоящей полукругом за креслом, на котором он обычно сидел. Гитлер, стоящий рядом с Гинденбургом, явно чувствовал себя неловко среди этих, в большинстве своем незнакомых ему людей. Французскому послу он показался «робким новичком, которого покровитель представляет совершенно не подходящей для него компании».

Президент и канцлер сели напротив друг друга. Затем Гинденбург вынул очки в черепаховой оправе и зачитал речь. Задачи, стоящие перед новым правительством, он назвал многотрудными и призвал к возрождению патриотического духа старой Пруссии.

Гитлер в своем выступлении обращался скорее к собрав-

шемуся в церкви цвету прусского юнкерства, чем ко всем гражданам страны, сидящим у радиоприемников. Он говорил о войне, навязанной кайзеру и Германии, об экономическом кризисе и безработице, доставшимся в наследие его правительству, о том, какой должна быть новая Германия. Закончив, Гитлер подошел к креслу Гинденбурга, низко поклонился и произнес почтительным тоном, словно фельдмаршал все еще был его командиром: «Иметь ваше согласие на работу ради возрождения Германии мы считаем благословением». Явно растроганный старик поднялся и проследовал вниз в сопровождении сына к гробницам Фридриха Великого и Фридриха Вильгельма I. Загремел артиллерийский салют.

Церемония, организованная по сценарию Геббельса, произвела нужное впечатление. Все присутствующие — военные, юнкеры и монархисты — были убеждены, что Гитлер —тень Гинденбурга, его верный раб, преданный прусскому идеалу.

Но два дня спустя Гитлер ясно дал понять любому объективному наблюдателю, что ничей он не раб. На этот раз сцена была иной — берлинская Королевская опера, в здании которой временно заседал рейхстаг. Иной была и атмосфера. Коридоры патрулировались штурмовиками, а над сценой висел громадный флаг со свастикой как напоминание о том, кто будет хозяином Германии. В 14.05 Геринг открыл сессию. После короткого вступительного слова перед депутатами появился Гитлер в форме штурмовика.

Раздались возгласы «Зиг хайль! Зиг хайль!». Фюрер прошел к трибуне через строй нацистов, выбросивших вперед руку, зал разразился бурными аплодисментами. В рейхстаге Гитлер выступал впервые, и эта его речь как никогда отличалась умеренностью и благоразумием. Он поклялся уважать частную собственность, обещал помочь крестьянам и среднему классу, ликвидировать безработицу, содействовать миру с Францией, Англией и даже с Советским Союзом. Но для выполнения этих задач ему нужен закон об облегчении бедственного положения народа и государства. Временные чрезвычайные полномочия, которые даст этот закон, он обещает использовать «только в той мере, в какой это будет необходимо для проведения жизненно важных преобразований». Заверив рейхстаг, президента и церковь, что их права не будут нарушены, Гитлер закончил речь недвусмысленным предупреждением, которое сводило на нет

все его заверения: если о дружественном сотрудничестве договориться не удастся, то «вам, депутатам рейхстага, придется сделать выбор между войной и миром».

Когда после перерыва заседание возобновилось, лидер социал-демократов произнес отважную, хотя и сумбурную речь, в которой осудил притязания канцлера. Ответ дал сам Гитлер. Он выступал так, как когда-то на митингах в мюнхенских пивных, осыпая социал-демократов злобной руганью. «Мне ваши голоса не нужны,— кричал он.— Германия будет свободной, но не благодаря вам. Мы — не буржуазия. Звезда Германии восходит, а ваша меркнет, колокол уже прозвонил».

Атака Гитлера не только подавила безнадежный мятеж социал-демократов, но и запугала партию центра. Было проведено голосование, и когда Геринг объявил результаты — 441 за закон и 94 против, ликующие нацисты вскочили с мест и, выбросив руку вперед, запели «Хорст Вессель».

Так из германского рейхстага была изгнана демократия. Все партии, кроме социал-демократов, преподнесли Гитлеру требуемые полномочия, которые он про себя поклялся сохранить навсегда.

Лидер партии центра получил письмо от Гинденбурга. Фельдмаршал благодарил центристов за доверие, оказанное Гитлеру, и подчеркивал, что своими полномочиями канцлер будет пользоваться, обязательно консультируясь с президентом. Большинство немцев тоже хотели верить словам Гинденбурга, и многие после принятия нового закона подали заявления о приеме в национал-социалистскую партию.

Победа в рейхстаге побудила раскрыться многих промышленников, ранее поддержавших Гитлера тайно. Крупп теперь открыто приветствовал знакомых на улице нацистским «хайль!» и написал Гитлеру поздравительное письмо, в котором от имени своих коллег выразил убежденность в том, что Германия наконец получила «основу для стабильного правительства». Не случайно пост президента рейхсбанка фюрер предложил Яльмару Шахту.

На вопрос Гитлера, сколько денег могут дать банки под его программу общественных работ и вооружения, Шахт ответил, что рейхсбанк выделит столько, сколько потребуется, «чтобы убрать с улицы последнего безработного». Он получил этот пост, а правительству взамен предоставлялись неограниченные кредиты для широкомасштабного перево-

оружения Германии. Брак между финансовыми воротилами и нацистами был заключен к взаимному удовлетворению обеих сторон.

Сочли возможным служить фюреру не только бюрократы и промышленники. Его планы возрождения Германии были сочувственно встречены многими известными писателями и представителями интеллигенции. На активное сотрудничество с нацистами охотно пошли философы Крик и Боймлер, поэты Блунк и Биндинг, многие другие. Сторонником Гитлера стал известный немецкий драматург Герхарт Гауптман, который отказался выйти из академии с приходом фюрера к власти. Гауптман считал, что Германия сама «освободит себя», как Италия, и вывесил в своем окне флаг со свастикой.

4

«Коричневая революция» продолжалась, но заметного сопротивления оппозиционные партии ей не оказывали. Ведь Гитлер действовал в рамках недавно принятого закона. Многие считали, что он стремится создать правительство, мало чем отличающееся от правительства Веймарской республики. Немцы, уставшие от насилия, вряд ли осознавали, к каким последствиям может привести сосредоточение власти в одних руках, а может, и не хотели осознавать. Правда, руководство социал-демократической партии разослало на места ряд инструкций в день вступления в силу чрезвычайного закона. Но за исключением одного абзаца, где упоминалось о начавшейся нацистской революции, в них ничего существенного не содержалось. Лидеры левых партий по ночам подвергались обыскам, тысячи коммунистов были брошены в тюрьмы, а социал-демократы, если судить по их инструкциям, больше всего были озабочены, как бы не наделать ошибок при составлении отчетов.

«Весь город охватила эпидемия скрытого, распространяющегося, как зараза, страха,— писал американский корреспондент Ишервуд о той весне в Берлине.— Я чувствовал его, как грипп, в своих костях. Город был полон слухов, передававшихся шепотом. Говорили о незаконных арестах

по ночам, об узниках, подвергавшихся пыткам в казармах СА, где их заставляли плевать на портреты Ленина, глотать касторку, жевать старые носки. Все эти разговоры перекрывались громким, сердитым голосом главы правительства, звучавшим из всех репродукторов».

В других городах, особенно небольших, внимание людей отвлекали многолюдными митингами, парадами и массовыми представлениями. В орбиту национал-социалистского движения втягивались одна за одной общественные организации, поначалу далекие от политики. Еженедельно возникали все новые и новые, например: «Сельская школа для матерей», «Организация помощи матери и ребенку», «Организация продовольственной помощи» и т.п. Менялись названия улиц и площадей; чуть ли не в каждом селении, не говоря уже о городах, можно было встретить улицу Адольфа Гитлера.

Так постепенно каждый гражданин оказывался привязанным к режиму тысячами невидимых нитей.

Уже через месяц после выборов, как отмечал Ишервуд, доверие большинства немцев было отдано Гитлеру и его партии. Журналист наблюдал, как добропорядочные обыватели одобрительно улыбались молодым штурмовикам, «собиравшимся покончить с Версальским договором. Они были довольны тем, что скоро будет лето, тем, что Гитлер обещал защитить лавочников, тем, что газеты предвещают скорое наступление лучших времен. Они были довольны тем, что евреи, их конкуренты, и марксисты, о которых они толком ничего не знали, оказались виновными в поражении Германии, в охватившей страну инфляции и будут за это наказаны».

Наказания не заставили себя долго ждать. Нацисты, например, конфисковали все имеющиеся на банковском счету средства, принадлежащие Альберту Эйнштейну, после того как в его доме при обыске было найдено оружие — кухонный нож. Нацистская пропаганда упорно отрицала факты преследования евреев, но протесты демократической общественности за рубежом, особенно в США и Англии, набирали силу. Раздраженный Гитлер заявил, что еврейский бизнес в Германии сильно пострадает, если не прекратится эта антинемецкая клеветническая кампания.

Она не прекратилась, и 1 апреля фюрер объявил о начале бойкота еврейского бизнеса, который по сути был пробным, так сказать, шаром: Гитлер, похоже, хотел проверить, как

далеко его соотечественники позволят ему зайти. Накануне бойкота итальянский посол Черрутти призвал его от имени Муссолини смягчить отношение к евреям. Гитлер ответил, что дуче в этом вопросе всерьез не ориентируется, поскольку в Италии очень мало евреев. Его же, Гитлера, мир будет чтить и через пять-шесть столетий «как человека, который раз и навсегда уничтожил еврейскую заразу».

Бойкот начался с того, что у дверей большинства магазинов и контор, принадлежащих евреям, появились коричневорубашечники. Они не применяли насилия, а лишь вежливо напоминали покупателям, что те заходят именно в еврейский магазин. Здесь же толкались зеваки, интересующиеся, чем же все это кончится. Многие покупатели на штурмовиков не обращали внимания и заходили в магазины, делали покупки. Бойкот нужного эффекта не дал и через три дня закончился.

Сам Гинденбург подобными антисемитскими мерами был очень недоволен и направил своему канцлеру послание с осуждением дискриминации евреев — ветеранов войны. Но престарелый фельдмаршал был не в состоянии совладать с человеком, тайной целью которого была ликвидация евреев как нации. В ответе президенту Гитлер особо подчеркивал, что евреи монополизировали престижные профессии и теперь рвутся на правительственные посты. «Одна из главных причин чистоты прежнего прусского государства,— писал он,— заключалась в том, что евреи имели весьма ограниченный доступ к государственным должностям. Офицерский же корпус вообще был от них свободен». Этот аргумент не мог не произвести впечатления на фельдмаршала, тем более, что Гитлер пообещал рассмотреть проблемы евреев — ветеранов войны. Этого оказалось достаточно, чтобы 7 апреля ввести в действие декрет об увольнении всех евреев с должностей в государственном аппарате и об ограничении свободы юридической профессии. В тот же день, выступая в союзе врачей, Гитлер заявил, что врачам-немцам будут предоставлены особые преимущества, чтобы они могли энергично противодействовать «чуждой расе». Через несколько недель по «закону о перегрузке германских школ» было ограничено число евреев в высших учебных заведениях. В беседе с церковными деятелями, выразившими сомнение в необходимости подобных акций, Гитлер им напомнил, что сама церковь изгнала евреев в гетто и запретила христианам работать с ними. Он же будет более эффективно

делать то, что католическая церковь пыталась делать в течение многих веков.

Многие евреи после этого покинули Германию. Но были и такие, которые считали, что антисемитские нацистские законы к ним лично никакого отношения не имеют. Столетиями евреи переживали подобные ситуации. Что может с ними случиться в стране, давшей миру Гете и Бетховена?

Помимо всего прочего, Гитлера волновало состояние самой партии. Она пришла к власти со слабой кадровой структурой, в которой ключевые посты занимали «старые борцы», чей интеллектуальный уровень уже не отвечал требованиям времени. Партия быстро росла, в ней насчитывалось уже более полутора миллионов человек, а заявления о приеме подали еще около миллиона. По сути партия становилась неуправляемой, и Гитлер распорядился прекратить прием заявлений.

Почти одновременно с принятием антисемитских законов Гитлер нанес первый удар по профсоюзам. Он объявил 1 мая Днем национального труда, превратив его в праздник солидарности рабочих и правительства. Вечером в этот день на аэродроме Темпельгоф состоялся грандиозный митинг, в котором приняли участие несколько сотен тысяч рабочих. Когда выключилось все освещение, кроме прожекторов, направленных на Гитлера, толпа замерла в благоговейном молчании. Фюрер произносил общие фразы о необходимости национального единства, о труде на благо страны. Он говорил с такой страстью, что рабочие устроили овацию и запели национальный гимн, а потом «Хорст Вессель». Митинг закончился эффектным фейерверком. «Это был поистине величественный праздник,— вспоминал французский посол.— Немецкие участники и иностранные гости ушли с убеждением, что по третьему рейху прокатилась волна примирения и согласия».

Утром следующего дня штурмовики и эсэсовцы с помощью полиции захватили штаб-квартиры профсоюзов по всей стране, их лидеры, клявшиеся вчера в верности правительству, были арестованы, профсоюзные документы и банковские счета конфискованы, газеты закрыты. К вечеру организованное рабочее движение в Германии было ликвидировано. Но Гитлер обещал рабочим, что они будут жить лучше, чем когда-либо ранее, объединившись в новый Германский трудовой фронт, который станет настоящим защитником их прав. Никаких организованных выступлений,

никаких протестов в эти дни не наблюдалось, и в конце месяца громадная армия рабочих послушно маршировала за свастикой. Не замедляя шага, они превратились из «красных» в «коричневых».

Но успехи не вскружили Гитлеру голову. К недовольству партийных радикалов, он стал осторожным и благоразумным, о чем свидетельствует его ответ на призыв президента США Ф.Д.Рузвельта об обеспечении всеобщего мира. «Германское правительство,— заявил вождь нацистов,— желает заключить мирное соглашение с другими странами. Германия знает, что в любом военном конфликте в Европе жертвы намного превзойдут любые возможные выгоды». Следует отметить, что Гитлер не раз восхищался президентом Рузвельтом, его реформами, проводимыми вопреки сопротивлению конгресса, лоббистов и бюрократии. Такой радикальный переход от воинственных требований к миролюбивым заявлениям мог позволить себе лишь человек, полностью контролирующий свою партию.

Ответ Гитлера не только успокоил Запад, но и доказал Гинденбургу, что новому канцлеру можно доверять. К этому времени канцлер уже полностью завоевал расположение престарелого фельдмаршала. «За три недели,— вспоминал Гитлер,— мы так далеко продвинулись, что его отношение ко мне стало уважительным и отеческим».

Путь к захвату всей полноты власти был расчищен, и к началу лета национал-социалистская партия стала руководящей силой в Германии. Благодаря созданию продовольственного управления рейха, все важные посты в котором заняли нацисты, партия Гитлера подчинила себе аграрные организации. Контроль над экономикой был установлен учрежденным 3 мая государственным управлением торговли и ремесел, на которое были возложены и функции Германской торгово-промышленной палаты.

Еще более важную роль сыграло образование 1 июня фонда Адольфа Гитлера для германского бизнеса, обеспечившего слияние интересов промышленников и нацистской партии. Такой контроль наряду с контролем над рынком и ценами полностью подчинил германскую промышленность правительству.

Теперь Гитлер был готов сделать следующий и, возможно, самый серьезный шаг — ликвидировать политическую оппозицию. Коммунисты уже были устранены, а 22 июня вне закона была объявлена, как «враждебная нации и госу-

дарству», социал-демократическая партия. Ее члены были лишены рейхстагом депутатских полномочий, а многие лидеры пополнили ряды узников недавно созданных концентрационных лагерей. Через два дня добровольно самораспустилась государственная партия, а две недели спустя — Германская народная партия.

К этому времени Гитлер ввел в свой кабинет еще пятерых нацистов, и когда он внес предложение о превращении Германии в однопартийное государство, серьезных возражений не последовало. Это предложение игнорировало не только конституцию, но и сам чрезвычайный закон, поскольку лишало рейхстаг власти, ликвидируя парламентскую систему. «Когда мы в кабинете обсуждали эту меру,— вспоминал Папен,— оппозиции практически не было». При голосовании предложение было принято без возражений. Оно стало законом страны 14 июля.

Германия, как и Советский Союз, оказалась под властью одной партии, а партия — под властью одного человека.

5

Во всех немецких городах и селах красные флаги с черной свастикой развевались рядом с черно-бело-красными флагами старого рейха. Штурмовики фюрера ныне воспринимались как орудие правительства; почти каждый важный пост был занят нацистом или сочувствующим. «Коричневую революцию» благословила церковь.

Гитлер не хотел ни кровавого восстания, ни таких революционных реформ, которые оттолкнули бы среднего немца и промышленника. Гауляйтерам он дал следующую установку: «Чтобы завоевать политическую власть, нужно действовать быстро, одним ударом. В экономической же сфере наши действия должны определяться другими принципами. Здесь прогресс должен осуществляться шаг за шагом, без какой-либо радикальной ломки существующей системы, ибо это поставило бы под угрозу основы нашей жизни». Слова Гитлера вызвали внутреннее неприятие у его самых сильных сторонников — коричневорубашечников, которые многие годы ждали, чтобы наконец насладиться пло-

дами победы. Но благодаря своему непререкаемому личному авторитету фюрер спустил революцию на тормозах.

Провозгласив конец экономической революции, Гитлер заменил партийного функционера, занимавшегося вопросами экономики, представителем крупного капитала. Его концепция организованной экономики была близка к подлинному социализму. Но Гитлер был социалистом лишь в той мере, в какой социализм служил его тайным целям. Его пренебрежение к частной собственности скорее можно назвать богемным, а не революционным. Капитал был нужен ему лишь для восстановления армии и экономики. Вождь нацистов был скорее Цезарем, чем Лениным, используя социализм для приведения масс в движение. Если бы он поверил в то, что народ можно увлечь капиталистическими идеалами, вполне вероятно, он бы поднял это знамя. Для Гитлера спасение Германии оправдывало любые средства.

Казалось, что он создает подлинное общество трудящихся. И миллионы немцев, униженных поражением в войне, оказавшихся на краю экономической пропасти, с готовностью отождествляли себя с ним, солдатом — героем войны и рабочим. Таким Гитлер выглядел в их представлении. Все больше коммунистов, лидеры которых томились в концентрационных лагерях, находили свой идеал в национал-социализме. Ведь принять гитлеровское определение разницы между социализмом и марксизмом было совсем не трудно: «Германский социализм строится немцами, а марксизм, международный социализм — это детище евреев».

К середине 1933 года Гитлер уже пользовался поддержкой большинства населения Германии. Буржуазия и рабочие, военные и государственные служащие, расисты и либералы увеличивали ряды нацистов.

Давно известно, что власть развращает. Но она может и освящать. Гитлер, еще год назад пользовавшийся репутацией уличного громилы, стал благодаря посту канцлера респектабельным человеком. В экономике страны наметились сдвиги к лучшему, и с улиц крупных городов постепенно исчезали нищие.

Примеру драматурга Г.Гауптмана последовали многие интеллигенты и деятели искусства. Историк и философ Освальд Шпенглер после полуторачасовой беседы с Гитлером выразил согласие с его взглядами и назвал нацистского лидера «очень порядочным человеком». Композитор Рихард Штраус был счастлив, когда Гитлер побывал на опере «Ка-

валер роз» в Берлине и пригласил его в свою ложу во время антракта.

Многие церковные деятели тоже стремились добиться расположения Гитлера. Лидер недавно запрещенной католической партии Людвиг Каас, будучи на аудиенции у папы Пия XII, высоко оценил деятельность лидера Германии. 20 июля был подписан конкордат между Ватиканом и Гитлером. Церковь согласилась принять меры против вмешательства священников в политику, а Гитлер, помимо прочего, предоставил полную свободу церковным школам в Германии. Пий XII принял представителя Гитлера «очень милостиво и выразил свое удовлетворение тем, что во главе германского правительства стоит человек, бескомпромиссно настроенный против коммунизма и русского нигилизма».

Ватикан дал указание германским епископам поклясться в верности национал-социалистскому режиму и просил Бога благословить рейх. Новая клятва германских священников заканчивалась весьма многозначительно: «В выполнении своего духовного долга и в заботе о благе и интересах германского рейха я буду стремиться избегать всех действий, которые могут нанести ему вред».

О фантастической популярности фюрера свидетельствовали толпы паломников в Шпитале — селении, в котором родилась его мать. Они осаждали крестьянский дом, где Гитлер ребенком проводил лето, залезали на крышу, чтобы сделать фотоснимки, умывались из деревянного корыта, словно там была святая вода, откалывали куски от камней фундамента сарая и уносили все, что можно было взять в качестве сувениров. Когда возвращались с поля хозяева фермы, их окружали туристы. «Это напоминало ярмарку,— вспоминал новый хозяин дома Иоганн Штюц.— Они рисовали свастику на коровах, ходили по деревне, громко распевая песни о Гитлере, и нанесли мне большой ущерб».

В конце июля 1933 года Гитлер выкроил время, чтобы совершить паломничество в Байрейт. Он возложил венки на могилы Рихарда и Козимы Вагнеров и их сына Зигфрида. Впервые он побывал в семье Вагнеров после того, как стал канцлером, и расхаживал по библиотеке в их доме с нескрываемым удовлетворением. «Именно здесь вы принимали меня десять лет назад,— сказал он Винифред Вагнер и погрустнел.— Если бы путч не провалился, все сложилось бы иначе. Я был бы в расцвете сил. А сейчас я слишком стар. Я потерял слишком много времени и должен работать

с двойной скоростью». Но грусть быстро прошла, и Гитлер уверенно заявил, что будет у власти двадцать два года. «Потом можно уйти в отставку,— закончил он,— но сначала я должен получить больше власти...»

В этот год Гитлер провел большую часть лета на своей вилле в Оберзальцберге. Он пригласил к себе Ханфштенглей, но сам глава семьи был слишком занят и отправил с ним Хелен и Эгона, которому исполнилось уже двенадцать лет. На пустынной дороге мотор вдруг заглох, и машина остановилась. Ее сразу же окружили неизвестно откуда взявшиеся семеро охранников, вооруженных пистолетами. Шофер Кемпка осмотрел двигатель. «Старая история, мой фюрер,— объяснил шофер.— Красные снова насыпали сахара в бензобак». Гитлер приказал охранникам быть начеку и с интересом наблюдал за тем, как Кемпка что-то отвинчивал, высасывал и продувал деталь, из которой на землю вылился бензин с кусочками сахара.

Как и всякий хозяин дома, Гитлер с гордостью показывал Хелен и Эгону свою виллу. Его скромно обставленная комната с видом на Зальцбург располагалась на первом этаже. «Там стоял небольшой письменный стол и висели книжные полки,— вспоминал Эгон.— Мне было интересно посмотреть, что читал Гитлер». Удивленный мальчик обнаружил, что в большинстве это были ковбойские романы.

Ханфштенгли оказались единственными гостями, но Гитлера здесь часто посещали соратники, остановившиеся в соседних пансионатах и гостиницах. «Часто приходил Геринг. Гитлер с ним прохаживался по узким тропинкам садика, тихо разговаривая. Сидя на веранде,— рассказывал Эгон,— я иногда мог слышать отдельные фразы. Например, слова Геринга: «Я подписал двадцать смертных приговоров». Мама тоже слышала, нас обоих от этого коробило».

Они вместе обедали в приятной и скромной столовой. «Говорили о музыке, политике, китайской живописи — обо всем... Совсем не чувствовалось, что перед нами сидел фюрер. Как правило, он не любил вести беседу, а либо слушал, либо произносил длинные монологи, словно читал проповедь». Но здесь, в своем загородном доме, он держался, по словам Эгона, как любезный хозяин, как простой человек.

О том, что фюрер отдыхает в Оберзальцберге, стало известно многим, и сюда устремились туристы. Гитлеру это не нравилось, и он старался не появляться на людях. Однажды толпа желающих увидеть Гитлера подкараулила

Эгона, пытаясь выяснить, не выйдет ли фюрер. Мальчик вошел в дом и, запинаясь, сказал: «Герр Гитлер, преданная вам общественность жаждет видеть вас». Гитлер рассмеялся и пошел за Эгоном к воротам. «Они чуть не попадали в обморок. Когда он ушел, они бурно меня благодарили, а одна истеричная женщина подобрала несколько камешков, на которые наступил Гитлер, сунула их в пузырек и страстно прижала его к груди». Позднее, когда пришла еще одна группа, Эгон взял у них открытки, фотографии, листки бумаги и молча положил все это перед Гитлером вместе с карандашом. «Ну, мальчик,— воскликнул тот с улыбкой,— ты, я смотрю, очень настойчивый».

По возвращении в Берлин Гитлер разрешил Ханфштенглю издать книгу карикатур на себя, взятых из немецких и иностранных изданий. На обложке книги, озаглавленной «Факт против пера», был изображен добродушный фюрер, снисходительно улыбающийся своим критикам. Ханфштенгль подобрал превосходные карикатуры — сатирические, злые — за десятилетний период. В предисловии он разъяснил, что эта книга — попытка показать разницу между подлинным и воображаемым Адольфом Гитлером.

Такая пропаганда привела в ужас Геббельса, но Ханфштенгль сумел убедить фюрера, что книга произведет впечатление на англичан и американцев. В то время многие иностранные наблюдатели были склонны считать Гитлера скорее комичной, чем зловещей фигурой. Традиционное английское чувство жалости по отношению к неудачнику срабатывало в пользу Гитлера в его переговорах с Францией по вопросам репараций и границ, тем более что английские нападки на Версальский договор по своей резкости уступали лишь немецким.

Пользуясь этим, Гитлер приступил к ревизии внешней политики Германии. Она определялась его двойной доктриной — расы и жизненного пространства. Фюрер хотя и допускал иногда отклонения от нее, но в итоге всегда возвращался к проблеме пространства на Востоке. Он питал надежду на вовлечение Англии в его крестовый поход против коммунизма и стремился убедить английских политиков в том, что Германия отказывается от претензий на господство в мировой торговле и на море. Для усиления своих позиций перед натиском на Восток Гитлер стремился заручиться поддержкой фашистской Италии, которая, как и Германия, враждебно относилась к Франции из-за амбиций Мус-

солини в средиземноморском регионе.

Дипломаты, которых Гитлер унаследовал от Веймарской республики, принадлежали к другой социальной среде и питали неприязнь к его методам, но большинство разделяло его основные цели. «Мы верили и надеялись,— вспоминал дипломат Герберт фон Дирксен,— что с течением времени неизлечимые революционеры будут устранены, а их преемники, вкусив вина власти и ее комфорта, обратятся к продуктивной работе и более консервативному мышлению». Поэтому Дирксен и его единомышленники считали своим долгом оказать содействие Гитлеру.

Гитлер проявлял такую же изворотливость в манипулировании дипломатической службой, как и в отношениях с промышленниками и военными. Всех ведущих чиновников он оставил на своих постах, включая одного еврея и одного женатого на еврейке. Он также заявил, что рейх желает установить дружественные отношения с Советами, если они не будут вмешиваться во внутренние дела Германии. Кампания против местных красных, по его словам, вовсе не свидетельствовала о враждебном отношении к СССР. Чтобы продемонстрировать свою добрую волю, Гитлер тайно дал согласие отсрочить выплату долга Советского Союза по долгосрочному кредиту, предоставленному еще до прихода нацистов к власти.

К осени 1933 года Гитлер перестал осторожничать. Он решил выйти из Лиги Наций, которая, по его мнению, проводила противоречивую политику в вопросе о перевооружении. «Мы должны с ней порвать,— заявил фюрер Папену.— Все другие соображения совершенно неуместны».

14 октября Гитлер официально объявил, что Германия выходит из состава участников Конференции по разоружению и из Лиги Наций. «Быть в такой организации, в которой нет равноправия, для имеющей чувство чести страны с 65-миллионным населением и уважающим себя правительством является нетерпимым унижением»,— заявил он. В этом обвинении был свой резон, и в каком-то смысле выход Германии из Лиги Наций, проводящей дискриминационную политику по отношению к побежденным странам, символически означал скорее отказ от Версальского договора, чем вызов Западу. Фюрер постарался заверить Францию в своих мирных намерениях, выразив надежду на германо-французское примирение.

Решительный шаг Гитлера был рискованным, но с учетом

его миролюбивых заверений довольно безопасным. Англичане, как и ожидалось, выразили больше понимания, чем осуждения. Как отметил лорд Аллен в палате лордов, «в последние пятнадцать лет мы не проявляли по отношению к Германии мудрого понимания, которого заслуживала эта страна, сбросившая развязавший войну режим».

Желая обеспечить полную поддержку своим инициативам в собственной стране, Гитлер объявил о проведении в конце сентября плебисцита. И сразу же на его канцелярию обрушился поток поздравительных посланий, «единодушно» одобрявших его предложение. Один из величайших немецких философов Мартин Хайдеггер говорил студентам: «Не амбиции заставили фюрера выйти из Лиги Наций, не страсть, не слепое упрямство, не жажда насилия, а просто ясное желание нести безусловную ответственность за судьбу нашего народа». (Хайдеггер был в то время членом национал-социалистской партии. Через несколько месяцев он из нее вышел.) Готовясь к плебисциту, Гитлер вел кампанию, как когда-то перед выборами в рейхстаг, используя все ресурсы партии, чтобы убедить народ поддержать выход из Лиги Наций. Церковь и на этот раз оказала канцлеру горячую поддержку. Все епископы в Баварии одобрили призыв кардинала Фаульхабера сказать на плебисците «да». «Таким путем католики,— говорилось в нем,— снова продемонстрируют свою верность народу и отечеству и свое согласие с прозорливыми и энергичными усилиями фюрера с целью избавить немецкий народ от ужасов войны и большевизма, обеспечить общественный порядок и дать работу безработным». Это заявление отражало недовольство общества по поводу проигранной войны и репрессивного Версальского договора. Поэтому Гитлер решил провести плебисцит 12 ноября, т.е. день спустя после годовщины перемирия.

Он обратился ко всему народу как к единому целому. «Вы не можете позволить себе внутренний конфликт в борьбе за восстановление своего положения среди наций,— заявил он на встрече с рабочими завода Сименса.— Если Германия не желает оставаться в положении отверженного, она должна настаивать на равноправии, а этого можно добиться лишь в том случае, если все немцы будут держаться вместе. Я показал, что умею руководить и не принадлежу к какому-либо классу или группе, а только вам всем».

Накануне выборов к Гитлеру присоединился Гинденбург.

«Защитите завтра свою национальную честь и поддержите правительство рейха,— призвал он народ в выступлении по радио.— Выскажитесь со мной и канцлером за принцип равенства и мира с честью, покажите всем, что мы возродили германское единство и с божьей помощью сохраним его».

Мало кто из патриотов мог не поддержать этот призыв. Когда на следующий день были подсчитаны голоса, 95,1 процента населения одобрили внешнюю политику Гитлера, а на выборах в рейхстаг 92,2 процента проголосовали за национал-социалистов, единственную партию, включенную в бюллетень. Хотя некоторые иностранные наблюдатели высмеяли эти результаты (за фюрера, как оказалось, голосовали даже узники концлагеря в Дахау — 2154 из 2242 якобы сказали «да»), они были подлинным барометром настроения немцев. Адольф Гитлер победил во внешнеполитической игре и одновременно укрепил свое положение в стране. Его победа была настолько убедительной, что через несколько недель он смог провести закон, объединивший партию и государство. В нем утверждалось, что национал-социалистская партия «воплощает в себе идею германского государства и неразрывно связана с государством».

Но хотя фюрер путем согласия (и угроз) добился значительной власти, подлинным диктатором он еще не стал, поскольку пока не исключалось сопротивление со стороны военных и даже престарелого Гинденбурга. Гитлер только вывел Германию на прямой путь к диктатуре.

Разумеется, добиться абсолютной власти без репрессий было невозможно. Поэтому неотъемлемым реквизитом национальной сцены стал концентрационный лагерь (термин немцы заимствовали у англичан, организовывавших такие лагеря во время англо-бурской войны). Он представлял угрозу для всех, а не только для тех, кто уже там находился. Никаких серьезных протестов не позволила себе и пресса, особенно после запрещения марксистских и социал-демократических изданий. Редакторы и издатели были поставлены под жесткий контроль, а после образования имперской палаты по печати были ликвидированы последние очаги независимой прессы. Вместе со свободой печати ушла свобода литературы, театра, музыки, кино, живописи.

К декабрю 1933 года Германия стояла на пороге тоталитаризма, обусловленного скорее потребностями времени и желанием согласия, чем террором. Конформизм определялся вовсе не классовой принадлежностью, он возобладал и

среди ученых, и среди рабочих. «Мы хотим поддержать дух тотального государства и сотрудничать с ним лояльно и честно,— заявил своим коллегам президент Германской ассоциации математиков.— Как и все немцы, мы безоговорочно и с радостью ставим себя на службу национал-социалистскому движению и его лидеру, нашему канцлеру Адольфу Гитлеру».

6

Диссонанс в общую атмосферу согласия и преклонения перед фюрером вносила затяжка с судебным процессом по делу о поджоге рейхстага. Он начался лишь в первый день осени, когда немецкие коммунисты успели уже убедить почти весь мир, что этот поджог был организован самими обвинителями. В Париже вышла книга о терроре Гитлера и поджоге нацистами рейхстага, которая в значительной мере была основана на дезинформации. Писатель-коммунист Артур Кестлер, впоследствии отошедший от коммунизма, признавался позднее: «У нас не было ни прямых доказательств, ни доступа к свидетелям, лишь подпольные связи с Германией. Фактически у нас не было ни малейшего представления о конкретных обстоятельствах».

Зарубежные коммунисты организовали и свой судебный процесс. Он начался в Лондоне 14 сентября 1933 года под председательством международного комитета юристов, в который вошли англичанин Д.Н.Притт и американец А.Г.Хейс. На нем присутствовал знаменитый драматург Джордж Бернард Шоу, чьи произведения нравились Гитлеру. После шестидневного разбирательства «суд» вынес следующий приговор: «Есть серьезные основания для подозрений в том, что рейхстаг был подожжен ведущими деятелями национал-социалистской партии либо по их наущению».

На следующий день в Лейпциге открылся германский процесс. Геринг был среди обвинителей, и четыре обвиняемых коммуниста часто ставили его в нелепое положение. В конце концов Геринг потерял самообладание и гневно крикнул Георгию Димитрову (впоследствии премьер-министр Болгарии): «Вы негодяй! Подождите, пока не выйдете

из этого здания!» За Герингом оставалось последнее слово, но победу одержали коммунисты, все они судом были оправданы. Ван дер Люббе, который в своих показаниях последовательно утверждал, что виновен он один, был приговорен к смертной казни.

Мировая общественность была склонна считать, что этот голландец был лишь орудием в руках нацистов, которые подожгли рейхстаг, чтобы получить предлог для расправы над красными. Так думали и многие историки до выхода в свет книги Фрица Тобиаса, который убедительно доказал, что поджог не был организован ни нацистами, ни коммунистами и что единственным поджигателем действительно был ван дер Люббе. Хотя выводы книги Тобиаса и оспаривались некоторыми историками, они были подтверждены в последующих публикациях авторов, ни в коей мере не симпатизирующих нацистам.

Хотя на приговор суда в Лейпциге, очевидно, повлияло мировое общественное мнение, он все же свидетельствовал о том, что судебная система в Германии тогда еще сохраняла определенную независимость. Когда Геринг пожаловался Гитлеру, что судьи вели себя позорно («Можно было подумать, что подсудимые не коммунисты, а мы»), тот дал характерный ответ: «Ничего, это вопрос времени. Мы скоро заставим этих стариков говорить на нашем языке. Им скоро уходить на пенсию, и мы на их место поставим своих людей. Но пока старик (т.е. Гинденбург) жив, мы мало что можем сделать».

Ханфштенгль утверждал, что слышал этот разговор за обедом в рейхсканцелярии, и той осенью он сделал очередную попытку повернуть Гитлера на путь, более приемлемый для Запада. Он позвонил Марте Додд, очень симпатичной дочери американского посла, и сказал: «Гитлер должен влюбиться в американскую женщину — приятную даму, которая смогла бы изменить судьбу Европы. Марта, вы такая женщина!» (Как и многие близкие к фюреру люди, Ханфштенгль не знал, что у Гитлера уже имелась любовница — Ева Браун.)

Марта Додд согласилась встретиться с фюрером и попробовать «изменить судьбу Европы». Но когда в кафе «Кайзерхоф» Гитлер поцеловал ей руку и что-то смущенно пробормотал, она не могла поверить, что оказалась лицом к лицу с одним из самых влиятельных людей в Европе.

На ее отца Гитлер никакого впечатления не произвел, но

его английский коллега принял фюрера всерьез. Англичане были готовы пойти на значительные уступки в удовлетворении его требований по перевооружению, и эту готовность подтвердил визит в Берлин будущего британского премьер-министра Антони Идена в начале 1934 года. Гитлер не показался Идену демагогом. «Он знал, что говорит,— отмечал Иден,— и по мере продолжения длительных бесед показал себя человеком, полностью владеющим темой обсуждения». Германия требовала в качестве предварительного условия любой международной гарантии возможности самообороны. Гитлер обещал разоружить СА и СС, если такая конвенция будет заключена.

Демонстрируя свое миролюбие, Гитлер на следующий день сделал исключительный жест — пришел на завтрак в английское посольство. До этого он ни разу не бывал ни в одном иностранном посольстве. Он почти не проявил никакого интереса к еде и напиткам, но «растаял», как только разговор зашел о его личном участии в войне. Когда Иден заметил, что бывшие солдаты меньше всех хотят новой войны, Гитлер выразил «полное согласие» с английским собеседником.

После завтрака он представил более подробные предложения: число самолетов в Германии должно составлять 30 процентов от общего их количества, которое имеется у ее соседей. Больше того, он был готов согласиться на то, чтобы немецкие воздушные силы не превышали 60 процентов от уровня французских. Ко всему прочему, лидер нацистов приятно удивил Идена, предложив сократить СА и СС, добавив, что «его здравый смысл и политическое чутье никогда не позволят допустить создания второй армии в государстве. Никогда! Никогда!».

Это был сезон уступок, и Гитлер позволил себе еще один дружественный жест, на этот раз в отношении США. 14 марта министр иностранных дел фон Нойрат направил Рузвельту послание, в котором выражалось восхищение усилиями президента по оздоровлению американской экономики, они сравнивались с аналогичными усилиями германского правительства. Послание не достигло своей цели, поскольку было составлено в не совсем корректных выражениях. К тому же и момент оказался не очень-то подходящим: неделей раньше в Нью-Йорке в зале «Мэдисон сквер гарден» Американский еврейский конгресс провел «суд» по делу «Цивилизация против гитлеризма: представление законов и

актов режима Гитлера». Гитлеризм был единодушно осужден.

7

Обещание Гитлера сдерживать СС и СА в какой-то мере успокоило Францию, но ее правительство вовсе не было убеждено в том, что программа Гитлера по перевооружению имеет сугубо оборонительный характер. Англичан это меньше встревожило, хотя и они в частном порядке выражали озабоченность особенно быстрым ростом германских военно-воздушных сил.

Французы приняли меры по ограничению германских амбиций, выдвинув план создания антинацистского блока на Востоке, в котором Польша, СССР и Чехословакия были бы звеньями в цепи безопасности под эгидой Франции.

Когда весной Франция и Советский Союз приступили к обсуждению этого плана, Гитлер, естественно, опасался, как бы это не оказалось началом окружения рейха. Ему нужен был сильный союзник, которым фюрер считал прежде всего Италию, но дуче не проявил интереса к такому союзу. Гитлеру не хотелось быть просителем, но гордость уступила нужде. Он направил послание Муссолини, в котором выразил желание укреплять дружбу и сотрудничество между «нашими двумя идеологически близкими нациями» и подчеркнул стремление Германии к равенству в области вооружений. Передать послание было поручено Герингу.

Несколько недель спустя пресс-секретарь Гитлера по иностранной печати и неофициальный шут при его дворе Ханфштенгль тоже посетил Муссолини и предложил ему встретиться с фюрером. «Вы оба поклонники Вагнера,— убеждал он дуче.— Подумайте, как это будет здорово, если вы пригласите его в Венецию, где умер Рихард Вагнер. Гитлер сможет воспользоваться вашим опытом и получит ориентировку по европейским проблемам со стороны, увидит их такими, какими они видятся за пределами Германии». Муссолини был не против этого и послал Гитлеру приглашение.

Историческая встреча была с самого начала обречена на

неудачу. По словам представителя итальянской прессы в Берлине Филиппо Боджано, Муссолини было любопытно посмотреть на политика, о котором говорит вся Европа. «Гитлер — просто болван с перевернутыми мозгами,— говорил потом дуче Боджано.— Его голова напичкана философскими и политическими штампами, в которых невозможно разобраться. Не могу понять, почему он так долго ждал, чтобы взять власть, и вел себя как кретин, со всеми этими глупыми выборами для легального прихода к власти. Либо он революционер, либо нет. Фашистской Италии никогда бы не было без похода на Рим. Мы люди действия, а синьор Гитлер — просто болтун».

Глава 12. ВТОРАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. «Все революции пожирают собственных детей» (февраль—август 1934 г.)

1

Обещание Гитлера уменьшить численность штурмовиков было вполне искренним. Многие годы СА проявляли независимость, которая постоянно беспокоила фюрера. Он знал, что без полной поддержки военных ему никогда не добиться успеха, и постарался четко разграничить функции армии и штурмовиков. «Рейхсвер,— объявил он,— является единственным носителем оружия, а СА отвечает за политическое воспитание народа». Эти слова усилили старые обиды четырех миллионов коричневорубашечников. Хотя штурмовики и оставались верными Гитлеру как своему духовному лидеру, многие из них считали, что он предал «коричневую революцию» и продался правым. Они рассматривали себя как символ радикализма партии и совершенно не были удовлетворены реформами фюрера.

Сам Гитлер, симпатизируя радикалам, все же понимал, что дальнейшая революция неосуществима, пока Германия

не преодолеет экономический кризис и не возродит вооруженные силы, а этого невозможно добиться без поддержки промышленных магнатов и военных. В то же время, выступая в традиционной роли примирителя, он сделал капитана Рема министром без портфеля, обещал назначить его министром обороны и в первый день 1934 года направил ему теплое поздравление, предупреждая, однако, между строк, что оборону страны следует оставить военным. Но Рем этому не внял. Осмелев, он послал меморандум в министерство обороны, в котором утверждал, что национальная безопасность — прерогатива СА.

Естественно, возник конфликт, и генерал фон Бломберг просил Гитлера призвать Рема к порядку. В последний день февраля 1934 года фюрер созвал совещание руководителей СА и рейхсвера, призывая обе стороны к компромиссу. Партия, сказал он, решила проблему безработицы, но через восемь лет наступит экономический спад, тогда единственным выходом будет обеспечение жизненного пространства для «лишнего» населения. Сначала будет предпринята короткая, но решительная военная акция на Западе, а потом мы устремимся на Восток. Но гражданской милиции такое не под силу. Решить эту задачу способна только народная армия, тщательно подготовленная и оснащенная самым современным оружием. СА должен ограничиться внутриполитическими делами. Гитлер заставил Бломберга и Рема подписать в его присутствии соглашение. На долю СА достались полувоенные функции: некоторые его части будут в качестве полицейских сил действовать на границах страны; кроме того, СА поручается начальная военная подготовка юношей в возрасте от 18 до 21 года, а те, кто в возрасте от 21 до 26 лет не служат в армии, станут тоже под руководством СА заниматься спортом, а фактически — военной подготовкой.

Это было ударом для Рема. «То, что говорит этот дуракефрейтор,— откровенничал он в кругу единомышленников,— ничего для нас не значит. Я не имею ни малейшего намерения соблюдать это соглашение. Гитлер — предатель. Если мы не добьемся своего с ним, мы добьемся этого без него» Один из присутствующих — обергруппенфюрер СА Виктор Лутце — счел эти слова государственной изменой и доложил Гессу. Но тот не отважился говорить с Гитлером. Тогда Лутце сам поехал в Оберзальцберг и рассказал фюреру о настроениях в высшем эшелоне СА. Фюрер внешне не

проявил к его сообщению особого интереса. Но противники Рема в СС втайне уже плели против него заговор. Инициатором его стал Рейнхард Гейдрих, руководитель СД, а не сам шеф СС, как следовало бы ожидать. Но Гиммлер не решался сначала поддержать эту интригу, возможно, из опасения, что открытый конфликт с СА приведет к расколу в партии. Но узнав, что на стороне заговорщиков выступил Геринг, он решился. Геринг являлся не только ближайшим соратником фюрера, но и мог дать Гиммлеру пост, о котором тот давно мечтал,— начальника бюро тайной полиции Пруссии (гестапо). Глава СС получил его, как только присоединился к заговорщикам. Гейдриху было поручено собрать доказательства о заговоре Рема с целью захвата власти. Рем на самом деле ни о каком путче даже не помышлял. Он лишь хотел заставить Гитлера обеспечить СА соответствующее положение в рейхе, а для этого стремился изолировать фюрера от вредных советников. Он вел войну нервов, а не замышлял государственную измену. 4 июня Гитлер пригласил Рема к себе. Их беседа, по словам фюрера, продолжалась почти пять часов. «Я просил Рема,— говорил он,— прекратить это бессмысленное противостояние и использовать свой авторитет для того, чтобы не доводить дело до катастрофы. Начальник штаба заверил меня, что доносы на него были частично неверные, частично преувеличенные и что в будущем он сделает все, чтобы исправить положение».

По достигнутой договоренности всем штурмовикам предоставлялся месячный отпуск, о чем было объявлено 7 июня. А на следующий день в отпуск ушел и сам Рем «для поправки здоровья», как подчеркивалось в сообщении агентства печати. Эти два объявления успокоили военных, решивших, что капитан укрощен, но привели в замешательство Гейдриха, который еще не собрал достаточно материалов для представления Гитлеру, чтобы убедить фюрера в измене лидера СА. Свояченица Рема предупреждала его о слухах насчет заговора Геринга—Геббельса—Гиммлера против него. «Он чувствовал, что против него что-то замышляется,— вспоминала она,— но не принимал это всерьез. Он верил Гитлеру».

2

После возвращения из унизительной поездки к Муссолини Гитлера ожидал неприятный сюрприз. Его преподнес фюреру Франц фон Папен, выступивший в Марбургском университете 17 июня. Когда Папен вошел в зал, заполненный студентами, преподавателями и членами партии в форме, аудитория застыла в ожидании. Заместитель канцлера начал свою речь с критики Геббельса, лишившего печать какой бы то ни было свободы. Публика была ошарашена таким заявлением, исходившим от второго человека в правительстве, но это было только начало. Осудив нацистских фанатиков, доктринеров и однопартийную систему, он призвал Гитлера порвать с теми, кто призывает ко второй революции. «Неужели мы прошли через антимарксистскую революцию, чтобы осуществить марксистскую программу?— вопрошал Папен.— Ни один народ не может все время восставать, если хочет сохранить себя в истории. В какой-то момент движение должно остановиться и заняться формированием солидной социальной структуры».

Нацисты стали протестовать, но их голоса заглушили бурные аплодисменты. Однако опубликовать некоторые выдержки из речи Папена решилась лишь газета «Франкфуртер цайтунг». Геббельс приказал немедленно конфисковать весь ее тираж и запретил передачу речи Папена по радио. Но ее текст попал за границу и вызвал сенсацию не только там, но и в Германии, а когда Папен появился на ипподроме, его приветствовали криками: «Хайль Марбург!»

Первые дни Гитлер молчал. Но потом, когда Папен выразил недовольство решением Геббельса замолчать его речь и даже пригрозил уйти из-за этого в отставку, Гитлер попытался успокоить своего заместителя. Он признал, что Геббельс допустил ошибку, потом посетовал на непослушание СА и обещал отменить запрет на публикацию речи. Он просил Папена лишь об одном — взять обратно свое прошение об отставке до их встречи с Гинденбургом.

Папен согласился подождать, но Гитлер нарушил слово. 21 июня, так и не отменив запрет, он один поехал в резиденцию президента в Нойдеке, объявив официально, что хочет доложить Гинденбургу об итогах переговоров с Муссолини. Вполне возможно, что Гитлер собирался просто поговорить

со стариком без Папена, выяснить, каково состояние его здоровья, и обдумать меры, которые следует принять, чтобы сделаться его преемником. Для этого ему необходима была поддержка военных, и примечательно, что первым человеком, которого фюрер встретил на ступеньках резиденции Гинденбурга, был министр обороны фон Бломберг в парадной форме, несмотря на сильную жару.

У президента были свои основания для беседы с Гитлером. Ему хотелось больше узнать о причинах такой шумихи вокруг речи Папена, но право вести беседу он уступил Бломбергу, который заявил, что главное — это сохранить мир в стране. И если Гитлер не сможет поправить нынешнее нетерпимое положение, президент передаст власть в стране армии. О Реме и второй революции не было сказано ни слова. Гинденбург дрожащим голосом выразил согласие со словами Бломберга. А через четыре минуты Гитлер уже был в самолете, летящем в Берлин.

«Если в эти месяцы я неоднократно колебался, прежде чем принять окончательное решение,— говорил Гитлер в рейхстаге через несколько недель после встречи с президентом,— это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, я не мог убедить себя в том, что отношения, которые, как я полагал, основывались на верности, оказались ложными; во-вторых, я питал тайную надежду, что смогу избавить движение и СА от позора склок и ликвидировать конфликт без особого скандала».

На следующий день Гитлер позвонил Виктору Лутце, который предупреждал его о заговоре Рема, и приказал ему немедленно явиться в резиденцию. «Он привел меня в свой кабинет,— писал Лутце в своем дневнике,— и, взяв за руку, велел дать клятву молчать, пока это дело не урегулируется». По словам Лутце, фюрер взволнованно сказал, что Рема надо устранить, поскольку он хочет вооружить СА и натравить на армию.

Между тем Гейдрих и Гиммлер времени даром не теряли. Гиммлер приказал фон Эберштайну, одному из командиров СС, предупредить командующих военными округами о том, что Рем собирается захватить власть. По армейским каналам это предупреждение было передано за несколько часов. Начальник общего управления армии сообщил офицерам, что готовится мятеж СА и что персонал СС, который поддерживает армию, должен получить оружие.

К этому времени Гитлера уже убедили в измене Рема, и

он сообщил министру обороны о том, что созывает всех командиров СА в Бад-Висзее, курортном местечке, близ которого отдыхал Рем. Когда они соберутся, сказал Гитлер, он лично их арестует. Армия была готова к действиям. Главнокомандующий рейхсвера генерал-полковник Вернер фон Фрич издал приказ о приведении всех войск в состояние боевой готовности. Были отменены отпуска, военнослужащие должны были оставаться в казармах.

Почти одновременно по радио выступил Гесс. «Горе тому, кто нарушает клятву и думает служить делу революции, поднимая восстание!» — заявил он, называя заговорщиков «доверчивыми идеалистами». Эти слова мог произнести и сам Гитлер, они звучали как призыв к Рему отказаться от второй революции и вернуться на путь истинный. На следующий день еще откровеннее высказался Герман Геринг. Любой, кто подрывает доверие к фюреру, «заплатит своей головой»,— пригрозил он. В своем уединении в Бад-Висзее Эрнст Рем должен был услышать и осмыслить эти предупреждения. Очередное было сделано 28 июня, когда Лига германских офицеров официально исключила капитана из своего состава.

В Берлине уже вовсю ходили слухи о предстоящих боях. Помощник советника Папена по печати сообщил в эти дни английскому журналисту Сефтону Делмеру, что идет война за пост преемника Гинденбурга. «В этой войне,— объяснял он,— на одной стороне — Гитлер, на другой — вице-канцлер и его единомышленники-консерваторы. Решительный бой состоится на следующем заседании кабинета, когда Папен потребует от Гитлера подавить террористов и провокаторов второй революции во главе с Ремом. Если фюрер откажется, группа Папена подаст в отставку, а Гинденбург отстранит Гитлера и передаст исполнительную власть армии. Что бы ни произошло, мой хозяин считает, что он держит Гитлера за фалды».

Сам Гитлер в этот момент находился в Эссене, наслаждаясь отдыхом на свадьбе местного гауляйтера. Но другой гость, Лутце, был встревожен. «У меня было ощущение,— писал он в дневнике,— что определенным кругам было выгодно ускорить события, пока фюрера не было в Берлине и он не мог сам все видеть и слышать, полагаясь лишь на телефон».

И телефон сыграл чуть ли не главную роль в дальнейшем развитии событий. Не успели Гитлер с Герингом прибыть на

свадебный завтрак, как из Берлина позвонил Гиммлер, зачитавший серию тревожных сообщений о приготовлениях СА. Гитлер был настолько взвинчен, что сразу же отправился в местный партийный штаб. «Здесь, в номере отеля,— писал Лутце, которого тоже спешно вызвали,— телефон звонил почти беспрерывно. Фюрер был молчалив, очевидно, принимая окончательное решение».

Кульминационный момент наступил, когда прибыл секретарь Геринга и привез сведения о готовящемся восстании коричневорубашечников. Это сообщение наряду с информацией от агента Гейдриха о том, что штурмовики оскорбили иностранного дипломата, решило исход дела. «С меня хватит,— заявил Гитлер,— надо их проучить». Он приказал Герингу выехать в столицу и быть готовым к действиям, как только услышит кодовое слово «колибри». Потом фюрер сам позвонил Рему, выразив недовольство по поводу издевательств его людей над иностранцами. Такие вещи недопустимы, гневно заключил он и предупредил капитана, что хочет лично встретиться с руководителями СА в Тегернзее через два дня в 11 утра.

Либо этот разговор не встревожил Рема, либо он сделал вид, что не придал ему особого значения, поскольку к обеденному столу он вернулся с «довольным видом» и сообщил присутствующим, среди которых был генерал фон Эпп, что 30 июня Гитлер сам приедет на совещание лидеров СА. Рем считал, что может положиться на СА и армию. А это означало, что он живет в мире собственных фантазий, не осознавая опасности интриг, плетущихся вокруг него.

Геринг, прибыв в Берлин, привел в боевую готовность прусскую полицию и отборную часть СС, недавно получившую звание «Пожизненное знамя СС — Адольф Гитлер». Более того, он дал командующему южным округом СС в Силезии полномочия арестовать ряд руководителей СА, разоружить охрану его штаба и захватить штаб полиции в Бреслау.

К 29 июня армия была готова выступить, хотя многие старшие офицеры не верили в то, что Рем намерен поднять восстание. Генерал Эвальд фон Клейст заявил главнокомандующему фон Фричу в присутствии генерала Людвига Бека, что приготовления штурмовиков к действиям, по словам начальника СА в Силезии, являются лишь реакцией на действия армии против них. Клейст считал, что третья сторона — он упомянул Гиммлера — пытается натравить СА и

армию друг на друга. Встревоженный Фрич вызвал начальника армейского управления генерала фон Райхенау. Тот выслушал мнение Клейста и сказал: «Возможно, это верно, но уже слишком поздно».

По армейским каналам, не прекращаясь, шел поток все новых сообщений — слухов, подтасованной информации и сфальсифицированных документов, убеждающих скептиков, что после путча Рем казнит или уволит всех старших офицеров армии, начиная с Фрича. Распространялись фальшивые списки приговоренных к расстрелу, и многим это начинало казаться правдоподобным. Нагнетанию обстановки способствовала и статья министра обороны фон Бломберга, заверявшая фюрера в верности ему армии.

Если Рем и читал эту статью, он, похоже, не воспринял ее как предупреждение лично ему самому. Он спокойно встречал съезжающихся в пансионат руководителей СА и выражал удовлетворение по поводу предстоящей встречи с фюрером. Капитана не встревожили слова фронтового друга, который убеждал его не совершать «роковой ошибки» — не рассчитывать, что армия не откроет огня по взбунтовавшимся штурмовикам. Действия Рема в этот вечер мало походили на действия человека, готовящего восстание. Вечером врач сделал ему укол от невралгии, и он ушел спать.

А Гитлер спать не пошел. Его апартаменты в отеле в Бад-Годесберге стали своего рода военным штабом накануне сражения, но вел он себя как нерешительный генерал, только что назначенный командующим. Около полуночи он приказал группенфюреру Йозефу Дитриху, командиру отряда телохранителей, с двумя ротами отправиться в Бад-Висзее, но через несколько минут после телефонных разговоров с Берлином и Мюнхеном изменил свой план. Из Берлина Гиммлер сообщил, что берлинские штурмовики планируют начать путч в 5.00 с захвата правительственных зданий. Гитлер отвечал ему лишь междометиями, но, положив трубку, воскликнул: «Это путч!» Ему сообщили, что глава берлинских штурмовиков Карл Эрнст вместо того, чтобы ехать в Бад-Висзее, остался в Берлине, чтобы руководить восстанием. На самом же деле Карл Эрнст находился в Бремене и готовился к морскому путешествию после свадьбы.

Тирада Гитлера с осуждением изменников была прервана звонком от Адольфа Вагнера, гауляйтера Баварии, который доложил, что разбушевавшиеся коричневорубашечники

шляются по мюнхенским улицам и кричат: «Рейхсвер против нас!»

Ярость фюрера уступила место панике. «Мне наконец стало ясно,— говорил он позднее,— что только один человек мог справиться с СА. Ведь именно мне он клялся в верности и нарушил клятву, а за это только я должен призвать его к ответу».

И Гитлер принял внезапное решение, застигшее врасплох его соратников: он сам поедет в Бад-Висзее — это «гнездо предателей». Приказав подготовить свой личный самолет, фюрер в ожидании предстоящей встречи нервно мерил шагами комнату. Как мог Рем докатиться до этого? Как он мог предать фюрера?

3

Потрясенный Гитлер поднялся на борт трехмоторного «Юнкерса-52»: его личный самолет не мог вылететь в связи с неполадками в двигателе. Было примерно два часа ночи. Фюрер уселся на свое место и уставился в бесконечность. Его пресс-секретарь Отто Дитрих «понятия не имел, что задумал фюрер», пока адъютант не дал указание снять пистолеты с предохранителей.

Ночь была облачной, временами шел дождь. Начинался серый рассвет, когда Баур посадил самолет на мокрую полосу военного аэродрома Обервизенфельд, где двенадцать лет назад Гитлер впервые вступил в схватку с полицией и армией. Начальник аэропорта растерялся. Он получил указание от Рема при приближении самолета фюрера предупредить все руководство СА. Но самолет оказался не тот, и Гитлера встретила лишь небольшая группа — партийные деятели и армейские офицеры. «Это самый черный день в моей жизни,— сказал он.— Но я поеду в Бад-Висзее и вынесу суровый приговор».

Гитлера привезли к баварскому министерству внутренних дел. Фюрер выскочил из машины и быстро прошел в здание в сопровождении озабоченного гауляйтера Вагнера, одновременно занимавшего пост министра внутренних дел. Войдя в его кабинет, Гитлер заметил в прихожей одного из

командиров баварского СА и неожиданно скомандовал: «Взять его!» Затем он обрушился на предателей — лидеров штурмовиков, замышлявших измену. «Вы арестованы и будете расстреляны!» — бушевал он.

В шесть часов утра фюрер вышел из министерства все еще в «ужасно возбужденном состоянии». Второй самолет, с вооруженным подкреплением, еще не приземлился, но Гитлер не захотел ждать. Он сел в машину Кемпки, как обычно, рядом с ним, и приказал ехать в Бад-Висзее. За ним помчалась вторая машина, где за рулем был Шрек. Всего с фюрером выехали восемь или девять мужчин и его секретарша фройляйн Шредер. На заднем сиденье Геббельс громко рассуждал о подлости штурмовиков, но Гитлер молчал. Через облака стало пробиваться солнце.

Менее чем за час они доехали до Тегернзее. С озера поднимался утренний туман. «Теперь — к пансионату Ханзельбауэра»,— приказал фюрер Кемпке. Было уже почти семь, зазвонили церковные колокола. Кемпка медленно и осторожно подъехал к пансионату. Первым вошел Гитлер. На нижнем этаже никого не было, столовая, подготовленная к обеденному банкету, тоже была пуста. Потом появилась хозяйка. Фюрер приказал ей показать комнату Рема.

Пока остальные занимали посты у дверей в другие комнаты, охранник в штатском постучал в дверь к Рему. За ним вошел Гитлер с пистолетом в руке. Кемпка, стоявший сзади него, увидел Рема, еще толком не проснувшегося и моргающего в изумлении. «Эрнст,— сказал Гитлер,— ты арестован». Рем пытался протестовать, но фюрер уже вышел и стал громко стучать в дверь напротив. Она открылась, и на пороге возник сонный обергруппенфюрер Хайнес. За ним стоял его партнер по постели — красивый молодой человек. «Это была безобразная сцена, меня чуть не вырвало»,— писал позже Геббельс. Гитлер сразу же пошел к другой двери, оставив Лутце искать оружие. «Лутце, я же ничего не сделал! Помогите мне!» — взмолился Хайнес. «Ничего не могу поделать»,— ответил Лутце, скорее смущенный, чем убежденный в своей правоте. Хайнес повиновался и был вместе с Ремом и его единомышленниками заперт в кладовой. Туда же отправили с десяток часовых, проспавших приезд Гитлера, шофера Хайнеса и нескольких мальчиков, застигнутых на месте преступления.

Пока Гитлер обсуждал с подчиненными, что же делать дальше, Кемпку послали в соседний пансионат задержать

двоюродного брата Рема Макса Фогеля, который был у него шофером. Кемпка, друживший с коллегой, смущенно объявил Фогелю, что он арестован. Когда он привел задержанного в «Ханзельбауэр», из Мюнхена прибыл грузовик примерно с сорока вооруженными штурмовиками из охраны штаба Рема. Командира задержали, а штурмовикам адъютант Гитлера Вильгельм Брюкнер приказал немедленно возвращаться в Мюнхен. Они не двинулись с места. Затем подошел фюрер. «Вы что, не слышали, что сказал Брюкнер?— закричал он.— По дороге вы встретите войска СС, и они вас разоружат». Его тон лишил их боевого духа, и грузовик тронулся.

Арестованных усадили в два автобуса, и колонна двинулась. Впереди шел «мерседес» Гитлера. Встречавшихся по дороге штурмовиков останавливали и допрашивали. Тем, кто был в составленном Геббельсом списке, приказывали сдать оружие и следовать на своих машинах за фюрером в Мюнхен.

К 9.30 колонна остановилась у «Коричневого дома». Он был оцеплен солдатами. Гитлер поблагодарил их за помощь и заверил, что они не будут использованы против СА. В штабе партии Гитлер приказал Геббельсу позвонить Герингу и сообщить ему кодовое слово. Чистка началась. Камеры тюрьмы «Штадельхайм» были уже заполнены лидерами СА, арестованными эсэсовцами. Оставшиеся в «Коричневом доме», в том числе и Рем, требовали встречи с Гитлером, но фюрер отказался их видеть, Геббельс тоже. Тогда их доставили в тюрьму. Рема поместили в одиночку.

В «Коричневом доме» генерал фон Эпп потребовал военного суда над Ремом. Гитлер гневно прервал генерала, заявив, что Рем — изменник и заслуживает смерти без суда. Генерал был настолько ошеломлен этим приступом ярости, что ничего не смог ответить, а потом сказал своему помощнику: «Чокнутый!»

В 11.30 началось совещание по поводу лидеров СА. Гитлер был по-прежнему разъярен, сумбурно перечислял свои обиды на СА. У него даже появилась пена у рта. Он обвинял Рема в намерении убить его, фюрера, чтобы потом отдать Германию во власть ее врагам. Рема и его заговорщиков ждет расстрел, заявил он.

Но казни еще не начались, так как Гитлер ждал прибытия Зеппа Дитриха с его отрядами СС. Когда Дитрих появился, фюрер приказал ему ждать, пока не будет вынесено

окончательное решение. На это ушло три часа.

В Берлине, однако, не медлили. Услышав пароль «колибри», триумвират Гиммлер—Гейдрих—Геринг приступил к действиям. Случайно узнав об их плане, Папен пытался уговорить Геринга ничего не предпринимать до получения согласия Гинденбурга на введение чрезвычайного положения. Но Геринг игнорировал его протесты и порекомендовал вице-канцлеру отправляться домой. По Берлину уже разъезжали полицейские машины, хватая противников режима. Сам Папен фактически оказался под домашним арестом, его телефон отключили, а многих сотрудников его аппарата увезли в тюрьму.

Но мало кто из берлинцев заметил что-либо необычное в это жаркое субботнее утро, хотя роскошная резиденция Рема была оцеплена полицией.

В берлинском пригороде кухарка генерала фон Шляйхера открыла дверь двум агентам гестапо и повела их в его кабинет. Один из агентов спросил у нее: «Тот, за столом, Шляйхер?» Бывший канцлер ответил: «Да, это я». Тогда агенты открыли огонь. Фрау Шляйхер, сидевшая в углу, бросилась к мужу, но ее тоже сразила пуля.

А Гитлер в Мюнхене все еще колебался. В 5 часов дня к нему вошли Мартин Борман и Зепп Дитрих. «Возвращайтесь в казармы,— приказал Дитриху фюрер.— Подберите офицера с шестью рядовыми и тех, кто занесен в список, расстреляйте за измену». Дитрих просмотрел переданный ему Борманом список. В нем были фамилии всех доставленных в тюрьму, но Гитлер поставил крестики лишь перед двенадцатью. Среди них были Хайнес и другие, но Рема фюрер все еще не решался убрать.

Когда баварский министр юстиции Ганс Франк узнал, что в тюрьму посажены многие лидеры СА, он решил пойти и выяснить, в чем же дело. Он зашел в камеру Рема. «Что все это значит? — спросил его капитан.— Что происходит?» Франк ничего не мог ему сказать. Он лишь выразил надежду, что все будет делаться по закону. Рем ответил, что готов к самому худшему. «Меня мало волнует собственная жизнь, но прошу вас,— говорил он,— позаботьтесь о моих близких, они ведь женщины, и все были на моем иждивении». Когда Франк открыл дверь, Рем схватил его за руку. «Все революции,— горько заметил он,— пожирают собственных детей».

Вскоре к Франку явился Зепп Дитрих с помощником и

объявил, что он имеет приказ расстрелять ряд лидеров СА. Ошеломленный Франк воскликнул, что казнь не может состояться ни при каких обстоятельствах, и убедил Дитриха позвонить в «Коричневый дом». Вначале тот сам разговаривал с Гессом, потом протянул трубку Франку, пояснив: «С вами хочет говорить фюрер». Гитлер, не слушая Франка, сразу же начал кричать: «Вы что, отказываетесь выполнить мой приказ? Может, вы симпатизируете этим преступным отбросам? Я их вырву с корнем!»

В тюрьме уже вывели во двор первую шестерку обреченных. «Фюрер и рейхсканцлер приговорил вас к смертной казни,— объявил офицер СС.— Приговор будет приведен в исполнение немедленно». Когда командир верхнебаварских штурмовиков Аугуст Шнайдхубер увидел, что главным палачом является Зепп Дитрих, он крикнул: «Зепп, мы же друзья, что происходит? Мы совершенно невиновны!» Дитрих с каменным лицом произнес: «Вы приговорены к смертной казни фюрером. Хайль Гитлер!»

К стенке поставили первого приговоренного. Он отказался от повязки на глаза. Прозвучали выстрелы. Вторая и третья жертвы тоже попросили не завязывать им глаза. Дитрих присутствовал при расстреле первых двух. Когда дошла очередь до Шнайдхубера, он ушел.

Поздно вечером Гитлер поехал на аэродром. «Я помиловал Рема,— сказал он провожавшему его генералу фон Эппу,— благодаря его заслугам». Поднявшись в самолет, фюрер сел на переднее сиденье, и Баур взял курс на Берлин.

Хотя в Берлине внешне все было спокойно, город наполнили зловещие слухи об арестах и расстрелах. Но мало кто знал об убийстве генерала фон Шляйхера и его жены или о том, что Грегора Штрассера схватили за обеденным столом и доставили в тюрьму гестапо. Там в него начали стрелять через окошко в двери камеры. Грегор метался из угла в угол, пытаясь увернуться. Наконец один из охранников вошел в камеру и прикончил его. Так погиб враг Геринга и Геббельса, сохранявший своеобразную верность фюреру.

В столице чисткой руководил Геринг. К концу дня он собрал в здании министерства пропаганды иностранных корреспондентов и сделал официальное сообщение. «Геринг прибыл одетый в один из своих многочисленных парадных мундиров,— вспоминал бывший сотрудник гестапо.— Он шел медленно, торжественным шагом и, поднявшись на трибуну, выдержал длинную, многозначительную паузу, за-

жав рукой подбородок и закатив глаза, словно боялся того, о чем сейчас скажет. Когда он упомянул в числе заговорщиков Шляйхера, кто-то спросил, что же случилось с бывшим канцлером. «Он имел глупость сопротивляться,— ответил Геринг со злорадной ухмылкой,— и был убит».

К вечеру число жертв чистки резко возросло. Друг Шляйхера генерал фон Бредов был убит у входа в свой дом. У исполняющего обязанности комиссара полиции в Бреслау были выпущены кишки. Командир кавалерии СА был убит в курительной комнате. Составитель последней нашумевшей речи Папена лежал мертвый в подземной камере гестаповской тюрьмы. Был расстрелян пресс-секретарь вице-канцлера. В казармах СС погибли чиновники министерства транспорта, председатель «Католической акции», а также Карл Эрнст, который не успел уехать в свадебное путешествие. Его последними словами были: «Хайль Гитлер!»

Коричневорубашечники были полностью деморализованы. Некоторых из них подняли по тревоге, вооружили, приказали арестовывать предателей, а затем эсэсовцы бросили в тюрьму их самих. Многих штурмовиков Гиммлера избивали прямо на улицах и расстреливали на месте.

Наконец в 10 часов вечера самолет Гитлера приземлился на аэродроме Темпельгоф. Его встречал узкий круг приближенных: Геринг, Гиммлер, Фрик и несколько сотрудников гестапо, а также полицейский эскорт. На фюрере были коричневая рубашка, черный галстук-бабочка, кожаная куртка и черные армейские сапоги. Он выглядел усталым, бледным, осунувшимся. Поздоровавшись, Гитлер отвел в сторону Геринга и Гиммлера и внимательно выслушал их доклады. Гиммлер передал ему список, который Гитлер стал внимательно изучать. Затем тройка села в машину, за ней двинулся эскорт. Гитлер сообщил, что Рема казнить не следует, он дал слово генералу фон Эппу. Соратники запротестовали. Зачем тогда понадобилось такое побоище, если Рем помилован? Они спорили всю дорогу.

4

Гинденбург воспринял репрессии спокойно. Его первой реакцией на доклад Мейснера было ворчливое: «Я же вам говорил». «Я много раз советовал канцлеру,— бурчал старик,— бросить за решетку этого аморального и опасного Рема. Но он меня не слушал. А вот теперь сколько крови пролилось!»

Утро следующего дня, 1 июля, было теплым и солнечным. Берлинцы с детьми не спеша прогуливались по улицам. Мало кто обратил внимание на короткое сообщение о казни шести заговорщиков за измену. Те же, кто был посвящен в политические интриги, узнали, что Гитлер после мучительных размышлений наконец был вынужден согласиться на казнь Рема. Но он проявил своеобразное великодушие: приказал бригаденфюреру Теодору Айке дать Рему шанс застрелиться самому.

Было еще светло, когда Айке с двумя помощниками прибыл в тюрьму «Штадельхайм» с устным приказом Гитлера. Начальник тюрьмы сначала отказался передать заключенного без письменного документа, но сдался после угроз Айке. В камере № 474 на койке лежал Рем, голый до пояса из-за сильной жары. «Вы потеряли право на жизнь,— объявил ему Айке.— Фюрер дает вам еще одну возможность сделать правильный выбор». После этих слов эсэсовец положил на стол пистолет с одним патроном и вышел из камеры. В коридоре Айке ждал почти пятнадцать минут, потом снова вошел к Рему с двумя помощниками. «Герр Рем, приготовьтесь!» — крикнул он. Потом, заметив, что револьвер дрожит в руке помощника, скомандовал: «Целься медленно и спокойно». В маленькой камере оглушительно прозвучали два выстрела. Рем грохнулся на пол. «Мой фюрер,— прошептал он,— мой фюрер».— «Об этом раньше надо было думать, теперь слишком поздно»,— сказал Айке. Было 6 часов вечера. После казни Рема пришла очередь тех, кто был внесен в берлинские списки.

Папен был еще жив, потому что его влиятельные друзья все время кружили на машинах, объезжая его дом. А посол Додд даже оставил у двери визитную карточку с припиской: «Надеюсь, мы скоро встретимся». Додд считал Папена коварным и трусливым, но пошел на этот шаг «в знак

протеста против нацистских жестокостей».

Люди еще мало знали о том, что происходит. Не прояснило ситуацию и заявление Геринга, сделанное им в конце дня. «Чистка будет проведена безжалостно»,— сказал он, заверив граждан, что в стране теперь все спокойно и фюрер владеет положением. Как большинство официальных сообщений, и это было смесью правды и выдумки, а публика поверила тому, во что хотела верить: ничего страшного не произошло, просто ради блага государства была проделана неприятная, но необходимая работа.

Почти сразу же после заявления был опубликован приказ генерала фон Бломберга по рейхсверу, в котором говорилось о верности фюреру и присяге. Это означало, что армия кровно связала себя с Адольфом Гитлером.

Убийства продолжались до утра 2 июля. Без суда были казнены человек сто, возможно, двести, точное число никогда не будет известно.

По всей стране в этот жаркий понедельник средний немец радовался тому, что этих дебоширов в коричневых рубашках наконец-то призвали к порядку. «Никто не любил Рема и его выскочек,— вспоминал корреспондент Делмер,— этих бывших официантов, портье, водопроводчиков, которые третировали простых людей хуже, чем прусские гвардейцы во времена кайзера. Их, мчавшихся по улицам в шикарных новых автомобилях, боялись и ненавидели простые бюргеры». Устранив этих головорезов, Гитлер стал героем толпы.

Но у Гинденбурга усиливались сомнения. Особенно его потрясло зверское убийство генерала фон Шляйхера и его жены, и он потребовал провести расследование. Принять официальную версию о сопротивлении аресту фельдмаршал не мог, в то же время он уже не был способен к действию и послушно подписал составленную нацистами поздравительную телеграмму Гитлеру, в которой фюреру выражалась признательность за спасение Германии.

5

Одобрение чистки не шло дальше границ Германии, и иностранная пресса была полна осуждающих материалов. Гитлер отмахивался от этой критики. Его гораздо больше заботил рост подспудного недовольства внутри страны: уже немало людей стали подозревать, что их обманывают. Причем всплывали все новые и новые факты о зверствах гитлеровского режима. Например, был казнен старый противник Гитлера бывший комиссар Баварии фон Кар, по ошибке вместо штурмовика Вильгельма Шмида был расстрелян музыкальный критик Вилли Шмид.

Гитлер, конечно же, был потрясен ликвидацией старых друзей и товарищей и, возможно, даже испытывал чувство раскаяния. В частном порядке он поручил Гессу выразить соболезнование вдовам и родственникам погибших. Гесс выполнил это поручение. Вдове музыкального критика он посоветовал считать гибель мужа мученичеством за великое дело и обещал назначить ей государственную пенсию. Пенсии были предложены фрау Штрассер и матери Рема. Последняя не верила, что ее сын был гомосексуалистом, и холодно отвергла это предложение, не желая брать ни пфеннига от убийцы сына.

Гитлер также сделал попытку помириться с Папеном и пригласил его на чрезвычайное заседание кабинета, будто тот не находился под арестом. Он весь был воплощением дружеских чувств, когда пригласил вице-канцлера занять свое обычное место за столом. Разгневанный Папен сказал, что об этом не может быть и речи, и потребовал разговора наедине. Оба вышли в соседнюю комнату. Папен, возмущенный своим домашним арестом и убийством пресс-секретаря, потребовал немедленного расследования и заявил, что уходит в отставку. Но Гитлер вежливо отказался принять эту отставку.

На заседании кабинета генерал фон Бломберг от имени вооруженных сил поблагодарил фюрера за решительные действия против предателей. Это позволило Гитлеру оправдать погром СА. «Когда вспыхивает бунт,— сказал он,— капитан корабля не может ждать, пока корабль доплывет до берега, чтобы отдать бунтовщиков под суд. Он сам должен навести порядок». Как всегда, протеста не выразил ни

один из членов кабинета, в том числе и министр юстиции, у которого погибли несколько друзей. Мало того, кабинет издал постановление, узаконившее «меры, принятые 30 июня и 1 и 2 июля» как «чрезвычайную защиту государства».

Папен был не единственным, кто хотел уйти в отставку. Баварский министр юстиции Франк тоже высказал такое намерение. Гитлер на это резко ответил: «Вы что, хотите покинуть корабль посреди океана? Мы же в бою. Не забывайте, что в каждой революции есть жертвы».

Он даже дал весьма любопытное объяснение росту числа концентрационных лагерей. «Если бы у меня, как у Москвы, была необъятная Сибирь,— говорил он,— не было бы нужды в этих лагерях. Кто в мире говорит о миллионах жертв большевизма? Еврейская пресса всего мира меня преследует, потому что я антисемит. Герр Сталин — ее любимец». И Франк порвал свое заявление.

Папен не унимался. Он потребовал отдать ему урну с прахом своего пресс-секретаря и организовал его похороны на кладбище, игнорируя предупреждение Гиммлера, что такие действия могут спровоцировать беспорядки. Вице-канцлер бомбардировал фюрера письмами с протестами против содержания в тюрьме четырех его сотрудников. Гитлер терпеливо советовал Папену подождать предстоящего специального заседания рейхстага по вопросу о чистке, заявляя в то же время, что берет на себя полную ответственность за случившееся, в том числе и за ошибки, совершенные в «чрезмерном рвении».

Заседание открылось в здании оперного театра 30 июля. Меры по обеспечению его безопасности были беспрецедентные. На всем пути Гитлера от рейхсканцелярии до театра с обеих сторон стояли цепи полицейских и эсэсовцев, в вестибюле театра гостей подвергали обыску. В зале среди публики сидели агенты в штатском. Как вспоминал один западный дипломат, «все присутствующие — демонстративно отсутствовали лишь американский, французский и русский послы — признавали, что среди власть имущих начался период дикого, панического страха».

В восемь вечера на трибуну поднялся мрачный фюрер. Выбросив в приветствии руку, он начал говорить, в резких выражениях характеризуя заговор «деструктивных элементов» и «патологических врагов германского государства». Он подробно остановился на принятых для его подавления мерах и о своей личной роли в этом. И если не считать ино-

странных наблюдателей, почти все немцы в театре были заворожены его выступлением, вся Германия, затаив дыхание, застыла у репродукторов. Американский посол Додд, поклявшийся никогда не присутствовать на выступлениях канцлера и не разговаривать с ним, кроме как по официальным поводам («глядя на этого человека, я испытываю чувство ужаса»), с недоверием слушал утверждения Гитлера о том, что казнены были лишь семьдесят четыре заговорщика и что он, фюрер, приказал расстрелять троих членов СС за «грубое обращение с арестованными». Последнее, вероятно, адресовалось Папену с целью убедить вице-канцлера, что убийцы невинных, таких как его пресс-секретарь, были наказаны. Фюрер обратился также к избежавшим наказания участникам заговора, заявив, что прощает их, что все до единого должны работать на благо германского народа и государства.

Когда Гитлер закончил выступление, хорошо подобранная аудитория устроила ему бурную овацию, а рейхстаг тут же принял резолюцию, одобряющую меры по подавлению заговора, фактически выдавая канцлеру лицензию на убийства. Не прозвучало ни единого слова протеста.

Среди военных не только министр обороны поддержал расправу над СА и убийство генералов фон Шляйхера и фон Бредова. Офицерский корпус воспринял гибель двух товарищей с удивительным хладнокровием, закрыв глаза на методы Гитлера на том основании, что подавление мятежа было гарантией мира внутри страны. Чувства офицеров передавались рядовым, восторженно встретившим Гитлера, когда несколько дней спустя он объезжал колонну солдат в открытом автомобиле.

Лишь горстка офицеров набралась достаточно смелости, чтобы выразить протест. Их возглавил престарелый фельдмаршал Август фон Макензен, который вместе с другими двадцатью восемью старшими офицерами 18 июля послал Гинденбургу меморандум. В нем выражался резкий протест против убийства Шляйхера и Бредова и содержалось требование наказать виновных. Но этот шаг не имел последствий. До больного Гинденбурга документ, очевидно, не дошел. Во всяком случае никаких мер принято не было.

Казалось, все влиятельные слои германского общества были либо запуганы, либо убеждены в правоте Гитлера. В итоге то, что могло стать его личной катастрофой, оказалось своего рода победой: чистка по крайней мере положи-

ла конец фракционной борьбе в партии. Одним ударом с «крамолой» в СА было покончено.

От разгрома СА в первую очередь выиграл Гиммлер. 20 июля фюрер наделил СС статусом независимой организации и разрешил ей формировать вооруженные подразделения.

Сама же нацистская партия понесла тяжелые потери. Многие самые верные ее бойцы, мечтавшие о справедливом обществе, жертвовавшие ради этого жизнью, вдруг узнали, что их предали. Тысячи самых убежденных нацистов до конца жизни не могли забыть об этих днях позора. Уцелевшие лидеры СА объявили предавшему их фюреру тайную войну. Их ненависть к элитарным СС нередко прорывалась наружу. Новый командир СА Виктор Лутце на пьянке в штеттинском ресторане, изливая душу товарищам-штурмовикам, заявил, что когда-нибудь «позор 30 июня будет смыт», и обрушился на Гиммлера и СС, которые заманили Рема в ловушку. Один из эсэсовцев попытался урезонить подвыпившего Лутце, но тот упорствовал: «Я это буду говорить, даже если завтра попаду в концлагерь».

6

Во время своей июньской поездки в Италию фюрер обещал Муссолини не покушаться на независимость Австрии. Это была очень серьезная уступка, поскольку аншлюс (включение родины фюрера в состав Великой Германии) был одной из первых целей Гитлера. Несмотря на это обещание, СС продолжали оказывать значительную финансовую помощь и моральную поддержку австрийским нацистам, которые развязали в стране настоящий террор, взрывая железнодорожные пути и электростанции немецким динамитом и убивая немецким оружием сторонников канцлера Энгельберта Дольфуса. По иронии судьбы коротышка Дольфус был ярым националистом, который противодействовал как нацизму, так и социализму. В начале года Дольфус жестоко подавил восстание левых, подвергая артиллерийскому обстрелу социалистов, засевших в одном из крупных кварталов Вены, до тех пор, пока они не сдались. После

этого он бросил все силы на ликвидацию местных нацистов, заручившись обещанием Муссолини удержать Гитлера от возмездия.

Австрийские нацисты, вдохновленные решительными действиями Гитлера по разгрому СА, сами перешли к активной борьбе. 25 июля они устроили собственный путч под кодовым названием «Летний фестиваль». В полдень ударный отряд в составе 150 нацистов в форме австрийской армии ворвался в резиденцию правительства, стремясь захватить Дольфуса и его сподвижников. Заговор был раскрыт, и все министры, кроме двоих, сбежали, но отважный Дольфус остался. Его расстреляли в упор, и пока он лежал на полу, обливаясь кровью, мятежники передавали по радио лживое заявление, что канцлер принял решение об отставке.

В Берлине сообщение о нацистском путче в Австрии было встречено с одобрением. Агентство печати так комментировало это событие: «Произошло неизбежное. Немецкий народ в Австрии поднялся против угнетателей и палачей». Гитлер в этот день находился в Байрейте на фестивале, посвященном Вагнеру, и поначалу отнесся к сообщению внешне равнодушно. Но его тревожила мысль, не воспримет ли Муссолини путч как нарушение данного ему слова и не пошлет ли в Австрию войска. Действительно, Муссолини был в ярости. Мало того, что Гитлер нарушил обещание. К этому прибавились и личные мотивы: у дуче как раз в это время гостила фрау Дольфус с детьми, и ему самому пришлось сообщить ей о гибели мужа.

Вечером Гитлер сидел в оперном театре, слушая «Лоэнгрина», но вряд ли он мог в полной мере насладиться музыкой: в ложу то и дело входили его адъютанты и шептали на ухо фюреру тревожные новости из Австрии. Муссолини приказал двинуть войска к границе. Вскоре стало ясно, что венский путч обречен на провал, и когда Гитлер прибыл в дом Вагнера, молодой Фриделинд заметил, что он очень нервничает.

Вскоре Гитлер позвонил заместителю министра иностранных дел фон Бюлову, чтобы узнать подробности венских событий. И когда Бюлов сообщил, что германский посланник в Австрии Рит ведет переговоры с властями о возможности высылки арестованных убийц Дольфуса в Германию, Гитлер взорвался. Он заявил, что Рита никто не уполномочивал ни на какие переговоры. Позднее, когда фюрер позвонил еще раз, Бюлов записал: «Рейхсканцлер сказал,

что будет вынужден арестовать высылаемых заговорщиков и отправить их в концлагерь».

После этого Гитлер позвонил бывшему канцлеру фон Папену и попросил его заменить Рита в Вене. Папен вначале отказался, но фюрер настаивал и даже послал за Папеном самолет. Тот долго размышлял, почему Гитлер выбрал именно его. Может, потому, что он осуждал террористические методы австрийских нацистов и был другом Дольфуса? Придя к Гитлеру, Папен увидел, что тот был близок к истерике — «отчаянно ругал австрийских нацистов за глупость и авантюризм». Папен согласился поехать в Вену, но с условием, что назначенный Гитлером инспектор нацистской партии Австрии будет немедленно уволен. Гитлер дал согласие.

В приемной Папен встретил старого друга Яльмара Шахта, которому Гитлер предложил пост министра экономики. Шахту многое не нравилось в политике канцлера, особенно эксцессы, связанные с разгромом СА. Но, как впоследствии признавался Шахт, он решил принять предложение, чтобы, действуя изнутри, оказывать влияние на политику, стремясь сделать ее более умеренной. Шахт тоже выдвинул условие — прекратить антиеврейские действия. Гитлер на это ответил так: «В экономике евреи пока могут оставаться, по крайней мере, те из них, кто хорошо знает свое дело». Шахт принял предложение Гитлера.

Заручившись поддержкой Папена на дипломатическом фронте и Шахта — в области перевооружения, фюрер решил, что он отразит любые протесты из-за рубежа в связи с убийством Дольфуса. Самые резкие выпады исходили от Муссолини. В послании вице-канцлеру Австрии принцу Рюдигеру фон Штархенбергу дуче заявил о решимости Италии сражаться за независимость Австрии и даже лично поехал в Вену выразить соболезнование. В беседе с вице-канцлером он обвинил Гитлера в организации венского путча, прибавив: «Если эта страна убийц и педерастов подчинит себе Европу, это будет конец европейской цивилизации». Муссолини не видел особого сходства между нацизмом и фашизмом. Внешне оба режима чем-то немного похожи, говорил он, но на авторитарности это сходство кончается: «Фашизм берет начало в великой культурной традиции итальянского народа, он признает право личности, признает религию и семью. А национал-социализм — это дикое варварство. Как и все варварские орды, он не допускает

прав личности. Вождь у нацистов — распорядитель жизни и смерти своего народа. Этот нетерпимый и преступный спектакль, который Гитлер показал миру тридцатого июня, не допустила бы никакая другая страна. Ну что же, убийство Дольфуса может принести и пользу. Возможно, великие державы признают наконец германскую угрозу и организуют большую коалицию против Гитлера, единственный ответ ему — общий фронт. Гитлер вооружит Германию и начнет войну, возможно, через два-три года. Я не могу выступить против него один. Мы должны что-нибудь сделать вместе и сделать быстро».

Отвращение Муссолини к Гитлеру и Германии было настолько сильным, что дуче стал выражать свои чувства публично. «Тридцать веков истории позволяют нам смотреть снисходительно на определенные доктрины, проповедуемые за Альпами потомками людей, которые не имели письменности в те времена, когда в Риме процветали Цезарь, Вергилий и Август»,— заявил он в речи на торжествах по случаю спуска на воду очередного военного корабля.

7

Шок чистки и убийство Дольфуса заметно повлияли на Гинденбурга. Его здоровье резко ухудшилось, и он оказался прикованным к постели.

Фюрер был в Байрейте, когда узнал, что старику вот-вот придет конец. 1 августа он спешно отправился в имение Гинденбурга в Нойдеке. Гостя ожидал холодный прием. Оскар фон Гинденбург привел Гитлера в спальню президента. «Отец,— сказал он,— прибыл рейхсканцлер». Гинденбург молча лежал с закрытыми глазами. Оскар повторил свои слова. Не открывая глаз, больной спросил: «Почему вы не пришли раньше?» — «Что он имеет в виду?»— шепотом спросил Гитлер у Оскара. «Рейхсканцлер не мог прийти раньше»,— сказал тот отцу, на что фельдмаршал пробормотал: «Понятно». После паузы Оскар добавил: «Отец, рейхсканцлер хочет обсудить с тобой кое-какие вопросы». На этот раз старик открыл глаза, вздрогнул, взглянул на Гитлера, и веки его снова опустились. Возможно, президент

ожидал увидеть своего любимого рейхсканцлера Папена.

Гитлер вышел в мрачном настроении. По дороге в Берлин он со свитой остановился на ночь в имении Финкенштайн, где когда-то начинался роман Наполеона с графиней Валевской. Хозяин предложил Гитлеру переночевать на кровати императора, но фюрер холодно отказался.

На следующий день, когда жизнь уже покидала престарелого фельдмаршала, кабинет Гитлера единогласно принял закон об объединении постов президента и канцлера. Закон вступал в силу с момента смерти Гинденбурга, которая не заставила себя ждать.

Отныне Гитлер становился единоличным главой рейха. Под его командование переходили все вооруженные силы страны. Он немедленно вызвал генерала фон Бломберга и командующих тремя родами войск, которые приняли присягу, зачитанную Гитлером. Генералы дали клятву о «безграничной преданности Адольфу Гитлеру, фюреру рейха, верховному главнокомандующему вооруженными силами».

Это был беспрецедентный акт. Прежде присяга в Германии приносилась на верность конституции и президенту. Теперь же армия присягала конкретному лицу, что устанавливало личную связь между фюрером и каждым солдатом, матросом и летчиком. Однако ни один военнослужащий не выразил по этому поводу даже сомнения, и к концу дня все поклялись в личной верности фюреру.

Похороны Гинденбурга состоялись на следующий день, но не в Нойдеке, как того желал Гинденбург, а по требованию Гитлера — в Танненберге, где фельдмаршал одержал свою великую победу в годы первой мировой войны.

Гитлер поднялся на трибуну. Но адъютант по ошибке положил перед ним не тот текст. Фюрер на это отреагировал мгновенно и экспромтом произнес краткую речь, настолько краткую, что у многих это вызвало удивление. Он говорил о военных и политических заслугах фельдмаршала так, словно тот был одним из героев древнегерманских сказаний.

В конце церемонии Гитлер поцеловал руки дочерям Гинденбурга. А генерал фон Бломберг, то ли растрогавшись, то ли из желания угодить фюреру, предложил военнослужащим по-новому обращаться к главе нации: называть его не «герр Гитлер», а «мой фюрер». Гитлер согласился с этим. Вернувшись в Берлин, он позвонил Папену, чтобы узнать, не оставил ли президент политическое завещание. Папен обещал выяснить это. Тогда Гитлер попросил вице-канцле-

ра сразу передать документ ему, если таковой имеется. Вскоре Папен вернулся из Нойдека с двумя запечатанными конвертами. Фюрер, прочитав бумаги, был явно недоволен и сказал, что сам решит, публиковать ли их и когда. Пошли слухи, особенно среди иностранных журналистов, что Гитлер по каким-то причинам скрывает содержание президентского завещания. Ханфштенгль сказал об этом Гитлеру. «Передай своим иностранным друзьям, чтобы ждали, пока документ не будет опубликован официально,— раздраженно ответил фюрер.— Мне плевать, что думает эта шайка лжецов». Наконец 15 августа завещание было опубликовано. В нем восхвалялись заслуги Гитлера и его правительства, и армия именовалась опорой «нового государства».

Несмотря на неприятие Гинденбургом определенных сторон гитлеровского режима, он действительно считал фюрера своим прямым преемником.

19 августа почти 90 процентов немцев проголосовали за Адольфа Гитлера как преемника президента. Тем самым они одобрили программу фюрера, позволив ему сделать еще один шаг на пути к диктатуре.

Глава 13. ТРИУМФ ВОЛИ (1934—1935 гг.)

1

Сразу же после плебисцита Гитлер уехал в Берхтесгаден на отдых. Часами он бродил в окрестностях Оберзальцберга, любуясь горными вершинами. Но фюрер также серьезно готовился к предстоящему съезду партии в Нюрнберге, на котором могли возникнуть непредвиденные эксцессы, связанные с чисткой СА и убийством Рема. Кроме того, в стране все еще было неспокойно; интеллигенты наподобие Шпенглера, которые сначала горячо поддерживали национал-социализм, ныне стали его врагами.

Фюрера раздражало и поведение иностранных журнали-

стов, которые выискивали факты и материалы, высмеивающие его режим. Американка Дороти Томпсон в статье для журнала «Харперс мэгэзин» описывала впечатления своего соотечественника от пьесы, возлагавшей главную вину за казнь Христа на евреев. «Это не революция,— сказал ей американец.— Это возрождение. Немцы считают Гитлера богом. Верьте или нет, когда Христа подняли на крест, немка, сидящая рядом со мной, воскликнула: «Вот он! Это наш фюрер, наш Гитлер!» А когда Иуда получал свои тридцать сребреников, она прокомментировала: «А это Рем, он предал вождя». Эту же историю занес в свой дневник и посол Додд, описывая ту же постановку и такую же реакцию зрителей.

Но многие штурмовики, оставшиеся в партии, придерживались иного мнения, считая Иудой Гитлера. Один из них, бывший подчиненный Рема Макс Ютнер, при встрече с фюрером начал громко восхвалять своего погибшего хозяина. Гитлер вскипел: «Зачем вы поднимаете этот вопрос? — закричал он.— Рем осужден». Ютнер возразил, напомнив, что сам фюрер не назначил бы капитана начальником штаба, если бы у него не было ценных качеств. Гитлер сразу же изменил тон, похлопал собеседника по плечу и проникновенно произнес: «Вы правы, но вы не могли знать всего. Рем и Шляйхер хотели поднять против меня путч, его надо было предотвратить. Я хотел передать дело в суд, но события развивались слишком быстро, и многие деятели СА были расстреляны без моего согласия. Но из-за международной шумихи мне пришлось взять вину на себя».

Организатором торжеств в Нюрнберге Гитлер назначил молодого Шпеера. Тот распорядился снести временные трибуны на местном стадионе и возвести на их месте каменные длиной в 400 и высотой в 24 метра. Над трибунами нового стадиона вознесся гигантский орел с размахом крыльев в 30 метров. Вокруг стадиона было расставлено 130 зенитных прожекторов с дальностью освещения 7500 метров. Против этого возражал Геринг, не желая оставлять без прожекторов люфтваффе, но Гитлер поддержал Шпеера.

Чтобы съезд получил широкую огласку и за пределами Германии, фюрер попросил известную актрису и кинорежиссера Лени Рифеншталь сделать документальный фильм. Та прибыла в Нюрнберг за неделю до открытия съезда со съемочной группой в 120 человек, включая 16 операторов.

Съемки велись с самолетов, подъемных кранов.

В Нюрнберг потоком устремились участники предстоящего действа. Их тщательно подбирали несколько месяцев, каждому был присвоен номер, определено место в грузовике, выделена койка в громадном палаточном городке на окраине города. К 4 сентября все было тщательно отрепетировано. В этот вечер фюрер произнес краткую речь в старой ратуше, после него выступил Ханфштенгль, призывая иностранную прессу «освещать события в Германии без попыток истолковывать их». К ночи по меньшей мере десять тысяч поклонников фюрера собрались у отеля, где он остановился, скандируя: «Мы хотим видеть нашего фюрера!» Когда Гитлер вышел на балкон, ему устроили овацию.

Утром следующего дня Гитлер появился на центральной площади города в сопровождении своих соратников. После исполнения увертюры из «Эгмонта» вперед выступил Гесс и торжественно зачитал фамилии погибших в путче 1923 года, что по замыслу устроителей этого невиданного спектакля должно было повергнуть в благородную скорбь 30-тысячную толпу, заполнившую площадь.

Вечером 7 сентября торжества достигли своего апогея. 200 тысяч вымуштрованных нацистов с 20 тысячами флагов в руках заполнили поле стадиона. Эффект от света 130 прожекторов Шпеера был потрясающий. «Освещенный ими стадион производил впечатление гигантского зала, окруженного гигантскими сверкающими белыми колоннами,— вспоминал Шпеер.— Иногда через величественную стену света, как в фантастическом мире, проплывали облака». Усиленный громкоговорителями голос Гитлера гремел над толпой. «Мы сильны и будем еще сильнее!» — заявил он, и в этих словах звучали и угроза, и обещание.

Лени Рифеншталь и ее операторы снимали эту сцену с разных точек, несмотря на помехи, чинимые им назойливыми штурмовиками, которых подстрекал Геббельс. Фюрер об этом не знал.

Сам Гитлер опасался враждебных выходок со стороны СА. «На стадионе чувствовалась напряженность,— вспоминал американский корреспондент Уильям Ширер.— Перед Гитлером выстроилась цепь эсэсовцев, отделивших его от штурмовиков. Гитлер произнес речь, сняв со многих из присутствующих вину за причастность к заговору Рема». Встреча прошла без эксцессов и обеспечила успех заключительному дню нацистского съезда — 10 сентября. Эта дата

была объявлена Днем армии. Перед собравшимися прошли, чеканя шаг, моторизованные части, оснащенные самым современным оружием. Это была первая публичная демонстрация военной мощи Германии после войны. Гитлер пришел в такой же экстаз, как и вся толпа, и после его заключительной речи долго не стихали овации. Затем к микрофону подошел Гесс. «Партия — это Гитлер,— заявил он.— А Гитлер — это Германия, и Германия — это Гитлер. Хайль Гитлер!» Многотысячная толпа в истерическом исступлении многократно повторяла нацистское заклинание. Противников гитлеровского режима этот звериный рев повергал в ужас.

Стремясь вовлечь в свою орбиту высшее военное командование, Гитлер пригласил генералитет на обед. Как вспоминал генерал фон Вайс, фюрер заявил: «Я знаю, вы вините меня во многих ошибках партии. Признаю: вы правы на все сто процентов. Но вспомните, в самые трудные годы борьбы меня покинула интеллигенция, поэтому мне приходится работать в основном с людьми низкого интеллектуального уровня. Я постоянно стремлюсь исправить этот недостаток. Но как создание офицерского корпуса для новых вооруженных сил требует многих лет, так и формирование корпуса настоящих руководителей партии тоже требует много времени».

Позднее Гитлер посетил устроенный специально для зрителей военный палаточный городок, где он, старый ефрейтор, быстро нашел с солдатами общий язык.

Дипломаты, раньше явно избегавшие фюрера, теперь были вынуждены явиться в президентский дворец, чтобы засвидетельствовать официальное уважение новому президенту. Был среди них и американский посол Додд. Гитлер приветствовал дипломатический корпус со счастливым лицом. В Нюрнберге он наконец добился своей цели: партия, народ и армия были с ним.

Праздник не был испорчен даже вмешательством Геббельса, который настаивал на том, чтобы Лени Рифеншталь внесла в свой фильм определенные изменения. Сам Гитлер просил ее включить в кинорассказ о съезде кадры с деятелями, не попавшими в него. Лени отказалась. Закончив монтаж, она дала фильму название «Триумф воли». На премьере партийные вожди холодно приветствовали режиссера, но даже ее самый рьяный критик Геббельс понял, что это лучшая пропаганда идеи фюрера и национал-социализ-

ма. На Всемирной выставке в Париже фильму «Триумф воли» была присуждена золотая медаль.

2

Ходили слухи, что Лени Рифеншталь была любовницей Гитлера. Однако они лишены оснований, как и домыслы о том, что фюрер спал с другими знаменитостями, такими как Ольга Чехова, Лили Даговер и Паола Негри. В этих и подобных им очаровательных женщинах Гитлер искал не секса, а вдохновения, которого жаждала его подавленная богемная натура.

Из Англии только что приехала дочь лорда Ридесдейла Юнити Митфорд. Она училась в Мюнхене живописи и увлеклась новой Германией. С того момента, как Гитлер поцеловал ей руку, она стала ярой сторонницей национал-социализма. Гитлер никогда не встречал такой веселой, неугомонной золотоволосой девушки, которая откровенно высказывала самые нетривиальные мнения. Ее прямота и оригинальность взглядов на жизнь, ее живой юмор забавляли Гитлера. Он не раз встречался с Юнити, и это опять-таки стало поводом для необоснованных слухов, будто бы она — любовница фюрера.

С приходом Гитлера к власти все больше женщин жаждали его внимания. Возможно, из-за этого испортились его давние дружеские отношения с фрау Бехштайн. Она стала открыто критиковать фюрера за некоторые реформы, заявляя, по словам Фриделинда Вагнера, что он сумасшедший, и обрушивалась на главу государства с такой бранью, что тот в изумлении молчал, как напроказивший школьник.

Ева Браун терзалась из-за новых знакомств своего обожателя. Несколько дней спустя после прихода к власти Гитлер подарил возлюбленной по случаю дня ее рождения — Еве исполнился 21 год — кольцо, серьги и браслет из турмалина. Но Еве хотелось большего — чтобы вождь нации женился на ней. Виделись они редко. Иногда фюрер звонил ей из Берлина. Чтобы скрыть от родителей эту интимную тайну, Ева поставила в своей комнате телефон. Когда фюрер приезжал в Мюнхен, он приводил Еву в свою

квартиру, но в Берхтесгадене она останавливалась в гостинице.

К осени 1934 года Еву все чаще охватывали приступы меланхолии: надежды на то, что Гитлер женится на ней, почти не оставалось. Он как-то признался, что, будучи главой третьего рейха, должен посвятить себя своей стране, не отвлекаясь на семейные дела. Со своим адъютантом Видеманом фюрер был более откровенен. Да, сказал Гитлер однажды, ему хотелось бы семейной жизни, но если он женится, то потеряет голоса женщин-избирательниц. И только со своей секретаршей Кристи Шредер фюрер был до конца откровенен. «Ева очень приятная женщина,— как-то в минуту откровенности признался он,— но в моей жизни только Гели возбуждала подлинную страсть. Я и думать не могу о женитьбе на Еве. Единственная женщина, с которой я мог бы связать свою жизнь, была Гели».

Гитлер много времени уделял внешней политике. А поскольку самым веским аргументом в международных спорах, по мнению фюрера, должна быть сила, он делал все для быстрого перевооружения рейха. Под дымовой завесой женевских переговоров о разоружении поспешно наращивались вооруженные силы. Вдохновленный реакцией общественности на впечатляющую военную демонстрацию в Нюрнберге, Гитлер три недели спустя издал секретный приказ о трехкратном увеличении 100-тысячной армии. В тот же день было призвано 70 тысяч новобранцев. Военный бюджет вырос до 654 миллионов марок.

Однако, несмотря на секретность, об этом вскоре стало известно за рубежом. Англичане и французы обвинили Гитлера в нарушении Версальского договора. Дело шло к военному союзу между ними. Однако по всем признакам Англия не хотела рисковать. Гитлер воспользовался этим и 19 декабря устроил обед с участием зарубежных гостей, среди которых было четверо англичан, в том числе газетный магнат, активный сторонник англо-германской дружбы лорд Ротемир с сыном и редактор его самой влиятельной газеты «Дейли мейл» Уорд Прайс. По сему случаю Гитлер даже надел вечерний костюм. Когда гости уселись за стол, он рассказал, как ровно десять лет назад вышел из ландсбергской тюрьмы, успев обратить в свою веру всех тюремщиков.

После обеда Гитлер пригласил некурящих в другую комнату. С ним пошли лорд Ротемир, Риббентроп и некоторые дамы. Там британский газетный магнат имел

возможность побеседовать с фюрером.

Ротемира особенно привлекала в Гитлере ненависть к большевизму, и несколько недель спустя «Дейли мейл» поместила хвалебную статью об итогах плебисцита в Саарской области, на котором более 90 процентов избирателей проголосовали за воссоединение с Германией. В конце января 1935 года Гитлер принял еще двух дружественных гостей из Англии: лорда Аллена, вручившего ему послание доброй воли от премьер-министра Макдональда, и лорда Лотиана, левого либерала, который был под таким впечатлением от заверений Гитлера в мирных намерениях, что убедил в этом министра иностранных дел сэра Джона Саймона.

Даже Франция с облегчением восприняла возврат Саара Германии мирным путем и официально предложила провести переговоры о всеобщем урегулировании, включая вопросы о военном паритете и о «Восточном пакте» — договоре о европейской взаимопомощи, который в итоге так и не был заключен. 14 февраля Гитлер дал осторожный ответ, в котором в принципе поддержал эту инициативу, но предложил провести предварительные консультации с Англией.

Саймон согласился приехать в Берлин в начале марта, но Гитлер заболел, и немцы предложили отложить визит. Однако скоро стало известно, что это «дипломатическая болезнь»: фюрер был очень недоволен английской «Белой книгой», в которой критиковалась программа перевооружения Германии.

10 марта Гитлер сделал следующий ход в дипломатической игре. В интервью «Дейли мейл» он сообщил, что люфтваффе стали отдельным родом войск. Какого-либо официального осуждения со стороны Англии и Франции не последовало.

Тогда Гитлер пошел еще дальше. 15 марта он распорядился о введении всеобщей воинской повинности и об увеличении вооруженных сил. Вечером собрался совет обороны для обсуждения решений Гитлера. Генерал фон Бломберг выразил озабоченность возможной реакцией великих держав. Его успокоил Риббентроп, заверивший, что ничего особенного не произойдет.

На следующий день в министерство пропаганды были приглашены иностранные корреспонденты. Геббельс зачитал им текст нового декрета о введении всеобщей воинской повинности и об увеличении вооруженных сил до 300 тысяч человек. Хотя разговоры об этом уже велись, новость была

сенсационной, и корреспонденты бросились к телефонам.

Одновременно Гитлер пригласил французского посла Франсуа-Понсэ и информировал его о своем решении. Посол выразил протест, заявив, что это грубое нарушение Версальского договора, и выразил сожаление, что Германия поставила Францию перед свершившимся фактом без предварительных консультаций. На это Гитлер ответил, что его намерения сугубо оборонительные. Франции, мол, нечего опасаться. Его главный враг — коммунизм. И он обрушился с такими нападками на русских, что Франсуа-Понсэ вышел почти уверенный в нежелании Гитлера воевать с Францией или Англией, поскольку нацистский диктатор, по его словам, лишь стремится уничтожить советский режим.

Французы ответили на новую демонстрацию силы Германии чисто формальным обращением в Лигу Наций, а 25 марта официальная английская делегация в составе Джона Саймона, Антони Идена и посла Эрика Фиппса встретилась с Гитлером, Нойратом и Риббентропом. Саймон заявил, что британское правительство и народ желают мира и серьезно рассчитывают на сотрудничество с Германией. Английское общественное мнение, а это решающий фактор в стране, весьма обеспокоено выходом Германии из Лиги Наций. Англия нисколько не настроена против немцев, но решительно выступает против всего, что вредит делу мира. Ответ Гитлера, вспоминал Иден, сводился к искусной смеси увещеваний и плохо замаскированных угроз. Гитлер показался ему непривлекательным и довольно скользким человеком. Однако, несмотря на это, Иден был восхищен умением Гитлера вести переговоры: он был решителен и не пользовался записями, как и полагается человеку, который знает, чего хочет.

Гитлер отвел обвинения в нарушении Версальского договора под тем предлогом, что этот позорный документ он не подписывал и ни при каких обстоятельствах не подписал бы, как выразился фюрер, «даже под дулом пистолета». Германия, подчеркнул он, никогда не нарушала договоры, кроме одного случая, когда прусская армия пришла на помощь англичанам в битве при Ватерлоо, и тогда Веллингтон не протестовал... Сказал он это без тени улыбки.

На утренней встрече Гитлер был на удивление спокоен и вежлив. Но после обеда, когда речь зашла о «Восточном пакте» с участием Литвы, он совсем потерял самообладание. Фюрер вскочил и закричал: «Мы не будем иметь дело с

Литвой!» Его глаза сверкали, голос стал хриплым. «Ни при каких обстоятельствах мы не заключим пакт с государством, которое подавляет немецкое меньшинство в Мемеле!» — бушевал он. Но скоро буря утихла, и Гитлер снова стал вежливым партнером по переговорам. На этот раз он возражал против пакта лишь по идеологическим соображениям. «О какой-либо договоренности между национал-социализмом и большевизмом не может быть и речи»,— сказал фюрер спокойно, но твердо.

Утром следующего дня Саймон предложил Германии принять участие в неофициальных переговорах в Лондоне с целью пересмотра договоров по военно-морским вооружениям. Гитлер с готовностью согласился. Он повторил высказанное ранее послу Фиппсу предложение об ограничении германского тоннажа 35 процентами от английского, в то же время категорически заявил, что никогда не согласится на признание превосходства французского или итальянского флотов.

Затем Гитлер взял со стола телеграмму и с возмущением начал читать ее. В ней сообщалось, что немцы в Литве признаны виновными в государственной измене. Что сделала бы Англия, если бы Версальский договор оторвал от нее часть территории и передал ее такому государству, как Литва? Если бы англичан пытали и бросали в тюрьму только за то, что они англичане?

Успокоившись, он снова вошел в образ умеренного государственного деятеля и потребовал военного паритета с Англией и Францией. В полдень в английском посольстве состоялся ленч. Гитлер пришел в иностранное посольство во второй раз. Потом участники переговоров вернулись в рейхсканцелярию. Фюрер посетовал на советские попытки экспансии на Запад и в этой связи резко осудил Чехословакию как «вытянутую руку России». Он повторил свое требование о равноправии Германии в вооружениях. Саймон и Иден выслушали его терпеливо и спокойно.

Вечером Гитлер дал обед в рейхсканцелярии. Одетый в вечерний костюм, он непринужденно, с улыбкой разговаривал с гостями. Но позже, на встрече с друзьями, он с восторгом рассказывал о своем дипломатическом успехе, откровенно издеваясь над партнерами. «Хорошие ребята эти англичане. Даже когда они врут, они делают это по-крупному, не то что мелочные французы».

Спустя день после окончания переговоров Гитлер дал

указание командующему флотом Редеру наращивать военно-морские силы в соответствии с оговоренным планом, но делать это «без шумихи, чтобы не осложнять положение Англии». Он не хотел ссориться с англичанами и продолжал обхаживать деятелей, симпатизирующих Германии. В апреле фюрер принял в своей мюнхенской квартире сэра Освальда Мосли, который вышел из лейбористской партии и стал лидером Британского нацистского союза. Мосли вспоминал: «Я не заметил в Гитлере гипнотической манеры, он был прост и относился ко мне очень любезно, почти с женским очарованием».

3

В Берлине международные дела на какое-то время затмила подготовка к свадьбе Германа Геринга и актрисы Эмми Зоннеман. (Его первая жена Карин умерла в 1931 году после долгой болезни.) Они получили уйму подарков — картины, ковры, гобелены, серебряные подсвечники, драгоценные камни и многое другое. Небольшие вещи были выставлены на обозрение в берлинской квартире, более объемные были перевезены на виллу Геринга в пригороде столицы, названную им «Каринхалль» в честь первой жены.

Эта свадьба была достойна Голливуда. Репортаж передавался по радио, церемонию вел епископ, а свидетелем был сам фюрер. Летчик, товарищ Геринга, выпустил над церковью двух аистов. Когда жених и невеста вышли из церкви, военный оркестр грянул марш из «Лоэнгрина». Они прошли под длинной аркой скрещенных мечей, толпа встретила их нацистскими приветствиями.

Но в тот же день геринговский цирк был отодвинут на задний план: лидеры Англии, Франции и Италии открыли конференцию в Стрезе (Италия). Гитлер ожидал, что французские предложения не встретят поддержки остальных участников, но просчитался. Конференция приняла совместное коммюнике, в котором осуждалось незаконное перевооружение Германии и подтверждалась верность принципам Локарно. Рассчитывая изолировать Францию, Гитлер сам оказался под угрозой изоляции. А несколько недель

спустя был подписан советско-французский договор о взаимной помощи. Это настолько обеспокоило фюрера, что в письме от 5 мая своему другу лорду Ротемиру он опять старается заверить Англию в своих сугубо мирных намерениях. Со времени основания своей партии, писал Гитлер, он стремился сотрудничать с Великобританией. «Согласие между Англией и Германией явилось бы весомым фактором для мира и здравого смысла 120 миллионов самых достойных людей мира. Исторически уникальный характер и военно-морская мощь Англии должны соединиться с мощью одной из первых военных наций мира»,— подчеркивается в письме.

Однако в целом английское общественное мнение реагировало на новые меры Гитлера с опасением. Оно еще более усилилось, когда 21 мая тот снова удивил мир, выступив с речью. Накануне он издал секретный указ о назначении Шахта главой всей военной экономики и о реорганизации вооруженных сил. Рейхсвер официально стал вермахтом, а Гитлер — верховным главнокомандующим; пост министра обороны, занимаемый Бломбергом, был преобразован в пост военного министра, и Бломберг получил титул главнокомандующего; а должность начальника войскового управления, которую занимал Бек, стала должностью начальника генерального штаба. По крайней мере, вещи стали называться своими именами, и когда вечером Гитлер предстал перед микрофоном, он был образцом умеренности. Его главной целью является мир, заявил фюрер, он не стремится к завоеваниям. В войне уничтожается цвет нации. Повторив, что Германия «нуждается в мире и желает мира», Гитлер предложил заключить двухсторонние пакты о ненападении со всеми соседями (разумеется, кроме вероломной Литвы) и обещал соблюдать Локарнский договор. Он всего лишь хочет 35 процентов от тоннажа английского флота. «Для Германии,— поклялся фюрер,— это требование является последним и законным».

Во многих влиятельных кругах за рубежом его слова были приняты за чистую монету. Лондонская «Таймс» назвала его речь «разумной, откровенной и всеобъемлющей». Одним ударом Гитлер повернул обратно тенденцию к изоляции и подготовил путь к благожелательному восприятию немецких требований на предстоящей конференции по военно-морским вооружениям.

Конференция открылась две недели спустя в Лондоне.

Глава немецкой делегации Иоахим фон Риббентроп сел за стол переговоров, вооруженный добрым советом японского военно-морского атташе в Лондоне капитана Арата Ока. Тот информировал своего немецкого коллегу, что на Вашингтонскую конференцию 1921 года японцы пришли под ложным впечатлением, будто с англичанами можно заключить сделку. «В результате мы оказались неподготовленными, когда англичане вбили клин между нашими дипломатами и военно-морскими экспертами, разделив их на почти враждебные группы»,— сказал он и советовал твердо стоять на одном четком требовании, к примеру, о 35-процентном тоннаже. Как только англичане поймут, что немцы на уступки не пойдут, они сами уступят и начнут уважать своих оппонентов.

Саймон открыл конференцию, подчеркнув, что задача ее участников состоит в подготовке основ для предстоящей более широкой конференции всех военно-морских держав, в противном случае гонка вооружений усилится. Недостаточно ограничить тоннаж, некоторые особенно опасные типы кораблей надо вообще ликвидировать.

Следуя совету Ока, Риббентроп отказался обсуждать что-либо, кроме требования Германии о 35-процентной доле. «Если британское правительство не примет этого условия,— сказал он,— нет смысла продолжать переговоры». Как только англичане согласятся с этой цифрой, обещал он, технические детали касательно программ военно-морского строительства могут быть быстро урегулированы. Собственно, Риббентроп повторял тактику Гитлера. Речь фюрера две недели назад была пряником, а эта — кнутом.

Выслушав Риббентропа через переводчика Шмидта, Саймон покраснел и сухо ответил, что обычно таких условий в начале переговоров не ставят. Он холодно поклонился и покинул зал. Его место занял сэр Роберт Крейги и высказал решительные возражения британской стороны. Но упрямый Риббентроп не поддался. После обеда они встретились снова, но безрезультатно, и Шмидт был уверен, что переговоры торпедированы. Но, к его удивлению, англичане предложили еще раз встретиться на следующее утро.

Шмидт был поражен, что встреча началась весьма дружественно. Крейги заявил о готовности британской стороны пойти навстречу требованиям фон Риббентропа. На следующий день, 6 июня, было достигнуто полное согласие, и Риббентроп не скрывал радости. Англичане не только со-

гласились с 35-процентной долей Германии от общего тоннажа английского флота, но и уступили ей 45-процентную долю по подводным лодкам. Риббентроп вернулся в Германию героем. Франция, пораженная подобным односторонним актом своего союзника, свершившимся, кстати, в годовщину битвы при Ватерлоо, направила гневную ноту в Лондон, но английское общественное мнение в целом отнеслось к соглашению положительно (кроме Черчилля, который осудил его как вредное для безопасности Англии).

Удовлетворение соглашением выразил принц Уэльский. В день подписания договора он сообщил послу Хешу, что предложение о развитии контактов между английскими и немецкими ветеранами войны было сделано «всецело по его инициативе». (За это он получил нагоняй от отца, короля Георга V, который посоветовал сыну не вмешиваться в политику, особенно внешнюю.) Позиция принца усилила ложное впечатление в Берлине о преобладании прогерманских настроений в Англии, и Гитлер, очевидно, решил, что добьется любых уступок от англичан.

Резко отреагировал на лондонскую договоренность Советский Союз. Ясным стало одно: английские правящие круги, включая наследника престола, помогают Германии усиливать ее флот в Балтийском море для нападения на СССР, одновременно поддерживая японские амбиции на Дальнем Востоке. Несмотря на такие опасения, Советы подписали новый торговый договор с Гитлером, который увеличил им кредит до 200 миллионов марок и выразил готовность довести его до 500 миллионов на десятилетний период. Это не было отказом от его мéчты о жизненном пространстве, а лишь коварным маневром в глобальной дипломатической игре. И хотя он говорил о мире с Западом и извлекал выгоду из торговых отношений с Востоком, тайное перевооружение Германии продолжалось ускоренными темпами, превышающими прогнозы большинства иностранных экспертов.

4

Круг общения Адольфа Гитлера заметно расширился. В него входили высокопоставленные соратники (Геббельс, Геринг, Гесс и их жены) и — на более личном уровне — шоферы, секретари, слуги и другие близкие люди. Самым примечательным из них был Мартин Борман, сначала работавший на Гесса, а ныне в качестве его представителя в Берлине получивший возможность всецело посвятить себя службе у фюрера. Хотя Борман был неизвестен большинству немцев, он стал тенью Гитлера, почти весь день находился при нем и всегда готов был исполнить его малейшие капризы.

Будучи «совой», Гитлер обычно приходил в рейхсканцелярию около полудня и, бегло просмотрев сводку новостей, составленную для него Отто Дитрихом, шел на обед. По возвращении он откладывал скучные, по его мнению, дела и занимался более интересными, часами обсуждая с архитекторами Шпеером и Гислером вопросы реконструкции Берлина, Мюнхена и Линца, в то время как государственные секретари Ганс Ламмерс и Отто Мейснер, унаследованные им от Гинденбурга, томились в ожидании решений, которые мог принять только глава государства.

Его методы работы постоянно озадачивали капитана Видемана. Редко когда личный адъютант мог уговорить Гитлера просмотреть дело, прежде чем принять важное решение. «Он считал,— писал Видеман,— что многие вопросы решаются сами по себе, пока их не трогают. И нередко при этом был прав». У него также не было порядка в выборе посетителей. Некоторые должностные лица днями дожидались приема, зато старый знакомый получал приглашение на обед, в ходе которого решались многие проблемы.

У него почти не оставалось времени для общения с любовницей. Страсть к Адольфу Гитлеру стала стержнем всей жизни Евы Браун, хотя тот ясно дал понять, что они никогда не смогут пожениться, пока он фюрер рейха. Семь лет спустя он позволил себе откровенно высказаться по этому поводу в кругу близких людей: «Для меня брак стал бы катастрофой. Наступает момент, когда неизбежно возникает непонимание между мужем и женой, если муж не может уделять жене столько внимания, сколько она вправе от него

требовать. Женщина живет только ради своего мужа и ожидает, что и муж живет ради нее. А мужчина руководствуется долгом. Что это за брак, когда вечно видишь недовольное лицо жены, обделенной вниманием? Скверная сторона брака в том, что он создает права.Так что лучше иметь любовницу». Заметив недовольное выражение на лицах своих секретарш Иоганны Вольф и Кристы Шредер — старых дев, он поспешно добавил: «То, что я сказал, относится, конечно, к мужчинам высшего типа».

Ева впала в глубокую депрессию, которая смягчалась редкими визитами ее возлюбленного. «Вчера он пришел совершенно неожиданно,— писала она в своем дневнике 18 февраля 1935 года,— и это был чудесный вечер. Я бесконечно счастлива, что он меня любит, и молюсь, чтобы так было всегда». Через две недели она признается: «Я снова смертельно несчастна. И так как я не могу писать ему, этому дневнику доверю я все мои горести». Он пришел в субботу, но, проведя с ней «несколько чудесных часов», ушел и не сказал, когда вернется. «Я сижу как на горячих углях, ни на минуту не переставая думать о нем».

Неделю спустя она в отчаянии писала: «Хорошо бы сильно заболеть, вот уже 8 дней я от него ничего не слышу. Почему со мной ничего не случается, зачем мне эти муки? Лучше никогда не видеть его. Почему он меня так терзает и не покончит со всем этим?»

Позже она находит оправдания своему любовнику: «Он так занят политикой». Но недавняя решимость «терпеливо ждать» рассеялась, несмотря на недвусмысленное приглашение в отель. «Я вынуждена была сидеть рядом с ним три часа, не в силах сказать ни слова. При расставании он вручил мне, как однажды раньше, конверт с деньгами. Как было бы приятно, если бы он вложил туда открытку с ласковым словом. Я была бы так счастлива! Но он не думает о таких вещах».

К концу месяца чувство одиночества, которое испытывала Ева, переросло в сильную ревность, когда до нее дошли слухи, что Гитлер нашел другую женщину, по прозвищу Валькирия. «Он должен знать меня достаточно хорошо, чтобы понять, что я никогда не встану у него на пути, если он вдруг решит, что его сердце принадлежит другой»,— появляется новая запись в ее дневнике.

В отчаянии Ева шлет Гитлеру письмо, умоляя пожалеть ее. Она записала в дневнике: «Если я не получу ответа к 10

часам вечера, я просто проглочу свои таблетки и легко уйду в мир иной. Так ли громадна эта любовь, которую он мне столь часто обещал, если я не слышала ни одного утешительного слова за три месяца? Конечно, у него голова полна политическими проблемами, но должно же быть время для отдыха. Как в прошлом году,— у него были и Рем, и Италия, но все же он находил время и для меня. Боюсь, что за этим кроется что-то другое. Я ни в чем не виновата. Возможно, тут другая женщина — возможно, не Валькирия, ведь есть много других. Что же здесь может быть? Не могу понять». Несколько часов спустя она сделала такую слезливую запись: «Господи, я так боюсь, что он сегодня не ответит. Хоть бы кто мне помог, все так ужасно безнадежно. Может быть, мое письмо пришло к нему в неподходящий момент? Может, мне не надо было писать? Что бы ни случилось, такая неопределенность хуже, чем внезапный конец. Господи, пожалуйста, помоги мне, чтобы я поговорила с ним сегодня. Завтра будет слишком поздно».

Еве было невдомек, что Гитлер просто-напросто болен. Несколько месяцев его беспокоило горло. Голос стал хриплым, а нарост в гортани пробудил старые опасения. По словам Шпеера, фюрер не раз вспоминал об императоре Фридрихе III, умершем от рака горла. Боль в горле сопровождалась болью в желудке. Как-то приняв чрезмерную дозу лекарств, содержащих сивушные масла, он почувствовал недомогание и срочно вызвал доктора Гравица. Жалоб было много: болит и кружится голова, звенит в ушах и двоится в глазах. 23 мая профессор Карл ван Эйкен, заведующий лабораторией отоларингологии при Берлинском университете, удалил из его голосовых связок полип величиной в сантиметр. Это была легкая операция на дому с применением небольшого количества морфия. После этого Гитлер проспал четырнадцать часов. Эйкен рекомендовал ему не говорить громко в течение нескольких дней и никогда не срываться на крик. Он также заверил пациента, что удалил «простой полип», незлокачественное образование. Но Гитлер все равно беспокоился, не рак ли это, как у матери... Возможно, из-за этого он не ответил на отчаянное письмо Евы и не дал указаний помощникам успокоить ее.

Утром 29 мая 1935 года измученная одиночеством и невниманием женщина приняла два десятка таблеток ваноформа, обладающего слабым наркотическим действием. Сестра Ильза застала Еву при смерти. Она оказала ей пер-

вую помощь, а затем позвонила доктору Марксу, у которого работала медицинской сестрой. В то время как он занимался Евой, Ильза увидела записную книжку, оказавшуюся дневником. Решив сохранить в тайне новую попытку самоубийства сестры, она вырвала наиболее откровенные страницы, чтобы не впутывать в это дело врача-еврея. К тому же Ильза опасалась бурной реакции отца, а также того, что фюрер поставит под сомнение психическую уравновешенность своей любовницы. Она даже подумала, не была ли попытка самоубийства театральным жестом: Ева приняла двадцать таблеток лекарства более слабого, чем веронал, зная, что кто-нибудь из сестер непременно зайдет к ней вечером.

Доктор Маркс благоразумно записал в истории болезни: «Чрезмерное переутомление и передозировка снотворного». Гитлер принял это объяснение (хотя Ильза была убеждена, что он догадывался о подлинной причине). Как бы то ни было, «несчастный случай» подействовал сильнее, чем упреки и просьбы. Летом высокий покровитель подыскал Еве отдельное жилье. 9 августа 1935 года она и ее младшая сестра Гретль переселились в трехкомнатную квартиру в тихом районе Мюнхена, неподалеку от квартиры Гитлера.

Обычно он приезжал туда поздно, когда соседи уже спали. Но эти интимные встречи вряд ли удавалось сохранить в тайне: гестапо всегда держало под контролем посещаемые фюрером места. К тому же гортань все еще беспокоила его, и он часто кашлял.

За день до того, как Ева переселилась в свою новую квартиру, Гитлер пожаловался врачу в Берхтесгадене, что ощущает в горле какой-то посторонний предмет. Он вспомнил досадный случай: как-то цветочная колючка попала под ноготь, он пытался вытащить ее зубами и мог случайно проглотить. Врач ничего не обнаружил, но Гитлер снова высказал опасения по поводу рака профессору ван Эйкену, который представил серию анализов коллеге по университету, назвав пациента Адольфом Мюллером. 21 августа был поставлен диагноз: Адольфу Мюллеру нечего опасаться, полип был незлокачественный.

Времени для встреч с Евой почти не оставалось: Гитлер был занят подготовкой к съезду партии. К тому же его ночные визиты вызывали весьма нежелательные слухи, которые могли повредить ему в общественном мнении.

Дошли они и до родителей Евы. Ее отец считал себя опо-

зоренным этой тайной связью, пусть даже с фюрером Германии. 7 сентября Фриц Браун набрался мужества и написал письмо Гитлеру, призывая его вернуть дочь в «лоно семьи». Он предусмотрительно попросил Хофмана передать письмо фюреру, но фотограф оказался еще более предусмотрительным, показав письмо Еве. Та порвала его, а отцу дала понять, что фюрер просто не соблаговолил ответить. Такое же письмо послала Гитлеру и фрау Браун. Результат был тот же.

11 сентября Гитлер выступил в Нюрнберге на съезде партии. Он много говорил о развитии культуры и превратил эту тему в очередную атаку на евреев, утверждая, что у них нет и не может быть своего искусства. На Западе ширилась кампания за бойкот немецких товаров, и это убедило фюрера, что наступила пора для принятия мер против евреев, которые он изложил шестнадцать лет назад. 13 сентября он приказал подготовить закон о «защите германской крови и чести».

Не успели составители завершить работу над проектом, согласно которому запрещались браки и внебрачные связи между евреями и лицами «германской крови», как прибыл посыльный с новым поручением от Гитлера. На этот раз речь шла о законе о гражданстве. Такой закон был подготовлен в ночь на 15 сентября. В нем говорилось, что гражданами Германии могут быть только лица «германской крови».

Вечером того же дня Гитлер выступил в рейхстаге. Принятие этих законов, утверждал он, на самом деле выгодно для евреев. Это «создаст основу, на которой немецкий народ сможет установить терпимые отношения с еврейским народом... Однако если такая надежда не оправдается и еврейская пропаганда в стране и за рубежом будет продолжаться, мы пересмотрим свою позицию».

5

К счастью для Гитлера, вскоре внимание мира переключилось на события вне Германии. Новые репрессии против евреев, а также незаконное расширение вермахта — все

это отодвинула в сторону безрассудная акция Муссолини.

3 октября Италия вторглась в Абиссинию, как тогда называлась теперешняя Эфиопия. Взрыв негодования был всеобщим. Цивилизованный мир возмутило неспровоцированное нападение европейского государства со столь давними демократическими традициями на беззащитную африканскую страну, вынужденную воевать против самолетов и танков саблями и пиками. Англия и Америка особенно резко осудили эту агрессию, причем первая выступила инициатором кампании в Лиге Наций по применению ограниченных экономических санкций против Италии.

Несмотря на антиитальянские и проэфиопские настроения в Германии, Гитлер публично отказался помочь императору Хайле Селассие, хотя тайно направил в Африку военное снаряжение. В то же время фюрер предоставил стратегическое сырье и Муссолини, чтобы вовлечь Италию (и, возможно, Англию) в затяжную военную кампанию, что предоставило бы Германии большую свободу действий. Его публичная поддержка дуче была пробным шаром, попыткой выяснить, как Англия отреагирует на германский вызов Лиге Наций. Вскоре стало ясно, что англичане ничего не предпримут в ответ, и это, должно быть, укрепило убежденность Гитлера в том, что они хотят договориться с ним.

Гитлер решил на какое-то время уединиться. Надо было обдумать ситуацию. Он перестал появляться на публике. Розенберг полагал, что фюрер или болен или, возможно, переживает очередную предрождественскую депрессию. Хотя он и его партия установили контроль над всеми сторонами общественной жизни в Германии, «коричневая революция» зашла в тупик. Гитлер пустил все на самотек, занятый всецело внешней политикой. В результате интерес к партии падал, число заявлений о приеме уменьшалось, а партийные функционеры проявляли все меньше рвения в партийной работе.

3 января 1936 года Гитлер созвал гауляйтеров и рейхсляйтеров на совещание в надежде решить эти проблемы. Фюрер начал свою речь с подробного изложения планов перевооружения страны, намекнул на великое будущее Германии, а затем с горестным видом заявил, что его соратники должны понять: всего этого невозможно достичь, если руководство партии не «образует единое сообщество, верное ему». Нужна абсолютная преданность, иначе он готов покончить с собой. Аудитория была потрясена, и председа-

тельствующий Гесс поспешил заверить Гитлера, что все готовы идти с ним и за ним до конца.

Настроение фюрера улучшилось, и с середины января 1936 года он начал подготовку к следующему шагу — захвату демилитаризованной Рейнской области, включавшей все немецкие территории западнее Рейна и пятидесятикилометровую полосу восточнее, с городами Кельн, Дюссельдорф и Бонн. Этому способствовала смерть английского короля Георга V. Его наследник Эдуард VIII — личность своеобразная и независимая — не делал секрета из своих прогерманских симпатий. В беседе с начальником западноевропейского отдела госдепартамента США он «неодобрительно отозвался об усилиях Франции по возрождению Антанты с Англией» и о ее попытках «поставить Германию на колени», а также высказал «симпатии к Германии в ее трудном положении». Через некоторое время в одной из бесед с герцогом Кобургским новый английский король выразил желание встретиться с Гитлером.

Такие вдохновляющие вести из Англии наряду с робкими мерами Лиги Наций против Италии усилили решимость фюрера оккупировать Рейнскую область. Если он последует примеру дуче, Англия, не принявшая никаких мер по обузданию Муссолини, дальше официальных протестов не пойдет.

12 февраля Гитлер вызвал своего поверенного в делах в Париже, чтобы обсудить с ним вопрос о возможной французской реакции на ремилитаризацию Рейнской области. В тот же день он беседовал с генералом фон Фричем о возможной военной акции. Начальник штаба сухопутных сил склонялся к проведению переговоров. Гитлер ответил, что на переговоры потребуются недели, и пояснил, что он думает лишь о символической операции. Сколько потребуется времени, чтобы ввести в эту область девять батальонов с артиллерией? Два дня, ответил Фрич, но предупредил, что этого не следует делать, если будет хотя бы малейший риск войны. Гитлер в принципе согласился. Он вызвал своего посла в Италии Ульриха фон Хасселя и сообщил ему, что «в настоящее время рассматривает весьма далеко идущий вопрос»: не следует ли Германии расценить ратификацию Парижем франко-советского договора как предлог для денонсирования Локарнского пакта и ввода войск в Рейнскую область? Поэтому он думает предложить Муссолини денонсировать пакт, а Германия последует его примеру.

Гитлер решил действовать энергично, одновременно заверяя Францию в своих мирных намерениях. В беседе с французским журналистом Бертраном он даже высказался за «Антанту с Францией» и назвал «нелепыми» разговоры о возможной германской агрессии. Но те французы, которых усыпляли такие слова, должны были бы обратить внимание на ответ фюрера в связи с критикой антифранцузских выпадов в «Майн кампф»: «Я не писатель, а политик, и я вношу изменения в великую книгу истории».

На следующий день посол фон Хассель информировал Муссолини о серьезной озабоченности фюрера по поводу ратификации франко-советского договора. Муссолини ответил, что хотя он не одобряет этот договор, документ не затрагивает интересов Италии. Это было намеком на то, что дуче будет стоять в стороне, если Германия денонсирует Локарнский пакт. Поэтому фюрер дал указание привести в действие операцию «Зимнее упражнение».

2 марта Бломберг отдал подготовительные приказы командующим трех родов войск ввести войска в демилитаризованную Рейнскую область. Три дня спустя Бломберг назначил срок — суббота 7 марта. Но по какой-то причине Гитлер заколебался и спросил своего адъютанта полковника Фридриха Хосбаха, можно ли остановить операцию. Тот ответил утвердительно. Следующие слова Гитлера были еще более неожиданными: «Узнайте, когда в последний момент можно отменить «Зимнее упражнение».

В пятницу 6 марта, накануне начала запланированной акции, было объявлено, что завтра состоится заседание рейхстага, и дипломатические круги в Берлине догадывались, что готовится что-то серьезное. Вечером репортеры и фотокорреспонденты ведущих немецких газет были приглашены на совещание в министерство пропаганды. Заинтригованным журналистам Геббельс сообщил, что для них утром будет организована поездка, настолько секретная, что до утра их не выпустят. Вторую ночь подряд фюрер без сна ворочался на своей простой железной кровати, тревожась по поводу возможных действий Франции. «Снова и снова,— признавался он позднее Хофману,— я спрашивал себя: что сделает Франция? Выступит ли она против ввода нескольких моих батальонов? Я знаю, что я сделал бы на месте французов: ударил бы и не позволил ни единому немецкому солдату перейти через Рейн». Англия Гитлера не беспокоила. Он не случайно выбрал субботу: в этот день ни

одного английского министра не будет в своем кабинете, все они вернутся лишь в понедельник, а к этому времени успеют оправиться от шока.

Рано утром в субботу корреспондентов отвезли в Темпельгоф, где их ждал «юнкерс». Когда самолет взлетел, репортеры не имели представления, куда они держат курс. Сам пилот не знал места приземления. В назначенное время он должен был вскрыть запечатанный конверт и узнать конечный пункт маршрута.

В 10 часов утра германский посол Хеш посетил министра иностранных дел Великобритании Идена. После обсуждения очередного англо-американского военно-морского соглашения Хеш внезапно сказал, что должен сделать «важное сообщение», и зачитал меморандум, в котором утверждалось, что франко-советский договор является нарушением Локарнского пакта, на этом основании Германия вводит войска в демилитаризованную зону Рейнской области. Одновременно Гитлер предлагал подписать отдельные пакты о ненападении с восточными и западными странами. Он также готов снова вступить в Лигу Наций...

Иден выразил глубокое сожаление по поводу ввода войск в Рейнскую область, но сказал, что германские предложения будут тщательно рассмотрены. Самым важным, добавил он, является отношение Германии к Лиге Наций. После ухода Хеша Иден пригласил французского посла и выразил сочувствие в связи с акцией Германии. Денонсация Локарнского пакта «достойна сожаления», сказал Иден, и этот вопрос будет рассмотрен британским кабинетом, но не раньше понедельника, поскольку большинство его членов находится за городом.

После коротких встреч с представителями Италии и Бельгии Иден позвонил премьер-министру Болдуину и затем поехал к нему в Чекерс. Оба согласились, что дружба дружбой, но не может быть и речи о поддержке военной акции Франции, если она решится помешать Гитлеру установить контроль над Рейнской областью.

В 11.30 «юнкерс» с немецкими корреспондентами приземлился у Кельна, и полчаса спустя они вместе с тысячами немцев стояли у моста Гогенцоллерн, соединявшего оба берега Рейна. Здесь восемнадцать лет назад деморализованные немецкие солдаты отступали из Франции, бросая оружие. Вдруг толпа услышала топот копыт и лязг железных колес. На мосту появились первые солдаты, раздались воз-

гласы ликования. Над толпой пронеслось несколько истребителей. Рейн перешли лишь три из девятнадцати батальонов. Немцы были полны энтузиазма, хотя это чувство несколько омрачалось страхом перед французами.

Тем временем в здании берлинской Королевской оперы шло заседание рейхстага. Гитлера слушали с напряженным вниманием. После длинных пассажей о несправедливости Версальского договора и необходимости расширения жизненного пространства фюрер замедлил темп. Он начал нервно перекладывать носовой платок из одной руки в другую, был очень бледен, а затем, взяв себя в руки, торжественно объявил: «В данный момент немецкие войска входят в Рейнскую область». Рейхстаг возликовал. Три батальона перешли Рейн, имея приказ немедленно отступить, если против них выступят французские войска.

Часть V. ЗАМАСКИРОВАННАЯ ВОЙНА

Глава 14. «С УВЕРЕННОСТЬЮ ЛУНАТИКА» (март 1936 — январь 1937 г.)

1

Когда немецкие войска вошли в Рейнскую область субботним утром 7 марта 1936 года, Лондон не отважился на решительные меры против этой акции. Но Франсуа-Понсэ настаивал на «энергичных действиях». Возможно, это зажгло искру решимости во французском правительстве, поручившем генеральному штабу действовать. Но, как и большинство генштабов, французский был консервативен и робок. Генерал Гамелен предупреждал, что «военная операция, даже ограниченная, чревата непредсказуемым риском

и не может быть предпринята без объявления всеобщей мобилизации». Он согласился, однако, перебросить к «линии Мажино» тринадцать дивизий.

Но даже этот робкий жест привел в панику берлинских генштабистов. Утром 8 марта генерал фон Бломберг предложил Гитлеру вывести войска по крайней мере из Аахена, Трира и Саарбрюккена. Если французы предпримут контратаку, заявил он, немцы будут вынуждены уйти без боя и таким образом потерпят моральное и военное поражение. Однако, несмотря на опасения, Гитлер проявил твердость. Он отверг предложение Бломберга, заявив, что если будет нужно, отступить не поздно и завтра. Не подействовало на него и резкое выступление по радио французского премьера, заявившего, что Франция никогда не вступит в переговоры, пока Страсбургу угрожают немецкие пушки.

К 9 марта в рейнской зоне обосновались 25 тысяч немецких солдат. Хотя французы ограничивались лишь словами, Гитлер был охвачен тревогой. «Двое суток после марша в Рейнскую область,— сказал он своему переводчику,— были самыми беспокойными в моей жизни. Если бы французы ответили тем же, мы были бы вынуждены уйти с поджатым хвостом. Ведь наши военные ресурсы были недостаточны».

В Париже государства — участники Локарнского пакта не смогли принять согласованное решение, и министр иностранных дел Франции Фланден полетел за помощью в Лондон. Позицию Англии изложил лорд Лотиан: «В конце концов, немцы пришли на свои задворки». А Невиль Чемберлен, которого готовили в преемники Болдуину, заявил Фландену, что общественное мнение против насильственных санкций, и записал в своем дневнике: «Он считает, если Франция и Англия будут держаться единым фронтом, Германия уступит без войны. Мы не можем считать это адекватной оценкой поведения сумасшедшего диктатора».

К удивлению всех, всеобщее чувство беспомощности сменилось надеждой на следующий день, 12 марта, когда совет Лиги Наций единодушно принял резолюцию, осуждающую Германию за нарушение договоров. Это встревожило трех германских военных атташе в Лондоне, где заседал совет, и они направили соответствующую телеграмму в Берлин. Бломберг бросился к фюреру, но тот, не читая, скомкал бумагу и сунул ее в карман. Он отказался рассмотреть просьбу генерала об уступках и раздраженно посоветовал ему не вмешиваться в политические дела. Политика,

сказал он, делается в рейхсканцелярии, а не в военном министерстве. Его министр иностранных дел был более решителен. Нойрат был против уступок и посоветовал фюреру дождаться официальной реакции, а потом уже принимать решение о выводе войск.

Гитлер последовал его совету. Позднее он сказал, выступая в Мюнхене: «Я иду по пути, указанному провидением, с уверенностью лунатика». Вскоре из Лондона Риббентроп сообщил, что кризис закончился, и Иден заинтересован лишь в переговорах.

Фюрер торжествовал. Не располагая военной мощью, он сумел с помощью блефа заставить уступить Англию и Францию. Это лишний раз доказывало, что слова осуждения со стороны международных органов бесполезны, если они не подкреплены силой. В то же время Гитлер понял, что его политический инстинкт сильнее, чем у генералов. Это была большая победа, укрепившая его веру в свою судьбу. Фюрер сделал вывод, что решительный человек, готовый применить силу, может заставить капитулировать соперников, которых страшит сама мысль о новой мировой войне.

Гитлер умело использовал свой возросший престиж для упрочения власти внутри страны. Он распустил рейхстаг и поставил вопрос об одобрении своей политики путем плебисцита. Это была скорее не предвыборная кампания, а триумфальный парад по городам с использованием нового величественного дирижабля «Гинденбург», разрисованного свастиками и сопровождаемого эскортом самолетов. «Я не узурпировал этот пост,— заявил он на митинге в Карлсруэ.— То, что я сделал, продиктовано моей совестью, соответствующей объему моих знаний. Я преисполнен заботы о своем народе и руководствуюсь необходимостью защитить его честь, с тем чтобы вернуть ему достойное положение в мире. И если из-за моих действий мой народ будет испытывать печаль и страдания, я буду просить всевышнего наказать меня».

29 марта, без какого бы то ни было насилия, 98,8 процента избирателей проголосовали за Гитлера.

Однако в личной жизни фюрера возникли проблемы. Погиб в автомобильной катастрофе его шофер Шрек. Сам Гитлер страдал бессонницей. В конце мая он пожаловался доктору Брандту на сильный металлический звон в левом ухе. Брандт посоветовал ему гулять перед сном, а потом принимать горячую и холодную ванну для ног и несколько

слабых снотворных таблеток.

В эти напряженные дни единственным развлечением фюрера был ежевечерний просмотр кинофильмов в просторной гостиной. Один из ординарцев, Краузе, подавал хозяину список из пяти-шести фильмов. Если ни один его не устраивал, он говорил: «Хлам!»— и просил что-нибудь другое. Любимой киноактрисой Гитлера была Грета Гарбо, а одним из любимых фильмов — «Жизнь бенгальского улана», который он смотрел три раза. Этот фильм нравился ему тем, что изображал горстку англичан, подчинивших себе целый континент. Так должна вести себя высшая раса, говорил фюрер, и велел обязательно показывать эту картину эсэсовцам. Нравились ему и французские фильмы, так как, по его словам, они правдиво отображали жизнь мелкой буржуазии. «Жаль, что их нельзя показывать широкой публике»,— сказал однажды фюрер Фриделинду Вагнеру, хотя сам взял на себя обязанности главного цензора по кинофильмам, пропускаемым через ведомство Геббельса.

Поскольку здоровье Гитлера не улучшалось, доктор Брандт посоветовал ему уехать в отпуск, желательно в Берхтесгаден, где он спал лучше. Фюрер последовал совету и летом проводил много времени на своей альпийской вилле.

22 июля два немца, живущие в Марокко и состоящие в иностранной организации нацистской партии, принесли Гитлеру письмо испанского генерала по имени Франко, лидера военного мятежа против республиканского правительства. Ему позарез нужны были самолеты для переброски войск из Африки для действий против красных. Гитлер вызвал Геринга, который посоветовал фюреру поддержать Франко по двум причинам: чтобы помешать распространению коммунизма и испытать возможности люфтваффе. Гитлер согласился послать часть транспортной авиации, а также экспериментальные части истребительной и бомбардировочной авиации и зенитной артиллерии, но не больше. Для Германии было выгодно затягивать гражданскую войну в Испании и препятствовать Муссолини, который уже оказывал широкую помощь Франко, войти в коалицию с Францией и Англией. Изолированный Муссолини будет вынужден обратиться к Германии.

Риббентроп советовал Гитлеру не вмешиваться в испанские дела, где он лавров не получит, зато испортит отношения с Англией. Но Гитлер ответил, что поддерживать Фран-

сестрой Ангелой на веранде своей виллы, Гитлер узнал, что при продаже ему участка земли сосед-бауэр надул его на тысячу марок, и очень расстроился. «Послушай, Адольф,— сказала сестра,— эта тысяча марок не будет казаться такой уж большой потерей, когда ты станешь через несколько десятилетий «оберзальцбергским стариком». Гитлер помолчал, потом ответил, положив руку на ее плечо: «Во-первых, эта тысяча все-таки не пустяк, и потом, дорогая Ангела, я никогда не стану «оберзальцбергским стариком», у меня так мало времени».

К концу лета их отношения заметно осложнились, главным образом из-за отрицательного отношения Ангелы к Еве Браун, которую сестра фюрера называла «глупой коровой».

Но все попытки настроить сводного брата против его любовницы провалились. Наоборот, после второго неудавшегося самоубийства Евы Гитлер стал относиться к своей возлюбленной более внимательно и вскоре купил для нее за 30 тысяч марок уютный двухэтажный дом недалеко от квартиры, где Ева жила с сестрой.

Гитлер стал часто привозить любовницу в Берхтесгаден, что приводило в ярость Ангелу, которая отказывалась даже подавать ей руку. В конце концов отношения между родственниками вконец испортились, и осенью 1936 года Ангела уехала и вышла замуж за директора строительной школы в Дрездене. Гитлер не был на свадьбе «ввиду занятости».

Ева стала фактической хозяйкой виллы, которая вскоре была переустроена, расширена и превратилась в роскошный особняк, названный Бергхофом. Для нее были оборудованы спальня, будуар и ванная, расположенные рядом с апартаментами Гитлера. Перестройкой виллы ведал Мартин Борман, делавший все, чтобы доказать, что он незаменимый человек при фюрере во всех делах, какими бы мелкими они ни казались. Однажды за обедом Гитлер приправил свое блюдо соусом и поинтересовался, что в него входит. Борман встал из-за стола и несколько часов спустя, после отчаянных телефонных звонков в Берлин, объявил озадаченному Гитлеру: «Мой фюрер, в состав этого соуса входят следующие компоненты...» С подчиненными Борман обращался иначе. Однажды, диктуя какой-то текст личной секретарше Гесса Хильдегард Фат, он приказал ей снять очки. Девушка возразила, тогда он просто снял их сам, разломал на две части и сказал: «Без них вы красивее».

В то время как Борман уверенно поднимался по служебной лестнице, другие попадали в опалу. Эссер получил незначительный пост в туристской организации, ушел в тень Розенберг, а с Ханфштенглем окружение фюрера обращалось подчеркнуто холодно. Критические замечания сделали его неблагонадежным в партийных кругах, и ходили слухи, что он попал в черный список. Последняя нить, связывавшая его с Гитлером, оборвалась в 1936 году, когда Хелен получила развод. Узнав об этом, Гитлер сказал: «Надо мне послать ей телеграмму и пожелать удачи». Но потом добавил: «Нет, так не годится. Фрау Ханфштенгль — одна из немногих настоящих дам в Германии». Каждый раз в ее день рождения он посылал ей цветы.

Понимая, что над его головой сгущаются тучи, Ханфштенгль рассказал обо всем сыну, когда тому исполнилось 15 лет. Для Эгона это не было открытием: он давно заметил, что Гитлер сильно изменился, и предложил отцу подумать об эмиграции. На всякий случай Ханфштенгль составил план действий: когда он сообщит сыну условную фразу, начинающуюся словами «может быть», Эгон должен будет сразу же выехать в Швейцарию, никому об этом не сообщая, даже матери. Репрессий не последует, ведь она развелась с мужем.

Через полгода этот план пришлось привести в действие. Ханфштенгль получил указание немедленно вылететь в Испанию якобы для защиты интересов немецких журналистов в этой стране. В самолете пилот сообщил ему, что он должен выброситься с парашютом над территорией красных. Ханфштенгль возразил: ведь это смертный приговор. Пилот выразил сочувствие и сказал, что таков приказ Геринга. Но вскоре забарахлил один двигатель, и, многозначительно посмотрев на пассажира, летчик сказал, что придется сделать вынужденную посадку. После приземления Ханфштенгль пошел позвонить якобы в Берлин, чтобы получить указания. Вернувшись, он сообщил пилоту, что фюрер приказал ему возвращаться домой. Затем сел в поезд, шедший в Мюнхен, там пересел на цюрихский экспресс, а из Цюриха позвонил Эгону и сообщил ему условную фразу. Сын упаковал чемодан, взял пистолет и фотографию Гитлера с его автографом, сел на поезд и благополучно приехал к отцу.

4

Гитлер продолжал наращивать военную мощь Германии. Летом 1936 года он подготовил меморандум по военной экономике, напечатанный в трех экземплярах,— для Геринга, Бломберга и для себя. В нем он заявлял, что численность вооруженных сил должна быть увеличена настолько, насколько позволяет промышленный потенциал Германии. Актуальность задачи не допускала никаких «колебаний». Германии не хватает сырья, она перенаселена и не может прокормить себя. По его мнению, необходимо осуществить меры, которые приведут к окончательному решению. Это решение заключается в расширении жизненного пространства, получении сырьевых и продовольственных ресурсов для немецкого народа. Как можно быстрее должна быть установлена автаркия (самообеспечивающаяся экономика), целью которой является следующее: 1) германская армия должна быть готова к войне через четыре года; 2) германская экономика должна быть готова к войне через четыре года.

Одновременно фюрер пытался упрочить связи с Англией. Англичане не умели и не могли справиться с таким решительным и коварным противником. Они были убеждены, что Гитлера можно утихомирить с помощью уступок, и он сам создавал такое впечатление примирительными заявлениями и туманными предложениями о заключении договоров. Продолжался парад английских деятелей с посланиями надежды и доброй воли.

Историк Арнольд Тойнби вернулся из Германии, убежденный в мирных намерениях Гитлера. За ним последовал один из авторов Версальского договора Дэвид Ллойд Джордж, премьер-министр в годы войны, в то время требовавший повесить кайзера. 4 сентября Гитлер тепло приветствовал его в Бергхофе. «Я всегда стремился развивать хорошие отношения между нашими странами,— сказал Ллойд Джордж,— и возобновил эти усилия после войны». Нужно действовать, продолжал он, чтобы добиться соглашения в ближайшие месяцы, иначе две страны разойдутся. «Я целиком согласен»,— ответил Гитлер. Он тоже мечтал о таком союзе с молодых лет. Оба народа, по его мнению, имеют одинаковое расовое происхождение, и взаимопонимание между ними существенно важно. Угрозой для буду-

щего цивилизации является большевизм, и Западная Европа должна объединиться в борьбе против него. Он озабочен гражданской войной в Испании и распространением там большевизма. «Почему я так озабочен этим? — спрашивал Гитлер и отвечал: — Я не боюсь нападения большевиков. Но если все страны вокруг меня станут большевистскими, что станет с моей страной с экономической точки зрения? Все здесь — на острие бритвы».

На Ллойд Джорджа большое впечатление произвел съезд нацистской партии в Нюрнберге. Он был ознаменован началом двух кампаний, в которые влились четырехлетний план обеспечения экономической независимости и антибольшевистский крестовый поход. В ясный воскресный день Гитлер распространялся о большевистской угрозе перед 160-тысячной аудиторией штурмовиков и эсэсовцев, собравшихся на огромном стадионе, затем направился в город на открытом «мерседесе» под ликующие возгласы толпы, выстроившейся вдоль улиц.

Гости были доставлены к дворцу, где их принял Гитлер. Кто-то упомянул о большевизме. Фюрер тут же завелся. Москва, заявил он, стремится господствовать над Европой, но Германия этого не позволит. «Люди спрашивают, почему мы так фанатично настроены против большевизма. Я отвечу: потому, что мы с Италией пережили то же самое, что происходит в Испании».

В последний день съезда была устроена показательная военная демонстрация с воздушным боем, стрельбой из новых зенитных орудий и танковым сражением. Так закончился этот съезд: заверения о мире, провозглашение новых целей и... угрожающая демонстрация военной мощи. Не только правоверные нацисты разъехались, убежденные в непогрешимости своего фюрера. Ллойд Джордж был потрясен почти всем, что видел и слышал в Германии. В своей статье в «Дейли экспресс» он писал, что Гитлер в одиночку поднял Германию со дна, что он прирожденный лидер, динамичная личность с решительной волей и бесстрашным сердцем, человек, которому верят старые и перед которым преклоняются молодые.

Вскоре Гитлер оставит Ллойд Джорджа в дураках, но сначала ему надо было добиться взаимопонимания в отношениях с Италией. Он послал в Рим Ганса Франка с приглашением для Муссолини посетить Германию. На этот раз дуче проявил искренний интерес к связям со своими едино-

мышленниками, и 21 октября в Берлин для организации подготовки визита прибыл министр иностранных дел и зять Муссолини граф Чиано. Он был принят Гитлером в Бергхофе. Желая польстить собеседнику, Гитлер заявил: «Муссолини — первый государственный деятель мира, с которым никто не может даже отдаленно сравниться». Немцы и итальянцы, продолжал он, дополняют друг друга. Вместе они могли бы объединиться в непобедимую коалицию против большевизма и западных демократий.

Поручив зятю вбить клин между Англией и Германией, дуче дал ему документ, попавший в руки итальянцев,— телеграмму английского посла в Берлине, в которой правительство Гитлера характеризовалось как клика опасных авантюристов. Прочитав документ, Гитлер возмущенно воскликнул: «По мнению англичан, в мире есть две страны, которыми руководят авантюристы,— Германия и Италия. Но Англией тоже руководили авантюристы, когда она создавала свою империю. А сегодня ею руководят просто болваны». Он заверил Чиано, что нет нужды тревожиться по поводу Англии, так как перевооружение идет быстрыми темпами как в Германии, так и в Италии. К 1939 году Германия будет готова к войне.

Их новые отношения, направленные на широкое сотрудничество, были закреплены в секретном соглашении, подписанном в Берлине Чиано и Нойратом. Несколько дней спустя в своей речи в Милане Муссолини произнес зловещую для Запада фразу: «Линия Берлин—Рим — это ось, вокруг которой могут вращаться все европейские государства с волей к сотрудничеству и миру».

В ту осень одной из главных забот Гитлера была Испания. Франко уже стал получать германские поставки, ему были посланы военные специалисты, и фюрер намеревался увеличить помощь мятежникам. В распоряжение Франко поступила специальная авиационная часть тактической военной поддержки. 18 ноября Гитлер и Муссолини признали режим Франко законным правительством Испании.

Министерство иностранных дел советовало Гитлеру действовать в Испании осторожно. Однако Геринг, назначенный имперским руководителем четырехлетнего плана, считал конфликт в Испании прелюдией к войне. 2 декабря на встрече с руководством люфтваффе он заявил: «Мы уже находимся в состоянии войны» — и сообщил, что «с начала следующего года все авиазаводы будут работать так, будто

объявлена мобилизация». Несколько дней спустя в беседе с группой промышленников он подчеркнул, что война близка, а это требует колоссальных производственных мощностей, и перевооружение должно продолжаться без всяких ограничений.

Между тем новый германский представитель при администрации Франко генерал Вильгельм Фаупель прислал тревожное сообщение: если в Испанию не будут немедленно посланы по крайней мере одна дивизия и опытные военные специалисты, война будет проиграна. МИД проигнорировал его депешу. Тогда Фаупель приехал сам и 21 декабря изложил свое мнение Гитлеру. На встрече присутствовали другие военные руководители. В их числе был предшественник Фаупеля в Испании подполковник Вальтер Варлимонт. В этой стране идет гражданская война, сказал Варлимонт, и испанцы должны драться за победу сами. Немцы оказали Франко достаточную помощь, которая спасла его от поражения. По его мнению, Франко еще может спасти положение. Другие военные поддержали Варлимонта.

Гитлер с этим мнением согласился. Германия не пошлет в Испанию свои войска, заявил фюрер. Его решение учитывало как военные, так и политические факторы. Гитлер откровенно признал, что не заинтересован в быстрой победе Франко. Кровавая, длительная война в Испании отвлечет внимание мира от амбициозной программы перевооружения Германии. Гитлер обещал по-прежнему оказывать помощь антикоммунистам, а если они окажутся на грани военной катастрофы, помощь будет увеличена. Его последние слова были уроком политического цинизма: он предоставлял честь оказать существенную помощь Испании войскам Муссолини. Чем глубже увязнет дуче в Испании, тем ближе он будет к Германии, а если конфликт затянется, он окажется привязанным к «оси» не только на словах, но и на деле.

В дипломатическом отношении 1936 год был удачным для Гитлера. Англия была им очарована, а Италия приняла условия неравноправного партнерства. Фюрер также убедил Японию подписать антикоминтерновский пакт, содержавший секретное, хотя и туманно сформулированное соглашение о том, что страны будут помогать друг другу в совместной борьбе против Советского Союза. Оно играло важную роль, являясь пропагандистским прикрытием для оправдания перевооружения Германии.

Единственной неудачей года был конституционный кризис в Англии, вызванный намерением короля заключить гражданский брак, что было неслыханным нарушением многовековой традиции. Он заявил премьер-министру Болдуину: «Если правительство противится этому браку, тогда я готов уйти». Многие в Англии сочувствовали Эдуарду VIII, но церковь и премьер-министр были непреклонны.

Риббентроп, назначенный послом в Англии, был расстроен, так как фюрер рассчитывал на поддержку короля на предстоящих переговорах. «Он наша величайшая надежда»,— сказал Риббентроп Фрицу Хессе, представителю агентства печати и одновременно пресс-атташе германского посольства. Считавшийся экспертом по английским делам Хессе выполнял также секретную миссию — поддерживал неофициальные контакты с английскими деятелями, в частности, с экономическим советником премьер-министра Хорасом Уилсоном. Риббентроп переговорил по телефону с Гитлером, который отказался принять всерьез разговоры об отречении английского короля от престола. Он дал указание немецкой прессе даже не упоминать об этом. «Вот увидите,— сказал Риббентроп Хессе,— фюрер окажется прав, все это дело развалится, и король будет нам благодарен за нашу тактичность».

9 декабря Эдуард VIII подписал акт об отречении от престола, став первым английским монархом, добровольно сделавшим это. В эмоциональном выступлении по радио он заявил своему народу и всему миру, что не может нести тяжелое бремя ответственности и выполнять обязанности короля без помощи и поддержки женщины, которую любит.

Гитлер не мог понять, как мужчина может из-за любви отказаться от власти. Он позвонил Риббентропу и в сердцах сказал ему, что тот может паковать чемоданы. «Теперь, когда король ушел, никто в Англии не будет готов вести с нами игру,— сказал фюрер.— Сообщите мне, что можно сделать. Я не буду вас винить, если ничего не получится».

5

1936 год в целом оказался для Гитлера удачным. Впервые в жизни он счастливо провел рождественские праздники. И это несмотря на спазмы в желудке, бессонницу и экзему. 25 декабря он выбрал для себя личного врача — доктора Тео Мореля, специалиста по кожным заболеваниям. Среди его пациентов были ведущие деятели кино и театра.

Впервые после военной службы при медицинском осмотре Гитлер разделся догола. Выслушав жалобы пациента на боли и спазмы в желудке, Морель поставил диагноз — гастродуоденит — и прописал больному необходимые лекарства. Гитлер также страдал непроизвольным выходом газов, что усиливалось его вегетарианской диетой, и Морель прописал антигазовые таблетки. Кроме того, врач дополнил вегетарианскую диету пациента большими дозами витаминов, часто вводя их внутривенно наряду с глюкозой для поднятия тонуса.

Самые именитые доктора страны не смогли вылечить Гитлера от спазмов желудка и от экземы, которая причиняла ему такую боль, что он не мог носить сапоги. Этот специалист по кожным болезням обещал вылечить своего подопечного за год, а сделал это за месяц с небольшим, и Гитлер с восторгом объявил, что чудо-доктор спас ему жизнь. «Другие морили меня голодом, разрешали мне лишь чай и сухари. Я был так слаб, что едва мог работать. И тут появился Морель и сделал меня здоровым». Фюрер полагал, что тот подлечил ему и десны благодаря уколам мутафлора, хотя этому, возможно, помог массаж, который делал зубной врач Хуго Блашке.

30 января 1937 года, в четвертую годовщину прихода к власти, Гитлер выступил в рейхстаге. Он был бодр и отлично выглядел. «Сегодня я должен поблагодарить провидение, по милости которого я, бывший неизвестный солдат, получил возможность довести до успешного исхода борьбу за нашу честь и права нации»,— начал он. Достижения Гитлера за первые четыре года были поистине значительными. Как и Рузвельт, он многое сделал для групп населения с низкими доходами. Оба лидера бросили вызов традиции и пошли на расширение производства и обузда-

ние безработицы. Гитлер также менял лицо страны сетью автодорог (автобанов). Чтобы «поставить население на колеса», он выдвинул идею создания «народного автомобиля» («фольксвагена»), компактного и дешевого, чтобы средний немец был в состоянии его купить. Он попросил конструктора Фердинанда Порше спроектировать автомобиль, который мог бы расходовать не более десяти литров бензина на 100 километров пути, вмещать четырех пассажиров и иметь воздушное охлаждение. Он задумал и другие нововведения. В больших городах предполагалось создать автоматизированные подземные стоянки для машин, свободные от дорожного движения центры, многочисленные парки. Гитлера всерьез заботила проблема сохранения природной среды. Он всячески поощрял меры по предотвращению выбросов в воздух ядовитых газов. С этой целью на некоторых заводах в Рурском бассейне были установлены специальные приспособления, а на новых заводах должны были строиться установки по предотвращению загрязнения вод.

Большое внимание Гитлер уделял благосостоянию и профессиональной подготовке молодежи. Радикальные изменения произошли в системе образования. Средние школы с естественнонаучным уклоном были поставлены на один уровень с классическими гимназиями. Упор делался на физическую культуру, расовую биологию, немецкую историю и литературу. «Цель нашего образования — формирование характера,— писал один нацистский педагог.— Мы не желаем воспитывать своих детей для того, чтобы из них получались хилые ученые. Поэтому я заявляю: лучше иметь на десять килограммов меньше знаний и на десять калорий больше характера».

Воспитание германского характера сопровождалось обожествлением Гитлера. Перед обедом школьники должны были декламировать такое стихотворное заклинание:

«Фюрер, мой фюрер, посланный мне Богом, защити и сохрани меня, пока я живу! Ты спас Германию от великого горя. Я благодарю тебя за свой хлеб каждый день. Будь всегда со мной, не покидай меня, фюрер, мой фюрер, моя вера и мой свет! Хайль, мой фюрер!»

Идеологическая обработка молодежи начиналась с детства. Мальчики в возрасте от 10 до 14 лет принимались в организацию «Юнгфольк» («Юность народа»). В ее рекламном буклете говорилось: «Для нас приказ и повеление — самая святая обязанность. Ибо каждый приказ исходит от от-

ветственной личности, которой мы верим,— от фюрера... И вот мы стоим перед вами, немецкий отец, немецкая мать, мы, молодые лидеры германской молодежи, мы готовим и воспитываем вашего сына, делаем из него человека действия, человека победы. Он взят в суровую школу с тем, чтобы его кулаки закалились, его отвага укрепилась, чтобы он приобрел веру — веру в Германию».

После прохождения курса воспитания в «Юнгфольке» мальчики принимались в «Гитлерюгенд» («Гитлеровская молодежь»), где им выдавались кинжалы с выгравированной надписью «Кровь и честь». Им сообщали, что отныне они могут не только носить коричневую рубашку, но и защищать ее силой оружия. Многие понимали это как вседозволенность, как принадлежность к высшим существам.

До 1933 года целью «Гитлерюгенда» было объединение молодежи независимо от социального происхождения, отрыв ее от коммунистических организаций путем убеждения и пропаганды. После 1933 года главной целью лидеров гитлеровской молодежной организации стала физическая закалка молодежи, воспитание верности фюреру и отечеству.

За четыре года Гитлер сумел поднять уровень здравоохранения до такой степени, что многие иностранцы поражались его достижениям. Детская смертность значительно уменьшилась, она была ниже, чем в Англии. Как писал член английского парламента Арнольд Уилсон, неоднократно бывавший в Германии, «приятно наблюдать физическое состояние немецкой молодежи. Даже самые бедные одеты лучше, чем раньше, а их веселые лица свидетельствуют о психологическом комфорте».

Улучшились условия труда, на заводах и фабриках стало больше света, комнат гигиены, меньше скученности. Все предприятия и учреждения содержались в образцовой чистоте и порядке. Везде были цветы. Никогда раньше рабочий не пользовался такими привилегиями. Программа «Сила через радость», начатая руководителем «Трудового фронта» Робертом Леем, предусматривала проведение за счет общественных средств культпоходов на концерты, в театры и кино, на выставки, танцевальных вечеров, организацию курсов по повышению образования для рабочих. Самым революционным новшеством был туризм за общественный счет. Даже самый малоквалифицированный рабочий мог теперь путешествовать на борту роскошного лайнера и великолепно провести отпуск.

«Рабочий видит, что мы серьезно заботимся о повышении его социального статуса»,— говорил Лей. А Гитлер заявил в рейхстаге: «Произошли радикальные преобразования, принесшие результаты, которые являются демократическими в высшем смысле этого слова, если демократия вообще имеет смысл».

Глава германского рейха стремился объединить людей всех уровней, за исключением «врагов нации» — евреев, и его модель социализма не исключала ни богатых, ни средний класс. «Буржуа не должен больше чувствовать себя своего рода пенсионером, отделенным от рабочего марксистской стеной собственности,— сказал он одному журналисту,— а должен стремиться работать на благо общества». Гитлера самого рекламировали как рабочего-строителя, художника и студента, как человека из народа, привыкшего к самым простым блюдам. Он отказывался принимать различные почетные звания, а на встречах с рабочими хвастался, что у него нет недвижимости или акций, умалчивая при этом, что книга «Майн кампф» сделала его миллионером.

Возможно, самым важным достижением Гитлера за первые четыре года было объединение нации. Ни один объективный наблюдатель не мог отрицать значительных успехов Гитлера, хотя рабочие лишились профсоюзов, а предприниматели утратили право на политические организации. Действительно, отдельная личность потеряла свои права, свою свободу, в то время как нация выиграла в равенстве и процветании. Но потеря гражданских свобод — не единственная цена, заплаченная за программу Гитлера. Хотя он вывел страну из кризиса и ликвидировал безработицу, его требование ускорить перевооружение любой ценой потенциально вело страну к экономической катастрофе. Умный Шахт делал все для противодействия усилиям Гитлера и военных. Сначала он наложил вето на планы военного министерства, затем отказался удовлетворить просьбы Бломберга о расширении производства нефти из угля, опасаясь, что это нарушит экономическое равновесие. Но к началу 1936 года влияние Шахта пошло на убыль, и приказ Гитлера увеличить армию до тридцати шести дивизий привел к дисбалансу в экономике. Причин было две: цены на импорт увеличились на 9 процентов, а экспортные упали на 9 процентов, кроме того, два года подряд оказались неурожайными. Германское сельское хозяйство было не в состоянии удовлетворить потребности страны. Запасы сырья иссяка-

ли. Уже появился тревожный дефицит продовольствия и топлива. Он усугубился советским эмбарго на германский экспорт и требованием Румынии о повышении цен на нефть.

В этих чрезвычайных обстоятельствах летом 1936 года Гитлер подготовил меморандум о военной экономике. Его ответом на нефтяной кризис была автаркия. Конечно, он знал, что в существующих границах Германия не способна производить достаточно сырьевых материалов и тем самым добиться полной самообеспеченности, но настаивал, что надо сделать все для этой цели. Игнорируя мнение Шахта, он потребовал увеличения производства синтетического каучука, железной руды, жиров, текстиля и выдвинул задачу преодолеть топливный кризис за полтора года.

Гитлер игнорировал и предупреждение экспертов о том, что производственные издержки такой программы будут необычайно высокими, не посчитался с протестами промышленников, возражавших против его курса на производство вооружений и накопление запасов сырья. Фюрер даже пригрозил частному капиталу государственным вмешательством, если промышленники не захотят его поддержать. Он заявил, что «финансы, экономика и все теории должны служить борьбе народа за самоутверждение». Для Гитлера это было просто вопросом силы воли, и он потребовал экономической мобилизации, «сравнимой с военной и политической мобилизацией». Его не интересовало, какой ценой это будет достигнуто, главным было намерение за четыре года создать мощный вермахт.

На решение этой задачи был нацелен четырехлетний план, объявленный в 1936 году на съезде нацистской партии в Нюрнберге. Месяц спустя фюрер назначил Геринга имперским руководителем этого плана, и — что показательно — среди приданных в помощь Герингу людей был лишь один старый член партии. Руководящие посты заняли государственные служащие, представители промышленности и военных. Это означало, что партия фактически была отстранена от процесса принятия решений в экономической жизни страны.

В своей речи, призывающей ко всеобщей мобилизации, Геринг говорил, что рабочие и крестьяне должны приложить к ее осуществлению все свои силы, изобретатели — отдать себя в распоряжение государства, частные предприниматели — думать не о прибыли, а о сильной, независимой

национальной экономике. «Главное — не с выгодой производить, а просто производить»,— заявлял Геринг.

«Я считал своим долгом осудить эту экономическую нелепицу,— писал Шахт,— и открыто выступить против безответственного, произвольного нарушения экономических законов». Он это сделал в своем выступлении в торговой палате в день своего шестидесятилетия. Шахт высмеял утверждение Геринга, что главное — это производство. «Если я высеваю сто центнеров зерна на определенном участке земли и собираю лишь три четверти центнера, что может быть нелепее?» Это было открытым вызовом со стороны человека, уже попавшего в опалу, и через несколько месяцев Шахт был вынужден уйти в отставку с поста министра экономики. Геринг получил свободу действий.

Если бы Гитлер умер в 1937 году, в четвертую годовщину прихода к власти, он, несомненно, вошел бы в немецкую историю как один из ее величайших деятелей. По всей Европе у него были миллионы почитателей. Писательница Гертруда Стайн считала, что Гитлер должен получить Нобелевскую премию мира. Знаменитый англичанин Джордж Бернард Шоу защищал Гитлера и других диктаторов; его речи и статьи о национал-социализме возмутили интеллигенцию и вызвали поток протестующих откликов.

Еще одним ярым поклонником фюрера был известный шведский исследователь Свен Хедин, который писал, что Гитлер одарен неутомимой страстью к справедливости, широтой политического видения, безошибочным предвидением и «подлинной заботой о своих согражданах». Будучи сам еврейского происхождения и гордившийся этим, Хедин оправдывал антисемитизм Гитлера, хотя и не одобрял его жесткие методы. Беспристрастное изучение поведения евреев после первой мировой войны, полагал он, объясняет, почему немцы презирают евреев. «Где бы ни проводилась политика раболепия и пораженчества, ее авторами были те же самые евреи, которые образовали авангард коммунизма и большевизма»,— писал Хедин. Его анализ достижений Гитлера мог бы быть подготовлен Геббельсом: «Человек, который за четыре года поднял свой народ со дна к самосознанию, гордости, дисциплине и власти, заслуживает благодарности своих сограждан и восхищения всего человечества».

Достижения Гитлера за четыре года власти многих вдохновляли. Нацизм привлекал не только недовольных и обез-

доленных, но также интеллигентов, которые усматривали в нем альтернативу «буржуазному либерализму». Все приверженцы нацизма считали, что в любом случае духовное единство нации решит все проблемы. Эта цель, полагали они, оправдывает средства.

Глава 15. «ТАКОЙ МАЛЕНЬКИЙ ЧЕРВЯЧОК» (1937 г. — февраль 1938 г.)

1

Весной 1937 года Гитлер выступил перед руководителями окружных партийных организаций на церемонии открытия элитарной партийной школы в Фогельзанге. Он был среди своих и мог говорить откровенно.

Подобно Меттерниху или Макиавелли, он учил молодых слушателей политическим и дипломатическим трюкам и без тени смущения советовал им, как манипулировать массами. «Организация имеет будущее лишь в том случае, если она естественным путем ограничивает свободу личности ради общей пользы». Поэтому члены организации никогда не потерпят чьего-либо авторитета, кроме авторитета нации, будь это даже церковь. Фюрер сравнивал демократию с муравейником, где каждый ползет, куда ему вздумается: «Эти демократы имеют свободу делать что хотят и потому как личности бесполезны. Они мягкотелы, никчемны, у них нет способности к сопротивлению. Нелепо обременять среднего человека проблемами, которые под силу лишь лучшим умам. Представьте, что получится, если заставить такого маленького человекоподобного червячка принимать решения, например, по Рейнской области! А если бы четырехлетний план был вначале представлен демократическому парламенту? Только еврей мог бы додуматься до такого идиотизма».

Затем Гитлер перешел к проблеме подбора лидеров. Ког-

да он заявил, что чин или богатство не имеют значения, он, возможно, вспомнил свою молодость. «Необходимо иметь лишь способности. Неважно, кто ваши родители. Чистое абстрактное мышление не имеет цены. Лидер должен уметь руководить и уметь сказать: «Это надо сделать так,— я так решил». Он должен советоваться с ответственными людьми, но в конечном счете решение принимает сам».

После практических советов по самым разнообразным вопросам Гитлер снова переключился на тему еврейской угрозы, говоря намеками, понятными всем в зале. «Я никогда не делаю шага, чтобы потом отступать, не бросаю вызова и не кричу оппоненту: «Давай драться!» — лишь ради удовольствия драться. Я говорю: «Я тебя уничтожу. Разум поможет мне заманить тебя в такой угол, где ты получишь нож в сердце. Вот так!» Последние слова, не оставлявшие никакого сомнения в том, что фюрер не остановится перед уничтожением евреев, были встречены бурей восторга. Этот ужасающий рев сохранился в записи на пленке как напоминание о звериной сущности человека, он был похож на рев толпы в римском Колизее, требующей убить поверженного гладиатора.

Когда рев затих, Гитлер завершил речь призывом к всеобщему перевооружению страны: «Я хочу, чтобы немецкий народ стал самым сильным в Европе! Мы напишем последнюю главу в немецкой истории!»

Не считая узкого круга приближенных, Гитлер редко был так откровенен в своих публичных выступлениях. Это был хладнокровный, хорошо рассчитанный монолог человека, пользующегося почти абсолютной властью.

2

Установив тотальную диктатуру, Гитлер в душе оставался художником. Искусство и политика были для него неразделимы. Одним из первых шагов фюрера по созданию нацистского искусства стала ликвидация института «Баухауз», основанного сразу после войны архитектором Вальтером Гропиусом с целью создания функциональной экспериментальной архитектуры путем использования ре-

сурсов живописи, скульптуры и промышленного дизайна. В институте в то время работали самые талантливые в Европе архитекторы и художники — Клее, Кандинский, Фейнингер и Мондриан, но «Баухауз» олицетворял собой модерн, а это было неприемлемо для Гитлера, поклонника классицизма и романтизма.

Из архитекторов он больше всех восхищался профессором Паулем Людвигом Троостом, автором проекта самого крупного в Мюнхене Дома германского искусства, построенного на общественные пожертвования. Осенью 1933 года сам Гитлер участвовал в закладке этого здания. Перед церемонией состоялся парад штурмовиков, эсэсовцев и «Гитлерюгенд», прошедших маршем к месту строительства. Прораб и рабочие были выряжены в средневековые одежды. После исполнения оркестром увертюры к «Мейстерзингерам» Гитлер произнес речь о культурной миссии Германии и объявил о присвоении Мюнхену титула «столицы германского искусства». Но затем вышла промашка: серебряным молотком он так сильно ударил по краеугольному камню, что молоток сломался. Наступило неловкое молчание. Это было дурной приметой. Геббельс попытался обратить дело в шутку, заявив: «Когда фюрер наносит удар, этот удар всегда мощный». Но Гитлер был не склонен шутить, он понял, что это плохое предзнаменование. Так, вероятно, думал и Троост.

Спустя несколько дней архитектора положили в больницу с тяжелой формой ангины, а приблизительно через месяц он умер от воспаления легких.

Фрау Троост продолжила работу мужа, и Гитлер заходил в ее студию всякий раз, когда приезжал в Мюнхен. Их отношения не ограничивались интересом к архитектуре. Это была женщина независимых взглядов, которые она открыто выражала невзирая на лица. Когда кто-то однажды спросил фрау Троост, что она думает о Шпеере, она повернулась к фюреру и сказала, что если бы герр Гитлер попросил ее мужа спроектировать здание высотой в 100 метров, он бы обдумал это и на другой день сообщил, что по структурным и эстетическим соображениям здание должно быть высотой 96 метров. «Но если бы вы сказали Шпееру: «Мне нужно здание в 100 метров»,— продолжала фрау Троост,— он бы сразу ответил: «Мой фюрер, будет 200 метров!» А вы бы похвалили: «Молодец!» Нисколько не обиженный, Гитлер рассмеялся вместе со всеми. «Он всегда любил посмеяться,—

вспоминала она.— У него было хорошо развито чувство юмора».

К удивлению близких сотрудников, Гитлера не сердила откровенность фрау Троост. Споры с ней лишь вдохновляли его, если не считать одного случая. В связи с открытием в 1937 году Дома германского искусства была организована большая выставка немецкой живописи. Жюри, включая фрау Троост, отобрало экспонаты по художественным критериям, и среди них оказалось немало модернистских картин. Поскольку Гитлер считал такое искусство порочным и достойным осуждения, за день до открытия выставки он бурно поспорил с фрау Троост. Гитлер возмущался, и ссора, к ужасу присутствовавших, становилась все более резкой. В конце концов фрау Троост заявила, что не может изменить своим художественным убеждениям. «А раз вы не можете одобрить наш выбор и имеете совсем другое мнение, я немедленно выхожу из состава жюри»,— резко сказала она. Фюрер холодно попрощался с ней, поручив Хофману заняться подборкой экспонатов. Но несколько недель спустя Гитлер приехал в студию Троост, словно ничего не случилось.

Выставка открылась 18 июля костюмированным шествием по улицам Мюнхена. Тевтонские рыцари со свастикой на груди несли громадное солнце, изготовленное из фольги, и фигуры героев древнегерманских легенд. Выставка получилась довольно старомодной. Хотя было немало хороших работ, особенно скульптур, преобладали пастушеские идиллии и сюжеты из обыденной семейной жизни. Современность была представлена скудно.

В речи на открытии выставки Гитлер заявил, что Дом германского искусства предназначен прежде всего для пропаганды искусства немецкого народа. Художники не должны уходить в прошлое, сказал он, не должны искажать и обезображивать жизнь. Ныне наступил век нового человека. А что стряпают декадентствующие модернисты? «Уродов и кретинов,— возмущался фюрер,— женщин, вызывающих лишь отвращение, мужчин, больше похожих на диких зверей, детей, будто проклятых Богом». Если эти художники действительно видят жизнь такой, «надо их спросить: откуда такой дефект зрения? И если они пытаются навязать народу это безобразие, тогда этим должен заняться уголовный суд».

Расходившийся фюрер пригрозил стерилизовать модер-

нистских художников «с дефективным зрением» и обращаться с ними как с опасными преступниками. В эту категорию он включил знаменитого немецкого художника Эмиля Нольде, гения экспрессионистской школы, сочувствовавшего национал-социализму. Тысячи произведений искусства были тогда конфискованы, в их числе — Пикассо, Матисс, Ван Гог, Сезанн. 730 картин этих художников были выставлены в новом музее как пример «дегенеративного искусства». Они были размещены в беспорядке, без названий, но под рубриками: «Так больные умы смотрят на природу», «Так евреи изображают немецких крестьян» и т.д. Были экспозиции, посвященные «выродившемуся негритянскому, марксистскому и еврейскому искусству».

В экспозицию включили и картины сумасшедших, чтобы доказать, что произведения модернистов так же безобразны. Два портретных наброска известного австрийского художника-экспрессиониста Оскара Кокошки были помещены рядом с картиной, созданной психически ненормальным. «Этих двух надо связать их картинами, чтобы каждый немец мог плюнуть им в лицо!» — воскликнул один возмущенный посетитель. Такого рода высказываний было немало.

Выставка, позднее ставшая передвижной, привлекла два миллиона посетителей — в пять раз больше, чем было их в Доме германского искусства на показе лучших, по мнению Гитлера, произведений немецких художников и скульпторов. Очевидно, многие из этих двух миллионов оказались на выставке просто из любопытства, но, несомненно, было немало и таких, кто в последний раз пришел посмотреть на запретные плоды великого искусства.

3

Съезд партии открылся 6 сентября. На следующий день Гитлер торжественно появился в его президиуме. Сравнив большевистское насилие и кровопролитие с умеренной национал-социалистской революцией, он подчеркнул, что за истекший год были предприняты усиленные попытки распространить коммунистический хаос с Востока

на Запад. Отрадно сознавать, говорил он, что «весь мир, возможно, начнет гореть вокруг нас, но национал-социалистское государство будет возвышаться над большевистским пожаром, как плотина». Это была речь, больше направленная на сохранение спокойствия населения, чем на разжигание воинственного духа. В то же время Гитлер готовился обхаживать будущего союзника, осознавая, что конфликт неизбежен.

Бенито Муссолини согласился посетить Германию, но при условии, что не возьмет с собой гражданской одежды и получит возможность «встретиться с массами».

Дуче выехал из Рима 23 сентября, одетый в сшитый для него по этому случаю новый мундир фашистской милиции и сопровождаемый свитой из ста человек. Два дня спустя в Мюнхене на главном вокзале его встретил фюрер. Гремели барабаны, толпа скандировала «хайль!» и «дуче», диктаторы пожали друг другу руки. Они прошли по красному ковру к машине и поехали на квартиру Гитлера. Здесь состоялась их первая беседа, и так как Муссолини говорил по-немецки, переводчик Шмидт имел время и возможность сравнить их. Фюрер со своими непослушными волосами был похож на неопрятного представителя богемы, говорил он грубым и хриплым голосом. Иногда глаза его внезапно загорались и потом так же внезапно потухали. Дуче был иным — голова Цезаря, потомка древних римлян, мощный лоб и широкий квадратный подбородок под большим ртом. Говорил он более живо, чем Гитлер, когда наступила его очередь обрушиться на большевиков и Лигу Наций. Негодование, презрение, решимость и хитрость то и дело отражались на его подвижном лице. У дуче был горячий южный темперамент. Однако он не сказал ничего лишнего. Шмидт также отметил, что смеялись они по-разному. Смешок Гитлера был полон издевки и сарказма, Муссолини раскатисто хохотал.

Итогом часовой беседы явилась договоренность развивать дружественные отношения с Японией, поддерживать Франко и обуздывать амбиции Франции и Англии. Гитлер к этому времени начал осознавать безнадежность попыток вовлечь Англию в свои планы.

По случаю приезда Муссолини состоялись впечатляющие церемонии: парад эсэсовцев, военные маневры в Мекленбурге и осмотр громадного завода Круппа в Эссене. Кульминационный момент наступил 28 сентября. Когда поезда обоих диктаторов (ехали они отдельно) приблизились

к пункту назначения — станции около олимпийского стадиона, поезд Гитлера поравнялся с поездом Муссолини на соседнем пути, и пятнадцать минут оба состава шли параллельно. Эта операция, которую машинисты репетировали несколько дней, была проведена так идеально, что итальянцы и немцы могли переговариваться через открытые окна. В последний момент поезд Гитлера вышел чуть-чуть вперед, чтобы фюрер мог раньше выскочить на платформу и приветствовать дуче. Это была ювелирная работа, и наряду с парадом и маневрами затея с поездами произвела на публику большое впечатление.

Но предстояло еще кое-что. Почти миллион зрителей, многие из которых были доставлены в столицу специальными поездами, выстроились вдоль улицы, ведущей от вокзала к центру города. Повсюду были развешаны фашистские и нацистские флаги. На каждой площади стояли громадные колонны, разрисованные гербами двух стран. Порядок обеспечивали 60 тысяч эсэсовцев, съехавшихся со всей Германии. Меры безопасности были самые строгие, в толпе было много агентов в штатском, реку Шпрее патрулировали вооруженные катера.

На следующий день оба вождя прибыли на олимпийский стадион, чтобы Муссолини мог «встретиться с массами». На этот раз Гитлер позволил гостю войти первым, чтобы тот насладился почестями. Затем фюрер произнес краткую речь. Она транслировалась по радио «115 миллионам граждан Германии и Италии». У нас, заявил Гитлер, существует «общность не только мнений, но и действий. Германия — снова мировая держава. Сила наших двух наций представляет мощнейшую гарантию цивилизованной Европы, верной своей культурной миссии и вооруженной против разрушительных сил».

Затем к микрофонам прошагал Муссолини. Он говорил по-немецки, но был настолько взволнован спектаклем, что слушатели могли разобрать лишь отдельные слова. «Осенью 1935 года была образована ось Берлин — Рим, и за последние два года она работала ради еще более тесного союза наших двух народов и ради мира в Европе»,— кричал дуче. Этот визит, по его словам, является не обычным дипломатическим или политическим эпизодом, а «демонстрацией единства двух революций, имеющих общую цель».

И вдруг начался такой проливной дождь, что написанный текст его речи расплылся на бумаге. «Германия и Италия —

это величайшие и самые подлинные демократии, которые когда-либо знал мир»,— продолжал разглагольствовать дуче, не обращая внимания на ливень. «У меня есть друг, и я пойду с ним до конца»,— закончил наконец свою речь итальянский диктатор. Затем Муссолини медленно поехал обратно к центру столицы, один в открытой машине, чтобы массы могли посмотреть на него еще раз. Плаща у него не было, и он вернулся в свою резиденцию промокшим до нитки.

Хотя Муссолини не простудился, спал он в эту ночь плохо и проснулся в скверном настроении, но в поезде несколько повеселел. Муссолини ехал в Германию с чувством пренебрежения к Гитлеру. Как можно верить человеку неженатому, без детей и даже без любовницы? Уехал же дуче под глубоким впечатлением от увиденного. О Еве Браун он не знал. Однако он увидел силу, намного превосходящую все, о чем он мечтал. И с этого момента два диктатора поменялись ролями. Младшим партнером теперь стал Муссолини. Швейцарский психиатр Карл Юнг лично наблюдал двух диктаторов и заметил разительный контраст между ними. В отличие от дуче, Гитлер напоминал робота: «Казалось, он двойник реального человека, и Гитлер-человек как будто умышленно прячется, чтобы не мешать работе механизма».

Конкретных соглашений в Берлине подписано не было, не было и официального коммюнике, но министерство иностранных дел Германии сообщило своим зарубежным миссиям, что оба руководителя согласились в отношениях с Англией придерживаться согласованной линии и что Италия отныне имеет свободу действий в Средиземноморье, а Германия — в Австрии.

Гитлер был очень доволен этими договоренностями, тем более, что теперь он испытывал к дуче уважение. Их тосты на банкете значили больше, чем какое-либо коммюнике. Гитлер заявил, что обе страны сблизились в искренней дружбе ради общей политической цели. Гость ответил, что германо-итальянская солидарность является живой и активной, и обе нации приобрели «иммунитет от любых попыток их разделить». «Ось» стала реальностью, и Гитлер теперь имел возможность сделать следующий ход.

4

В конце октября в доверительной беседе с группой лиц, ответственных за пропаганду, Гитлер сказал, что в его роду не было долгожителей. Стало быть, важнейшие проблемы, особенно овладение жизненным пространством, должны быть решены как можно скорее. Его последователи решить их не смогут, так как только он способен сделать это. «А сейчас,— сказал фюрер,— я чувствую себя свежим, как жеребенок на лугу».

Неделю спустя, 5 ноября 1937 года, он вызвал командующих всеми родами войск, военного адъютанта Хосбаха и министра иностранных дел фон Нойрата. Формальной причиной было решение проблем, связанных с растущим соперничеством между Бломбергом и Герингом за право контроля над стратегическими ресурсами.

Но когда к 16 часам все собрались, он начал говорить о внешней политике. По лицу фюрера было видно, что это не обычное совещание, и как только он заставил присутствующих дать обещание соблюдать секретность, все насторожились. Шок наступил очень скоро, когда Гитлер попросил «в интересах долгосрочной германской политики рассматривать его заявление, в случае его смерти, как политическое завещание». Целью германской политики, подчеркнул фюрер, является обеспечение, сохранение и укрепление расового общества. Будущее Германии зависит от приобретения достаточного жизненного пространства, а найти его можно только в Европе. «Пространств без хозяина никогда не было, нет их и сейчас, нападающий всегда сталкивается с владельцем,— утверждал фюрер.— Перед Германией стоит вопрос: где она могла бы добиться самого крупного выигрыша при минимальных затратах?» Эта проблема, сообщил он ошеломленным слушателям, «может быть решена только силой, что всегда сопровождается риском».

Германская мощь, продолжал он, достигнет своего пика лет через шесть. Надо идти в наступление, пока другие готовятся к обороне. Проблема жизненного пространства для Германии должна быть решена самое позднее к 1943 — 1945 годам.

Гитлер редко заглядывал в свои записи, факты и цифры он приводил с удивительной точностью, обладая феноме-

нальной памятью,— даром, присущим Цезарю, Наполеону и Ленину. Барон фон Нойрат сидел, будто проглотил аршин. Военные беспокойно ерзали, пока Хосбах, не владевший стенографией, лихорадочно записывал то, что говорил фюрер. Первой целью Германии, продолжал он, является обеспечение восточного и южного флангов путем захвата Чехословакии и Австрии, поскольку и Англия, и Франция, по его мнению, «уже молчаливо списали чехов». Он предупредил, что оборонительные меры чехов усиливаются из года в год, австрийская армия тоже наращивается. Но после аннексии из этих стран Германия получит необходимое продовольствие. Это даст и другие преимущества: «более короткие и лучшие границы, высвобождение войск для других целей», что даст возможность сформировать еще двенадцать дивизий, т.е. одна дивизия будет приходиться на миллион жителей. Италия не будет против захвата Чехословакии, но пока неизвестно, какаю она займет позицию по отношению к Австрии. Это зависит от того, будет ли жив дуче. «Степень внезапности и быстрота наших действий являются решающими факторами в случае захвата Польши и России. Вряд ли другие государства станут воевать из-за них с победоносной Германией». (Примечательно, что утром того же дня он подписал с Польшей соглашение о мирном урегулировании проблем, связанных со статусом национальных меньшинств в обеих странах.)

Гитлер закончил говорить, когда уже наступили сумерки. Он предложил высказаться остальным. И Бломберг, и Фрич выступили против плана фюрера, они призвали его не сбрасывать со счетов Францию и Англию. Французская армия не будет слишком отвлечена войной с Италией и может быть грозным противником на Западном фронте. Бломберг также возразил, что будет крайне трудно прорвать оборону чехов. А Фрич так встревожился, что предложил отменить свой отпуск, который собирался провести в Египте. Но фюрер сказал ему, что в этом нет нужды, возможность конфликта еще не настолько близка.

Гитлер оставил право опровергать аргументы генералов Герингу, а сам сидел и внимательно слушал. Споры становились все более горячими. Но доводы военных не произвели на фюрера впечатления. В целом генералы решили, что рассуждения Гитлера носили преимущественно теоретический характер и были направлены прежде всего на ускорение программы перевооружения. Ясно было, что пока Гер-

мания к войне не готова. Однако Нойрат воспринял фюрера серьезно и настолько расстроился, что с ним случился сердечный приступ. Он даже нарушил обещание соблюдать секретность и на встрече с генералами Беком и Фричем призвал их убедить Гитлера отказаться от военных амбиций. Генералы обещали сделать все, что могут: у них не было желания воевать без серьезных шансов на победу. Было решено, что Фрич изложит Гитлеру военные доводы, а Нойрат — политические. Но встреча Фрича с Гитлером 9 ноября в Бергхофе ни к чему не привела. А Нойрата он даже отказался принять.

Две недели спустя на встрече с курсантами военно-политической академии в Зонтхофене Гитлер вновь заявил, что Германия не сможет выжить без соответствующего жизненного пространства, и для достижения этой цели надо будет пойти на военный конфликт. К 1943 году должны быть ликвидированы предварительные препятствия, одно за другим, либо при помощи дипломатического шантажа, либо путем молниеносных военных ударов: сначала по Чехословакии, потом по Польше и Франции. Фюрер надеялся, что Англию можно будет побудить к нейтралитету, а если нет, ей тоже надо будет преподать военный урок, который надолго отобьет у «владычицы морей» охоту хозяйничать на континенте. Таким образом к 1943 году будет проложен путь к ведению крупной войны для разгрома главного врага — России. С решимостью азартного игрока Гитлер был готов вступить на путь, намеченный им в 1928 году.

5

Новый премьер-министр Англии был настроен в отношении Германии более примирительно. «Наша цель,— писал он незадолго до своего назначения на этот пост,— должна состоять в предложении политических гарантий, которые нужны нам для общего урегулирования. И если переговоры потерпят неудачу, мы хотим, чтобы вину за провал понесла Германия, отказавшаяся принять наши разумные требования в политической области». Энергичный, волевой и самоуверенный Чемберлен быстро начал вносить

изменения во внешнюю политику своего предшественника Болдуина. «Я считаю, что двойная политика перевооружения и улучшения отношений с Германией и Италией даст нам возможность спокойно пережить опасный период»,— писал он в частном письме.

Осенью лорд Галифакс получил приглашение принять участие в охоте, организуемой «главным охотником рейха» Германом Герингом. Будучи сам азартным охотником, Галифакс посоветовался с Чемберленом и принял приглашение в надежде встретиться с Гитлером.

Он выехал из Англии, намереваясь прозондировать возможности достижения взаимопонимания с фюрером. Но прямодушный, религиозный и консервативный лорд мало что знал о немецкой истории и характере, он даже не читал «Майн кампф». Геринг ему понравился, он даже назвал его «современным Робином Гудом».

19 ноября в Бергхофе Галифакса принял Гитлер. «Я не привез никаких новых предложений из Лондона,— сказал Галифакс.— Я приехал прежде всего узнать взгляды германского правительства на текущую политическую ситуацию и выяснить возможности решения проблем». Фюрер нахмурился и разразился серией категорических требований, обрушившись на английскую прессу. Галифакс попытался успокоить сварливого Гитлера. Он похвалил фюрера за подавление коммунизма в Германии и выразил надежду, что их страны вместе с Францией и Италией могли бы заложить прочную основу для мира в Европе. Но лорд допустил дипломатический промах. Перед отъездом Иден советовал ему умолчать о ситуации в Центральной и Восточной Европе, но, желая сделать примирительный жест, Галифакс поднял этот вопрос. Как только Галифакс наивно раскрыл английские намерения, Гитлер начал перечислять германские пожелания: тесный союз с Австрией, прекращение преследований судетских немцев в Чехословакии и свобода экономических связей с Юго-Восточной и Восточной Европой, поскольку Германия — главный импортер продукции этих стран. Затем он резко сказал: «Западные державы постоянно чинят мне препятствия в Юго-Восточной Европе. Мне приписывают политические амбиции, которых у меня нет». Галифакс тактично заметил, что Англия готова к любому решению, не основанному на силе, а потом бестактно добавил, что это «относится и к Австрии». Это взвинтило Гитлера, будто ему наступили на больную мозоль. Он возбужден-

но ответил, что в отношении Австрии нет и речи о применении силы, поскольку само население этой страны требует присоединения к Германии.

Галифакс был уверен, что раскусил Гитлера. Вернувшись в Лондон, он заверил коллег, что Гитлер — «искренний человек» и что «у немцев нет намерений идти на авантюры в ближайшее время, поскольку они слишком заняты развитием своей страны, которая все еще находится в состоянии революции». А вот как Гитлер оценил позицию Галифакса: «Я всегда говорил, что англичане лягут со мной под одно одеяло. В своей политике они следуют тем же принципам, что и я, — необходимости уничтожения большевизма».

Эти рождественские праздники, как и в прошлом году, не были для Гитлера периодом депрессии. Накануне Рождества, по словам ординарца Краузе, он был очень весел. Когда они, стоя на коленях на полу мюнхенской квартиры, заворачивали в бумагу подарки, Краузе случайно завязал узел вокруг большого пальца хозяина. Гитлер рассмеялся, похлопал Краузе по спине и попросил принести куртку. Он решил отметить предрождественский вечер по-своему и приказал ординарцу сопровождать его. Обманув эсэсовскую охрану, оба выскользнули из дома и взяли такси. «Никто нас не видел, и Гитлер был доволен. Я хотел сесть рядом с шофером, но Гитлер схватил меня за руку и велел сесть сзади»,— вспоминал позже Краузе. Два часа такси курсировало по Мюнхену, наконец Гитлер назвал место назначения: кафе «Луитпольд».

Шофер, не догадавшийся, кто эти пассажиры, получил деньги и быстро уехал. Гитлер в кафе не пошел, а направился на Королевскую площадь. Заметив, что Краузе нервно озирается, он сказал: «Не бойтесь. Никто не поверит, что Адольф Гитлер бродит один по Мюнхену». Но когда кто-нибудь приближался, он опускал голову. Пошел дождь со снегом, и фюрер взял ординарца за руку, его замшевые ботинки скользили. Так они шли, пока не добрались до квартиры. Казалось, фюрер был в восторге, как мальчишка, что ему удалось не только провести охрану, но и погулять по городу незамеченным. Однако на следующий день Гиммлер отругал Краузе за участие в этой авантюре. Отныне, приказал шеф службы безопасности, о таких планах надо сообщать охране, независимо от желания фюрера.

6

К концу года Чемберлен укрепился в своем убеждении, что только политика умиротворения спасет Европу. Даже министр иностранных дел Иден, несмотря на сомнения, питал эту надежду. «Беседы между лордом Галифаксом и герром Гитлером показали, что если мы хотим общего урегулирования с Германией, именно нам, а не германскому правительству следует предпринять следующий шаг, выдвинув некоторые конкретные предложения»,—писал Иден. «Конкретные предложения» сводились к передаче Германии в виде своеобразных взяток территорий, не принадлежавших Англии, а именно — значительной части Африки, находившейся во владении Бельгии и Португалии, а также уступок судетским немцам в Чехословакии. Так дешево купить Гитлера было невозможно. Его беседа с Галифаксом подтвердила, что англичане молчаливо согласятся с любой экспансией на востоке и юго-востоке Европы. В то же время было очевидно, что Фрич, Бломберг и другие военные руководители опасаются, что авантюристическая политика Гитлера приведет к катастрофе. Их пугала мысль об использовании угрозы войны как дипломатического оружия, и столкновение с фюрером казалось неизбежным.

Кризис разразился внезапно из-за бывшей проститутки фройляйн Эрне Грюн — секретаря-машинистки военного министра Бломберга. После короткого знакомства фельдмаршал, будучи шесть лет вдовцом, решил жениться на ней, хотя брак с женщиной, мать которой была прачкой, считался нарушением кодекса офицерской чести.

12 января фельдмаршал и машинистка заключили брак в одном из кабинетов военного министерства, взяв в свидетели Гитлера и Геринга. Однако не успели они уехать в свадебное путешествие, как распространились слухи о прошлом молодой фрау Бломберг. В своих досье берлинская полиция обнаружила, что она не только была проституткой, но и позировала для порнографических изданий. Эти сведения ошеломили Гитлера. Он решил, что Бломберг умышленно привлек его в свидетели, чтобы вынудить в дальнейшем опровергать возможные слухи. Поэтому фюрер поручил Герингу немедленно сообщить фельдмаршалу о прошлом Эрны. Если тот согласится расторгнуть брак,

надо будет что-нибудь придумать, чтобы избежать публичного скандала. Если нет — Бломберг будет уволен. Его преемником считался Фрич, который, пожалуй, был еще критичнее настроен против политики фюрера. Предвидя такой оборот дела, Геринг пришел в рейхсканцелярию с досье, врученным ему Гиммлером и Гейдрихом. В нем содержались материалы о том, что Фрич якобы встречается с гомосексуалистами. Это был хороший предлог избавиться от самого упрямого главнокомандующего, и Гитлер с готовностью воспользовался им.

Одним ударом военный министр Бломберг и его вероятный преемник устранялись, а Геринг становился самым подходящим кандидатом на пост главы военного ведомства. Бломберг, узнав об ультиматуме фюрера, холодно отказался аннулировать брак.

Тем временем в военное министерство стали звонить проститутки, воодушевленные успехом Эрны Грюн. Офицерский корпус не мог вынести такого оскорбления своей чести. Общее мнение сводилось к тому, что Бломберг должен немедленно уйти в отставку. Но если он хочет оставаться в офицерском списке, ему необходимо немедленно развестись с женой. Фричу было поручено довести это решение до Гитлера, который сам пришел к тем же выводам. Однако эта история его расстроила. «Он ходил взад-вперед по комнате, заложив руки назад, расстроенный, и бормотал: «Если немецкий фельдмаршал женится на проститутке, все в этом мире возможно»,— вспоминал его личный адъютант Видеман.

Гитлер вызвал Хосбаха, чтобы обсудить вопрос о преемнике. Главный адъютант считал подходящей кандидатурой Фрича. Факты гомосексуализма скорее всего были сфабрикованы. Оба долго спорили, и перед уходом Хосбах попросил разрешения сообщить Фричу об обвинениях против него. «Ни в коем случае»,— воспротивился Гитлер. Но Хосбах пошел домой к Фричу. Тот с негодованием отверг обвинения. «Если Гитлер хочет от меня избавиться,— воскликнул он,— пусть скажет хоть одно слово, и я уйду в отставку!»

В тот же день Хосбах признался Гитлеру, что нарушил его приказ и виделся с Фричем. К его удивлению, фюрер не взвинтился. Казалось, он поверил Фричу, что тот невиновен, заметив, что, очевидно, нет оснований не назначать его военным министром. Однако несколько часов спустя Гитлер вызвал Хосбаха и разразился руганью в адрес Фрича.

Адъютант попросил его не принимать решения до личной встречи с генералом. Фюрер неохотно согласился побеседовать с ним вечером.

В тот же день Гитлеру стало известно, что Геринг убеждал Видемана рекомендовать его военным министром. Но фюрер был непреклонен: «Ни в коем случае! Геринг даже не знает, как провести инспекцию. Я разбираюсь в этом больше, чем он».

В конце дня, когда Гитлер с сожалением сообщил Бломбергу о его увольнении и из вежливости попросил порекомендовать преемника, он услышал такое же предложение: Бломберг рекомендовал Геринга. На этот раз Гитлер был еще более категоричен: Геринг слишком тщеславен и ленив. В таком случае, сказал Бломберг, почему сам фюрер не возьмет на себя пост военного министра? Гитлер не согласился, но и не отказался, он лишь спросил, кто может стать начальником генерального штаба. Бломберг не мог с ходу предложить кандидатуру. Тогда Гитлер спросил, кто руководит его штабом. «Генерал Вильгельм Кейтель»,— ответил Бломберг, поспешно добавив, что будущий тесть его дочери не подходит для такого важного поста. «Он лишь человек, руководящий моим ведомством». — «Вот такой человек мне и нужен!» — возразил фюрер.

Генерал вернулся в министерство полностью разбитый и рассказал Кейтелю, что произошло. Он признался, что знал о позорном прошлом своей жены, но не считал это «основанием для того, чтобы навеки выбросить женщину». Бломберг сказал, что расстался с Гитлером дружески, и заверил будущего родственника, что в случае войны снова будет рядом с фюрером. Когда Кейтель высказал мысль о разводе «ради детей», Бломберг возразил, что это брак по любви и он «скорее пустит пулю в лоб, чем сделает это». Генерал вышел из кабинета со слезами на глазах.

К вечеру Кейтеля привели к Гитлеру. Фюрер посетовал на одиночество и сказал, что Кейтель должен быть всегда при нем. Затем он с восхищением отозвался о Бломберге, заметив, что многим ему обязан, и стал сетовать на то, что его обманом привлекли в свидетели на свадьбе. Примет ли офицерский корпус такой скандальный брак? Кейтель был вынужден согласиться, что не примет. Следующим был вопрос о преемнике. Кого бы предложил Кейтель? Как и Бломберг, тот назвал Геринга, но Гитлер снова отверг это предложение. Следующим кандидатом Кейтель назвал

Фрича. Фюрер подошел к столу и вернулся с обвинительным актом министра юстиции о совершении этим генералом гомосексуального преступления. Гитлер признал, что он не дал хода компрометирующему документу, так как не мог этому поверить, но вопрос о преемнике на важнейший военный пост в стране требует прояснить это дело раз и навсегда. Он хочет лично поговорить с Фричем и прямо его спросить, виновен ли он.

Встреча с генералом состоялась поздно вечером в библиотеке фюрера. Фрич ничего не знал о деталях приписываемых ему гомосексуальных связей. Генерал простодушно пояснил, что иногда приглашал двух юношей на обед, а позднее давал им уроки по чтению карт, а когда кто-нибудь из них не был достаточно внимательным, он легонько бил растяпу линейкой по заднему месту. Об этих двух юношах Гитлер даже не знал. Не успел Фрич уйти, как возмущенный фюрер излил душу адъютанту: «Представляете, Видеман, оказывается, в этом деле замешаны еще двое! Действительно, все тайное рано или поздно становится явным!»

Когда Кейтель явился к фюреру на следующий день, Гитлер все еще был возбужден и сообщил ему о своем решении отстранить Фрича. Разговор снова зашел о преемнике. На этот раз Гитлер заявил, что сам берет на себя верховное командование, а Кейтель останется его начальником штаба. Он также вынужден выполнить неприятную обязанность — уволить Хосбаха за то, что тот не умеет держать язык за зубами.

Видеман был ошеломлен. Он подошел к Гитлеру и сказал: «Мой фюрер! Вы несправедливо обошлись с одним человеком».— «С кем?» — «С полковником Хосбахом».— «Да, Видеман, вы правы. Передайте ему, что я сожалею, но не могу изменить решение. Я дам ему рекомендательное письмо, в котором напишу о его превосходных качествах». Но великодушное настроение скоро прошло, и письмо так и осталось ненаписанным. «Этот парень всегда мне лгал,— заявил фюрер,— и я позабочусь, чтобы он никогда больше не работал в генеральном штабе».

На следующей неделе Гитлер занялся проблемами, связанными со скандалами вокруг имен Бломберга и Фрича. Он приказал гестапо провести полное расследование, а затем продолжил подбор преемника на пост главнокомандующего сухопутными силами. Фюрер остановился на генерале Вальтере фон Браухиче, не состоявшем в партии, но

сделал вид, что его первым кандидатом был член партии фон Райхенау. Представитель армии генерал Герд фон Рунштедт решительно запротестовал. Для офицерского корпуса Райхенау был не только ярый нацист, но и военный радикал, не подходящий для какого-либо важного поста. Рунштедт, в свою очередь, предложил кандидатуру Бека, но Гитлер не согласился. Его следующим кандидатом был, конечно, Браухич. На этот раз Рунштедт подтвердил, что кандидат фюрера приемлем для армии.

Но это не было концом всей истории. Браухич сообщил, что не может занять столь высокий пост, если не будет урегулировано одно очень важное для него личное дело. Он ведет бракоразводный процесс с женой, которая требует значительной суммы, а он и так в долгах. Гитлер не только дал генералу 80 тысяч марок, но и уговорил его жену согласиться с условиями развода. Для фюрера это была хорошая сделка. Теперь сухопутными войсками командовал человек, целиком ему обязанный. Кроме того, женщина, на которой Браухич собирался жениться, фрау Шарлотта Шмидт, была ярой нацисткой. Благодаря манипуляциям и решимости Гитлера, а также из-за нерешительности большинства генералов кризис в конце концов разрешился.

Удивительно, но бунт в армейской верхушке не распространился дальше столицы. Если не считать близких друзей Фрича, мало кто из офицеров знал о скандалах и увольнении Бломберга. Поэтому многие генералы с недоумением прочитали в газетах 4 февраля 1938 года указ о новых назначениях. В этот же день они были вызваны на совещание в Берлин, где Гитлер сообщил им обстоятельства вынужденной отставки Бломберга и Фрича. «Мы были ошеломлены,— вспоминал Хайнц Гудериан.— Эти серьезные обвинения против самых высокопоставленных генералов, которых мы считали людьми кристально честными, поразили нас. Они показались совершенно неправдоподобными, однако первой реакцией было то, что руководитель немецкого государства не мог просто выдумать эти истории».

Ошеломленные генералы послушно восприняли объявление Гитлера о реорганизации вермахта, и вечером решением кабинета он узаконил свое назначение на пост верховного главнокомандующего. Он также представил членам кабинета Кейтеля и Браухича на их новых постах.

Поздно вечером немецкий народ по радио был информирован об этом важном декрете фюрера. Было также сооб-

щено, что Бломберг и Фрич ушли в отставку, шестнадцать генералов уволены, а сорок четыре переведены на другие должности. Наконец, Герман Геринг получил жезл фельдмаршала люфтваффе как «компенсацию» за то, что не стал военным министром. Чистка распространилась и на дипломатическую службу. Министр иностранных дел фон Нойрат был заменен Риббентропом, который считал, что каждый час, не потраченный на подготовку войны против Англии, был часом, потерянным для Германии. По его мнению, соглашений с англичанами достичь нельзя, они не потерпят сильной Германии и «будут драться».

Это был памятный день в немецкой истории. Самые влиятельные диссиденты в вермахте были устранены либо обузданы, а два ведущих военных руководителя страны, Кейтель и Браухич, были всем обязаны фюреру и стали послушными исполнителями его воли.

Гитлер стал верховным диктатором германского рейха и был готов вступить на фатальный путь.

Глава 16. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ (февраль — апрель 1938 г.)

1

Последствия бескровной чистки вермахта почти немедленно ощутила Вена. Франц фон Папен, бывший канцлер, а ныне глава германской миссии в маленькой стране, был вызван к телефону. Звонил секретарь рейхсканцелярии Ламмерс: «Фюрер просил вам сообщить, что ваша миссия в Вене закончилась». Папен потерял дар речи. Гитлер же сам убедил его занять этот пост, чтобы смягчить опасную ситуацию, созданную убийством Дольфуса. «Кажется, я свое отслужил и теперь могу уходить»,— думал он с горечью. Чтобы получить представление о том, что происходит, Папен сразу решил поехать в Берхтесгаден, где нашел фюрера

уставшим и обеспокоенным. «Казалось, его глаза не могли сосредоточиться на одной точке, а мысли были где-то далеко. Он пытался объяснить мое увольнение пустыми предлогами»,— вспоминал Папен. Рассеянный фюрер терял нить беседы, пока Папен не заметил, что только личная встреча между Гитлером и австрийским канцлером Куртом фон Шушнигом может разрешить многочисленные проблемы, разделяющие обе страны. «Это отличная идея»,— оживился Гитлер и приказал Папену возвращаться в Вену, чтобы организовать такую встречу в самое ближайшее время.

Шушниг принял приглашение Папена с некоторым беспокойством. Он признался своему министру иностранных дел Гвидо Шмидту, что сделал это, «чтобы предотвратить мятеж и выиграть время, пока международное положение не улучшится в пользу Австрии».

Вечером 11 февраля в сопровождении Гвидо Шмидта Шушниг отправился в Берхтесгаден.

Гитлер встретил гостей внешне приветливо. Представив трех «случайно оказавшихся» там генералов, он повел австрийского канцлера в свой кабинет. Здесь фюрер сбросил маску приветливости, грубо обвинив Австрию в проведении недружественной политики. Разве допустимо оставаться в Лиге Наций после ухода из нее Германии? По мнению фюрера, Австрия ничего не делала, чтобы помочь Германии. Вся история Австрии была сплошной изменой. «И я теперь могу сказать вам в лицо, герр Шушниг, что я твердо намерен с этим покончить,— раздраженно говорил Гитлер.— Германский рейх — великая держава, и никто не поднимет голоса, если она урегулирует свои пограничные проблемы».

Не желая обострять отношения, Шушниг ответил, что вся история Австрии была неразрывно связана с германской и «вклад Австрии в этом отношении значителен». «Чепуха! — воскликнул Гитлер, как будто никогда не жил в Австрии.— Я еще раз вам говорю, что так продолжаться не может. Я выполню свою историческую миссию, мне это предписано провидением. Это моя жизнь. Посмотрите на жизнь в Германии, герр Шушниг, и вы увидите, что здесь правит только одна воля. Меня вдохновляет любовь народа. Я свободно могу ходить без охраны в любое время. Это потому, что меня любит и в меня верит народ».

Он обвинил Австрию в сооружении укреплений на германской границе и высмеял ее усилия по минированию мостов и дорог, ведущих в рейх: «Вы что, всерьез верите, что

можете остановить или задержать меня хотя бы на полчаса? Возможно, вы проснетесь однажды утром в Вене и увидите, что мы нагрянули, как весенняя гроза. Я бы хотел избавить Австрию от такой судьбы, поскольку подобная акция будет означать кровопролитие».

Когда Шушниг ответил, что Австрия не одинока в мире и вторжение в страну будет, вероятно, означать войну, Гитлер презрительно усмехнулся. Он был уверен, что ради защиты мнимого суверенитета Австрии никто и пальцем не пошевелит — ни Италия, ни Англия, ни Франция.

В 16 часов австрийского канцлера привели на встречу с Риббентропом, который вручил ему отпечатанный на машинке проект соглашения, фактически означавший ультиматум: Германия поддержит суверенитет Австрии, если в течение трех дней будут освобождены все арестованные австрийские национал-социалисты, в том числе убийцы Дольфуса, а все уволенные должностные лица и офицеры — члены национал-социалистской партии будут восстановлены на своих прежних постах. Кроме того, лидер прогерманской фракции Артур Зейсс-Инкварт должен быть назначен министром внутренних дел с правом неограниченного контроля над полицейскими силами страны. «Умеренный» австрийский нацист должен занять пост министра обороны, а нынешние ответственные за пропаганду должны быть уволены для обеспечения «объективности прессы».

Для Шушнига эти уступки означали конец независимости Австрии, и, едва сдерживая негодование, он начал оспаривать пункт за пунктом. Ему удалось выжать из Риббентропа некоторые незначительные уступки, потом было объявлено, что фюрер готов принять его вновь.

Гитлер возбужденно шагал по кабинету. «Герр Шушниг, это не подлежит обсуждению,— сказал он, передав австрийцу второй экземпляр проекта соглашения.— Я не изменю ни одной запятой. Либо вы подпишете его в таком виде, либо наша встреча окажется бесполезной. В этом случае в течение ночи я решу, что делать дальше». Шушниг отказался принять ультиматум. Его подпись, сказал он, не имеет законной силы, так как по конституции только президент Миклас может назначать министров и амнистировать преступников. К тому же он не может гарантировать, что определенный документом срок будет соблюден. «Вы должны это гарантировать!» — закричал Гитлер.— «Не могу, герр рейхсканцлер»,— ответил Шушниг.

Спокойные, но твердые ответы Шушнига привели Гитлера в ярость. Он подскочил к двери и крикнул: «Генерал Кейтель!» Затем повернулся к Шушнигу и бросил ему: «Я приглашу вас позднее». Крик был услышан в зимнем саду, и Кейтель чуть ли не бегом поспешил вверх по лестнице. Он вошел в кабинет и, тяжело дыша, спросил, какие будут указания. «Никаких! Просто садитесь»,— рявкнул Гитлер. Озадаченный начальник генерального штаба послушно сел в углу, и отныне коллеги-генералы стали называть его за глаза «Лакейтель».

Не зная, что Гитлер блефует, Шушниг был глубоко потрясен. Он рассказал все министру иностранных дел Шмидту, который заметил, что не будет удивлен, если их сейчас арестуют.

Между тем другой австриец, умеренный нацист и художественный критик, уверял фюрера, что Шушниг — скрупулезный человек, всегда выполняющий свои обещания. Гитлер решил изменить тактику. Когда Шушниг снова вошел в кабинет, он великодушно сообщил: «Я меняю свое решение — впервые в жизни. Но предупреждаю: это ваш последний шанс. Я даю вам еще три дня до вступления соглашения в силу».

После шока первых двух бесед мелкие уступки, вырванные у Гитлера, казались более важными, чем они были на самом деле, и Шушниг согласился поставить свою подпись под соглашением. Как только документ с поправками был отдан для печатания, Гитлер снова стал любезным, как торгаш, продавший картину по баснословной цене и уверяющий покупателя, что он дешево заплатил. «Поверьте мне, герр канцлер, это к лучшему. Теперь мы можем спокойно жить в согласии следующие пять лет»,— сказал он. К вечеру два экземпляра соглашения были подписаны.

В Бергхофе Гитлер пошел на очередной блеф. Он дал указание устроить в течение нескольких следующих дней лжеманевры у австрийской границы, чтобы заставить президента Микласа ратифицировать соглашение.

2

У Шушнига было три дня для получения одобрения своих коллег и президента Микласа. В воскресенье канцлер вернулся в Вену, а срок истекал во вторник, 15 февраля. Он сразу же встретился с Микласом, который готов был амнистировать сидящих в тюрьмах австрийских нацистов, но решительно противился назначению Зейсс-Инкварта. «Я готов дать ему любой пост,— сказал Миклас,— но только не полицию и армию».

Новость о секретной встрече в Берхтесгадене скоро распространилась по кофейням — неофициальному парламенту Австрии, и тревожное настроение охватило страну. В кабинете начались резкие споры, одна группа министров критиковала Шушнига, другая одобряла его осторожную политику. За сутки до истечения срока гитлеровского ультиматума разногласия между сторонами были настолько глубоки, что президент созвал чрезвычайное совещание. Описав ситуацию, Шушниг представил три варианта: назначить другого канцлера, который не будет обязан выполнять Берхтесгаденское соглашение; выполнить соглашение с новым канцлером; выполнить его с ним, Шушнигом.

Когда было получено сообщение о немецких маневрах у границы, в комнате воцарилась атмосфера отчаяния, и дискуссия стала бурной. Выдвигались самые невероятные предложения, например, о передаче Германии города Браунау, где родился Гитлер. Шушниг был уверен, что если хотя бы одно из требований Гитлера будет отвергнуто, он вторгнется в Австрию. Наконец Миклас уступил давлению и с неохотой согласился с третьим вариантом канцлера: оставить Шушнига на своем посту и принять берхтесгаденский пакт.

Гитлеровский блеф в Бергхофе, наряду с лжеугрозой вторжения, запугал Австрию и вынудил ее капитулировать. В этот вечер был образован новый кабинет. В Вене усиливались голоса, требовавшие, чтобы Шушниг откровенно сообщил, что же произошло в Берхтесгадене. Но, пообещав молчать до выступления Гитлера в рейхстаге в воскресенье 20 февраля, он сдержал свое слово как человек чести.

Германская миссия сообщила в Берлин, что «из-за политических и экономических последствий соглашений Вена

взбудоражена», что город «похож на муравейник» и «немало евреев готовится эмигрировать». Это было подтверждено сообщениями агентов СД Гейдриху. В частности, один агент докладывал, что канцлер подвергается сильным нападкам со стороны евреев и католиков, что евреи вывозят из страны свои капиталы в Швейцарию и Англию.

20 февраля Гитлер произнес в рейхстаге речь, которая передавалась также на Австрию. Сообщив, что он и Шушниг «внесли вклад в дело мира в Европе», он обвинил Австрию в дискриминации «германского меньшинства», которое, по его словам, «подвергается постоянным страданиям за свои симпатии и стремление к единению со всей германской расой и ее идеологией». Он продолжал ораторствовать, приводя факты и цифры и доведя собравшуюся в оперном театре публику до патриотического экстаза.

А в Вене улицы были пустынны: люди прилипли к приемникам, слушая Гитлера. Местные нацисты были воодушевлены и после речи своего фюрера начали собираться группами, выкрикивая: «Зиг хайль! Хайль Гитлер!»

Хотя в Риме к этой речи отнеслись с симпатией и пониманием, там ощущалось подспудное недовольство тем, что в ней был обойден вопрос о независимости Австрии. Германский поверенный в Риме сообщал: итальянцы недовольны тем, что в нарушение пакта 1936 года Гитлер заранее не проконсультировался с ними, и что если так будет продолжаться, может наступить конец «оси».

Ответ Шушнига Гитлеру прозвучал четыре дня спустя на заседании федерального парламента. Сцена в зале была украшена множеством красных и белых тюльпанов, словно укрыта национальным флагом Австрии. Около трибуны стоял бюст мученика Дольфуса. Когда канцлер вышел на трибуну, его приветствовали криками: «Шушниг! Шушниг!» Все ожидали, что его речь будет боевой. «В повестке дня только один вопрос: Австрия»,— заявил он усталым голосом. Это вызвало новые ликующие возгласы. Вдохновленный, он страстно заговорил о тех, кто боролся за независимость Австрии, начиная с Марии Терезии и кончая Дольфусом. Никогда ранее Шушнинг не произносил такой эмоциональной речи, исчезла его интеллигентская сдержанность. Когда канцлер заговорил о Берхтесгаденском соглашении, его тон стал более жестким: «Мы дошли до предела уступок. Пришла пора остановиться и сказать: «Дальше идти нельзя». «Девизом Австрии,— продолжал канцлер,— яв-

ляется не национализм, не социализм, а патриотизм». Страна останется свободной, и ради этого австрийцы будут драться до конца. Он закончил словами: «Красно-бело-красный! Австрия или смерть!»

Депутаты встали и устроили ему бурную овацию. На улице собирались толпы людей, распевавших патриотические песни. Энтузиазм Вены передался всей стране и докатился до Парижа. В прениях во французском парламенте на следующий день министр иностранных дел заявил, что независимость Австрии является «обязательным элементом баланса сил в Европе», а один из депутатов даже предсказал, что «судьба Франции будет решена на берегах Дуная».

По всей Австрии местные нацисты устраивали демонстрации. Их центром был Грац, где во время речи Шушнига на городской ратуше был поднят нацистский флаг. Игнорируя правительственный запрет на политические митинги, нацисты объявили о проведении в конце недели митинга с участием 65 тысяч членов партии со всей страны. Шушниг реагировал решительно, послав в Грац бронепоезд. Нацисты пошли на попятную и отменили митинг, хотя это было слабым утешением для канцлера. Выступления нацистов полагалось подавить Зейсс-Инкварту и полиции, а не армии.

3

Французы негодовали по поводу угроз Гитлера в адрес Австрии и предложили Лондону выступить с совместной нотой протеста. Но это предложение поступило в неудачный момент. Антони Иден только что ушел в отставку, и министерство иностранных дел оставалось без руководителя. Английская общественность еще не была возбуждена событиями в Австрии, а премьер-министр был твердо привержен политике умиротворения Германии. В этом его поддерживала лондонская «Таймс», всячески преуменьшавшая значение событий в Австрии.

Даже осуждение президентом США Рузвельтом осенью 1937 года агрессивных намерений нацистской Германии не подействовало на Чемберлена. Не повлияло на него и пред-

ложение президента объявить «карантин» японцам, нацистам и фашистам. Рузвельт послал в Лондон своего представителя капитана Ройяла Ингерсола с инструкцией изучить возможности осуществления военно-морской блокады Японии. Это предложение получило одобрение в английском адмиралтействе. Но Чемберлен заблокировал этот план и отверг в начале 1938 года другое предложение Рузвельта о созыве международной конференции по обсуждению принципов международного права для обуздания «бандитских стран», как их называл в частном порядке американский президент. Вначале Рузвельт не сразу понял смысл этого английского отказа, но вскоре ему стало ясно, что нежелание Чемберлена участвовать в такой международной конференции означает, что английское правительство не будет принимать участия ни в каком «карантине», будь то на Востоке или в Европе. Отпор Чемберлена был таким ударом для Рузвельта, что вынудил его прекратить активную внешнюю политику, которая могла бы остановить дальнейшую агрессию в мире и таким образом изменить ход истории.

3 марта английский посол в Германии сэр Невил Гендерсон посетил Гитлера и сообщил ему, что правительство Великобритании в принципе готово обсудить все назревшие вопросы. Несмотря на явные усилия Гендерсона проявлять дружелюбие и корректность, «манеры этого изысканного английского джентльмена,— вспоминал переводчик Шмидт,— всегда как-то раздражали и Риббентропа, и Гитлера, которые не выносили «светских людей». В течение десяти минут Гендерсон излагал цель своего визита: искреннее желание улучшить отношения между двумя странами. Англия, сказал он, готова сделать определенные уступки в урегулировании серьезных проблем ограничения вооружений и в мирном решении чешской и австрийской проблем. Какой вклад готов сделать Гитлер в дело безопасности и мира в Европе?

Во время этого пространного заявления Гитлер хмуро сидел, вжавшись в кресло, и когда Гендерсон закончил, сердито ответил, что лишь незначительная доля австрийцев поддерживает Шушнига. Почему Англия, раздраженно говорил он, упорно противодействует справедливому урегулированию и вмешивается в «германские семейные дела»? Потом фюрер перешел в наступление, утверждая, что советско-французский и советско-чехословацкий пакты являют-

ся явной угрозой Германии, которая поэтому и вынуждена вооружаться. Следовательно, любое ограничение вооружений зависит от русских. А эта проблема усложняется «тем фактом, что доверять доброй воле такого монстра, как Советский Союз, то же самое, что доверять понимание математических формул дикарям. Любое соглашение с СССР совершенно бесполезно, и Россию никогда нельзя допускать в Европу». Беседа носила сумбурный характер, и за два часа австрийский вопрос так и не был конкретно обсужден.

На следующий день Гитлер послал в Австрию своего главного экономического советника Вильгельма Кеплера. Представившись Шушнигу, тот сформулировал новые жесткие требования. Но главный интерес Кеплера затрагивал сферу экономики, так как он считал аншлюс финансовой необходимостью для обеих стран и хотел выглядеть как благодетель, а не как хищник. «Желанием фюрера в то время,— вспоминал Шушниг,— было эволюционное развитие, другими словами, он хотел покончить с Австрией изнутри». Наступила пора, заявил Кеплер, ускорить этот процесс.

Шушниг резко реагировал на новые требования Кеплера, такие как назначение нациста министром экономики, отмена запрета на «Фелькишер беобахтер» и официальная легализация национал-социализма. Как, спросил возмущенный канцлер, может Гитлер выдвигать новые домогательства всего лишь через три недели? Его правительство будет сотрудничать с австрийскими нацистами только на основе признания независимости Австрии. Кеплер после встречи сообщил в Берлин, что Шушниг, по его мнению, ни в коем случае не поддастся силе, но если с ним разумно обращаться, может пойти на уступки.

Тем временем в Вене штурмовики и рядовые нацисты одну за другой устраивали провокационные демонстрации в еврейском районе города, а между ними и сторонниками Шушнига возникали потасовки. Как правило, патриотам доставалось сильнее, так как полиция непосредственно подчинялась министру внутренних дел Зейсс-Инкварту, а не Шушнигу.

В отчаянии 7 марта Шушниг направил обращение Муссолини, предупредив его, что для спасения положения может пойти на плебисцит. Дуче дал успокоительный ответ, в котором, ссылаясь на заверение Геринга о том, что Германия не применит силу, советовал Шушнигу не проводить

плебисцита. Ответ был слабым утешением для канцлера, которому извне угрожало иностранное вторжение, а внутри страны — протесты рабочих против его мягкотелости и нападки нацистов за различные запреты. Он решил игнорировать совет Муссолини.

9 марта в тирольском городе Инсбрук он объявил о плебисците. Шушниг поднялся на трибуну, одетый в традиционную австрийскую серую куртку и зеленый жилет, и с воодушевлением заявил, что через четыре дня народ пойдет на избирательные участки, чтобы ответить на один вопрос: «Вы за свободную, независимую и единую Австрию?» Второй раз он выступал как оратор, а не как ученый. «Тирольцы и австрийцы, скажите «да» Тиролю, «да» Австрии!» — призвал он и закончил речь на тирольском диалекте, процитировав слова Андреаса Хофера, призвавшего народ к борьбе против Наполеона словами: «Люди, наступила пора!» 20-тысячная аудитория устроила ему овацию. Большинство радиослушателей тоже были воодушевлены. Однако бывший вице-канцлер принц Штархемберг сказал жене: «Это означает конец Шушнигу, но, будем надеяться, не конец Австрии. Гитлер никогда не простит этого».

Голосование за свободную и единую Австрию, — а такой исход был наиболее вероятным, — означало, что аншлюс может не состояться. А так как союз с Австрией был необходимым предварительным шагом к экспансии на Востоке, плебисцит ставил под угрозу гитлеровскую программу расширения жизненного пространства. Такой вызов фюрер стерпеть не мог, и утром 10 марта он сказал генералу Кейтелю, что австрийская проблема значительно обострилась и следует провести соответствующую подготовку. Кейтель вспомнил, что в свое время генеральным штабом была разработана «Операция Отто» на тот случай, если Отто фон Габсбург попытается восстановить в Австрии монархию. «Подготовьте этот план», — приказал фюрер.

Кейтель помчался в генеральный штаб, где к своему ужасу узнал, что «Операция Отто» была просто теоретическим исследованием. Пожалев о своем рвении угодить фюреру, он поручил генералу Беку представить доклад о возможном вторжении в Австрию. Когда Бек предложил Гитлеру для военной оккупации Австрии использовать два корпуса и 2-ю танковую дивизию, Кейтель был ошарашен, услышав, что эти войска должны быть готовы перейти границу в субботу 12 марта. Для профессионала сама мысль о подготовке

такой операции за сорок восемь часов казалась фантастической. Бек заметил, что в таком случае соответствующие приказы различным соединениям должны быть отданы сегодня же вечером, в 6 часов. «Так сделайте это»,— распорядился стратег-дилетант Гитлер.

Его больше беспокоила реакция итальянцев на вторжение, и фюрер срочно продиктовал письмо Муссолини. «Австрия,— писал он,— приближается к состоянию анархии, и я не могу стоять в стороне. Руководствуясь своей ответственностью как фюрер и канцлер германского рейха и будучи сыном этой земли, я преисполнен решимости восстановить законность и порядок на своей родине, дать возможность народу решить свою собственную судьбу ясно и открыто». Он напомнил дуче о германской помощи Италии в критический для нее час — во время событий в Абиссинии — и обещал отплатить за поддержку со стороны дуче признанием границы между Италией и рейхом по Бреннерскому перевалу. В полдень он передал запечатанное письмо принцу Филиппу фон Гессену и дал ему указание вручить его дуче лично. Когда принц сел на специальный самолет с корзиной саженцев для своего сада в Риме, он и не думал, насколько важна его миссия.

По всей Австрии расклеивали плакаты с объявлениями о проведении плебисцита. По городам и селам разъезжали грузовики с громкоговорителями, призывающие австрийцев в воскресенье проголосовать за независимую Австрию. В Вене патриоты наконец наделали больше шума, чем нацисты. Они расхаживали по улицам, выкрикивая: «Хайль Шушниг!», «Хайль свобода!», «Мы говорим «да»!». Воодушевленный поддержкой народа, Шушниг продолжал действовать решительно. В ответ на обвинение министра внутренних дел Зейсс-Инкварта в том, что плебисцит противоречит берхтесгаденским соглашениям, он писал: «Я не буду играть роль марионетки и не могу сидеть сложа руки, пока страна идет к экономическому и политическому разорению». Канцлер призвал Зейсс-Инкварта принять срочные меры для прекращения терроризма.

Зейсс-Инкварта считали ставленником Гитлера, но он тоже не желал потери независимости страны и, хотя симпатизировал политике австрийских нацистов, последние не причисляли его к своим. По идеологии и характеру он был ближе к Шушнигу. Оба считали себя патриотами, оба были набожными католиками, интеллектуалами и любителями

музыки. И Зейсс-Инкварт обещал по радио обратиться к своим сторонникам с призывом голосовать положительно.

Шушниг пошел спать, довольный тем, что нацистская угроза плебисциту пресечена, не зная, что Зейсс-Инкварт к тому времени утратил влияние в собственной партии. Австрийские нацисты уже были на улицах, идя колоннами к зданию германского туристического бюро, на фасаде которого висел громадный портрет Гитлера. Вначале их выкрики «Один народ, один рейх, один фюрер!» больше забавляли патриотов, которых было намного больше. Но потом зазвенели стекла разбитых окон, и полиция образовала кордоны, чтобы помешать распространению беспорядков. Не делая ничего, чтобы усмирить разбушевавшихся нацистов, она обрушилась на патриотов, и в результате нацисты стали хозяевами улиц.

4

В два часа ночи 11 марта спешно подготовленный план, все еще носящий кодовое название «Операция Отто», был утвержден. Его лично контролировал Гитлер. «Если другие меры окажутся безуспешными,— предупреждал он, не скрывая угрозы,— я намерен послать в Австрию вооруженные силы в целях предотвращения дальнейших преступных действий против прогерманского населения. Войска для этой цели должны быть готовы к полудню 12 марта. Я оставляю за собой право выбрать конкретное время вторжения. Поведение войск должно создать впечатление, что мы не хотим вести войну против своих австрийских братьев».

В 5.30 утра у кровати Шушнига зазвонил телефон. Звонил начальник полиции, сообщавший, что немцы закрыли границу у Зальцбурга и прекратили железнодорожное сообщение. Канцлер поспешил в свою резиденцию, где узнал, что германские войска в районе Мюнхена приведены в состояние боевой готовности и, вероятно, двинутся на Австрию, а в немецких газетах появились провокационные сообщения о том, что в Вене якобы развешаны красные флаги и толпы скандируют: «Хайль Москва! Хайль Шушниг!»

Около 10 часов министр без портфеля в кабинете Шуш-

нига нацист Гляйзе-Хорштенау прибыл к канцлеру с письменными указаниями Гитлера и Геринга. Его сопровождал побледневший и озабоченный Зейсс-Инкварт, сообщивший о требованиях Берлина: Шушниг должен уйти в отставку, а плебисцит необходимо отложить на две недели с тем, чтобы организовать «легальное голосование» наподобие саарского. Если Геринг не получит ответа по телефону до полудня, он будет считать, что Зейсс-Инкварт не смог выполнить своей задачи, и Германия «будет действовать соответствующим образом». Было уже 11.30, и Зейсс-Инкварт от имени фюрера продлил срок до 14.00.

Шушниг созвал «внутренний кабинет» — своих ближайших советников — для обсуждения положения. Он представил три варианта действий: отказ выполнить ультиматум и обращение к мировому общественному мнению; принятие ультиматума и отставка канцлера; наконец, компромисс, согласно которому требование Гитлера о плебисците принимается, а все остальные отвергаются. Сошлись на компромиссе.

К 14.00 вернулись Зейсс-Инкварт и Гляйзе-Хорштенау. Они не согласились на компромисс, и Шушниг очутился перед неприятным выбором: подчиниться или сопротивляться. Он спешно посоветовался с президентом Микласом, и было решено отменить плебисцит. Вернувшись к себе, Шушниг сообщил об этом решении «внутреннему кабинету». Все были потрясены, наступило гробовое молчание. Затем об этом были извещены Зейсс-Инкварт и Гляйзе-Хорштенау. Те вышли позвонить Герингу.

Геринг потребовал, чтобы Шушниг и его кабинет ушли в отставку, а в Берлин была послана телеграмма с просьбой об оказании помощи. Оба министра вернулись в зал, где находились все члены кабинета, и сообщили об ультиматуме Геринга. Посыпались вопросы. «Не спрашивайте меня,— ответил бледный и взволнованный Зейсс-Инкварт.— Я всего лишь телефонистка». Сделав паузу, он добавил, что немецкие войска вторгнутся в Австрию в ближайшие два часа, если его не назначат канцлером.

Жизнь в Вене продолжалась, словно ничего не произошло. Летали самолеты, сбрасывавшие листовки с призывами голосовать за независимость. По улицам разъезжали грузовики «Фронта в защиту отечества», их приветствовали патриотическими песнями. Казалось, нация была единой. Внезапно веселые вальсы и патриотические песни, звучав-

шие по радио, были прерваны и прозвучало объявление, что все неженатые резервисты 1915 года рождения должны явиться для прохождения службы. Затем в сторону немецкой границы двинулись военные грузовики с солдатами в касках.

В отчаянии Шушниг обратился за помощью к Лондону. Он сообщил, что, стремясь избежать кровопролития, уступил требованиям Гитлера, и попросил «срочного ответа правительства его величества». По иронии судьбы премьер-министру Чемберлену передали телеграмму во время ленча в честь четы Риббентропов. Чемберлен пригласил Риббентропа для беседы с ним и министром иностранных дел лордом Галифаксом. «Разговор,— сообщил Риббентроп Гитлеру,— проходил в напряженной атмосфере, и обычно спокойный лорд Галифакс был более взволнован, нежели Чемберлен». После того как премьер-министр зачитал телеграмму из Вены, Риббентроп заявил, что ничего не знает о ситуации, и выразил сомнение в правдивости сообщения. Если же оно правдиво, лучше всего искать «мирного решения». Этих слов оказалось достаточно, чтобы успокоить человека, твердо настроенного сохранять хорошие отношения с Гитлером. Чемберлен согласился с Риббентропом, что нет доказательств насильственных действий Германии, и дал указание лорду Галифаксу послать ответ австрийскому правительству, который, возможно, заставил Шушнига содрогнуться: «Правительство его величества не может взять на себя ответственность за рекомендации канцлеру относительно курса его действий, которые могут подвергнуть страну опасностям и против которых правительство его величества не может дать гарантий защиты».

У Шушнига не было иллюзий относительно получения помощи от Англии или Италии, и около 16.00 он подал заявление об отставке. Президент Миклас неохотно согласился, но решительно отказался выполнить приказ Геринга о назначении канцлером Зейсс-Инкварта. Он остановил свой выбор на начальнике полиции, но тот отказался, отказом ответили и генеральный инспектор вооруженных сил, и лидер прежнего правительства. Тогда Миклас попросил Шушнига пересмотреть свое решение. Тот наотрез отказался принять участие в «подготовке Каина к убийству Авеля». Но когда расстроенный Миклас сказал, что все его бросают, Шушниг неохотно согласился продолжать исполнять свои обязанности до назначения нового главы правительст-

ва. Потом он вернулся к себе и начал убирать бумаги со стола.

Между тем нервное напряжение в резиденции правительства стало почти невыносимым. Давление из Берлина, особенно со стороны Геринга, нарастало. В 17.00 фельдмаршал кричал по телефону лидеру подпольной организации австрийских нацистов Отто Глобочнику, что новое правительство должно быть сформировано к 19.30, и продиктовал Зейсс-Инкварту список министров, в который включил своего шурина. Через несколько минут Герингу позвонил Зейсс-Инкварт и сообщил, что Миклас принял отставку Шушнига, но поручил ему исполнять обязанности канцлера. Геринг закричал, что если германские требования не будут приняты, «войска перейдут границу, и Австрия перестанет существовать». «Мы не шутим,— добавил он.— Но если к 19.30 поступит сообщение, что вы, Зейсс-Инкварт,— новый канцлер, вторжения не будет». «Если Микласу мало четырех часов, чтобы разобраться в ситуации, он поймет ее через четыре минуты»,— зловеще пообещал он.

Через час Зейсс-Инкварт сообщил Герингу, что Миклас отказывается назначить его канцлером. Взбешенный рейхсфюрер приказал своему австрийскому подручному взять власть силой. А в Вене, по приказу из Берлина, нацисты вышли на улицы. В своем кабинете Шушниг слышал крики «Хайль Гитлер!», «Шушнига — повесить!» и топот ног. Решив, что это прелюдия к вторжению, канцлер поспешил к президенту, умоляя его пересмотреть свое решение, но тот был непреклонен. Тогда Шушниг решил выступить по радио.

В 19.50 канцлер подошел к микрофону и сообщил о немецком ультиматуме. Затаив дыхание, австрийцы слушали его взволнованную речь. «Президент Миклас просит меня сказать австрийскому народу, что мы уступили силе. Так как ни при каких обстоятельствах мы не хотим пролития немецкой крови, мы дали указание армии отступить, не оказывая никакого сопротивления в случае вторжения, и ждать дальнейших решений». «Боже, спаси Австрию!»— сказал он в конце. Наступило гробовое молчание, потом зазвучал национальный гимн.

Было почти 20.00, когда Зейсс-Инкварт дозвонился до Геринга, сообщив об отставке правительства и об отводе австрийских войск от границы. Но когда Геринг узнал, что Зейсс-Инкварт еще не назначен канцлером, он закричал:

«Вот как! Тогда я даю приказ о выступлении. И все, кто окажет сопротивление нашим войскам, будут расстреляны на месте!»

У здания австрийского парламента собралась стотысячная толпа, нацисты скандировали имя фюрера, размахивали факелами. А в центре города их группы ходили по улицам, распевая нацистские песни и выкрикивая: «Хайль Гитлер!», «Смерть евреям!», «Шушнига — на виселицу!», «Хайль Зейсс-Инкварт!».

Между тем Геринг уговаривал Гитлера отдать распоряжение о вторжении. Наконец в 20.15 фюрер сказал: «Хорошо. Начинайте». Через полчаса он подписал приказ, в котором говорилось, что на рассвете немецкие войска вступят в Австрию, «чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие в австрийских городах». А Геринг по телефону дал указание экономическому советнику Кеплеру: Зейсс-Инкварт должен от имени временного австрийского правительства послать телеграмму в Берлин с просьбой о срочной помощи в наведении порядка путем ввода немецких войск. И добавил: «На самом деле он может ее и не посылать, а только сказать, что послал. Вы меня понимаете?»

Такая «телеграмма» вскоре была вручена Гитлеру. Она дала фюреру возможность выступить в роли освободителя и миротворца. Он приказал войскам вступить на австрийскую территорию с оркестрами и полковыми знаменами. А в 22.25 из Рима позвонил принц Филипп фон Гессен. «Я только что вернулся от Муссолини,— сообщил он Гитлеру.— Дуче воспринял новость очень спокойно. Он шлет вам привет. Австрийский вопрос его больше не интересует».

Воодушевленный Гитлер воскликнул: «Передайте Муссолини, что я никогда этого не забуду! Никогда! Подпишете любые соглашения, которые он предложит. Скажите ему: я его благодарю от всего сердца, я никогда его не забуду! Когда он будет в нужде или опасности, он может быть уверен: я буду с ним, несмотря ни на что, если даже весь мир будет против него!»

В Вене новый канцлер Зейсс-Инкварт попросил Кеплера посоветовать Гитлеру отменить приказ о вводе войск. Он также поблагодарил Шушнига за заслуги перед Австрией и, так как на улицах было полно нацистов, предложил отвезти его домой. Тот согласился. Когда Шушниг спускался по лестнице, он заметил шеренги штатских со свастикой на рукавах. Игнорируя их выброшенные в нацистском салюте

руки, бывший канцлер сел в машину Зейсс-Инкварта и уехал.

В Берлине просьба Зейсс-Инкварта не вводить войска вызвала переполох. В 2.30 ночи разбудили Гитлера, сообщив ему об этом, но фюрер категорически отказался изменить свое решение и отправился спать. Между тем военные выражали сомнение в правильности этого шага. Браухич был очень расстроен, а заместитель начальника генерального штаба генерал фон Фибан заперся в комнате, сбросил со стола чернильный прибор и пригрозил застрелить каждого, кто попытается войти.

5

Рано утром в субботу Гитлер в сопровождении Кейтеля вылетел в Мюнхен, чтобы принять участие в триумфальном походе на свою родину. Перед отъездом он подписал листовку с изложением своей версии событий, приведших к кризису. «Сегодня рано утром солдаты германских вооруженных сил перешли границу с Австрией,— говорилось в ней.— Механизированные войска и пехота, немецкие самолеты в голубом небе, приглашенные новым национал-социалистским правительством в Вене, являются гарантами того, что в ближайшее время австрийская нация получит возможность решить свою судьбу путем подлинного плебисцита». Гитлер привнес в листовку личную ноту: «Я сам, фюрер и канцлер, буду счастлив ступить на землю страны, являющейся моим домом, как свободный германский гражданин».

В 8 часов утра его войска устремились в Австрию. В некоторых местах пограничные заграждения были разобраны самими жителями. Это больше напоминало маневры, а не вторжение. Например, 2-я танковая дивизия двигалась, пользуясь туристским путеводителем и заправляясь на местных бензоколонках. Солдат забрасывали цветами, танки двигались с флагами двух стран и были украшены зелеными ветками. «Население видело, что мы пришли как друзья,— вспоминал генерал Хайнц Гудериан,— и нас везде принимали с радостью». Почти во всех городах и селах дома были украшены флагами со свастикой. «Нам пожима-

ли руки, нас целовали, в глазах многих были слезы радости».

Гитлер прибыл в Мюнхен примерно в полдень и во главе колонны автомобилей направился в Мюльдорф, где командующий войсками вторжения генерал фон Бек доложил, что они не встречают сопротивления. Дорога к реке Инн была так забита машинами и зеваками, что колонна Гитлера перебралась на противоположный берег только через несколько часов. Его машина с трудом продвигалась к Браунау через ликующие толпы, многие тянулись к машине, чтобы ее потрогать, словно это была религиозная святыня. Гитлер медленно проехал через древние городские ворота к пансионату «Гюммер», где он родился без малого сорок девять лет назад. В Ламбахе фюрер приказал остановиться у старого монастыря (его гербом была свастика), где он когда-то учился пению.

В Лондоне кабинет собрался на чрезвычайное заседание. Чемберлен сделал мрачный вывод: аншлюс неизбежен, ни одна держава не может сказать: «Если вы идете на войну из-за Австрии, вы будете иметь дело с нами». Такой возможности никогда не было. «Во всяком случае, сейчас так вопрос не стоит»,— сказал он и заметил, что свершившийся факт не имеет большого значения.

Было уже темно, когда первый этап «сентиментального путешествия» Гитлера завершился в Линце, где он когда-то в одиночестве бродил по улицам. 100-тысячная толпа на площади окружила кавалькаду в истерическом восторге, поразившем помощников и адъютантов Гитлера. Когда фюрер появился на балконе ратуши с новым канцлером Австрии, люди не помнили себя от радости. По щекам Гитлера текли слезы, и Гудериан, стоявший рядом, был уверен, что это была «не игра».

После короткой прочувствованной речи Гитлер вернулся в отель. Тогда он еще не собирался осуществить аншлюс в полном смысле этого слова и думал скорее о союзе вроде того, какой в свое время был у Австрии с Венгрией. Но энтузиазм населения подсказал иное решение, и фюрер сказал своему ординарцу: «Линге, это судьба. Мне предназначено быть фюрером, который объединит всех немцев в великий германский рейх».

Вечером Зейсс-Инкварт вернулся в столицу, где для встречи фюрера собрались нацисты с факелами. Еще днем танки Гудериана вышли из Линца, но повалил снег, и на до-

роге, где велись ремонтные работы, скопилось множество машин, поэтому передовой отряд прибыл в Вену лишь за полночь. Тем не менее на улицах стояли толпы людей, которых при виде первых немецких солдат охватило ликование. Войска фюрера встречали цветами. Местные нацисты оборвали в качестве сувениров пуговицы с шинели Гудериана, затем подняли его и понесли в резиденцию. Удивило австрийцев то, что немецкие офицеры бросились в продовольственные магазины, закупая в больших количествах масло, колбасу и другие продукты.

Утром в воскресенье Геринг позвонил Риббентропу в Лондон и рассказал о восторженном приеме, оказанном Гитлеру. Это ложь, сказал он, что Германия якобы предъявила ультиматум Австрии. Риббентроп выслушал это и ответил, что среднему англичанину в общем безразлично, что делается в Австрии. Но все-таки беспокойство его не покидало, и он спросил, будет ли фюрер держаться твердо, если возникнут дипломатические осложнения в связи с оккупацией Австрии.

Геринг послал самолетом курьера к Гитлеру, настаивая на том, чтобы пойти дальше первоначального плана. На этот раз Гитлер отбросил осторожность и приказал сотруднику министерства внутренних дел подготовить закон о воссоединении Австрии и Германии. К полудню он был готов, одобрен и передан Зейсс-Инкварту с указанием обеспечить его принятие в течение дня.

Новый канцлер вначале был ошарашен, но чем дольше он думал о новом законе, тем больше склонялся к его принятию. Кроме всего прочего, Гитлер обещал в течение месяца провести референдум, который придал бы новому закону демократический характер. Убедив себя, что этот шаг не только неизбежен, но «ценен и полезен», Зейсс-Инкварт призвал свой кабинет одобрить закон на том основании, что аншлюс — это «воля народа». Кабинет единодушно согласился передать страну Гитлеру, но президент Миклас снова проявил твердость, отказавшись подписать документ. Он сделал заявление, что ему «препятствуют в отправлении его функций», и передал таким образом свое конституционное право канцлеру.

Хотя Гитлер был уверен, что закон об аншлюсе будет принят, оставалась одна проблема. После разговора по телефону с принцем фон Гессеном он с нетерпением ждал формального одобрения Муссолини. Прошло почти два дня

без вестей из Рима. Муссолини был действительно потрясен новостью об аншлюсе, воскликнув: «Этот чертов немец!» Наконец он взял себя в руки и в воскресенье послал короткую телеграмму: «Поздравляю вас с решением австрийской проблемы». Гитлер был вне себя от радости и ответил такой же короткой телеграммой: «Муссолини, я никогда этого не забуду».

Фюреру хотелось разделить свой триумф с Евой Браун, и он позвонил ей, попросив приехать в Вену.

Перед этим он съездил в Леондинг. Вместе с Линге фюрер пришел на могилу родителей на кладбище, расположенное неподалеку от их бывшего дома. Гитлер взял у ординарца венок и попросил его отойти вместе с остальной свитой. Возложив венок на могилу, он молча постоял возле нее несколько минут.

В этот вечер Зейсс-Инкварт, напоминавший больше лакея, чем главу государства, явился к Гитлеру. Фюрер был так растроган, узнав, что закон, по которому Австрия становилась провинцией Германии, был принят, что прослезился. «Да,— сказал он наконец,— хорошая политика сберегает кровь». Так рухнула независимость Австрии, и так завершилось воскресенье 13 марта, день, в который, как надеялся Шушниг, его народ на плебисците подтвердит свою независимость.

6

Под личным руководством Рудольфа Гесса в Австрии началось подчинение государства нацистской партии. Еще более зловещей была организованная Гиммлером нейтрализация и чистка политической оппозиции. В Вене обосновался руководитель СД Гейдрих, и его агенты копались в документах тайной полиции Австрии.

Местные штурмовики начали преследование евреев, вытаскивая их из домов и заставляя счищать пропагандистские лозунги Шушнига со стен и тротуаров. Других принуждали мыть туалеты в казармах СС и подметать улицы. Многих офицеров вермахта такая травля коробила, иногда они просто отправляли старых евреев домой.

Но эти сцены не умеряли пыла большинства венцев, опьяненных событиями последних двух суток. «Невозможно отрицать энтузиазм, с которым здесь воспринято объявление о включение страны в рейх,— сообщал 14 марта английский посол лорду Галифаксу.— Герр Гитлер имеет все основания утверждать, что население Австрии приветствует его действия». А основания были веские. Аншлюс, вероятно, покончит с безработицей. В Австрии тогда не имели работы 600 тысяч человек. Некоторые врачи, например, ходили по домам в поисках пациентов.

Утром 14 марта Гитлер отправился в Вену. Ехал он медленно: мешали толпы, застрявшие машины и танки. Только около пяти часов вечера его колонна достигла столицы. Все здания, в том числе церкви, были украшены австрийскими и немецкими флагами. Массы людей стояли вдоль улиц и кричали до хрипоты при виде Гитлера в открытой машине. Ликование было бурным, стихийным. Машина фюрера остановилась у отеля «Империал», и когда он туда вошел, сбылась еще одна его мечта. В юности он мечтал попасть в этот отель. Теперь с его стен свисали длинные красные знамена со свастикой.

Люди продолжали кричать: «Мы хотим фюрера!» Гитлер вышел на балкон королевского «люкса», поприветствовал народ и удалился. Но толпа не угомонилась, требуя, чтобы фюрер произнес речь. Ему пришлось подчиниться.

Начал он робко, словно был смущен бесконечной овацией, затем перешел к воспоминаниям о том, как по вечерам ходил мимо отеля «Империал». «Я видел мерцающий свет и люстры в вестибюле,— говорил он,— но знал, что и ногой туда ступить не могу. Однажды вечером после метели, когда выпало много снега, я получил шанс заработать денег на еду, сгребая снег. По иронии судьбы пятерых или шестерых из нашей группы послали чистить снег у «Империала». В этот вечер там давали прием Габсбурги. Я видел, как из императорской кареты вышли Карл и Зита и величественно по красному ковру вошли в отель. А мы, бедные черти, убирали снег и снимали шляпы перед каждым приехавшим аристократом. Они даже не взглянули на нас, хотя я до сих пор помню запах их духов. Мы были для них ничто, как падающий снег, и метрдотель даже не удосужился вынести нам хоть по чашке кофе. И я в тот вечер решил, что когда-нибудь вернусь в «Империал» и пройду по красному ковру в этот роскошный отель, где танцевали Габс-

бурги. Я не знал, как и когда это будет, но я ждал этого дня. И вот я здесь».

Утром 15 марта Гитлер выступил на площади перед 200-тысячной толпой своих почитателей. Теперь, заявил он, у народа Австрии новая миссия, а у страны — новое название: Остмарк. Закончив речь, Гитлер повернулся к диктору радио и вполголоса сказал: «Объявите, что сейчас выступит рейхсгубернатор Зейсс-Инкварт». Тот был просто ошеломлен, узнав, что он из канцлера превратился в губернатора, но воспринял это как должное, тем более, что толпа встретила это объявление одобрительно. В этот день Адольф Гитлер не мог ошибаться.

Затем состоялся парад. За фон Беком на конях проскакали австрийские генералы. Австрийская армия уже была включена в вермахт. Выбрав момент, католик Папен повернулся к Гитлеру и предупредил его, что дух аншлюса может улетучиться, если он подвергнет католическую церковь Австрии такой же дискриминации, как в Германии. «Не бойтесь,— сказал Гитлер,— я знаю это лучше других».

В этот же день кардинал Иннитцер благословил его и заверил, что пока церковь сохранит свои привилегии, австрийские католики будут «самыми верными сыновьями великого рейха, в объятия которого они вернулись в этот знаменательный день». По словам Папена, Гитлер был в восторге от патриотических слов кардинала, тепло пожал ему руку и «обещал все».

Ева Браун тоже была заражена всеобщим ликованием и в открытке сестре Ильзе писала: «Я схожу с ума». Она приехала в город в сопровождении своей матери. Ее поселили в отдельной комнате, напротив покоев сановного любовника, но их личные встречи были настолько «конспиративны», что никто из помощников и адъютантов Гитлера не знал о ее присутствии. В конце дня фюрер вылетел в Мюнхен без Евы.

16 марта Берлин встретил его как победоносного героя. «Германия ныне стала Великой Германией и останется ею»,— заявил фюрер. Само провидение, по словам Гитлера, выбрало его для осуществления этого великого союза с Австрией — «страной, которая была самой несчастной, а ныне стала самой счастливой».

Но дома не все было хорошо. Военный суд над генералом фон Фричем, отложенный из-за событий в Австрии, наконец состоялся, и Фрич был признан невиновным. Этот ин-

цидент оказался для Гитлера неприятным сюрпризом, но фюрер применил свой обычный политический трюк: отвлек внимание от суда хвастливыми реляциями о достигнутой победе. Он поспешно собрал рейхстаг, чтобы сообщить о великих событиях в Австрии. Впервые в истории вся немецкая нация пойдет 10 апреля на избирательные участки и докажет верность рейху, а для внутренней консолидации понадобится только четыре года.

Почти все немцы полностью одобряли все, что делал или собирался сделать фюрер, и 25 марта он с уверенностью начал предвыборную кампанию. «Национал-социалистская идея,— заявил он,— идет намного дальше границ маленькой Германии».

Последние десять дней кампании Гитлер провел на своей родине, где Гиммлер и Гейдрих почти полностью перестроили всю службу безопасности. Волна его популярности в Австрии не уменьшилась. Руководители католической церкви направили прихожанам послание, в котором рекомендовали им голосовать «за германский рейх».

Везде Гитлера принимали как спасителя и фюрера. Его возвращение в Линц 8 апреля было встречено новой бурей восторга. Вестибюль отеля, где он остановился, всегда был полон людей, жаждущих его видеть. Одним из них был друг детства Густль Кубичек. Гитлер принял его очень тепло и признался, что теперь у него больше нет личной жизни, такой, как в прежние времена. Посмотрев в окно на Дунай и металлический мост, который так его раздражал в детстве, фюрер сказал: «Это безобразие все еще здесь? Ну, ничего, мы это изменим, можешь быть в этом уверен, Кубичек». Затем он стал излагать свои амбициозные планы развития Линца. В городе, говорил он, будет новый большой мост, новый оперный театр с современным залом, новый симфонический оркестр. Последнее напомнило Гитлеру о мечтах Кубичека. Кем он стал? Тот смущенно ответил: клерком. Война, пояснил Густль, вынудила его забросить музыку, иначе он бы голодал. Но он руководит самодеятельным оркестром, а его три сына музыкально одарены. И Гитлер выразил желание позаботиться о судьбе мальчиков: «Я не хочу, чтобы одаренные молодые люди пропадали, как мы. Ты прекрасно знаешь, что мы пережили в Вене». Когда Гитлер поднялся, Кубичек решил, что разговор окончен, но фюрер вызвал адъютанта и дал ему указания об устройстве трех мальчиков Кубичека в консерваторию Брукнера. И это бы-

ло еще не все. Посмотрев рисунки, письма и почтовые открытки, принесенные Кубичеком, Гитлер предложил старому другу написать книгу о их жизни в Вене. Наконец он крепко пожал Густлю руку и сказал, что они еще не раз увидятся.

В конце дня Гитлер уехал в Вену.

Итоги выборов превзошли все ожидания. В Австрии 99,73 процента избирателей одобрили аншлюс. В Германии за это проголосовали 99,02 процента, а 99,8 процента одобрили список кандидатов в новый рейхстаг. «Для меня,— сказал Гитлер,— это самый счастливый час в жизни». Это также подтвердило его убеждение в правильности выбранного пути. Фюрер был уверен, что надо двигаться дальше — к Чехословакии.

Глава 17. НА ОСТРИЕ БРИТВЫ (май — октябрь 1938 г.)

1

Среди деятелей рейха Гитлер был не единственным, кто рассматривал Чехословакию как кинжал, направленный в сердце Германии. Призрак одновременного удара с Востока и Запада в подбрюшье рейха породил контрплан немецких военных под названием «Зеленая операция», предусматривающий внезапное нападение на Чехословакию. Однако в течение двух лет этот план был лишь штабным исследованием. Молниеносный захват Австрии все изменил. За одну ночь Гитлеру представилась возможность нарушить баланс сил в Европе — вонзиться в Чехословакию, нейтрализовать ее грозную оборонительную систему и создать благоприятные условия для похода на Польшу и СССР. Ему нужен был предлог для вторжения, и он его получил: три с половиной миллиона судетских немцев, вдохновленных аншлюсом Австрии, ныне требовали того

же, уверяя всех и вся, что их жестоко подавляют как национальное меньшинство. Их претензии, наряду с традиционной враждебностью ко всему чешскому, терзали маленькую республику со времени ее основания. За последние три года Гитлер тайно субсидировал судетскую нацистскую партию, руководимую Конрадом Генлейном, и к 1938 году она контролировала все движение немецкого меньшинства. В конце марта немецкая поддержка приобрела более зловещую форму, когда фюрер назначил Генлейна своим личным представителем с указаниями выдвигать требования, которые чешское правительство не в состоянии будет удовлетворить. Он надеялся, что эта стратегия приведет к постоянным волнениям и даст повод для военного вмешательства Германии.

Однако Гитлера сдерживало опасение, что Франция, Англия и, возможно, СССР воспротивятся его попыткам захвата Чехословакии. Чтобы ослабить эту опасность, ему нужно было благословение своего единственного союзника. Поэтому 2 мая 1938 года в сопровождении свиты из пятисот дипломатов, генералов, охранников, партийных лидеров и журналистов он отправился в Рим.

Гитлер покинул Берлин со смешанным чувством. Да, он был бесконечно рад, что удалось без единого выстрела завоевать Рейнскую область и Австрию, но возобновились боли в желудке, от которых его вроде бы «чудесно» вылечил рецепт доктора Мореля. Мрачные предчувствия побудили фюрера написать в поезде завещание.

Когда они прибыли на вокзал, украшенный флагами, было уже темно. Гитлер был недоволен тем, что его встретил король Виктор Эммануил, а не Муссолини.

Король же был раздражен тем, что Гитлер первым сел в карету. Запряженная четверкой лошадей, она проехала мимо иллюминированных фонтанов. Было светло как днем: улицы освещались прожекторами и факелами. Гостей приветствовали толпы людей. Но Гитлер считал себя униженным ездой в карете. Неужели савойская династия не признает автомобилей? Не понравилась ему и резиденция во дворце: он был неуютным, мрачным и больше походил на музей.

С самого начала его отношения с королем осложнились. Монарх встретил высокого гостя холодно. Гитлер хотел, чтобы его принимал Муссолини. Банкет, устроенный королем, не разрядил атмосферу. Гитлер с нервно бегающими

глазами первым вел под руку величественную королеву, которая была выше его. За ними следовал низкорослый король с высокой женой губернатора. Четверка выглядела комично, и Гитлер знал это. Когда королева вошла в зал приемов, итальянцы либо низко кланялись, либо опускались на колени, а некоторые даже целовали бахрому ее платья. «Я не привык к таким церемониям»,— признался Гитлер своему пилоту.

За столом он и королева не обменялись ни словом. Особенно раздражало его огромное распятие, свисавшее с ее шеи. Королевская чета оказалась мстительной. Поползли слухи о том, что якобы Гитлер в первую ночь во дворце потребовал женщину и к тому же употребляет наркотики. На представлении «Аиды» в Неаполе после первого акта публика ждала, когда зааплодирует высокий гость. Тот же решил, что инициатива должна исходить от короля, а последний злорадно ухмылялся, делая вид, что не замечает смущения гостя.

После представления Гитлер должен был обойти строй нацистов из местной немецкой колонии. Он приказал Линге принести фуражку и шинель, но королевский адъютант предупредил его, что поезд в Рим отправится через несколько минут. Не желая разочаровывать членов партии, Гитлер выбежал на улицу во фраке и прошел вдоль шеренги своих приверженцев с вытянутой в приветствии рукой. Обычно в такие моменты он держался большим пальцем левой руки за ремень, но брюки на нем были без ремня, и пришлось прижать руку к бедру. Это выглядело комично. «Германский фюрер и рейхсканцлер,— писал Видеман,— был похож на официанта в переполненном ресторане, и он, должно быть, понимал, как смешно выглядит». Как только Гитлер вошел в вагон поезда, он излил свой гнев на Риббентропа, а тот — на начальника протокола, обвинив его в неверности правительству и фюреру.

К моменту возвращения в Рим Гитлер успокоился. На банкете во дворце 7 мая он произнес эффектную речь, которая, по словам Чиано, «растопила лед вокруг него». Он даже предложил Муссолини щедрый подарок — Южный Тироль, что неизбежно должно было вызвать недовольство его соотечественников, особенно в Баварии. Он делал такое предложение еще в 1924 году через Геринга, надеясь получить от Муссолини заем, но тот не дал ни лиры. На этот раз фюрер подавал Муссолини сигнал, что готов к сделке.

Дуче предпочитал действовать из-за кулис, через короля, и упорно избегал серьезных дискуссий. Он загрузил гостя напряженной программой с утра до позднего вечера. Риббентропу наконец удалось вручить Чиано проект договора о союзе, который тот пробежал глазами без комментариев. Но в своем дневнике зять Муссолини записал: «Дуче намерен заключить пакт. Мы это сделаем, потому что у него есть тысяча и одна причина не верить западным демократиям».

Для Гитлера было важно то, что в беседе с Муссолини он затронул самый жгучий для него вопрос — Чехословакию. Дуче дал понять, что эта маленькая страна не представляет для него никакого интереса и он закроет глаза на действия Гитлера. Такое заверение перевешивало все подлинные и мнимые оскорбления, которым фюрер здесь подвергся, и теперь он считал себя свободным сделать следующий шаг.

Президент Бенеш и другие чехословацкие руководители питали иллюзию, что Гитлер не рискнет напасть на их страну из страха вызвать всеобщую войну. Если же он осмелится, то Франция, Англия и Россия сумеют урезонить его. Но эта тройка не видела себя в роли защитников Чехословакии. «Посмотри на карту,— писал Чемберлен своей сестре,— и ты увидишь, что ни мы, ни Франция ничего не сможем сделать для спасения Чехословакии. Она может стать предлогом для войны с Германией. А на это мы не можем пойти... Потому я и отбросил идею предоставления гарантий Чехословакии или французам в связи с их обязательствами перед этой страной».

Отсутствие решимости у британского премьер-министра беспокоило французских руководителей, и хотя они продолжали делать смелые заявления, внимательные наблюдатели были убеждены, что Франция, внешняя политика которой после захвата Рейнской области была привязана к английской, не поспешит на защиту чехов. Третий потенциальный защитник публично призывал Англию и Францию обуздать немцев, но сам для этого ничего не делал. Сталин хотел, чтобы Гитлера сдерживал Запад, а не он. 6 мая советский поверенный в делах в Праге признался в беседе с американским послом, что его страна определенно не окажет Чехословакии никакой военной помощи, если этого не сделает Франция. Кроме того, как они пошлют туда войска? Ведь между ними стоят Польша и Румыния, а обе эти страны отказывались предоставить коридор Красной Армии. Одновременно Сталин в частном порядке заверял Бе-

неша, что Советский Союз готов помогать ему в военном отношении, «даже если Франция не сделает этого и даже если Польша и Румыния откажутся пропустить советские войска транзитом в Чехословакию».

Все это было направлено на то, чтобы убедить либералов мира: Советы — истинные защитники маленькой осажденной страны. На самом же деле они были готовы прийти на помощь Чехословакии не больше, чем Англия и Франция. Гитлер правильно это оценил, и теперь, заручившись молчаливым одобрением Муссолини, приказал Геббельсу усилить пропагандистскую кампанию против этой несчастной страны. Активизировались и судетские немцы, среди которых прошел слух, что «день» близок. Этот слух усилился, когда 19 и 20 мая поступили сообщения, что гитлеровские войска в составе одиннадцати пехотных и четырех бронетанковых дивизий движутся к чешской границе, и удар может быть нанесен также из Южной Силезии и Северной Австрии.

20 мая Бенеш созвал чрезвычайное заседание кабинета и высшего совета обороны. Без консультации с французскими союзниками он объявил «частичную мобилизацию». К утру 21 мая, когда чешские войска заняли пограничные укрепления и судетские территории, Европу охватила кризисная лихорадка, которой она не испытывала с 1914 года. Малая страна выступила против великой, дав понять, что она не будет пешкой в игре сильных. Тем самым Чехословакия вынуждала своих нерешительных покровителей — Францию и Англию — поддержать ее.

Французский премьер Даладье вызвал германского посла и показал ему приказ о мобилизации. «От вас зависит,— сказал он,— подпишу я его или нет». А в Берлине английский посол Гендерсон предупредил министра иностранных дел Риббентропа, что «Франция имеет определенные обязательства перед Чехословакией, и если их предстоит выполнить, правительство его величества не сможет гарантировать, что события не вынудят его вмешаться». Убежденный в том, что Англия — главный противник, Риббентроп с видом оскорбленной невинности возмущенно отрицал, что немецкие войска угрожают чешским границам. Если Франция и Англия «потеряют рассудок» и применят против Германии военную силу, «мы будем сражаться до конца».

На специальном самолете Риббентроп вылетел из Берлина в Берхтесгаден на встречу с Гитлером. Тот был так же

возмущен, как и его министр. Ведь не было никаких крупных перемещений войск в сторону Чехословакии. Кто же тогда пустил слух? Возможно, коммунисты, чехи или антигитлеровская группа, включавшая такие разношерстные личности, как финансовый «бог» Шахт и начальник германской разведывательной службы адмирал Канарис. Но, скорее всего, слухи породила паника.

Западная пресса расписала, что внешнее давление вынудило фюрера отменить вторжение и тем самым совершила ошибку, поставив его в унизительное положение. «Гитлер не начинал военной операции,— писал Вейцзекер,— и потому не мог ее отменить. Но, к сожалению, провокационные статьи в иностранной прессе побудили его к реальным действиям. Отныне он явно был настроен в пользу решения чехословацкой проблемы силой оружия».

Гитлер действовал стремительно. 28 мая он созвал совещание руководителей вермахта, министерства иностранных дел и представителей других ведомств. Когда они, собравшись, ждали вызова у зимнего сада, мнение было единым: Гитлер объявит о новых военных мерах. Взволнованный Геринг отвел в сторону капитана Видемана. «Неужели фюрер не понимает, что делает? Это же означает войну с Францией, а наша армия к этому не готова»,— возмутился он и обещал высказать это мнение фюреру.

Гитлер начал спокойно, но его слова имели взрывной эффект. «Я преисполнен непоколебимой решимости стереть Чехословакию с географической карты. Мы будем вынуждены использовать методы, которые, возможно, не сразу встретят одобрение с вашей стороны, господа генералы». Это нападение, пояснил он, будет лишь частью более широкой стратегии по завоеванию жизненного пространства. Когда Германия устремится на Восток, Чехословакия будет угрозой для ее тыла. Следовательно, она должна быть ликвидирована, и сейчас для этого подходящий момент, так как ни Англия, ни Франция не хотят войны. Россия не вмешается, а Италия не проявляет интереса к возможному конфликту.

Когда Гитлер закончил, Геринг бросился к нему с сияющими глазами и схватил его за руку. «Мой фюрер!— воскликнул человек, за час до этого поклявшийся остановить его.— Позвольте мне поздравить вас от всего сердца с вашим уникальным замыслом!»

Не было ни протестов, ни дискуссий. Гитлер подошел к

Кейтелю, Браухичу и Беку. «Итак,— сказал он,— мы решим проблему на Востоке. Потом я вам дам три-четыре года, и мы решим проблему на Западе».

Они ничего не ответили. Но на следующий день Бек написал служебную записку. «Германия,— писал он,— не сильнее, чем в 1914 году, и намного более уязвима к атакам с воздуха. Кроме того, она противостоит коалиции из Чехословакии, Франции, Англии и Америки». Противники Германии, делал он вывод, имеют в своем распоряжении время и пространство, а их ресурсы людской силы и стратегического сырья превосходят возможности Германии и ее союзников.

30 мая Бек поделился своим мрачным прогнозом с Браухичем, который спросил у Кейтеля, как довести это до сведения фюрера. Тот посоветовал убрать из записки политический раздел, иначе Гитлер может просто выбросить документ. Браухич последовал этому совету, и в тот же день переработанный документ был передан фюреру во время совещания в артиллерийском училище в Ютеборге. Тот высказал резкие возражения: записка необъективна, она переоценивает военную мощь Франции. «Это было очередной катастрофой для армии,— писал Кейтель,— и привело к уменьшению доверия к Браухичу, о чем я глубоко сожалел, хотя фюрер винил не столько Браухича, сколько Бека и генеральный штаб».

Гитлер был спокоен: с Чехословакией надо покончить до 1 октября. Таким образом, был дан ход четвертому варианту «Зеленой операции». Ускорилась работа над «Западным валом» — системой укреплений на французской границе. На их строительстве работали свыше полумиллиона человек. На этом рубеже предстояло сдержать французов, пока вермахт «займется» Чехословакией. Одновременно была развязана интенсивная пропагандистская кампания с целью, как выразился Гитлер, «запугать чехов угрозами и подавить их способность к сопротивлению, а с другой стороны, дать знак национальным расовым группам поддержать наши военные операции и повлиять на нейтралов в нашу пользу».

Решимость Гитлера идти напролом подкрепило сообщение германского посла в Москве графа Шуленбурга, который заверял, что Чехословакия стремится избежать конфликта и готова пойти на уступки. «Здесь,— отмечал он,— преобладает точка зрения, что в настоящее время Советы

будут всеми средствами избегать вовлечения в войну. Причины этой позиции в напряженном внутреннем положении и в боязни войны на два фронта».

2

Хотя Гитлер дал ход «Зеленой операции», его целью был прежде всего шантаж. Речь шла о том, насколько близко можно подойти к порогу войны. Полагаясь на интуицию, как в рейнском и австрийском кризисах, он в июле послал в Лондон своего адьютанта Видемана на неофициальную встречу с лордом Галифаксом. Видеман должен был выяснить, возможен ли официальный визит в Англию Геринга. Гитлер также поручил ему сообщить Галифаксу, что Берлин не может смириться с дискриминацией судетских немцев. «Если в ближайшем будущем не будет удовлетворительного решения, я просто буду вынужден решить его силой. Так и передайте лорду Галифаксу»,— сказал фюрер.

Когда Видеман сделал это предупреждение, Галифакс с улыбкой ответил, что многое можно урегулировать мирным путем. Он также согласился на визит Геринга и в общей форме передал приглашение фюреру быть гостем короля. Видеман вылетел обратно в Германию в хорошем настроении. Но несколько часов он был вынужден прождать в Бергхофе, пока фюрер прогуливался с Юнити Митфорд. Когда же Видеман попал к нему и доложил, что англичане положительно отнеслись к визиту Геринга, Гитлер перебил его: «Хватит, больше не надо». Содержание беседы с Галифаксом его не интересовало. «Не знаю,— вспоминал Видеман,— объяснялась ли такая перемена в Гитлере чем-то услышанным им от Юнити Митфорд или же он не хотел усиления влияния Геринга. Во всяком случае, я не получил возможности сообщить ему то, чего он не хотел слышать».

Через несколько недель неофициальный представитель министерства иностранных дел Фриц Хессе был отозван из Лондона и получил нагоняй от Риббентропа за то, что послал сообщение о готовности Чемберлена рассмотреть вопрос о передаче Судетской области Германии. «Что за чепуху вы мне шлете?» — сказал министр. По его словам, как вспоминает Хессе, фюрер был убежден, что англичане уда-

рят по Германии, как только закончат перевооружение. Он заявил Риббентропу: «Международной морали не существует, каждый хватает, что может. Я усвоил этот урок». Гитлер, подчеркнул министр, не позволит англичанам окружить его, он ударит первым.

Хессе объяснил, что личный советник Чемберлена просил его неофициально сообщить следующее: редакционная статья в лондонской «Таймс», в которой говорилось о готовности Англии согласиться с решением, благоприятным для Германии, была инспирирована самим премьер-министром. Разве не лучше для Гитлера получить автономию для судетских немцев без угрозы войны? «Автономия!— презрительно заметил Риббентроп.— Об автономии речь больше не идет». До появления лживых сообщений о передвижении немецких войск, добавил он, Гитлер, возможно, удовольствовался бы автономией. Но теперь этого недостаточно. Услышав такое, Хессе похолодел. Впервые он осознал, что опасность войны реальна, и попросил министра заверить Гитлера, что можно добиться присоединения Судетской области мирным путем. Риббентроп обещал поговорить с Гитлером, но на следующий день вызвал Хессе и сказал, что фюрер высмеял мнение, будто чехи уступят свой военный бастион. «Я просто не верю этому,— сказал фюрер.— Они не могут быть такими глупыми».

В то время как позиция Гитлера ужесточалась, его генералы продолжали противиться политике экспансии. Бек разослал записку, в которой утверждал, что тот, кто развяжет новую войну, понесет суровую ответственность, а последствия поражения будут куда более катастрофическими, чем в 1918 году. В июле он составил пространный меморандум для Браухича, категорически заявляя, что нападение на Чехословакию вызовет большую войну. «Итогом такой войны будет всеобщая катастрофа для Германии, а не только военное поражение». Народ, продолжал он, не хочет войны, а вермахт не готов к ней.

Когда Бек 16 июля представил этот документ, он говорил еще более резко, призывая Браухича организовать сопротивление среди военных руководителей. В его набросках к выступлению говорилось: «История возложит на руководителей вину за кровь. Если мы все будем действовать решительно, войны не будет. Чрезвычайный момент требует чрезвычайных мер».

В начале августа Бек уговорил Браухича созвать совеща-

ние высшего армейского командования. На нем он зачитал меморандум, в котором предсказывалось, что вторжение в Чехословакию приведет к всеобщей войне и Германия ее проиграет. Стоит ли Судетская область риска гибели нации? Общее мнение сводилось к тому, что и граждане, и солдаты против войны. Генералы также согласились с тем, что сил достаточно для разгрома чехов, но недостаточно для европейской войны. Лишь двое высказали не слишком принципиальные возражения. Генерал Буш повторил шаблонную фразу о том, что солдаты не должны вмешиваться в политику, а первый нацистский генерал Райхенау предупредил, что разговаривать с фюрером на эту тему следует поодиночке, а не коллективно. Браухич согласился с этим и предстал перед Гитлером один. Сомнительно, что с фюрером он говорил так же решительно, как со своими коллегами, но даже в мягкой форме его возражения вызвали взрыв, который быстро поставил генерала на место.

Обиженный на нерешительных генералов, Гитлер пригласил 10 августа на обед в Бергхофе наиболее перспективных, на его взгляд, начальников штабов. Три часа подряд фюрер излагал им свои политические теории, но это не произвело никакого впечатления. Но оппозиция сделала фюрера лишь более упрямым, и через пять дней после посещения артиллерийских стрельб около Ютеборга Гитлер пригласил генералов в столовую и объявил, что принял решение разрешить чешскую проблему силой к осени этого года. Он заверил военных, что пока Чемберлен и Даладье у власти, большой войны не будет, и напомнил им о своем даре предвидения.

Два дня спустя советский посол Майский сказал Галифаксу, что германская политика «по крайней мере на 50 процентов состоит из блефа» и что нерешительная позиция французов и англичан «составляет подлинную опасность для мира», поскольку создает преувеличенное впечатление о силе Германии как в ней самой, так и за рубежом.

На следующий день подобную мысль высказал юнкер из Померании Эвальд фон Клейст-Шменцин, давний враг Гитлера. С паспортом, выданным адмиралом Канарисом, он прибыл в Англию в качестве представителя умеренных в германском генеральном штабе, выступающих против гитлеровской агрессии. 18 августа он имел неофициальную беседу с главным дипломатическим советником Галифакса сэром Робертом Ванситартом. Клейст начал разговор с пре-

дупреждения о неизбежности войны, если ее не остановят англичане. В Германии только один экстремист, это Гитлер. «Все мои друзья, генералы немецкой армии, знают это,— говорил Клейст.— Уже определена дата, когда мина взорвется».— «Вы хотите сказать, что такие люди, как Геббельс и Гиммлер, не толкают Гитлера в этом направлении?» — спросил Ванситарт. «Я повторяю: они здесь ни при чем. Гитлер принял решение сам. Все генералы против войны, но у них нет силы остановить ее, если они не получат поддержки и помощи извне. Как я уже вам сказал, они знают дату и будут вынуждены начать поход». На вопрос о дате Клейст рассмеялся и сказал: «Вам она, конечно, известна». Ванситарту пришлось его убеждать, что такой информации у английского правительства нет. «После 27 сентября будет слишком поздно,— сказал Клейст.— Середина сентября — это последний срок, чтобы остановить операцию. Гитлеру надо дать понять, что Англия и Франция не блефуют, пусть кто-нибудь из английских руководителей публично заявит об этом».

Ванситарт немедленно записал эту беседу для Чемберлена. Но тот был слишком привержен политике умиротворения и не воспринял Клейста всерьез. На следующий день его позиция была подкреплена телеграммой Гендерсона из Берлина. Посол утверждал, что главная опасность войны исходит не от Гитлера, которому есть что терять, а «от сил, работающих на войну, а именно — от немецких и чешских экстремистов, коммунистов и других течений, а также от всеобщей ненависти к нацизму за рубежом».

Клейст во многом был прав. В стране план нападения на Чехословакию не пользовался поддержкой. Бек снова подал в отставку, а когда Браухич ее не принял, отказался служить. Гитлер решил проблему, приняв отставку и приказав Беку держать ее в секрете «по причинам внешней политики». Будучи лояльным немцем, Бек согласился, но продолжал поддерживать антигитлеровскую группу, которая тайно замышляла заговор с целью ареста Гитлера, как только тот отдаст приказ о начале «Зеленой операции». Редко когда в истории столько военных и гражданских лидеров замышляли свергнуть правительство силой. Среди заговорщиков были командующий Берлинским военным округом генерал Эрвин фон Вицлебен, адмирал Канарис, бывший командующий сухопутными силами Курт фон Хаммерштайн-Экворд и преемник Бека на посту начальни-

ка штаба Франц Гальдер. Последний тайно послал второго эмиссара в Лондон, повторившего предупреждения Клейста, но безрезультатно. В заговор были вовлечены Яльмар Шахт, многие дипломаты и высокопоставленные чиновники.

Усилилось и открытое давление на фюрера. В конце августа Вейцзекер после одного частного обеда отвел Гесса в сторону и предостерег, что если фюрер попытается решить судетскую проблему силой, война между Германией и Западом станет неизбежной. Гесс сообщил об этом предупреждении Гитлеру. Через несколько дней министр финансов Шверин фон Крозиг писал фюреру: «Хорошо зная Англию и англичан, я считаю, что их публичная позиция, выражаемая в традиционно осторожной манере, ясно показывает, что решимость вмешаться не блеф. Даже если Чемберлен и Галифакс не хотят войны, за ними стоят их наиболее вероятные преемники — поджигатели войны Черчилль и Иден». Он призывал Гитлера не проявлять поспешность, ибо время все равно работает на Германию. Ее перевооружение и экономический прогресс идут быстрее, чем в других державах. Кроме того, Франция проявляет намерение порвать с Чехословакией, а в Америке усиливается реакция на еврейскую пропаганду против рейха. «Это означает,— продолжал Шверин фон Крозиг,— что мы лишь выиграем, подождав. Поэтому коммунисты, евреи и чехи делают такие отчаянные усилия, чтобы толкнуть нас на войну сейчас».

Все эти уговоры мало действовали на фюрера. Побывав в конце лета на военных маневрах, Гитлер сказал своим двум адъютантам, что война необходима. «Каждое поколение,— добавил он,— должно хоть раз испытать войну».

3 сентября Гитлер вызвал в Бергхоф Браухича и Кейтеля, чтобы обсудить последний вариант «Зеленой операции». К своему неудовольствию, он узнал, что главный удар намечено нанести по центру чешской оборонительной системы силами 2-й армии. Наступление на такую мощную оборону, возразил фюрер, принесет напрасные потери, это будет второй Верден, чего как раз и ждут чехи. Надо нанести главный удар в глубь Богемии силами 10-й армии. Браухич робко запротестовал, ссылаясь на плохое состояние моторизованных дивизий и недостаточную подготовку командного состава, но Гитлер отмел эти возражения и приказал усилить 10-ю армию моторизованными и бронетанковыми дивизиями.

Наблюдатели опасались, что Гитлер открыто заявит о своих намерениях на предстоящем съезде партии в Нюрнберге. На этот «первый съезд Великой Германии» Гитлером были доставлены из Вены символы первого германского рейха: имперский скипетр и имперский меч. Представляя их, он торжественно поклялся, что эти святыни останутся в Нюрнберге навечно. Но в своем выступлении на открытии съезда он ничего не сказал о войне. Когда на следующий день Гитлер принимал дипломатический корпус, Франсуа-Понсэ от имени всех послов поблагодарил его за прием и подчеркнул, что величайшая слава государственного деятеля состоит в достижении своей цели так, чтобы ни одна мать не плакала. По словам Видемана, фюрер «злорадно ухмыльнулся».

Тот факт, что Гитлер не затронул в своей речи международных вопросов, вызвал многочисленные догадки и слухи. Кое-кто говорил, что он «свихнулся» и пойдет на войну любой ценой. В тот день Гендерсон разговаривал с ближайшими советниками Гитлера, делая упор на необходимость англо-германского сотрудничества в решении судетской проблемы. Геринг сообщил ему, что в конце месяца он намеревается поехать на охоту, и выразил надежду, что «чехи не нарушат его планов какой-нибудь глупостью». Тогда же английский посол получил из Лондона указание высказать Гитлеру «личное предупреждение», что Англия «не будет стоять в стороне» в случае конфликта. Гендерсон запротестовал: «Гитлер на грани сумасшествия, и второй кризис подтолкнет его к войне». В Лондоне с этим молчаливо согласились.

Убежденный, что Англия не пойдет на риск войны из-за Чехословакии, Гитлер несмотря ни на что готовил агрессию. «Вы знаете, я как путник, который должен перейти через пропасть по острию бритвы,— сказал он Франку.— Но я должен, просто должен через нее перейти».

9 сентября он вызвал в Нюрнберг Кейтеля, Браухича и Гальдера. Новый начальник штаба сухопутных сил изложил измененный вариант «Зеленой операции». К удивлению Гитлера, главный удар по-прежнему предлагалось нанести силами 2-й армии, но путем операции на охват и окружение, чего не было в первоначальном варианте. Последнее Гитлеру понравилось, однако он возразил, что и этот план не гарантирует быстрый успех, крайне необходимый с политической точки зрения. «Первая неделя,— под-

черкивал Гитлер,— политически решающая, надо завоевать как можно большую территорию». Немецкие гаубицы не смогут уничтожить чешские укрепления, и, кроме того, план исключает элемент внезапности. Фюрер продолжал читать лекцию Гальдеру и Браухичу (Кейтель уже согласился с ним во всем), потом потерял терпение и категорически приказал генералам сделать так, как он хочет. Генералы ушли и засели за работу.

На следующий день публично высказался Геринг. «Европейский пигмей,— заявил он,— делает жизнь невыносимой для человечества. Чехи, эта подлая раса карликов без какой-либо культуры, подавляют цивилизованную расу, а за ними вместе с Москвой можно увидеть вечный облик еврейской нечисти!»

Но, похоже, слова Геринга не сильно обеспокоили Бенеша, а тем более Чемберлена. 11 сентября премьер-министр Англии заявил в беседе с группой журналистов: «Герр Гитлер неоднократно выражал свое желание сохранить мир, и было бы ошибкой полагать, что эти заявления неискренни».

Нацистский съезд завершился 12 сентября, и многие в мире со страхом ждали, что скажет Гитлер. Церемония закрытия состоялась на все том же громадном стадионе, который стал традиционным местом проведения нацистских торжеств. К 19.00 под рев «Зиг хайль!» появился фюрер, в свете прожектора медленно прошедший к трибуне с вытянутой вперед рукой. Вначале он пространно говорил о партийных целях. Некоторые иностранные наблюдатели подумали, что он не собирается касаться острых проблем. Внезапно Гитлер набросился на чехов: «Я не допущу, чтобы здесь, в центре Европы, возникла вторая Палестина. Бедные арабы беззащитны и одиноки. Но немцы в Чехословакии не беззащитны, не одиноки, и люди должны помнить это».

Публика взревела: «Зиг хайль! Зиг хайль!»

Этого момента мир ждал целую неделю, но ультиматума не последовало. Гитлер потребовал лишь справедливости для судетских немцев, однако в конце зловеще намекнул: «Мы сожалеем, что это может нарушить наши отношения с другими европейскими странами, но вина лежит не на нас».

Французы, англичане и чехи испытывали такой страх, что даже эти грозные слова показались им умеренными. В политических кругах господствовало мнение, что Гитлер хотел приободрить немецких экстремистов, а сам готов искать мирное решение. Так считал и Муссолини. Прослушав

выступление фюрера по радио, он заметил: «Я ожидал более сильной речи. Ничто еще не потеряно».

3

Чувство облегчения было, однако, кратковременным. Речь Гитлера вдохновила судетских немцев на активные выступления. К утру пограничный город Эгер весь был увешан нацистскими флагами. Десять тысяч немцев заполнили улицы, скандируя: «Мы хотим самоопределения!» Полиция открыла огонь, один демонстрант был убит, около десятка ранено. В ближайшие сутки кровавые беспорядки охватили всю Судетскую область, число убитых выросло до двадцати одного. По призыву Генлейна судетские немцы начали забастовку и отказались платить налоги.

Прага объявила осадное положение. В пограничных районах было введено военное положение, жертв становилось все больше и больше. По всей Европе прошли слухи, что Гитлер готовит ультиматум и прямое вторжение. Париж и Лондон запаниковали. В тот вечер Даладье направил срочное послание Чемберлену. «Вторжения в Чехословакию,— говорилось в нем,— нужно избежать любой ценой, иначе Франция будет вынуждена выполнить обязательства по своему договору». Он предложил пригласить Гитлера на встречу для выработки разумного урегулирования. Загадочный ответ Чемберлена озадачил Даладье: «Я пришел к решению. Думаю, оно будет полезным. Пока я не могу вам сказать, дам знать позднее». В тот вечер Чемберлен направил телеграмму Гитлеру, предложив встретиться один на один. Гитлер был приятно удивлен и ответил Чемберлену согласием. Встреча должна была состояться на следующий день в Берхтесгадене.

В Англии первая реакция облегчения переросла в энтузиазм по поводу того, что премьер-министр сделал такой смелый шаг ради сохранения мира. В Праге продавцы газет кричали: «Экстренный выпуск! Читайте, как глава Британской империи едет лебезить перед Гитлером!» Чешские граждане стихийно собирались на улицах, выражая поддержку президенту в его решимости сопротивляться. В Риме Муссолини заметил своему зятю Чиано: «Войны не будет. Но это конец английскому престижу».

Рано утром 15 сентября Чемберлен вышел из своей резиденции на Даунинг-стрит под приветственные возгласы собравшейся толпы. Перед тем как подняться в самолет, в присутствии Галифакса и других руководителей он остановился перед микрофонами Би-Би-Си и заявил: «Моя политика всегда направлена на обеспечение мира».

В восемь утра самолет поднялся в воздух. Это был первый длительный полет 69-летнего премьер-министра, и он был по-детски взволнован. Как и его отец, преуспевающий бизнесмен, ставший крупным государственным деятелем, Чемберлен был набожным человеком, воплощением викторианских достоинств. Худощавая, аскетическая фигура, сдержанные манеры и сардоническая улыбка делали его похожим на директора английской школы. Только самые близкие люди знали, что за внешней строгостью премьера скрывается болезненная робость.

Вопрос состоял в том, сможет ли такой человек, убежденный, что фюрер полусумасшедший и с ним надо обращаться осторожно, справиться с ситуацией. Во время полета Чемберлен не мог избавиться от «дурных предчувствий», но утешал себя тем, что у него в руках тоже есть козыри и что Чехословакия, пока он ведет переговоры с фюрером, будет в безопасности.

В пятом часу Чемберлен со свитой прибыл в Бергхоф. У входа на веранду их встретил вежливый хозяин, пригласивший на чай. Гитлер поинтересовался, какую процедуру хотел бы предложить гость. Чемберлен ответил, что предпочел бы разговор с глазу на глаз. Гитлер согласился и повел премьер-министра с переводчиком Шмидтом наверх, в свой кабинет, оставив внизу недовольного Риббентропа.

Гитлер спокойным тоном изложил свои претензии к соседям. Чемберлен внимательно слушал и, глядя прямо в лицо фюреру, сказал, что готов обсудить возможность удовлетворить любые немецкие претензии, пока не применяется сила. «Сила!— воскликнул Гитлер возмущенно.— А кто ее применяет?» Разве Бенеш не использует силу против судетских немцев? На улице завывал ветер, лил дождь, а Гитлер извергал такой поток слов, что Чемберлен попросил его остановиться, чтобы осмыслить услышанное. «Я этого больше не потерплю! — кричал Гитлер.— Так или иначе я урегулирую этот вопрос и сделаю все, что считаю нужным».

Чемберлен был ошарашен, но ответил решительно: «Если я вас правильно понял, вы намерены двинуться на Чехосло-

вакию. Зачем же вы меня приглашали в Берхтесгаден? Ведь эта поездка — напрасная трата времени, и в таком случае мне лучше всего немедленно вернуться в Англию. Все остальное кажется бессмысленным».

Очевидно, Гитлер не ожидал такой контратаки и, подумав, сбавил тон. «Если при рассмотрении судетского вопроса,— уже более спокойно сказал он,— вы готовы признать право немцев на самоопределение, мы можем продолжить дискуссии с тем, чтобы посмотреть, как это право можно осуществить на практике». Чемберлен не сразу согласился, заметив, что плебисцит в Судетской области связан с большими практическими трудностями и что дать Гитлеру ответ на вопрос о самоопределении он сможет только после консультаций со своим кабинетом. «Потому я предлагаю прервать переговоры,— заявил премьер,— А я вернусь в Англию и потом снова с вами встречусь». Когда Шмидт переводил первую часть фразы, Гитлер явно заволновался, но поняв, что Чемберлен еще раз с ним увидится, не смог скрыть своего облегчения и сразу же на это согласился. Когда Чемберлен спросил, как будет тем временем складываться ситуация, Гитлер без колебаний ответил, что не отдаст приказа о выступлении, если не случится каких-либо особо «зверских инцидентов».

Так закончилась трехчасовая беседа. Спускаясь вниз по лестнице, Гитлер любезно предложил гостю посмотреть на живописные окрестности, но тот ответил, что на это нет времени, ведь «на карту поставлены человеческие жизни». Чемберлен выехал из Бергхофа, довольный беседой. «Я установил определенное доверие, чего и добивался,— писал он сестре.—Несмотря на жесткость и безжалостность, замеченные мной на его лице, у меня создалось впечатление, что это человек, на которого можно положиться, если он дал слово».

Зато Рузвельт был далек от эйфории. Опасаясь, что переговоры лишь отодвигают неизбежный конфликт, президент на заседании правительства посетовал на то, что Чемберлен «за мир любой ценой», резко заметив, что Англия и Франция, очевидно, оставят чехов в беде, а потом «смоют кровь со своих иудиных рук». К концу недели выявилась оппозиция Чемберлену в его собственном кабинете, но он твердо стоял на своем. Американский посол Джозеф Кеннеди послал премьер-министру зловещий доклад известного летчика Чарльза Линдберга, первым перелетевшего через

Атлантику, о подавляющем превосходстве германской авиации, в чем его убедила недавняя инспекционная поездка по частям люфтваффе. На Чемберлена это произвело такое же впечатление, как и на Кеннеди: раз Англия плохо подготовлена к войне, надо придерживаться политики умиротворения.

18 сентября Чемберлен заявил прибывшему в Англию Даладье: «Часть территории необходимо уступить рейху. Но нам будет очень трудно перекроить Чехословакию, если само чехословацкое правительство не признает необходимость изменения границ». Даладье согласился, что «дружеское давление», возможно, убедит чехов уступить «некоторые части судетской территории». В то же время надо будет обеспечить «какие-то международные гарантии того, что осталось», и Германия должна присоединиться к таким гарантиям. Чемберлен после некоторых колебаний согласился. Он был очень доволен собой и написал сестре: «Дела идут по намеченному мной пути».

Оставалась неприятная обязанность сообщить чехам, что они должны уступить Судетскую область. Когда английский посланник сэр Бэзил Ньютон поставил в известность Бенеша, тот так разволновался, что отказался даже обсуждать этот вопрос. Смущенный Ньютон подчеркнул, что это следует одобрить быстро, поскольку Чемберлен через два дня возобновит переговоры с Гитлером. Бенеш с горечью сказал, что Чехословакию бросают на произвол судьбы, а данные ей гарантии оказались бесполезными. Он опасался, что предложенное решение не будет окончательным, а станет лишь этапом на пути захвата Чехословакии Гитлером. Тем не менее Ньютон сообщил в Лондон, что, по его мнению, «Бенеш скорее всего согласится».

Пока Чемберлен весь день 19 сентября с нетерпением ждал ответа, Бенеш в отчаянии обратился за помощью к другому государству. 20-го числа он пригласил советского посланника и задал ему два вопроса: выполнит ли СССР свои договорные обязательства, если это сделает Франция? В случае нападения Гитлера поддержат ли Советы Чехословакию в обращении к Лиге Наций, если Франция откажется сделать это? Положительные ответы из Москвы поступили к 19.00, а через сорок пять минут чешский министр иностранных дел Крофта заявил Ньютону, что его правительство отвергает англо-французское предложение.

Однако вскоре после этого французский коллега Ньюто-

на Виктор Делакруа был срочно приглашен к чешскому премьер-министру Годже. Тот просил французского посланника организовать телеграмму из Парижа об отказе выполнять договор, если дело дойдет до войны. «Это единственный путь спасти мир»,— заявил премьер и заверил Делакруа, что действует с согласия Бенеша. Но это было ложью.

Делакруа и Ньютон послали донесения в свои столицы. Ньютон предложил, чтобы Галифакс выслал Бенешу ультиматум с требованием принять предложение «безоговорочно и незамедлительно, ибо в противном случае правительство его величества не будет проявлять дальнейшего интереса к судьбе страны».

Несмотря на поздний час, Галифакс поспешил на Даунинг-стрит. Он вернулся в свое министерство после полуночи и дал указание Ньютону потребовать от чехов пересмотреть свою позицию, иначе Чемберлен будет вынужден отложить или отменить свою вторую встречу с Гитлером.

В два часа ночи Ньютон и Делакруа пришли в президентский дворец. Бенеш был настолько потрясен услышанным, что не мог сдержать слез. Преданный союзниками, он обещал дать ответ к полудню.

Первым о согласии Ньютону сообщил двуличный Годжа: ответ ожидается положительный и скоро будет дан официально. Но споры в правительстве продолжались еще долго, и только после обеда Ньютону и Делакруа были переданы ноты, в которых сообщалось, что чехословацкое правительство «с сожалением» принимает англо-французское предложение. Вечером правительство Бенеша публично объявило о своей капитуляции. «Мы полагались на помощь своих друзей, но когда встал вопрос об отторжении нашей территории силой, стало очевидным, что европейский кризис приобретает слишком серьезный характер,— говорилось в коммюнике.— Поэтому наши друзья посоветовали нам купить свободу и мир ценой самопожертвования... Президент республики и наше правительство не имели иного выбора, ибо оказались одни».

Гитлер одерживал победы чужими руками.

4

Утром 22 сентября Чемберлен вылетел на вторую встречу с Гитлером. На этот раз ее было намечено провести в Бад-Годесберге на Рейне. Когда самолет премьер-министра приземлился в Кельне, его приветствовали высокопоставленные деятели и почетный караул, а оркестр СС исполнил английский гимн «Боже, храни короля». Гостей разместили в отеле «Петерсберг», расположенном на холмистом берегу Рейна. Гитлеру очень нравился вид из ресторана — он часто там бывал и хотел, чтобы этим пейзажем полюбовались и гости. Сам он остановился в отеле «Дреезен», где на 17.00 была запланирована первая встреча. Чемберлена повезли туда на пароме.

Когда собеседники уединились в комнате для совещаний, Чемберлен рассказал, каких уступок ему и французам удалось добиться от чехов. Он подробно остановился на способах и путях передачи Германии Судет и упомянул о гарантиях, данных англичанами и французами чехам. Затем английский премьер с довольным видом откинулся на спинку кресла, словно спрашивая: «Ну как? Хорошо я поработал в эти пять дней?»

Гитлер, однако, встретил сообщение гостя со скучным видом. «Очень сожалею, господин Чемберлен,— сказал он,— но я не могу больше обсуждать эти вопросы. После событий последних пяти дней такое решение меня не устраивает». Премьер-министр выпрямился, в его глазах под густыми бровями появился сердитый блеск, и он с возмущением сказал, что это решение точно соответствует требованиям фюрера, выдвинутым в Берхтесгадене. В ответ Гитлер заявил, что договор о ненападении с чехами невозможно заключить без удовлетворения претензий поляков и венгров, и резко потребовал, чтобы Судетская область была занята немцами «немедленно».

Чемберлен ответил, что он разочарован и удивлен такой позицией. Это совершенно новое требование, выходящее за рамки берхтесгаденской договоренности. Рискуя своей политической карьерой, он, Чемберлен, приехал в Германию с планом, который дает фюреру все, чего тот хотел. Призывая фюрера «сделать все, что в человеческих силах, для урегулирования конфликта спокойным, мирным пу-

тем», английский премьер попытался выяснить, заинтересован ли Гитлер в достижении принципиального согласия и есть ли у него какие-либо предложения в этом плане.

Ответ вызвал у Чемберлена холодный пот: немедленная оккупация Судетской области немецкими войсками, причем границы будут определены позднее в результате плебисцита. Поскольку это означало почти полную капитуляцию чехов, последовал резкий спор, который был усилен запиской, переданной Гитлеру. В ней сообщалось, что в Эгере были расстреляны двенадцать немецких заложников. Фюрер разразился бранью по адресу чехов и кричал, что «если Прага попадет под большевистское влияние и будет продолжать расстреливать заложников, он пошлет войска немедленно».

Несмотря на внешнее спокойствие, премьер-министр, возвращаясь по Рейну в свою резиденцию, был возмущен. Он даже подумал, не совершил ли ошибку. Может, следовало прекратить переговоры и вернуться домой? Неужели Гитлер на самом деле находится на грани безумия? Если так, он, Чемберлен, обязан найти выход из тупика. Вопрос в том, каким образом.

Он был не единственным, кто сомневался в рассудке Гитлера. Некоторые газетчики уже распространяли версию, что фюрер был так разъярен чешским кризисом, что бросался на пол и жевал угол ковра. «Я был очевидцем многих таких «припадков»,— писал впоследствии Видеман,— и могу сказать, что они не отличались от проявлений других людей с горячим темпераментом и недостаточным самоконтролем».

Некоторые близкие к фюреру люди считали, что он проявлял гнев ради эффекта. Если это так, его срывы в тот день явно поставили оппонента в оборонительное положение, и Чемберлен написал ему примирительное письмо, предлагая выяснить у чехов возможность предоставления судетским немцам права самим поддерживать законность и порядок.

После завтрака 23 сентября письмо было доставлено Гитлеру, но тот расценил послание как отказ и после лихорадочных дискуссий с Риббентропом и другими советниками составил резкий ответ, излагавший все высказанное на встрече. Гитлер дал указание Шмидту вручить свое послание английскому премьеру.

Когда Шмидт вернулся, Гитлер нетерпеливо спросил: «Что он сказал? Как он воспринял письмо?» Узнав, что

Чемберлен не проявил ни волнения, ни гнева, фюрер явно успокоился.

Через час от Чемберлена прибыли два представителя, доставившие ответ премьер-министра. Он был образцом дипломатии, одновременно и примирительным, и зловещим. Чемберлен обещал довести предложения Гитлера до сведения чехов и просил изложить их в меморандуме. Как только этот документ будет получен, он возвратится в Англию.

Угроза отъезда ускорила вторую встречу. Было согласовано, что вечером Чемберлен прибудет в «Дреезен» не только для того, чтобы взять меморандум Гитлера, но и выслушать его разъяснения. Их беседа началась в 22.00 с участием Гендерсона и Киркпатрика с английской стороны и Риббентропа и Вейцзекера — с немецкой. Шмидт, как обычно, переводил. Гитлер потребовал вывода чехословацких войск из района, указанного на карте. Вывод должен начаться 26 сентября с тем, чтобы 28-го территория была официально передана Германии. «Но это же ультиматум!» — воскликнул Чемберлен. Он отказался передать такой документ чехам, поскольку его содержание и тон вызовут негодование даже среди нейтралов, и стал отчитывать Гитлера, будто тот был неразумным членом его кабинета.

В разгар спора вошел адъютант фюрера и передал ему записку. Тот взглянул на нее и передал Шмидту для перевода: «Бенеш только что объявил по радио о всеобщей мобилизации чехословацких вооруженных сил». Последовала долгая пауза, потом Гитлер нарушил молчание. «Несмотря на эту неслыханную провокацию,— сказал он еле слышно,— я, конечно, сдержу свое обещание не двинуться на Чехословакию во время переговоров — во всяком случае, до тех пор, герр Чемберлен, пока вы находитесь на немецкой земле». Затем он сделал более грозное заявление: чешская мобилизация внесла полную ясность, вопрос решен. Чемберлен сказал, что мобилизация — просто мера предосторожности, и не обязательно военная. Но фюрер ответил, что для него она служит явным признаком того, что чехи не намерены уступать какую-либо территорию. Чемберлен напомнил, что чехи согласились с самоопределением Судетской области и не нарушат слово. Тогда зачем мобилизация?— настаивал Гитлер. Германия первой провела мобилизацию, заметил премьер-министр. «Вы называете это мобилизацией?»— саркастически спросил Гитлер и заявил, что кризис не может больше продолжаться. Он привел ста-

рую немецкую пословицу: «Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас». Меморандум — его последнее слово, не уступал фюрер. В таком случае, сказал Чемберлен, нет смысла продолжать переговоры. Он уедет домой с тяжелым сердцем, так как видит окончательный крах надежд на мир в Европе. Но его совесть чиста, он сделал все, что мог. К сожалению, его действия не нашли отклика у Гитлера.

Такого поворота Гитлер, естественно, не ожидал и поспешил заверить, что не вторгнется в Чехословакию во время переговоров. После этих слов будто гроза очистила атмосферу, а фюрер продолжал: «Ради вас, герр Чемберлен, я сделаю уступки в сроках. Вы один из немногих, кому я когда-либо делал это. В качестве даты эвакуации я соглашаюсь на 1 октября».

После внесения ряда других незначительных изменений Чемберлен согласился передать меморандум чехам. Встреча закончилась в 1.30 ночи. Фюрер поблагодарил премьер-министра за усилия во имя мира и заверил его, что «чешская проблема — последнее территориальное требование, касающееся Европы».

5

После короткого отдыха Чемберлен вылетел в Англию и созвал весь кабинет. Необходимо, заявил он, оценить мотивы людей, чтобы понять их действия. Герр Гитлер «не обманывает человека, которого он уважает и с которым ведет переговоры». Следовательно, было бы большой трагедией, если бы они «потеряли возможность достижения понимания с Германией по всем разделяющим обе страны вопросам».

Такого противодействия в кабинете еще не было. Военно-морской министр Дафф Купер заявил, что нельзя доверять фюреру, и предложил объявить немедленную всеобщую мобилизацию. Чемберлен призвал коллег отложить решение по этому вопросу до консультаций с французами, которые уже объявили частичную мобилизацию. Когда кабинет собрался через день, возникла новая оппозиция. «Я не могу избавиться от мысли,— признался министр ино-

странных дел Галифакс,— что герр Гитлер не дал нам ничего и что он диктует условия, будто выиграл войну, но без боя». Пока существует нацизм, мир, по его мнению, будет непрочным. Галифакса поддержал лорд Хейлшэм. Стремясь восстановить порядок в глубоко расколотом кабинете, Чемберлен заявил, что речь не должна идти о согласии или несогласии с условиями Гитлера. Принять их или отвергнуть — дело чехов.

Вскоре Чемберлену пришлось вести мучительный разговор с чешским послом Яном Масариком, который прибыл к нему с резким протестом. Правительство Чехословакии, сказал он, потрясено содержанием меморандума Гитлера. Фактически это ультиматум, лишающий Чехословакию любой гарантии национального существования. «Мое правительство считает себя обязанным оказать энергичное сопротивление этим жестоким требованиям, и мы это делаем с Божьей помощью»,— заявил он.

Вечером в Лондон прибыла французская делегация во главе с премьер-министром Даладье. Франция не может признать право Гитлера на захват Судетской области, сказал он, но дал туманный ответ на вопрос Чемберлена: объявит ли Франция войну, если Гитлер просто навяжет Чехословакии границы, основанные на стратегических соображениях? Когда Чемберлен стал настаивать на более конкретном ответе, Даладье сказал, что Франция, возможно, «предпримет наземное наступление».

Встреча премьеров была прервана, чтобы Чемберлен мог проконсультироваться с кабинетом. Он сообщил, что решил направить личное письмо Гитлеру, в котором содержится призыв согласиться на создание совместной комиссии по выработке мер с целью претворения в жизнь предложений, уже принятых чехами. Передать это письмо он поручил своему ближайшему советнику сэру Хорасу Уилсону. «Если письмо не встретит понимания со стороны герра Гитлера,— сказал Чемберлен,— сэр Хорас Уилсон будет уполномочен передать от меня личное послание о том, что Франция пойдет на войну, и если это случится, мы тоже будем вовлечены в нее».

На следующее утро, 26 сентября, Уилсон, разделявший с Гитлером, как он говорил, «любовь к евреям», отправился с письмом в Берлин. Гитлер слушал гостя из Лондона спокойно, но с нетерпением и, когда тот сказал, как потрясена английская общественность годесбергским меморандумом,

вдруг перебил его: «Дальнейший разговор бесполезен!» Англичанин настоял, чтобы Шмидт продолжал перевод письма Чемберлена. После слов: «чехословацкое правительство считает предложение совершенно неприемлемым» — Гитлер вскочил с места и пошел к двери, бормоча, что все эти разговоры бессмысленны, но в последний момент все же одумался и вернулся на место. И когда Шмидт закончил, фюрер разразился такой бранью, какой переводчик не помнил в дипломатических беседах. Гитлер кричал, что с немцами обращаются как с неграми, что 1 октября он получит у чехов все, что хочет, а если Франция и Англия решат ударить — пусть, ему на это наплевать. Наконец он немного успокоился и сказал, что готов вести переговоры с чехами, если последние в течение ближайших двух дней примут годесбергский меморандум. Но при всем этом, добавил фюрер, немецкие войска оккупируют Судетскую область 1 октября.

Не менее разъяренным он был вечером во Дворце спорта. Редко когда Гитлер говорил с таким гневом. Главной мишенью фюрера был Бенеш. «Речь идет не о Чехословакии, речь идет о герре Бенеше! Именно он замыслил уничтожить немецкое меньшинство, именно он продает свою страну большевикам,— кричал фюрер.— Теперь решение в его руках. Мир или война! Либо он примет это предложение и даст наконец немцам свободу, либо мы сами возьмем эту свободу! Вся Германия, ее народ совершенно другие, чем в 1918 году, народ стоит едиными рядами за мной. Мы преисполнены решимости! Пусть герр Бенеш выбирает».

Гитлер сел, и вскочил Геббельс с криком: «Ясно одно: 1918 год никогда не повторится!» Фюрер вскочил снова. Он ударил кулаком по трибуне и прокричал: «Да!» — затем плюхнулся на свое место. По лицу его струился пот.

Эта речь привела в отчаяние людей, надеявшихся на мир. В Лондоне копали окопы у Букингемского дворца, на стенах домов расклеивались указатели подземных убежищ. Из Парижа посол Буллит сообщал в Вашингтон: «Думаю, девяносто пять шансов из ста на то, что в полночь в пятницу начнется война». Президент Рузвельт, получавший от посла в Лондоне Джозефа Кеннеди депеши в духе умиротворения, послал Гитлеру телеграмму (вторую за два дня) с призывом продолжить переговоры.

Чемберлен тоже обратился к Гитлеру, сделав заявление в прессе. Англия, говорил он, гарантирует, что чехи сдержат

свое обещание покинуть Судетскую область, если Германия воздержится от применения силы. Его эмиссар Уилсон на следующее утро снова прибыл в рейхсканцелярию с этим новым предложением, но Гитлер отказался обсуждать его. Чехи должны либо принять германское предложение, либо отвергнуть его. «И если они предпочтут его отвергнуть, я разобью Чехословакию!» Он пригрозил вступить в Судетскую область, если Бенеш не капитулирует к 14.00. Уилсон встал и зачитал короткое послание: «Если Франция в осуществление своих договорных обязательств будет активно вовлечена во враждебные действия против Германии, Соединенное Королевство будет вынуждено поддержать Францию».

Гитлер пришел в ярость: «Если Франция и Англия ударят — пусть. Мне это совершенно безразлично. Я готов к любому исходу. Сегодня вторник, и к следующему понедельнику мы все будем воевать». Уилсон хотел продолжить беседу, но Гитлер знаком остановил его. Тем не менее эмиссар перед уходом на какой-то момент оказался рядом с Гитлером и сказал, что катастрофы следует избежать любой ценой. «Я попытаюсь привести в чувство этих чехов»,— заверил он. «Я приветствую это»,— ответил Гитлер и повторил, что хотел бы быть лучшим другом Англии.

Несмотря на бурное настроение вчерашней толпы во Дворце спорта, американский корреспондент Уильям Ширер, ведущий радиорепортаж с балкона, пометил в своем дневнике, что особого энтузиазма не наблюдалось. «Толпа была добродушной, будто не осознавая, что означают его (Гитлера) слова». Это проявилось и через два дня, когда через Берлин проследовала моторизованная дивизия. Большинство берлинцев спешило в метро, а те немногие, кто остановился посмотреть, не ликовали, а стояли молча. Капитан Видеман, войдя в рейхсканцелярию, заметил: «Это больше похоже на траурный марш — там, на улице». — «Тише,— шепнул один из адъютантов,— он сидит здесь, у окна». Гитлер задумчиво смотрел на проходившую колонну, а затем пробормотал: «С таким народом я еще не могу воевать». Возможно, это побудило его направить Чемберлену примирительное послание.

А в Англии премьер-министр готовился к выступлению по радио с обращением к стране. Усиливалась критика политики умиротворения, и самого Чемберлена тоже обуревали сомнения. Он подошел к микрофону в 20.00. В этот же

час был отдан приказ о мобилизации английского флота. В своем выступлении Чемберлен выразил сожаление, что дело идет к войне «из-за ссоры в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем», и поклялся сделать все, что в его силах, для сохранения мира. Через два часа после получения письма от Гитлера его надежда на мир возросла. Наряду с обычными нападками на чехов фюрер обращался к Чемберлену с призывом приложить все усилия, «чтобы привести Прагу в чувство, хотя упущено много времени». Отчаявшемуся премьер-министру показалось, что пропасть сужается, и он поспешно написал проект ответа, напрашиваясь на очередное приглашение встретиться. «Я убежден,— писал он,— что мы можем в недельный срок достигнуть мирного решения. Я не могу поверить, что вы возьмете на себя ответственность за начало мировой войны, которая может положить конец цивилизации».

Затем Чемберлен составил личное послание Муссолини, сообщив ему о своем последнем обращении к фюреру: «Я верю, ваше превосходительство сообщит германскому канцлеру, что вы не останетесь в стороне и призовете его согласиться с моим предложением, которое удержит все наши народы от войны». И с этой новой надеждой он до поздней ночи работал над речью, с которой должен был выступить утром в парламенте в день, когда истекал срок ультиматума Гитлера.

В средоточии кризиса — Берлине этот ужасный день, среда 28 сентября, начался в лихорадочной атмосфере. Французский посол Франсуа-Понсэ позвонил Вейцзекеру и попросил срочной аудиенции у фюрера, чтобы представить новые предложения. Вейцзекер поехал к Риббентропу. Тот был так раздражен «перспективой проигрыша — на этот раз Парижу», что устроил бурную сцену. По словам Вейцзекера, посол сказал Риббентропу: «Это ужасно — вы хотите начать войну, когда подлинные разногласия между обеими сторонами настолько малы и касаются только методов присоединения Судетской области».— «Оставьте это фюреру!» — крикнул министр, и во взвинченном настроении оба поехали в рейхсканцелярию.

В 10.00, за четыре часа до истечения срока ультиматума, Франсуа-Понсэ позвонил Гендерсону и сказал, что опасается худшего. Его просьба встретиться с фюрером осталась без ответа, вероятно, он сегодня послов не принимает. Гендерсон обещал сделать все, что сможет. Он сразу позвонил

Герингу и сообщил об отказе Гитлера принять Франсуа-Понсэ, имевшего новые предложения, от которых зависит война или мир. Геринг его прервал. В отношении Австрии он был агрессором, а теперь играл роль миротворца. «Вам нет нужды продолжать,— сказал он.— Я сейчас же иду к фюреру».

Никогда еще Шмидт не видел такой лихорадочной деятельности в рейхсканцелярии. «Везде сидели и стояли министры и генералы со своими свитами адъютантов, офицеров и чиновников». Гитлер ходил от группы к группе, пространно излагал свои взгляды, но не принимал ничьих советов. Затем он уединился в зимнем саду. Пришел Геринг с намерением убедить его одуматься. Увидев в приемной бывшего министра иностранных дел Нойрата, Геринг уговорил его пойти с ним. С Гитлером говорил больше Нойрат. «Мой фюрер,— начал он,— вы же не хотите войны».

В приемной прохаживался Риббентроп, надеясь, что его пригласят. Вышел Геринг, решительной походкой приблизился к нему и громко сказал: «Герр фон Риббентроп! Если разразится война, я первым скажу немецкому народу, что до этого довели вы!» В присутствии всех два этих деятеля стали обмениваться угрозами и оскорблениями. Риббентроп даже обвинил оппонента в боязни войны, на что Геринг прокричал, что как только фюрер даст приказ «Марш!», он взлетит на первом самолете при условии, если Риббентроп будет сидеть рядом с ним. «Если бы положение не было таким серьезным,— вспоминал Видеман,— можно было бы посмеяться над двумя оскорбленными «примадоннами», вцепившимися друг в друга, как часто бывает на сцене перед генеральной репетицией».

В начале двенадцатого Риббентропа наконец пригласили в зимний сад для участия в беседе с Франсуа-Понсэ. Размахивая картой, французский посол сказал, что нападение на Чехословакию приведет к распространению войны по всей Европе. «Вы, естественно, уверены в победе в войне так же, как и мы уверены, что сможем вас победить. Но зачем идти на такой риск, когда ваши требования могут быть удовлетворены без войны?» — убеждал он Гитлера.

Очевидно, аргументы Франсуа-Понсэ постепенно склонили чашу весов в пользу мира. Гитлер не вспылил, да и трудно было ему возражать против логики француза. Тут вбежал адъютант и сообщил, что прибыл посол Аттолико со срочным посланием из Рима.

Как только Аттолико увидел фюрера, выходившего из зимнего сада, он бесцеремонно прокричал ему, что у него срочное послание от Муссолини. «Дуче сообщает вам, что фашистская Италия стоит на вашей стороне, что бы вы ни решили». Глубоко вдохнув, он продолжил: «Дуче, однако, считает, что было бы разумным принять английское предложение, и просит вас воздержаться от мобилизации». — «Передайте дуче, что я принимаю его предложение»,— сказал Гитлер и вернулся в зимний сад, где сообщил Франсуа-Понсэ, что Муссолини спрашивает, примет ли он его совет, но умолчал, что уже согласился с ним. Оба продолжали беседу, но Гитлер был рассеян, думая о другом. Очевидно, он размышлял над посланием дуче и вскоре встал, дав понять, что беседа закончена. Франсуа-Понсэ спросил, сообщать ли ему в Париж, что фюрер непреклонен. Тот рассеянно ответил, что даст ответ после обеда.

Приемная гудела, как улей. Гендерсон в толпе столкнулся с одним немецким другом, который шепнул ему: «Дела улучшаются, но стойте на своем». В комнате для совещаний Гитлер терпеливо слушал Шмидта, переводившего предложение Чемберлена немедленно приехать в Берлин на совещание, а потом сказал, что сначала ему надо связаться с Муссолини.

Дуче поддержал эту идею. Он предложил встретиться в Мюнхене. Гитлер согласился и приказал немедленно направить приглашения Даладье и Чемберлену. Премьер-министру Англии оно поступило в момент, когда тот выступал в палате общин. Он только что объявил, что Гитлер принял предложение Муссолини отложить мобилизацию. Послышались голоса одобрения, и в этот момент министр финансов передал премьеру записку. Запинаясь, тот заявил: «Но это еще не все. Хочу сообщить палате еще одну новость. Герр Гитлер только что сообщил мне, что завтра утром приглашает меня встретиться с ним в Мюнхене. Он также пригласил синьора Муссолини и месье Даладье». Кто-то из депутатов крикнул: «Слава Богу за премьер-министра!» — и последовала демонстрация истерического ликования. Сдержанная королева Мария заплакала, прослезились герцогиня Кентская и миссис Чемберлен. Один из немногих, кто не испытывал радости, был Уинстон Черчилль. «А как насчет Чехословакии? — горько спросил он.— Неужели никто не считает нужным поинтересоваться ее мнением?»

А в это время на улицах Парижа, Лондона и Нью-Йорка

ликующие толпы людей читали экстренные выпуски газет, объявивших об окончании кризиса. Из Вашингтона президент Рузвельт послал Чемберлену телеграмму из двух слов: «Хороший человек». От другого президента — Бенеша премьер-министр получил пространную телеграмму, больше похожую на мольбу: «Я очень серьезно прошу господина Чемберлена о помощи, потому что мы действительно желаем внести вклад в дело мира. Поэтому я прошу ничего не делать в Мюнхене, не выслушав Чехословакию».

Хотя большинство немцев тоже испытали облегчение, антигитлеровские заговорщики пришли в ужас. Провалился план захватить Гитлера силой и установить военный режим. Когда Гальдер услышал о мюнхенской встрече, он пришел к выводу, что «при таких обстоятельствах невозможно запустить механизм путча».

В 18.00 под ликующие крики толпы роскошный поезд Муссолини выехал из Рима. Дуче был в приподнятом настроении: его не только славили во всех странах как спасителя мира, но ему удалось добиться и благодарности Гитлера за поддержку на протяжении всего кризиса. Муссолини также считал, что одержал дипломатическую победу над англичанами, которых он добродушно высмеивал на обеде с Чиано. «В стране, где чтут животных вплоть до того, что делают для них кладбища, больницы и дома, а имущество завещают попугаям, можете быть уверены, начался упадок. К тому же четыре миллиона лишних, сексуально неудовлетворенных женщин искусственно создают массу проблем для возбуждения или удовлетворения своих чувств. Не имея возможности обнять одного мужчину, они обнимают все человечество».

6

Рано утром 29 сентября на полпути к Мюнхену фюрер встретился с Муссолини. Помимо демонстрации уважения к союзнику, это дало Гитлеру возможность ввести дуче в курс последних событий. Когда оба диктатора в поезде Гитлера тронулись в путь, фюрер сообщил, что с завершением операции «Западный вал» он не боится нападения с Запада.

Если Англия и Франция совершат такую глупость и нападут, война закончится еще до того, как противник закончит мобилизацию. «Мне нет нужды объявлять мобилизацию,— признался Гитлер.— Германский вермахт готов и просит лишь позволить ему реализовать мои цели».

Два других участника предстоящих переговоров отправились в Мюнхен самолетами. Чемберлен перед отлетом сказал журналистам: «Когда я был ребенком, я часто повторял: «Если у тебя не ладится дело, пробуй снова и снова». И я это делаю сейчас». Под крики «Да здравствует Даладье!» и «Да здравствует мир!» французский премьер поднялся в самолет в аэропорту Бурже. В 11.15 он приземлился в мюнхенском аэропорту. Он был удивлен, что немцы встречают его с энтузиазмом, как героя.

Чемберлен приземлился почти в полдень и под приветственные возгласы толпы поехал в отель. Но пробыл он там недолго, его повезли в недавно построенный «Фюрерский дом», где должно было состояться совещание.

Чемберлен и двое его сопровождающих прибыли первыми. Затем приехал Муссолини, выпятив грудь, веселый и с таким видом, будто он здесь хозяин. Последним появился Гитлер с серьезным выражением лица. Участники и их помощники вежливо, но холодно пожимали друг другу руки. Гитлер старался быть любезным, но был явно недоволен: большинство присутствующих не говорили по-немецки, и он не мог свободно общаться с ними. Наконец вслед за Гитлером все направились в зал заседаний. Это было впечатляющее помещение с обитыми кожей стенами, картинами и большим мраморным камином, над которым висел портрет Бисмарка.

Подготовленная в спешке и плохо организованная конференция началась с неразберихи и проходила беспорядочно. Не было ни председателя, ни повестки дня, и встреча глав правительств превратилась в серию монологов. Гитлер был настолько раздражен длинной тирадой Чемберлена о необходимости выплаты компенсации чехам за собственность в Судетской области, что закричал: «Наше время слишком ценное, чтобы тратить его на такие мелочи!»

Муссолини привнес некоторый порядок, представив на рассмотрение предложения по судетскому вопросу, которые он выдал за свои, но на самом деле составленные немцами. Было уже 15.00, и объявили обеденный перерыв. Затем ход конференции стал еще более неорганизованным.

Часто одновременно говорили трое или четверо, и это затрудняло работу переводчика. Он был вынужден попросить говорить по одному. Работа усложнялась приходом других лиц — Геринга, Франсуа-Понсэ, Гендерсона, Аттолико, Вейцзекера, советников, секретарей и адъютантов, окружавших свое начальство.

Дуче взял на себя руководство работой конференции. Трое других участников выступали лишь на своем родном языке, а он знал все четыре. Хотя владел он ими далеко не свободно, он был генеральным переводчиком, властным, но любезным дирижером недисциплинированного хора. Он задавал Гитлеру вопрос по-немецки и затем излагал суть его ответа по-французски и по-английски. «Это был мой большой день,— говорил он позднее капитану СС Ойгену Дольману, которого взял в переводчики.— Все смотрели на меня, а не на Даладье или Чемберлена. Это было событие, достойное Цезаря».

Когда наступил вечер, атмосфера в зале стала более напряженной. Наконец англичане представили свое предложение, в целом приемлемое, за исключением плебисцита и международных гарантий новых границ Чехословакии. В разгар жаркой дискуссии Дольмана вызвали из зала: его хотела видеть таинственная женщина в вуали. Оказалось, что это жена посла Аттолико, которая потребовала «немедленно» попросить герра Гитлера сообщить, как идет конференция. Она пояснила, что обещала поставить святой мадонне свечу, если конференция идет хорошо и мир будет сохранен, а ее поезд отходит через полчаса. Дольман ответил, что не может беспокоить фюрера, но спросит дуче или Чиано. Те отказались отвечать. Тогда она попросила обратиться к Гиммлеру. Дольман нашел рейхсфюрера СС и изложил ему просьбу женщины. Гиммлер вначале удивился, потом рассмеялся и уполномочил адъютанта передать, что мир сохранен.

Казалось, соглашение было обеспечено, но спорные вопросы все еще оставались. Было уже 20.00, и фюрер явно нервничал. Он заказал большой банкет в честь окончания конференции, и блюда уже остывали. Поэтому было предложено сделать перерыв на обед и возобновить после него дискуссию. Англичане и французы отказались: им надо созвониться со своими правительствами. Шмидт считал, что они просто не хотели идти на банкет, поскольку престиж Англии и Франции пострадал, несмотря на то, что мир был

обеспечен. Они поехали в свои отели, где и пообедали. Тем временем немцы и итальянцы отпраздновали победу шампанским и деликатесами.

В начале одиннадцатого все снова собрались. За полночь, после дебатов и внесения изменений и дополнений, соглашение было наконец достигнуто. «На самом деле соглашение было предрешено,— говорил позднее Геринг американскому психологу.— Ни Чемберлен, ни Даладье не стремились жертвовать или рисковать чем-нибудь для спасения Чехословакии. Для меня это было ясно как божий день. Судьба Чехословакии была проштампована за три часа. Часами они спорили из-за слова «гарантии». Чемберлен изворачивался, Даладье вообще почти не слушал. Он сидел просто так. (Геринг показал, как он сидел, развалившись в кресле, со скучающим выражением лица.) Иногда он просто кивал в знак одобрения и не высказывал ни малейших возражений. Я был просто удивлен, как легко все это было устроено Гитлером. В конце концов, они знали, что предприятия «Шкода» и оружейные заводы находятся в Судетской области, и Чехословакия будет валяться у нас в ногах. Когда фюрер предложил вернуть в Судетскую область часть вооружений, вывезенных из нее, я думал, произойдет взрыв. Нет, не было и писка. Мы получили все, что хотели».

В 1.30 ночи согласованный документ был торжественно положен на стол рядом с большой чернильницей. Он предусматривал эвакуацию Судетской области в четыре этапа, начиная с 1 октября. Международная комиссия должна была решить, в каких районах проводить плебисцит, и окончательно определить границы.

Гитлер не скрывал своего удовлетворения. Он должен был подписать соглашение первым, но чернильница оказалась без чернил, и принесли другую. Расписавшись, фюрер отошел от стола с сияющими глазами.

Некоторое время спустя после подписания документа Чемберлен и Даладье покинули зал. Им предстояла неприятная обязанность сообщить об итогах двум чешским представителям, с нетерпением ожидавшим решения о судьбе своей страны. Их привели в номер Чемберлена в отеле около 2.15. Атмосфера была тяжелой. Чемберлен произнес длинную вступительную речь, потом, как и Даладье, вручил им экземпляр соглашения и начал зевать. Один чех был в слезах. «Поверьте мне,— утешал его Франсуа-Понсэ,— это не конец. Это лишь момент в истории, которая только нача-

лась и которая скоро поставит все на свои места».

Даладье проснулся под ликующие крики толпы, собравшейся около отеля. Люди пели песни и вызывали французского премьера, пока тот не вышел на балкон.

Утром, когда Чемберлен ехал в открытой машине на последнюю неофициальную встречу с Гитлером, мюнхенцы устроили ему овацию. Премьер-министр прибыл с важной личной миссией. Он составил короткое заявление, которое шло дальше принятых в «Фюрерском доме» документов и выражало решимость никогда не вести войну друг против друга.

Когда Гитлер выслушал перевод меморандума, он воскликнул: «Да! Да!» — и оба без шума поставили свои подписи. Чемберлен передал ему один экземпляр, а второй оставил себе. Он был убежден, что Гитлеру это заявление очень понравилось. Но у Шмидта сложилось впечатление, что фюрер пошел на этот шаг без особого желания, лишь для того, чтобы доставить удовольствие Чемберлену. И вообще в своих высказываниях он противоречил самому себе. В разговоре с одним из своих приближенных Гитлер ликовал, что этот старик приехал лишь для того, чтобы встретиться с ним. «А я ему показал нос. Больше он ко мне не приедет». Однако в разговоре с армейским адъютантом майором Герхардом Энгелем фюрер сказал, что «ему нравится этот старый джентльмен и он хочет продолжения встреч с ним». Гитлер заверил Энгеля, что «не думает идти на потенциально опасные шаги. Сначала надо переварить добычу. Решение польского вопроса не убежит».

В 17.38 самолет Чемберлена приземлился в аэропорту Хестон. Сияющий премьер появился в проеме открытой двери и помахал документом, который подписали они с Гитлером. «Я добился своего!» — крикнул он Галифаксу. По дороге из аэропорта в королевский дворец толпы людей приветствовали его, как героя. Как писал Чемберлен в частном письме, вдоль улиц «стояли из конца в конец тысячи людей, они кричали до хрипоты, подбегали к машине, стучали по стеклам, протягивали руки». Казалось, вся Англия хотела его поздравить и поблагодарить. Как сообщала лондонская «Таймс», «ни одного победителя, возвращающегося с поля битвы, не увенчали такими благородными лаврами». Толпы собрались у резиденции премьера на Даунинг-стрит и отказывались разойтись, пока он не подошел к окну. Ликование усилилось. Сияющий Чемберлен, стоя у ок-

на, заявил, что «принес из Германии мир с честью».

Затяжной кризис наконец кончился, но не было ликования в Праге, когда новый премьер-министр генерал Ян Сыровы объявил по радио, что его правительство было вынуждено принять мюнхенский диктат, так как они остались одни. Это был выбор, сказал он, «между уменьшением нашей территории и гибелью нации».

7

Муссолини тоже встречали восторженно. Это был его самый большой успех за все двадцать лет диктатуры. На каждой станции поезд ждали толпы людей, многие вставали на колени. Когда он ехал по Риму в открытой машине, его принимали, как Цезаря. Он проезжал под триумфальной аркой, сплетенной из оливковых ветвей, а толпы скандировали: «Ду-че! Ду-че!»

Однако самым почитаемым миротворцем теперь был Чемберлен. Его худощавая фигура и орлиный нос стали символом мира. Бывший кайзер написал королеве Марии, что, «предотвратив самую ужасную катастрофу», премьер-министр «был вдохновлен и руководим Богом». Большинство немцев разделяли это чувство и проснулись 1 октября с молитвой, чтобы ни один инцидент не омрачил вступление их войск в Судетскую область. На рассвете к чешской границе прибыл поезд фюрера, и первый нацистский генерал Райхенау витиевато доложил: «Мой фюрер, сегодня армия приносит величайшую жертву, на которую могут пойти солдаты перед своим командующим,— они вступают на вражескую территорию без единого выстрела». Ему вторил другой генерал: «Да, мой фюрер, я утром был со своим полком. Люди плакали, потому что им запретили атаковать чешские бункеры».

В загородной резиденции Чемберлена в Чекерсе напряжение последних часов стало сказываться на премьер-министре. «Я был на грани нервного истощения,— признавался он в частном письме,— но сумел взять себя в руки, ибо предстояло новое испытание в палате». Заседание парламента состоялось в понедельник 3 октября. К этому време-

ни эйфория спала, облегчение по поводу избавления от войны у многих сменилось чувством унижения. Прения по Мюнхену открыл Дафф Купер, объявивший о своей отставке. После вторжения в Чехословакию последует война в Европе, предсказал он. «Премьер-министр предпочел разговаривать с герром Гитлером языком увещеваний,— произнес Купер.— Я считаю, что он лучше понимает язык кулака».

Усталый и раздраженный Чемберлен возразил, что подписанное соглашение с Гитлером имеет большое значение. Обе страны проявили искренность и добрую волю, и для Гитлера будет крайне трудно отойти от торжественных заявлений. Премьеру аплодировали, но без особого энтузиазма. Прения продолжались три дня. Красноречиво осудил соглашение Черчилль. «Все кончено,— сказал он.— Молчаливая, пребывающая в трауре, заброшенная, сломленная Чехословакия отходит во тьму». Он не упрекает лояльный, смелый народ Англии за этот естественный и стихийный взрыв радости и облегчения по поводу пакта. «Но англичане должны знать правду. Они должны знать о грубых просчетах и недостатках в нашей обороне. Они должны знать, что мы потерпели сокрушительное поражение без войны, последствия которого еще долго будут напоминать о себе. И не думайте, что это конец. Это только начало расплаты».

Чемберлен и его коллеги-умиротворители стремились к новому урегулированию в Восточной Европе, приемлемому для Гитлера. Но теперь стало ясно, что программа фюрера шла дальше, и дальнейшее согласие было невозможно. Чемберлен и его зонтик уже стали символом малодушия, и он настолько забеспокоился, что попросил помощи у Гитлера, направив ему секретное послание, в котором попросил включить в запланированную на этот вечер во Дворце спорта речь фюрера упоминание о «поддержке английского премьер-министра». Гитлер сделал встречный шаг, резко обрушившись на оппонентов Чемберлена в палате общин. Но поддержка и утешение из такого сомнительного источника значили немного. На следующий день, 6 октября, палата поспешно одобрила политику Чемберлена, которая позволила «предотвратить войну в недавнем кризисе». За это предложение было подано 366 голосов, против — 144, 35 депутатов-консерваторов воздержались, в том числе Купер, Иден и Черчилль.

Каждое слово осуждения по адресу Чемберлена воспринималось Гитлером как личное оскорбление. Он вышел из

«Фюрерского дома» убежденный в том, что чешская проблема решена раз и навсегда. Хор осуждения в Англии изменил все это. Ходили разговоры о том, что Риббентроп и Гиммлер воспользовались недовольством Гитлера и начали убеждать его, что Германия не полностью использовала в Мюнхене страх западных демократий перед войной и что Англия вела переговоры, чтобы выиграть время, вооружиться и потом ударить.

Зная об этом недовольстве, Франсуа-Понсэ старался успокоить Гитлера и предложил подписать соглашение с Францией, аналогичное английскому. Но Гитлер, очевидно, пришел к выводу, что коварный Альбион его обманул. 9 октября он выразил эти чувства в Саарбрюккене, где подверг резким нападкам противников Чемберлена — Черчилля, Идена и Купера.

Последствия этой жесткой речи сказались через три дня, когда международная комиссия по выполнению Мюнхенского соглашения единогласно проголосовала за то, чтобы не проводить плебисцитов. Ее члены склонились перед требованиями Германии, чтобы при определении районов, отходящих к рейху, использовались результаты переписи населения 1910 года. Становилось все более ясным, что Чехословакию лишат последней линии оборонительных укреплений.

В середине октября Франсуа-Понсэ предпринял последнюю попытку образумить Гитлера. Его переводили в Рим, и он наносил прощальный визит фюреру, которому всегда нравился. Гитлер выразил французскому послу признательность за семилетнюю службу в Берлине, пригласив его в свой высокогорный «Чайный дом». Франсуа-Понсэ повезли по извилистой асфальтированной дороге, при прокладке которой взрывали одну сторону горы, вверх до подземного перехода. Лифт, обшитый медными пластинами, поднял его на высоту примерно 120 метров, и гость оказался в галерее с римскими колоннами. Впереди находился громадный круглый зал со стеклянными стенами. В огромном камине горели большие поленья. Со всех сторон открывалась такая широкая панорама гор, что у француза появилось ощущение, будто он висит в воздухе. В осенних сумерках все это выглядело грандиозно, почти сверхъестественно (архитектурное чудо, построенное под руководством неутомимого Бормана, обошлось в тридцать миллионов марок).

В этой фантастической атмосфере посол и фюрер вели

свою последнюю беседу. Бледный и осунувшийся Гитлер выразил разочарование последствиями Мюнхенского соглашения. Кризис далеко не окончен, он даже может углубиться, если ситуация не улучшится. В Англии, сетовал он, «все громче звучат угрозы и призывы к оружию».

Посол сказал, что такая реакция неизбежна после чрезмерной радости по поводу сохранения мира. Кроме того, резкая речь самого Гитлера в Саарбрюккене создала впечатление, что жертвоприношение Чехословакии лишь усилило аппетит Германии и тем самым укрепило позиции противников Мюнхенского пакта. Гитлер запротестовал. Во всем виноваты англичане. Против Франции он ничего не имел. Потом он начал защищать свои действия по отношению к чехам. Франсуа-Понсэ перебил его, заметив, что не следует копаться в прошлом. Надо думать о будущем. Демократии и тоталитарные государства теперь должны показать, что могут жить друг с другом в мире «и постепенно вести Европу к более нормальным и прочным отношениям». Гитлер ответил, что готов к этому.

Когда они спускались с горы, Франсуа-Понсэ думал о беседе. «Я знаю, Гитлер переменчив, лицемерен, полон противоречий, ненадежен,— писал он в Париж.— И этот человек с добродушной внешностью, с подлинной любовью к красотам природы, который обсуждал за чаем разумные пути европейского урегулирования, одновременно способен на дикие припадки гнева, самое грубое хвастовство и самые фантастические амбиции. Бывают дни, когда он стоит перед глобусом и свергает нации, континенты, географию и историю, как демиург, сошедший с ума. А бывают моменты, когда он мечтает стать героем прочного мира, в котором посвятит себя сооружению самых величественных памятников».

Эти явные противоречия в фюрере побуждали многих сделать вывод, что он просто сумасшедший. Одним из таких был Зигмунд Фрейд, обосновавшийся в Англии. «Нельзя предсказать, что может наделать сумасшедший,— сказал отец психоанализа одному из своих американских почитателей.— Он же австриец и многие годы жил в большой бедности. Когда Гитлер пришел к власти, это ударило ему в голову».

Бывший ученик Фрейда Карл Густав Юнг имел совершенно другую теорию, которую изложил в октябре 1938 года американскому журналисту Никербокеру, только что

вернувшемуся из Праги. «Гитлер принадлежит к категории поистине мистических людей,— говорил Юнг, который беседовал о фюрере с Эрнстом Ханфштенглем сразу после его бегства из Германии.— Физически фюрер не очень силен. Отличительной чертой его облика является мечтательный взгляд. Я был особенно поражен его снимками во время чехословацкого кризиса: у него взгляд провидца». Это побудило Никербокера задать вопрос, почему Гитлер заставил почти всех немцев склониться перед ним, в то время как на иностранцев он не производит впечатления. «Он был первым, кто сказал немцам то, о чем они все время думали и что чувствовали в своем подсознании, — о судьбе нации, особенно после поражения в мировой войне,— ответил Юнг.— Характерная черта каждой немецкой души — это типично немецкий комплекс неполноценности, комплекс младшего брата, человека, который всегда немного опаздывает на пир. Сила Гитлера не политическая, а магическая. Его секрет состоит в том, что он позволил себе руководствоваться подсознательным. Он человек, который внимательно вслушивается в шепот таинственного голоса и потом действует в соответствии с его указаниями. У нас даже тогда, когда наше подсознательное доходит к нам через сны, слишком много рационализма, и мы не прислушиваемся к подсознательному, а Гитлер прислушивается и слышит. Подлинный лидер — всегда ведомый. Гитлер поет чисто тевтонскую песню, которая отвечает настроениям немцев, и они выбрали его своим представителем. Он демагог, апеллирующий к примитивному, ведущему начало еще с племенного прошлого».

Юнг предсказал, что Англия и Франция не будут соблюдать гарантий, данных чехам. «Ни одна нация не держит слово. Нация — это большой слепой червь, идущий за чем? Возможно, за судьбой. У нации нет чести. Поэтому как можно ожидать, что Гитлер сдержит свое слово? Гитлер — это нация».

Конец первой книги

ББК 84. 7 США
Т 52

Серия «История в лицах»
(Диктаторы)
Основана в 1993 году

Печатается по изданию:
John Toland «Adolf Hitler»
Ballantine Books, New York, 1977
Перевод с английского
Художник А. Шуплецов

Джон Толанд

Адольф Гитлер

Т 52 Толанд Дж. Адольф Гитлер. Кн.1. — Пер. с англ. О. Тихонова.— М.: «Интердайджест», 1993.— 368 с. (Сер. «История в лицах» (Диктаторы)

ISBN 5-86595-080-0

Книга, которую американская пресса представила читателю как «самое подробное жизнеописание Чингисхана XX века», наряду с архивными материалами, расширяющими наше представление об одной из наиболее зловещих фигур в истории человечества, содержит малоизвестные сведения о Гитлере, добытые автором в личных беседах с приближенными нацистского диктатора.

Двухтомное исследование известного американского историка и публициста, лауреата престижной Пулитцеровской премии Джона Толанда открывает новую издательскую серию «История в лицах», где будут представлены персонажи многовековой драмы, которую ставит на подмостках человеческой истории сама жизнь.

Т $\frac{4703040100-041}{}$ ББК 84. 7 США

ISBN 5-86595-080-0
ISBN 5-86595-081-9